

№ 6 (120) ▪ 2022

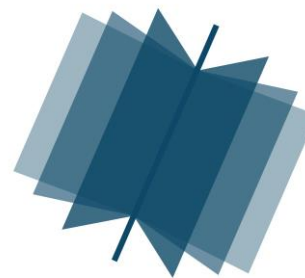
Часть 3 ▪ Июнь

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

ISSN 2227-6017 ONLINE

Екатеринбург
2022

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: Соколова М.В.
Главный редактор: Меньшаков А.И.
Адрес издателя и редакции: 620137, г. Екатеринбург, ул.
Академическая, д. 11, корп. А, оф. 4.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org
16+

**№ 6 (120) 2022
Часть 3
Июнь**

Дата выхода 17.06.2022
Цена: бесплатно.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких-либо ограничений. Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Актуальная информация об индексации журнала в библиографических базах данных <https://research-journal.org/indexing/>.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: ЭЛ № ФС 77 – 80772.

Члены редколлегии:

Филологические науки:

Растягаев А.В. д-р филол. наук, Московский Городской Университет (Москва, Россия);
Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Московский Городской Университет (Москва, Россия);
Штрекер Н.Ю. к. филол. н., Калужский Государственный Университет имени К.Э. Циолковского (Калуга, Россия);
Вербицкая О.М. к. филол. н., Иркутский Государственный Университет (Иркутск, Россия).

Технические науки:

Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева (Нижний Новгород, Россия);
Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет (Нижний Новгород, Россия);
Герасимова Л.Г. д-р техн. наук, Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья им. И.В. Тананаева (Апатиты, Россия);
Курасов В.С. д-р техн. наук, проф., Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия);
Оськин С.В. д-р техн. наук, проф. Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия).

Педагогические науки:

Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия);
Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);
Лукьянова М.И. д-р пед. наук, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова (Ульяновск, Россия);
Ходакова Н.П. д-р пед. наук, проф., Московский городской педагогический университет (Москва, Россия).

Психологические науки:

Розенова М.И. д-р психол. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия);
Ивков Н.Н. д-р психол. наук, Российская академия образования (Москва, Россия);
Каменская В.Г. д-р психол. наук, к. биол. наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

Физико-математические науки:

Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия);
Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Государственный Научный Центр ЦНИИЧермет им. И.П. Бардина (Москва, Россия);
Свиштунов Ю.А. д-р физ.-мат. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Географические науки:

Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к. техн. наук проф., Военный авиационный инженерный университет (Воронеж, Россия);
Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия);
Огуреева Г.Н. д-р геогр. наук, проф., МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Биологические науки:

Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия);
Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского (Саратов, Россия);
Еськов Е.К. д-р биол. наук, проф., Российский государственный аграрный заочный университет (Балашиха, Россия);
Ларионов М.В., д-р биол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева (Москва, Россия).

Архитектура:

Янковская Ю.С. д-р архитектуры, проф., Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Ветеринарные науки:

Алиев А.С. д-р ветеринар. наук, проф., Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины (Санкт-Петербург, Россия);
Татарникова Н.А. д-р ветеринар. наук, проф., Пермская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д.Н. Прянишникова (Пермь, Россия).

Медицинские науки:

Никольский В.И. д-р мед. наук, проф., Пензенский государственный университет (Пенза, Россия);
Ураков А.Л. д-р мед. наук, Ижевская Государственная Медицинская Академия (Ижевск, Россия).

Исторические науки:

Меерович М.Г. д-р ист. наук, к. архитектуры, проф., Иркутский национальный исследовательский технический университет (Иркутск, Россия);
Бакулин В.И. д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет (Киров, Россия);
Бердинских В.А. д-р ист. наук, Вятский государственный гуманитарный университет (Киров, Россия);
Лёвочкина Н.А. к. ист. наук, к. экон. наук, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия);
Блейх Н.О. д-р ист. наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Россия).

Культурология:

Куценков П.А. д-р культурологии, к. искусствоведения, Институт востоковедения РАН (Москва, Россия).

Искусствоведение:

Куценков П.А. д-р культурологии, к. искусствоведения, Институт востоковедения РАН (Москва, Россия).

Философские науки:

Петров М.А. д-р филос. наук, Института философии РАН (Москва, Россия);
Бессонов А.В. д-р филос. наук, проф., Институт философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия);
Цыганков П.А. д-р филос. наук., МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия);
Лойко О.Т. д-р филос. наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия).

Юридические науки:

Костенко Р.В. д-р юрид. наук, проф., Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия);
Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Северо-Кавказский федеральный университет в г. Пятигорске (Пятигорск, Россия);
Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Всероссийская академия внешней торговли (Москва, Россия);
Ерғашев Е.Р. д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия).

Сельскохозяйственные науки:

Важов В.М. д-р с.-х. наук, проф., Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина (Бийск, Россия);
Раков А.Ю. д-р с.-х. наук, Северо-Кавказский федеральный научный аграрный центр (Михайловск, Россия);
Комлацкий В.И. д-р с.-х. наук, проф., Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия);
Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Белгородский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (Белгород, Россия);
Наумкин В.П. д-р с.-х. наук, проф., Орловский государственный аграрный университет.

Социологические науки:

Замараева З.П. д-р социол. наук, проф., Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия);
Солодова Г.С. д-р социол. наук, проф., Институт философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия);
Кораблева Г.Б. д-р социол. наук, Уральский Федеральный Университет (Екатеринбург, Россия).

Химические науки:

Абдиев К.Ж. д-р хим. наук, проф., Казахстанско-Британский технический университет (Алма-Аты, Казахстан);
Мельдешов А. д-р хим. наук, Казахстанско-Британский технический университет (Алма-Аты, Казахстан);
Скачилова С.Я. д-р хим. наук, Всероссийский Научный Центр По Безопасности Биологически Активных Веществ (Купавна Старая, Россия).

Науки о Земле:

Горяинов П.М. д-р геол.-минерал. наук, проф., Геологический институт Кольского научного центра Российской академии наук (Апатиты, Россия).

Экономические науки:

Лёвочкина Н.А. д-р экон. наук, к. ист. н., ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия);
Ламоттке М.Н. к. экон. н., Нижегородский институт управления (Нижний Новгород, Россия);
Акбулаев Н. к. экон. н., Азербайджанский государственный экономический университет (Баку, Азербайджан);
Кулиев О. к. экон. н., Азербайджанский государственный экономический университет (Баку, Азербайджан).

Политические науки:

Завершинский К.Ф. д-р полит. наук, проф. Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Фармацевтические науки:

Тринеева О.В. к. фарм. н., Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия);
Кайшева Н.Ш. д-р фарм. наук, Волгоградский государственный медицинский университет (Волгоград, Россия);
Ерофеева Л.Н. д-р фарм. наук, проф., Курский государственный медицинский университет (Курск, Россия);
Папанов С.И. д-р фарм. наук, Медицинский университет (Пловдив, Болгария);
Петкова Е.Г. д-р фарм. наук, Медицинский университет (Пловдив, Болгария);
Скачилова С.Я. д-р хим. наук, Всероссийский Научный Центр По Безопасности Биологически Активных Веществ (Купавна Старая, Россия);
Ураков А.Л., д-р мед. наук, Государственная Медицинская Академия (Ижевск, Россия).

ОГЛАВЛЕНИЕ

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE

- Мустафина Л.Р.
АРХИТЕКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛАНДШАФТНОЙ ТЕРАПИИ МЕДИКО-РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ.....6
- Дадамухамедова М.С., Сидикова Т.Д.
ЛАНДШАФТНЫЙ ДИЗАЙН ПОРТАЛОВ ТОННЕЛЕЙ АВТОМАГИСТРАЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА.....12

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

- Магомедов А.Дж., Юсупов Х.А.
СТРУКТУРА РЕМЕСЛЕННЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ТРАДИЦИОННЫХ ПРОМЫСЛОВ ДАГЕСТАНА
КОНЦА XIX – НАЧ. XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ КУБАЧИ, ХАРБУК, АМУЗГИ)16

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

- Эмалл Н.А., Юсуфзай Н.
ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ О СВЕКРОВИ И НЕВЕСТКЕ НА РУССКОМ И ПУШТУ ЯЗЫКАХ.....21
- Афанасьева Н.А., Ван Ц.
ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВОТВОРЧЕСТВА РУССКОЙ ПОЭЗИИ НАЧ. XX В. НА МАТЕРИАЛЕ
СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.....25
- Варфаламеева Т.В.
«УЧЕНИК ГОГОЛЯ»: ДАНЬ ПАМЯТИ И ТРАДИЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ
ТЕКСТАХ И.Л. ЩЕГЛОВА-ЛЕОНТЬЕВА29
- Vechkanova E.Yu.
MODERN TRANSFORMATIONS IN THE MULTICULTURAL SPACE: THE FORMATION OF GERMANIC
LANGUAGES' NEW VARIANTS33
- Габдуллина В.Р., Поснова Е.Н.
ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В БАГСУ36
- Глазунов М.В.
ИЗУЧЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЁННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК
ИНОСТРАННОМУ39
- Иванова И.Б.
О НЕКОТОРЫХ ИМЕННЫХ СРЕДСТВАХ ВЕРБАЛИЗАЦИИ МИКРОПОЛЯ «ВОЗРАСТ ЧЕЛОВЕКА» В
ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ.....44
- Лысакова И.П., Комцян К.Б.
ИЗ ИСТОРИИ КАТЕГОРИИ ДИМИНУТИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ47
- Mashakova A.K.
EPIC NOVEL «THE PATH OF ABAI» BY MUKHTAR AUEZOV AND EUROPEAN LITERATURE IN THE
CONTEXT OF COMPARATIVE LITERARY STUDIES.....52
- Машукова Д.А.
РАССКАЗ-АНЕКДОТ В ЭМИГРАНТСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА С. ЧЕРНОГО55
- Мельникова И.М.
ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК ОСКАРА ЛЁРКЕ
(«BLAUER ABEND IN BERLIN»)58
- Мехтиев В.Г., Лоншакова В.М.
АВТОР И ГЕРОЙ В РАССКАЗЕ «КРОТКАЯ».....63
- Никитина Г.А., Рыжова В.В.
ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗЕНТАЦИОННОГО ДИСКУРСА УЧИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В
РУССКОЯЗЫЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ *ВКОНТАКТЕ*)68
- Павленко А.Е., Павленко Г.В.
ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРИФРАСТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ «DO + ИНФИНИТИВ» КАК
СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ «ПРИВЫЧНОГО ВИДА» В ДИАЛЕКТАХ ЮГО-ЗАПАДНОЙ АНГЛИИ.....76
- Павлова О.К., Никонова С.Р.
ЯКУТСКАЯ ПОЛЕВАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА: ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ А.А. САВВИНА82
- Петрова Е.Е., Петрова В.М.
СЕМИОТИЧЕСКИ ОСЛОЖНЕННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА (НА
ПРИМЕРЕ РОМАНА «FLOWERS FOR ALGERNON» BY DANIEL KEYES)85

Семенова Т.В. ВЛИЯНИЕ ПСИХОТИПИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИНДИВИДА НА ЕГО ЯЗЫКОВУЮ РЕПРЕЗЕНТАЦИЮ	89
Тiаркова N.A. SPECIFIC SKAZ FEATURES IN THE MIKHAIL TCHERNOKOV'S NOVEL «THE LIFE OF VASKA ZMIEV» ..	93
Хефни Х.А.Х. РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ ЗООНИМАМИ «КОЗЁЛ И КОРОВА», ОТРАЖАЮЩИЕ ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА (НА ФОНЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА).....	97
Летучая Е.А. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ИХ ИЗМЕНЕНИЯ В ГРАММАТИЧЕСКОМ СТРОЕ РЕЧИ.....	100

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Жижилева Л. МОДЕЛИ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И СОЦИАЛИЗАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ	104
Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ БЫТИЯ ИНДИВИДА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ	108

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

Канокова Ф.Ю., Кабардова А., Мурзаканова Р.М. АДЫГСКИЙ КНЯЖЕСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР И КОТУРНЫ ИЗ ГАРДЕРОБА ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ	112
Канокова Ф.Ю., Кабардова А., Мурзаканова Р.М. КОТУРНЫ КАК АТРИБУТ АДЫГСКОГО ЖЕНСКОГО КНЯЖЕСКОГО КОСТЮМА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.....	117
Дроздова М.А. ЭВОЛЮЦИЯ ПОРТРЕТНЫХ ОБРАЗОВ К.Ф. ЮОНА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ИСКУССТВА I ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА.....	129

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

Гаджалова Ф.А. ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И БРЕНДИНГ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ДАГЕСТАНА XX В.....	133
Кадымова Р.Р. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ РОЛИ ЖЕНЩИНЫ-МУСУЛЬМАНКИ В СЕМЕЙНОМ СОЮЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ТРУДА Р.ФАХРЕДДИНА «СЕМЬЯ»)	137
Хаяров Д.Г., Сычева Т.Ю., Сычев К.Д. МОРСКАЯ ВОЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф.Ф.УШАКОВА В 1784-1792 ГОДАХ	141

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.063>

АРХИТЕКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛАНДШАФТНОЙ ТЕРАПИИ МЕДИКО-РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ

Научная статья

Мустафина Л.Р.*

Государственный Университет по землеустройству, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (lenara2798[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматривается архитектурная организация учреждений медицинской реабилитации с учетом требований ландшафтной терапии. Освещаются формы реабилитации в стационарных, санаторно-курортных учреждениях, а также амбулаторно. Предоставляется взаимосвязь внутренних и внешних составляющих ландшафта, оказывающая влияние на психоэмоциональное и физиологическое здоровье человека. Рассматриваются условия реабилитации различными формами рекреационных зон медицинских организаций. Предлагается архитектурная организация ландшафтной терапии в соответствии с характеристикой видов реабилитации и учетом психотипов (аудиал, визуал, кинестетик) пациентов. Освещаются различные формы ландшафтной терапии и их методы внедрения в реабилитационную среду.

Ключевые слова: реабилитация, архитектура, ландшафтная терапия, хромотерапия, терренкур, ароматерапия.

ARCHITECTURAL ORGANIZATION OF LANDSCAPE THERAPY OF MEDICAL REHABILITATION
INSTITUTIONS

Research article

Mustafina L.R.*

State University of Land Use Planning, Moscow, Russia

* Corresponding author (lenara2798[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the architectural organization of medical rehabilitation institutions, taking into account the requirements of landscape therapy. The forms of rehabilitation in sanatorium and resort institutions, as well as inpatient and outpatient forms, are covered. The article presents interconnection of internal and external components of landscape, influencing the psycho-emotional and physiological. Conditions of rehabilitation of various forms of recreational zones in medical organizations are studied. The architectural organization of landscape therapy is presented in accordance with the characteristic of types of rehabilitation and psychotypes (audio, visual, kinesthetic) of patients. Various forms of landscape therapy and their introduction into the rehabilitation environment are listed.

Keywords: rehabilitation, architecture, landscape therapy, chromotherapy, Terrainkur, aromatherapy.

Введение

Сегодня в условиях интенсивного развития науки медицинской реабилитации, совершенствования оказания специализированной и высокотехнологичной медицинской помощи растет процент выживаемости среди населения. В связи с этим появилась востребованность во всех видах реабилитации здоровья человека. Для наиболее эффективного восстановления пациента и для его психологического комфорта вспомогательным звеном традиционной медицине может стать альтернативная (ландшафтная терапия), которая в медицине существует перманентно и только в рамках санаторно-курортного лечения. Но в силу активной жизни современного человека и ограниченности его времени, поездки в санаторно-курортные учреждения становятся менее актуальны и ресурсозатратны.

Ландшафтная терапия способна оказать положительное воздействия и улучшить качество реабилитации не только в санаторно-курортных учреждениях, но и в пределах населенного пункта. Данная терапия может влиять на здоровье человека в плотной городской застройке, по средству организации ее методов на территории медицинского или реабилитационного учреждения, а также парках и (или) лесопарках населенного пункта.

Исходя из архитектурно-пространственной типологии медицинских организаций и влияния ландшафта на здоровье человека, не зависимо от условий реабилитации и интенсивности лечения, должно предусматриваться озеленение для формирования психологически комфортной среды.

В качестве компенсирующего озеленения помимо упомянутых в СП 158.13330.2014 (устройство эксплуатируемой крыши или зимнего сада), рекомендуется использовать внутренне озеленение помещений (вестибюль, приемное отделение, коридоры и т.п.) [4] и организацию лечебно-рекреационного пространств для кратковременного пребывания пациентов.

Основная часть

Реабилитационные мероприятия нацелены на физиологическую и психологическую составляющую организма пациента. Для усиления качества и реабилитационного потенциала сопутствующее воздействие традиционной медицине может оказать альтернативная. Проводя параллели между двумя видами медицины, вторая (альтернативная) будет влиять на организм через методы его восприятия:

- 1) физиология – сенсорное восприятие;
- 2) психика – психотипное восприятие.

Рассматривая сенсорную систему человека (слух, зрение, осязание, обоняние, вкус), влияние на его психическое и физиологическое состояние поступающей информации, ландшафтная терапия окажет комплексное воздействие на человека, создав экологичную среду для проведения реабилитационных мероприятий [7].

В аспекте психотипного (аудиал, кинестетик, визуал) восприятия, для каждого человека свойственно иметь ведущий сенсорный канал [6]. Основываясь на методах восприятия человека, можно соотнести формы ландшафтной терапии и ведущие органы восприятия психотипов. Так для аудиала информация о среде и качество восприятия будет базироваться на органе слуха. Визуал, основную информацию будет получать через органы зрения, а кинестетик через орган осязания. В связи с этим ландшафтная терапия может быть полезным раздражителем и нацеливаться на определенный орган восприятия.

В схеме 1 рассматриваются аспекты оказывающие на качество реабилитации здоровья пациента.

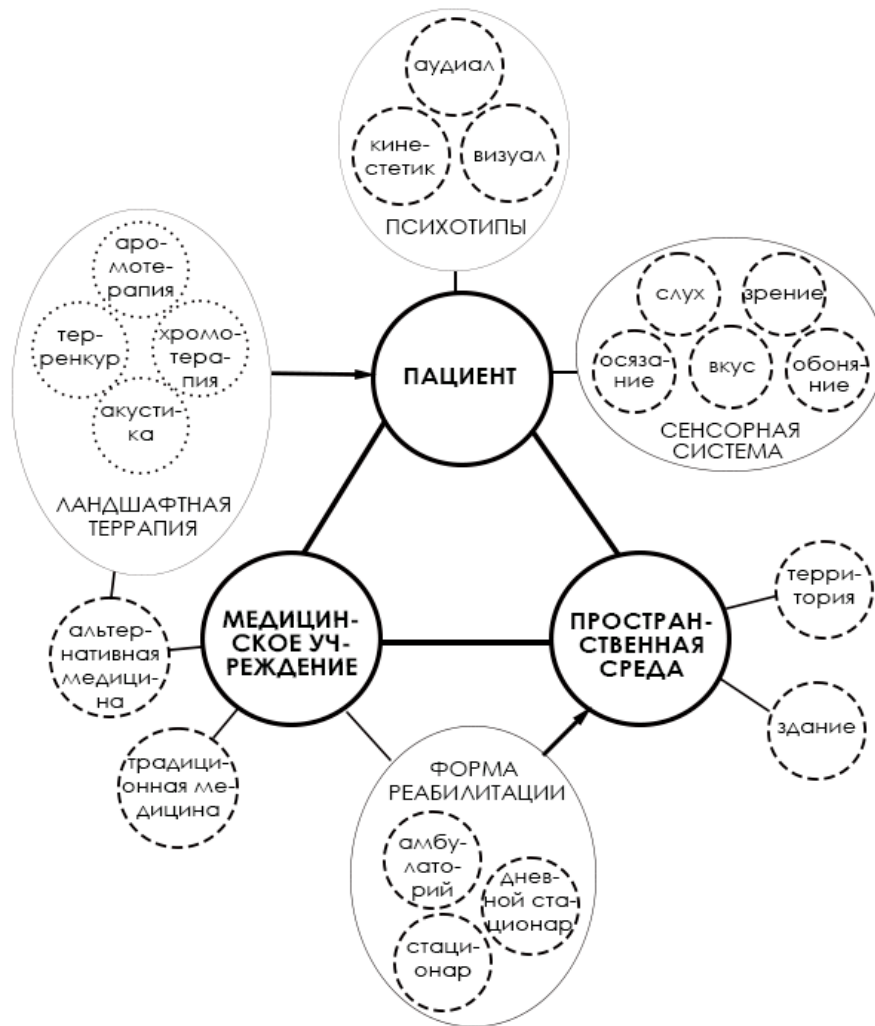

Рис. 1 – Аспекты воздействия на качество реабилитации здоровья человека

В таблице 1 представлены методы ландшафтной терапии, оказывающие влияние на все виды реабилитации.

Таблица 1 – Соответствие метода ландшафтной терапии с характеристикой видов реабилитации

Вид реабилитации	Характеристика форм реабилитации	Методы ландшафтной терапии	Вид направленности	
Медицинская реабилитация	Восстановление физического здоровья пациента	<ul style="list-style-type: none"> • Терренкур • Хромотерапия • Аромотерапия • Акустика 	Общая направленность	
Психологическая реабилитация	Восстановление психологического здоровья пациента		Садовая терапия	Специализированная направленность
Социальная реабилитация	Восстановление социальной полноценности пациента			

Примечание: ————— 1 – полное соответствие; - - - - - 2 – соответствие при определенных условиях

Учитывая наличие доминирующих органов восприятия и их функцию посредника между средой и организмом, можно говорить о целесообразности использования природных ресурсов для улучшения качества среды проведения реабилитационных мероприятий. Так как агрессивная и визуально не экологичная медицинская среда провоцирует отрицательные эмоции и стресс, тем самым препятствует полноценному реабилитационному эффекту.

Терренкур

Терренное лечение – это одна из разновидностей санаторно-курортного лечения. В комплекс включена лечебная физкультура, климато- и ландшафтотерапии [1], [8].

Протяженность маршрута определяет степень его тяжести – выделяют 3 их вида: 1) до 0,5 км – легкий; 2) 0,5-1,5 км – средний; 3) 1,5-3 км – трудный.

Таблица 2 – Виды садовых лабиринтов

Вид лабиринта	Описание	Изображение
Лабиринт из живой изгороди	Живая изгородь до 3 метров высотой состоящая из многолетних не цветущих кустарников	
Лабиринт из клумб	Лабиринт, состоящий из цветов, камней, зелёных деревьев и кустарников	
Открытый лабиринт (каменный лабиринт)	Лабиринт из невысоких спиралевидных каменных выкладок круглой или овальной формы, с диаметром от 3 до 20 метров	
Смешанный лабиринт	Комбинация различных видов лабиринтов	

Каждые 150-200 м должны быть предусмотрены зоны тихого отдыха [2].

В отличие от санаторно-курортных учреждений, в пределах населенного пункта с преобладающей плотной городской застройкой, отсутствует природно-ландшафтный ресурс для организации полноценных терреных маршрутов. Поэтому альтернативой могут послужить садовые лабиринты (см. таблицу 2) и геопластика. При организации лабиринта могут быть использованы кабинеты, фонтаны, ароматные растения.

Хромотерапия

Хромотерапия – это методика лечения и профилактического воздействия на организм человека с помощью света и цвета [9].

Качество среды напрямую зависит от ее цветовых и световых составляющих. Для формирования благоприятной реабилитационной обстановки, хромотерапия должна быть организована как на территории реабилитационного центра, так и в интерьерах здания.

Психическое воздействие оказывает цвет и его оттенки при разных освещениях (в тени или свете), также отражающие поверхности и свет способствует усилению эмоционального фона. Поэтому важна комбинация цвета и света, для улучшения колористических составляющих среды.

Одним из основных источников цветотерапии на территории объектов реабилитации являются цветущие, плодовые и хвойные растения. Использование последних (хвойные растения) обеспечит сезонность цветотерапии и обогатит воздух фитонцидами. Данную терапию можно комбинировать с ароматерапией для усиления реабилитационного эффекта.

Также важен цветовой подбор материалов малых архитектурных форм и фасадов зданий.

Ароматерапия

Ароматерапия – это научно обоснованный метод лечения с применением натуральных эфирных масел, вводимых в организм через дыхательные пути, кожу и (или) слизистые оболочки [5].

На территории объекта реабилитации ароматерапия может быть как самостоятельная форма ландшафтной терапии, так и дополняющая. В большинстве случаев ароматные растения имеют яркий окрас цветков, что делает аромо- и цветотерапию взаимосвязанными.

В условиях плотной городской застройки, ароматерапия может быть организованная в цветниках эксплуатируемой крыши или в помещениях в качестве фитодизайна.

Акустика

Акустика – это раздел физики, изучающий возбуждение, распространение, прием звуковых волн, а также их взаимодействие со средой [10].

В условиях отсутствия прилегающей парковой территорией, альтернативой природным звукам на участке и в пределах здания послужат фонтаны или искусственные водопады. Также раздел акустики рассматривает не только положительное влияние звуков на психическое здоровье человека, но и способы противодействия неблагоприятным антропогенным шумам.

Исходя из схемы 1 на качество реабилитации пациента оказывают влияние пространственные условия медицинской организации. Поэтому ландшафтная терапия распространяется в двух пространствах:

- открытые пространства (ЛТ-о);
- закрытые пространства (ЛТ-з).

В качестве связующего звена вступает полуоткрытое пространство (ЛТ-п) между двумя пространствами, которое обеспечивает взаимосвязь между ними.

Влияние пространств на пациента оказывается в зависимости от периода прибывания в медицинском учреждении исходя из оказываемой формы реабилитации. В приказе Минздрава России от 31.07.2020 N 788н "Об утверждении Порядка организации медицинской реабилитации взрослых", в котором прописаны три формы реабилитации в учреждениях:

- 1 (стационарное учреждение);
- 2 (стационарное или санаторно-курортное учреждение);
- 3 (амбулаторно и (или) в условиях дневного стационара) [3].

Основным пространством для ландшафтной терапии является территория медицинского учреждения. В архитектурных пространствах данная терапия играют вспомогательную роль, обеспечивают непрерывность влияния ландшафта и психологически снижает агрессивность больничной среды. Также в случае отсутствия прилегающей территории у медицинского учреждения, ландшафт в пределах здания является компенсирующим и становится основным влиянием ландшафтной терапии.

В целом, как показывают наши исследования качество реабилитации зависит от:

- формы реабилитации (стационарно или амбулаторно);
- условий, в которых проводится реабилитация:
 - в пределах здания;
 - на территории участка и за его пределами;
 - в домашних условиях (с патронажем организации).

Исходя из пункта в, уровень влияния ландшафта обуславливается критериями наличия или отсутствия прилегающей к зданию территории и ее размерами.

Здание, расположенное в плотной городской застройке без участка, имеет низкое влияние ландшафта на человека. В данном случае следует организовать озеленение помещений здания (озеленение атриума, зимний сад, вертикальное

озеленение, фитодизайн). Перечисленные мероприятия увеличат эффективность терапевтических воздействий на человека.

При полном отсутствии ландшафта на участке больной оказывается в психологически не благоприятной среде, что пагубно сказывается на его реабилитационном потенциале.

В условиях отсутствия прилегающей природной территории и эпизодического прибывания в медицинской организации амбулатории, влияние ландшафта на человека отсутствует. Для повышения влияния следует организовать озеленение внешних (вертикальное озеленение, озеленение крыш/террас, озеленение входной группы) и внутренних пространств.

В ситуации наличия прилегающей природной территории и дневной формы реабилитации (дневной стационар), на человека ландшафт оказывает среднее влияние ландшафт. Чтобы увеличить качество влияния, следует организовать внутренне озеленение медицинской организации (озеленение интерьеров, вертикальное озеленение, озеленение лоджий/балконов), также озеленение эксплуатируемой крыши. Для целенаправленного использования ландшафта в терапевтических целях следует организовать рекреационные пространства для отдыха персонала и пациентов, больничный сад, игровые площадки (в случае детского отделения) и т.д.

Устойчивое влияние ландшафта, имеющее длительный характер, положительно будет сказываться на качестве реабилитации. Для улучшения и сохранения влияния ландшафта следует организовать все типы озеленения. Обустройство рекреационных пространств и зон отдыха на прилегающей территории, организация троп для терренкура, также организация зон для проведения реабилитационных мероприятий на свежем воздухе.

Заключение

На сегодняшний день в России не исследованы возможности альтернативной медицины (в частности, ландшафтной терапии), исключается, к сожалению, связь с традиционной. Поэтому отечественная реабилитация отстает в качестве и скорости, что также невыгодно с экономической стороны вопроса. Не учитываются формы физиологического (сенсорная система) и психического (психотипы) восприятия человека, что поспособствовало бы увеличению эффективности реабилитационных мероприятий.

Ландшафтная терапия, организованная в доступных общественных пространствах в пределах населенного пункта, а не только в рамках специализированных учреждений, обеспечит возможность использования ее форм (прим. терренкур) людям с ограниченными временными или финансовыми ресурсами для посещения санаторных/санаторно-курортных учреждений.

Внедрение типологии внешних пространственных условий, т.е. отсутствие или наличие территории, включение прилегающей территории парковой зоны к участку медицинского учреждения, так и типология внутренних планировочных пространств послужит основой для изучения архитектурных и ландшафтных зависимостей медицинской организации. На основании данной типологии в дальнейшем могут быть даны приемы организации медико-реабилитационных учреждений.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бадалов Н.Г. Персиянова-Дуброва Анна Леонидовна Терренкуры и физическая тренировка ходьбой / Г.Н. Бадалов, Г.Н. Барашков // Физиотерапия, бальнеология и реабилитация. – 2016. – №6. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terrenkury-i-fizicheskaya-trenirovka-hodboy> (дата обращения: 30.11.2021).
2. Каинков И.В. Терренкур как одна из форм проведения лечебной физической культуры / И.В. Каинков // Наука-2020. – 2017. – № 4 (15). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terrenkur-kak-odna-iz-form-provedeniya-lechebnoy-fizicheskoy-kultury> (дата обращения: 29.04.2022).
3. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 N 788н. Об утверждении Порядка организации медицинской реабилитации взрослых / Министерство здравоохранения Российской Федерации // Кодекс: электронный фонд правовой и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565649072> (дата обращения: 28.11.2021).
4. СП 158.13330.2014. Здания и помещения медицинских организаций. Правила проектирования (с Изменениями N 1, 2, 3) / ГипроЗдрав // Кодекс: электронный фонд правовой и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200110514> (дата обращения: 28.11.2021).
5. Методы применения эфирных масел [Электронный ресурс]. URL: http://vskmjournals.org/images/Files/Issues_Archive/2009/Issue_2/VSKM_2009_N_2_p47-50.pdf (дата обращения: 29.04.2022).
6. Мухортова, Д.Д. Визуалы, аудиалы, кинестетики / Д.Д. Мухортова. // Молодой ученый. – 2016. – № 12 (116). – С. 787–789. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/116/31787/> (дата обращения: 28.04.2022).
7. Органы чувств. Анализаторы. Анализатор [Электронный ресурс]. URL: <https://meduniver.com/Medical/Anatom/513.html> (дата обращения 28.04.2022).
8. Терренкур: особенности лечебной ходьбы и показания [Электронный ресурс]. URL: <https://beguza.ru/terrenkur/> (дата обращения: 29.04.2022).
9. Хромотерапия: показания и противопоказания [Электронный ресурс]. URL: <https://www.biokrasota.ru/article551/> (дата обращения: 29.04.2022).
10. Platform.plus-one.ru: Интернет-портал. [Электронный ресурс]. URL: <https://news/2021/07/13/mozhno-li-vylechitsya-blagodarya-peniyu-ptits> (дата обращения: 30.11.2021).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Badalov N.G. Persijanovna-Dubrova Anna Leonidovna Terrenkury i fizicheskaja trenirovka hod'boj [Persijanovna-Dubrova Anna Leonidovna Terrenkurs and physical training by walking] / N.G. Badalov, G.N. Barashkov // Fizioterapija,

- bal'neologija i rehabilitacija [Physiotherapy, balneology and rehabilitation]. – 2016. – № 6. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terrenkury-i-fizicheskaya-trenirovka-hodboy> (accessed: 11/30/2021). [in Russian]
2. Kainkov I.V. Terrenkur kak odna iz form provedeniya lechebnoj fizicheskoj kul'tury [Terrenkur as one of the forms of therapeutic physical culture] / Kainkov I.V. // Nauka-2020 [Science-2020]. – 2017. – № 4 (15). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terrenkur-kak-odna-iz-form-provedeniya-lechebnoj-fizicheskoj-kul'tury> (accessed: 04/29/2022). [in Russian]
3. Prikaz Minzdrava Rossii ot 31.07.2020 N 788n. Ob utverzhdenii Porjadka organizacii medicinskoj rehabilitacii vzroslyh [Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 31.07.2020 N 788n. On approval of the Procedure for the Organization of medical rehabilitation of adults] / Ministry of Health of the Russian Federation // Kodeks: jelektronnyj fond pravovoj i normativno-tehnicheskikh dokumentov [Codex: electronic fund of legal and regulatory and technical documents]. [Electronic resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565649072> (accessed: 11/28/2021). [in Russian]
4. SP 158.13330.2014. Zdaniya i pomeshheniya medicinskih organizacij. Pravila proektirovaniya (s Izmenenijami N 1, 2, 3) [SP 158.13330.2014. Buildings and premises of medical organizations. Design rules (with Amendments N 1, 2, 3)] / CJSC Giprosdrav // Kodeks: jelektronnyj fond pravovoj i normativno-tehnicheskikh dokumentov [Code: electronic fund of legal and regulatory and technical documents]. [Electronic resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200110514> (accessed: 11/28/2021). [in Russian]
5. Metody primeneniya jefirnyh masel [Methods of application of essential oils] [Electronic resource]. URL: http://vskmjournals.org/images/Files/Issues_Archive/2009/Issue_2/VSKM_2009_N_2_p47-50.pdf (accessed: 04/29/2022). [in Russian]
6. Mukhortova D.D. Vizualy, audialy, kinestetiki [Visuals, audials, kinesthetics] / D.D. Mukhortova. // Molodoj uchenyj [Young scientist]. – 2016. – № 12 (116). – Pp. 787-789. [Electronic resource]. URL: <https://moluch.ru/archive/116/31787/> (accessed: 04/28/2022). [in Russian]
7. Organy chuvstv. Analizatory. Analizator [Sensory organs. Analyzers. Analyzer]. [Electronic resource]. URL: <https://meduniver.com/Medical/Anatom/513.html> (accessed 28.04.2022). [in Russian]
8. Terrenkur: osobennosti lechebnoj hod'by i pokazaniya [Terrenkur: features of therapeutic walking and indications]. [Electronic resource]. URL: <https://beguza.ru/terrenkur/> (accessed: 04/29/2022). [in Russian]
9. Hromoterapija: pokazaniya i protivopokazaniya [Chromotherapy: indications and contraindications]. [Electronic resource]. URL: <https://www.biokrasota.ru/article551/> (accessed: 04/29/2022). [in Russian]
10. Platform.plus-one.ru: Internet-portal [Platform.plus-one.ru : Internet portal]. [Electronic resource]. URL: <https://news/2021/07/13/mojno-li-vylechitsya-blagodarya-peniyu-ptits> (accessed: 11/30/2021). [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.064>

ЛАНДШАФТНЫЙ ДИЗАЙН ПОРТАЛОВ ТОННЕЛЕЙ АВТОМАГИСТРАЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

Научная статья

Дадамухамедова М.С.¹, Сидикова Т.Д.², *

¹ ORCID: 0000-0001-8745-6710;

¹ Ташкентский архитектурно-строительный институт, Ташкент, Узбекистан;

² Ташкентский государственный транспортный университет, Ташкент, Узбекистан

* Корреспондирующий автор (taxira-dalievna[at]mail.ru)

Аннотация

В последние годы интенсивно изучается ландшафтный дизайн тоннельных порталов. В данной работе приводится анализ общего развития автомагистральных тоннелей, и раскрываются основные проблемы, связанные с автодорожными тоннелями.

Ландшафтный дизайн автомагистралей имеет огромное значение для расслабления психики пассажиров, сосредоточения внимания при вождении и играет заметную роль в улучшении условий дорожного движения. Ландшафтный дизайн дорог охватывает многие области, в том числе: знания об окружающей среде, психологию, науку о поведении, инженерию и искусство [1].

Полученные результаты свидетельствуют о том, что ландшафтный дизайн тоннельных порталов представляет собой комплексные усилия, с учетом местной культуры, экологии, защиты окружающей среды, освещение. Современный ландшафтный дизайн требует интенсивных и совместных междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: ландшафт, автомагистраль, дизайн, озеленения, тоннель.

LANDSCAPE DESIGN OF TUNNEL PORTALS OF HIGHWAYS OF UZBEKISTAN

Research article

Dadamuhamedova M.S.¹, Sidikova T.D.², *

¹ ORCID: 0000-0001-8745-6710;

¹ Tashkent Architectural Building Institute, Tashkent, Uzbekistan;

² Tashkent State Transport University, Tashkent, Uzbekistan

* Corresponding author (taxira-dalievna[at]mail.ru)

Abstract

In recent years, the landscape design of tunnel portals has been intensively studied. This work provides an analysis of the overall development of highways and elaborates on the main problems related to road tunnels.

The landscape design of highways is of great importance for the mental state of passengers and their focus while driving, and is playing a significant role in road traffic conditions improvement. Landscape design of roads covers many areas, including environmental knowledge, psychology, behavioral science, engineering and art [1].

The obtained results show that the landscape design of tunnel portals is a complex effort, in accordance with local culture, ecology, environmental protection, lighting. Modern landscape design requires intensive and collaborative interdisciplinary research.

Keywords: landscape, highway, design, greening, tunnel.

Ландшафтный дизайн автомагистралей имеет важное значение для расслабления психики пассажиров, сосредоточение внимания при вождении и играет заметную роль в улучшении условий дорожного движения. Ландшафтный дизайн дорог охватывает многие области, в том числе: знания об окружающей среде, психологию, науку о поведении, инженерию и искусство [1]. Традиционному озеленению шоссе не хватает общественной эстетики, правового опыта и отсутствуют исследования визуальных характеристик и когнитивных правил пассажиров. С отсутствием внимания к ландшафтному дизайну при проектировании строительных объектов культура взаимных отношений населения недостаточно сформирована.

В целях дальнейшего развития ландшафтного дизайна и улучшения архитектурно-художественных облика республики, Кабинетом Министров Республики Узбекистан было принято Постановление от 13.08.2013. № 223 «Программа развития ландшафтного дизайна в республике Узбекистан» [1].

А так же было принято постановление «О мерах по совершенствованию системы озеленения и архитектурно-ландшафтного конструирования автомобильных дорог». В постановлении зафиксированы работы по повышению уровня архитектурно-художественного облика города, развитию автомобильных дорог, формированию единого системного и комплексного подхода к размещению зеленых насаждений и благоустройства придорожных полос вдоль автомобильных дорог республики в тесной взаимосвязке с современными требованиями по обеспечению безопасности дорожного движения и охране окружающей среды [2].

Вход в автодорожный тоннель – это не только открытая часть строительства тоннеля, но и также неотъемлемая часть шоссе.

В связи с обеспечением безопасности входа в тоннель, важно реализовать единство безопасности и практической «стабильности», должна быть создана «красота» тоннеля скоростной автомагистрали за счет разумного эстетического дизайна ландшафтного озеленения.

В данной работе приводятся данные научного подхода ландшафтного проектирования по озеленению входа в тоннель автомагистрали, и выдвигает требования к ландшафтному озеленению в соответствии с положениями соответствующих нормативных актов.

Качество ландшафтного дизайна напрямую влияет на эстетику всего тоннеля, и даже всей магистрали. С развитием экономики, тоннель имеет не только единственную функцию трафика, но и выполняет рекламную функцию городов.

Результат исследования ставит вперед принцип применения процесса строительства и ключевые моменты ландшафтного декора и озеленения, технологию реставрации входной зоны тоннеля, и предоставляет рекомендации по проектированию ландшафтного озеленения, строительство и исследование входа в автодорожный тоннель.

Ландшафтный дизайн входа в тоннель должен быть выполнен на основе безопасности транспортных средств водителей и пассажиров. Эффект «черно-белого пространства» при входе в тоннель и выхода из него должен быть ослаблен, и временного визуального воздействия, вызванного затенением, следует избегать.

Цветовое восприятие относится к реакции света различной длины волны, воздействующего на сетчатку глаза и человеческий мозг. Цвет ландшафтного материала в зоне может быть выбран как холодный цвет для создания прохладной атмосферы. Одним словом, научное и рациональное использование чувства цвета может сделать ландшафтную структуру шоссе более гармоничной.

Адаптация к темноте относится к процессу, при котором зрительная чувствительность постепенно повышается, и окружающие предметы можно различить, тогда когда сильный свет попадает в темноту.

Напротив, из-за сильного света в первый момент возникает ощущение ослепления, и невозможность разглядеть окружающие предметы. Высокие деревья могут быть посажены на определенном расстоянии от входа в тоннель, что может сыграть роль в смягчении света или смягчения эффекта адаптации темнотой.

На рисунке 1. приводится парабола спектральной чувствительности глаза, называемая кривой относительной световой эффективности или кривой видности. Глаз наиболее чувствителен к зеленому цвету. Эта кривая не что иное, как КПД человеческого глаза. По ней легко определить, какой цвет, попавший в глаз «полезно используется» для создания светового ощущения.

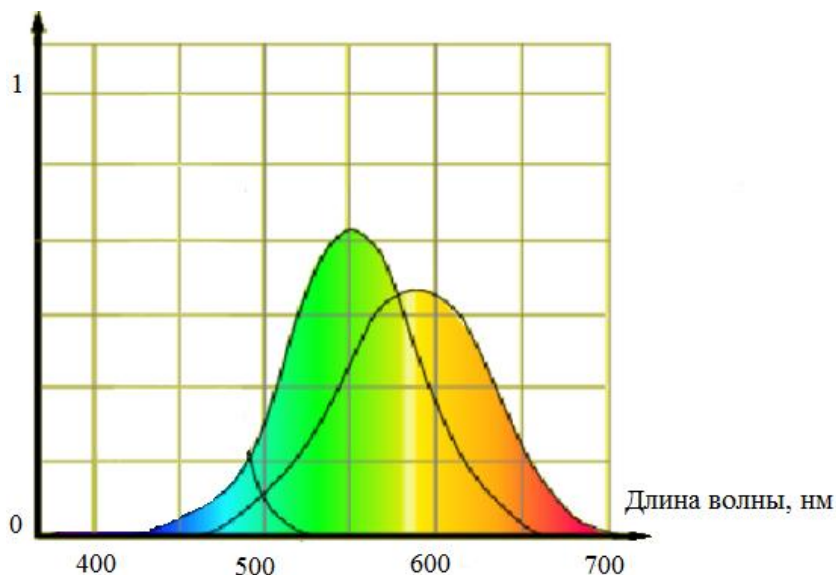

Рис. 1 – Спектральная чувствительность глаза

Экспериментально установлено, что среди излучений равной мощности наибольшее световое ощущение вызывает монохроматическое зелено-желтое излучение с длиной волны 555 нм [3]. Поэтому возникает необходимость, используя методы вертикального озеленения обеспечивать роль в смягчении света или смягчения эффекта адаптации темнотой.

Проектируемая нами автомобильная дорога и транспортный тоннель по улице Туркестан. Тоннели в автомагистралях – это горизонтальное или наклонное подземное сооружение, которое сокращает время движения надземных транспортных средств автомобильных развязок.

Хорошо известно, что существуют проблемы с переходом освещения, когда транспортные средства въезжают в тоннель и выезжают из него в дневное время. Грамотно спроектированный ландшафтный дизайн тоннеля обеспечивает визуальную адаптацию, предоставляя постепенный световой переход у входа в тоннель, что хорошо для безопасного вождения.

Узбекистан – солнечная страна, где 300 дней в году ярко светит солнце, соответственно светло-серый эффект при входе в тоннель и выходе из него выражен более контрастно. Эффект «черно-белого пространства» при входе в тоннель и выходе из него должен быть ослаблен, и временного визуального воздействия, вызванного контрастом светло-серого эффекта, следует избегать.

Для решения данной проблемы целесообразно применять вертикальное озеленение (Рис.2).

Рис. 2 – Вертикальное озеленение:

a – до ландшафтного проекта; *б* – элементы ландшафтного дизайна; *с* – предлагаемый метод вертикального озеленения обеспечивать роль в смягчении света

Вертикальное озеленение является весьма доступным и выразительным видом озеленения, оно представляет собой систему разнообразных растительных композиций, различающихся между собой по стилю и типу, композиционному решению, геометрической конфигурации и конструкции, жизненному циклу растений, колористическому решению, эмоциональному воздействию и т.д. [5], [6].

Учитывая климатические условия Узбекистана, озеленение требует всесторонне продуманного подхода [7]. Грамотно подобранные деревья, кустарники, должны использоваться озеленителями строго по правилам роста и содержания растений (для резко климатических условий – засухоустойчивые, светолюбивые, морозостойкие и т. д.), для жарких и засушливых климатических условий и декоративных особенностей – ажурность кроны, плоды, запахи и т. д. [8], [9].

Следует тщательно подбирать только те виды растений, которые обогащают воздух кислородом. К таким относятся, например: сосна, ель, дуб, карагач, каштан, берёза. А от тех, что отрицательно влияют на здоровье человека и экологию, распространяя вредные вещества, необходимо отказываться.

Хвойные деревья, характеризующиеся высокой фитонцидной активностью, выполняют в городских насаждениях санитарно-гигиенические функции, способствуя формированию благоприятных для человека микроклиматических условий. Этим объясняется высокая популярность хвойных деревьев и кустарников в зеленом строительстве.

Выращиванием элитных пород деревьев, подходящих по климатическим условиям, обогащением ландшафта города Ташкент занимаются специалисты ботанического сада Академии наук Узбекистана, лесного хозяйства, а также, частные предприниматели. К примеру, столичное предприятие «Живописное садоводство и цветоводство» разводит редкие декоративные деревья, цветы и кустарники, которые украшают многие парковые зоны столицы. Специалистами предприятия определены и адаптированы к нашему климату растения: крымская сосна, тюльпанное дерево, индийская сирень и т.д.

Вывод

Основные результаты, полученные в ходе исследования, описанного в данной статье следующие:

- ландшафтный дизайн туннельного портала требует дальнейшего сотрудничества и интенсивного междисциплинарного исследования;
- многие аспекты, такие как местные особенности, народная культура, окружающая среда, факторы стабилизации и понимание проектировщиком красоты, вносят свой вклад в элемент дизайна.
- грамотный проект ландшафтного дизайна обеспечивает предотвращение усталости в пути и даёт визуальную адаптацию;
- безопасность движения осуществляется минимальным воздействием «черно-белого пространства» при входе в туннель и выходе из него;
- методы проектирования ландшафта туннельного портала разнообразны.

Ландшафтное озеленение дорожной конструкции предусматривает не только безопасность благодаря разумному эстетическому ландшафтному проекту, который обеспечивает безопасный вход в туннель, но и создает красивый пейзаж туннельного портала, который является важным ландшафтным узлом магистрали.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Программы развития ландшафтного дизайна в Республике Узбекистан: постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 13.08.2013г. №223.
2. О мерах по совершенствованию системы озеленения и архитектурно-ландшафтного конструирования автомобильных дорог: постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-3262 от 11.09.2017 г.
3. Агостон Ж. Теория цвета и ее применение в искусстве и дизайне / Ж. Агостон. – Москва : Мир, 1982. – 184 с.
4. Чиркова А.И. Зелёные насаждения как метод защиты от шума и вредных выбросов двигателей внутреннего сгорания в сельской местности / А.И. Чиркова, П.В. Литвинов // Молодой ученый. – 2017. – № 11. – С. 173–176.
5. Калмыкова А.Л. Использование лиан в вертикальном озеленении населенных пунктов степи и лесостепи Поволжья : автореф. дис. к. с.-х. наук. – Волгоград : ВНИАЛМИ, 2008. – 20 с.
6. Калмыкова А.Л. Проблемы и перспективы вертикального озеленения в условиях г. Саратова на основе социологического анализа / А.Л. Калмыкова, А.В. Терешкин // Вавиловские чтения – 2007: Материалы конференции, посвященной 120-й годовщине со дня рождения академика Н.И.Вавилова. – Саратов : Научная книга, 2007. – С. 243–245.
7. Радкевич М.В. Проблемы озеленения автомобильных дорог в городе Ташкенте / М.В. Радкевич, К.Б. Шипилова // Вопросы науки и образования. – Москва, 2018. – № 21(33). – С. 13–16.
8. Сокольская О.Б. Ландшафтная архитектура. Основы реконструкции и реставрации ландшафтных объектов / О.Б. Сокольская, В.С. Теодоронский. – Санкт-Петербург : Лань, 2018. – 323с.
9. Кортиев А. Л. Ландшафтный дизайн и эстетика автомобильных дорог в горных условиях / А.Л. Кортиев, С.Д. Ванеев, М.М. Дряев // МНЖ Устойчивое развитие горных территорий. – 2020. – Т. 12. – № 1(43). – С. 55–60.
10. Fischer E.E. Roadways and the Land / E.E. Fischer, H. Hohmann, P.D. Marriott // The Landscape Architect's Role Public Roads. – 2000. – Vol. 63. – № 5.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Programmy razvitiya landshaftnogo dizajna v Respublike Uzbekistan [Landscape design in the Republic of Uzbekistan]: Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan of 08.13.2013 №223. [in Russian]
2. O merah po sovershenstvovaniyu sistemy ozeleneniya i arhitekturno-landshaftnogo konstruirovaniya avtomobil'nyh dorog [On measures to improve the greening system and architectural landscaping of roads]: Presidential Decree of the RU № PP-3262 of 11.09.2017 [in Russian]
3. Agoston Z. Teoriya cveta i ee primeneniye v iskusstve i dizajne [Color theory and its application in art and design] / Z. Agoston. – Moscow : Mir publishing house, 1982. – 184 p. [in Russian]
4. Chirkova A.I. Zelyonye nasazhdeniya kak metod zashchity ot shuma i vrednyh vybrosov dvigatelej vnutrennego sgoraniya v sel'skoj mestnosti [Green planting as a method of protection against noise and harmful emissions of internal combustion engines in rural areas] / A.I. Chirkova, P.V. Litvinov // Molodoj uchenyj [Young scientist]. – 2017. – № 11. – Pp. 173–176. [in Russian]
5. Kalmykova A.L. Spol'zovanie lian v vertikal'nom ozelenenii naseleennykh punktov stepi i lesostepi Povolzh'ya [The use of lianas in the vertical gardening of residential places of steppe and forest-steppe of the Volga region]: abstract for dis. of PhD in Agricultural Sciences. – Volgograd : VNIALMI, 2008. – 20 p. [in Russian]
6. Kalmykova A.L. Problemy i perspektivy vertikal'nogo ozeleneniya v usloviyah g. Saratova na osnove sociologicheskogo analiza [Problems and prospects of vertical gardening in Saratov on the basis of sociological analysis] / A.L. Kalmykova, A.V. Tereshkin // Vavilovskie chteniya 2007 [Babylon reading]: Materialy konferencii, posvyashchennoj 120-j godovshchine so dnya rozhdeniya akademika N.I. Vavilova [Materials of the conference dedicated to Academician N.I. Vavilov's 120th birthday]. – Saratov : Nauchnaya kniga publishing house, 2007. – Pp. 243–245. [in Russian]
7. Radkevich M.V. Problemy ozeleneniya avtomobil'nyh dorog v gorode Tashkente [Problems of roads greening in Tashkent] / M.V. Radkevich, K.B. Shipilova // Voprosy nauki i obrazovaniya [Science and education]. – Moscow. – 2018. – № 21(33). – Pp. 13–16. [in Russian]
8. Sokol'skaya O.B. Landshaftnaya arhitektura. Osnovy rekonstrukcii i restavratsii landshaftnykh ob"ektov [Landscape architecture. Basics of reconstruction and restoration of landscape objects]. / O.B. Sokol'skaya, V.S. Teodoronskij / Saint Petersburg : Lan' publishing house, 2018. – 323 p. [in Russian]
9. Kortiev A.L. Landshaftnyj dizajn i estetika avtomobil'nyh dorog v gornyh usloviyah [Landscape Design And Motorway Aesthetics In Mountain Environment] / A.L. Kortiev, S.D. Vaneev, M.M. Dryaev // ISJ Ustojchivoje razvitie gornyh territorij [Sustainable mountain development]. – 2020. – Vol. 12. – № 1 (43). – Pp.55–60. [in Russian]
10. Fischer E.E. Roadways and the Land / E.E. Fischer, H. Hohmann, P.D. Marriott // The Landscape Architect's Role Public Roads. – 2000. – Vol. 63. – № 5.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.065>

**СТРУКТУРА РЕМЕСЛЕННЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ТРАДИЦИОННЫХ ПРОМЫСЛОВ ДАГЕСТАНА
КОНЦА XIX – НАЧ. XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ КУБАЧИ, ХАРБУК, АМУЗГИ)**

Научная статья

Магомедов А.Дж.¹ *, Юсупов Х.А.²

¹ ORCID: 0000-0001-7852-3766;

² ORCID: 0000-0003-3195-722X;

^{1,2} Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия

* Корреспондирующий автор (amirbek.49[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена структуре ремесленных специальностей в широко известных традиционных промыслах Дагестана – Кубачи, Харбук, Амузги. Написана на основе данных посемейных списков 1886 г., сельскохозяйственной переписи 1917 г., обследований 1927 г., полевых материалов авторов статьи. Показана связь между формированием новых специальностей и экономическим развитием региона в конце XIX – начале XX в. В это время в промысловых центрах металлообработки происходят важные изменения как в структуре занятий, так и в численности занятого населения. Изменения были связаны с развитием ремесел, с социальными и политическими процессами, происходящими в регионе, России в целом. В промыслах растет и число мастеров, выезжающих на заработки (отходники).

Ключевые слова: традиционные промыслы Дагестана, Кубачи, Харбук, Амузги, посемейные списки 1886 г., сельскохозяйственная перепись 1917 г.

**STRUCTURE OF HANDICRAFT PROFESSIONS OF TRADITIONAL CRAFTS OF DAGESTAN AT THE END OF
XIX – BEGINNING OF XX CENTURY (ON THE MATERIALS OF KUBACHI, KHARBUK, AMUZGI TOWNS)**

Research article

Magomedov A.Dzh.¹ *, Yusupov Kh.A.²

¹ ORCID: 0000-0001-7852-3766;

² ORCID: 0000-0003-3195-722X;

^{1,2} Gamzat Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia

* Corresponding author (amirbek.49[at]mail.ru)

Abstract

The article is dedicated to the structure of craft professions in well-known traditional crafts of Dagestan – Kubachi, Kharbuk, Amuzgi. It is written on the basis of the data of the 1886 family lists, the agricultural census of 1917, surveys of 1927, field materials of the authors. The correlation between the formation of new specialties and economic development of the region in the late XIX – early XX century is established. At that time, there are important changes both in the structure of activities and in numbers of the working population in the metal processing centers. The changes were connected with the development of crafts, with social and political processes taking place in the region and in Russia as a whole. The number of craftsmen moving away for work (seasonal workers) is also growing.

Keywords: traditional crafts of Dagestan, Kubachi, Kharbuk, Amuzgi, family lists of 1886, agricultural census of 1917.

Введение

О народных промыслах и ремеслах Дагестана металлообработки конца XIX – начала XX в. есть немало публикаций историков и искусствоведов [3], [5]. Вместе с тем для их изучения необходимо активнее использовать материалы переписей и обследований, которые содержат ценный материал по многим известным промыслам Дагестана. Статья написана по традиционным промыслам Кубачи, Харбук и Амузги. В Центральном государственном архиве Республики Дагестан хранятся Посемейные списки 1886 г. по Кубачи, Харбуку и Амузги. Сельхозперепись в 1917 г. проводилась только по промыслу Харбук. Там же хранятся материалы обследования 1927 г. Их данные были обработаны нами и опубликованы [7], [10].

Сведения переписей и обследований дают возможность выявить особенности развития кузнечных, оружейных, ювелирных промыслов, торговли, бытовой культуры этих центров в начале XX в., которая мало изучалась дагестанскими этнографами. В этом плане интересны работы кубачинских краеведов, народных мастеров Р.А. Алиханова [1, С. 9–63], А. Г. Гусейнова [4, С. 33–36], в которых содержится ряд наблюдений по Кубачи на заявленную тему. А по промыслу Харбук значительный материал был собран в 1990-е годы и позже одним из соавторов статьи.

Изучение этих сведений в рамках нашей темы затрудняется отсутствием данных сельхозпереписи по с. Кубачи за 1917 г., неизученностью посемейного списка Амузги, разноречием в названиях указанных в них мастеровых специальностей. Посемейные списки 1886 г. (мы сравнивали материалы по Кубачи и Харбуку) составлялись разными «бригадами» писарей. Фамилии переписчиков в списках не указаны. Не сохранились материалы, связанные с подготовкой к переписи, практикой их осуществления. Не ясны, например, обязанности подпоручика Гасана Джалалова. Хотя он указан как «переводчик Управления Кайтаго-Табасаранского округа» (так он записан в конце переписных листов по Харбуку и Кубачи), но этим, видимо, не ограничивались все его обязанности. Дело в том, что,

можно предполагать, в тексте указывается его должность по работе в управлении округа, но не обязанности по переписи.

Основная часть

Конец XIX – начало XX в. – это время бурного развития экономики региона, роста городского населения на Северном Кавказе, увеличения числа выезжающих на заработки мастеров. В этих условиях в промыслах происходит формирование новых мастерских специальностей. Появляются новые ремесленные профессии, ранее малоизвестные виды мастерства, связанные с социально-экономическим развитием Дагестана, вхождением его в северокавказский и всероссийский рынок.

Под влиянием городской культуры меняется и культура селян. Интересным является факт обновления традиционного ювелирного дела. Так, в Харбуке появляются «мастера золотых дел». Если в 1886 г. (по данным «посемейных списков») в этом селе указаны 21 «серебряк», в 1917 г. здесь было зафиксировано 16 ювелиров: 14 «мастеров золотых дел», 1 «мастер золотых и серебряных дел» (№ 323) и 1 «мастер серебряных дел» [10, С. 541–559; 560–581]. Из этого следует, что переписчики достаточно четко фиксировали характер занятий ювелиров. «Серебряных дел мастера» в основном занимались отделкой ружей и пистолетов. В то же время, отсутствие кроме переписи какого-либо полевого материала по этой теме не позволяют определить то, чем же занимались 12 человек, профессионально занятых изготовлением золотых изделий. Это достаточно много для одного села. При этом мы учитываем то, что в 1886 г. в селе не указан ни один мастер по «золотым» делам. Можно предполагать, что такая специальность сформировалась в этом центре в начале XX в. Эти мастера, возможно, копировали простейшие фабричные изделия (обручальные и другого типа кольца) или золотые изделия русских промыслов («серьги-калачи»). Развившаяся в это время свадебная культура, проникновение в село элементов городской культуры способствовали формированию традиций ношения золотых украшений и сельскими модницами.

В конце XIX в. меняется ассортимент изделий и ювелиров, выезжающих на заработки, рассчитанный на городские слои. Так, в конце XIX в. среди них получают распространение более простые (без сложной филигранны) пояса, характерной особенностью пряжек которых являются фигурные, орнаментально изрезанные формы, украшенные как несложной черневой, так и трудоемкой углубленной гравировкой. Подобный стиль пряжечных форм встречался и среди изделий, бытовавших во многих районах Северного Кавказа. Такие пряжки украшались «несложным, чаще всего линейным рисунком черни». Особое распространение в начале XX в. получают филигранные пояса из серебряных пластинок прямоугольных или фигурных форм, соединенных между собой шарнирами или колечками. Их основное украшение – филигрань с вставками небольших цветных камней под «бирюзу» и т.д. Популярны были узкие пояса с гравировкой, чернью, филигранью, охватывающие талию до середины боков, застежки, нагрудники, выполненные в этой же технике. Изготовлением таких изделий занимались, как правило, ювелиры, выехавшие на заработки из Дагестана, а также армянские и реже местные мастера, [6, С. 103].

В ряде украшений превалировали формы, которые были скопированы с фабричных образцов. В то же время мастерам, привыкшим к кустарным методам работы, было трудно повторять фабричные технологии. Поэтому чаще они старались подражать традиционным местным формам украшений.

Ювелирное дело в начале XX века стало наиболее популярным и востребованным мастерством. Основными работами ювелиров было изготовление женских украшений. Известно, что для Кубачи оно было и исторической традицией. Здесь изготавливали свадебные женские украшения для села; их покупали у них даже жители соседних сел. Но почему-то в Посемейном списке 1886 г. такая специальность не выделена. Возможно, такие мастера записаны там, как «серебряки». Также мастерами по женским украшениям традиционно считались и те кубачинцы, которые по заказам отдельных лиц или торговцев (этим активно занимались жители с. Шири) изготавливали женские украшения (серьги с «петушками» в круге *муган уцла*, цепи на головные уборы и др.). Всего же в Кайтаго-Табасаранском округе, где располагались села Кубачи и Харбук, такие «серебряки» работали еще в 15 селах [6, С. 52].

Что касается промысла Харбук, то исследователями он обычно упоминается всегда как центр кузнечного и оружейного дела. Как показывают данные, в Харбуке в это время развивались и устойчивые традиции и ювелирного дела. Возможно, здесь и в 1886 г. среди «серебряков», были мастера, занятые изготовлением женских украшений. В этом списке, например, упоминаются ювелиры из мастеров, переселившихся из рядом расположенного поселения Иштала (*Иштала глэя*). Это Ишталмагомед (список 1886 г.), его сын Ишталмагомед, мастер Ражабла Иштал (сельхозперепись 1917 г.). Ранее это поселение находилось в двух км к югу от нынешнего села Харбук. Впоследствии жители этого родового поселения обосновались в селе. Этот факт говорит о том, что харбукцы занимались ремеслом еще до образования села в XIV веке.

То, что в Харбуке ювелирное дело получило большое распространение, подтверждают и архивные данные. Так, в конце XIX в., в период наибольшего расцвета промысла в селе работал 21 «серебряк» [10, С. 113]. Ювелиры были заняты изготовлением женских украшений, отделкой ружей, пистолетов, кинжалов, сабель и шашек, накладных деталей для конской сбруи, мужских наборных поясов с подвесками.

Остановимся кратко на ювелирных традициях с. Харбук. Харбукские «золотых» и «серебряных дел» мастера делились на три группы: *ерагь луклан устне* (букв.: мастера по отделке оружия), *тулкуме-кулхумела устне* (букв.: мастера колец и браслетов), *кличме-чалтпузела устне* (букв.: мастера пуговиц и застежек). Ювелиры первой группы занимались отделкой ружей, пистолетов, клинков сабель, кинжалов, изготовлением серебряных мужских поясов и других украшений. Ювелиры второй группы производили разнообразные кольца, браслеты, серьги и другие украшения для женщин из драгоценных металлов. Ювелиры третьей группы занимались производством серебряных и алюминиевых пуговиц, различных застежек и украшений детской одежды [11].

Новым для начала XX века стало и развитие медночеканных промыслов. Рост спроса на медную посуду, связанный с заменой гончарных изделий (особенно водоносов и малых кувшинов для воды) на медные, привел к появлению специальности не только медника, но и лудильщика. По тем же данным, в Харбуке в 1917 г. работало три

лудильщика. Таких мастеров в 1886 г. в селе не было. По другим данным, здесь работал всего один такой мастер [10, С. 120].

В посемейном списке 1886 г. по Кубачи отмечены 8 медников, но не отмечены лудильщики. По полевым материалам лудильщики в селе появились позже. Возможно, первоначально отдельные медники могли работать и как лудильщики. Любопытно, что в Харбуке (по данным Сельхозпереписи 1917 года) указан и «колокольный мастер». Он изготавливал нашейные бубенцы для скота, чтобы легче было находить его в туманную погоду. В Кубачи и Харбуке были указаны также «игольщики» (в Кубачи 2, в Харбуке 1). В Харбуке в 1917 г. работал и один «жестянщик» (мастер по изготовлению железных печей).

Показателем развития промыслов и роста объемов ремесленного производства являлся и тот факт, что с 1886 по 1917 годы число кузнецов в Харбуке увеличилось со 127 до 240, в это же время число хозяйств в селе за это время почти не изменилось – 404 хозяйства в 1886 г. и 414 в 1917 г. [10, С. 120]. А в с. Амузги в 1886 г. кузнечным и слесарным делом было занято 46 мастеров, в то время как всего в селе числилось 56 хозяйств.

Развитие кузнечного, слесарного дела было связано и с развитием коневодства (хорошим спросом пользовались металлические накладки для сбруи, подковы, уздечки и др.), ростом спроса на дверные и сундучные замки, петли, гвозди, другие металлические изделия для строящихся домов. Рос спрос и на изделия для повседневного быта (топоры-секаторы для рубки мяса, щипцы для печей и каминов, различные соскабливатели и др.), на сельхозинвентарь (серьги, косы).

О масштабах и известности кузнечного дела этих сел свидетельствуют и другие данные. Согласно данным, полученным в ходе полевых исследований, харбукские кузнецы приняли участие в промышленной и сельскохозяйственной выставке в г. Тифлисе в 1899 г. На выставке были представлены косы, щипцы для сахара, ножницы, топоры, пистолеты. Во время революции мастер Рабадангаджи Гасанов даже изготовил в качестве подарков В.И. Ленину в 1921 г. щипцы для сахара, ногойку, разбирающийся перочинный нож с 10 приспособлениями. К сожалению, судьбу этих вещей не удалось установить [11, С. 120–121].

Интерес представляют косвенные данные, отражающие тенденцию к упадку оружейного (огнестрельное оружие) дела в начале XX в. В 1886 г. в Кубачи было 50 (по другим данным 45) мастеров по изготовлению прикладов ружей (ложники), а в соседнем Харбуке работало 16 таких мастеров.

Появление таких самостоятельных специальностей в промыслах было связано с тем, что еще в середине XIX в. в них возникло подробно описанное исследователем О.В. Маргграфом разделение труда между оружейниками Кубачи и Харбук при изготовлении пистолетов и ружей. В условиях сложившегося разделения труда между селами сборка оружия (завершающие процессы) перешла к кубачинским мастерам. Учитывая выгоды специализации, в середине XIX в. в Кубачи перестали изготавливать стволы для ружей и пистолетов и их широкое производство для кубачинцев налаживается в с. Харбук, в то же время и во второй половине XIX в. кубачинские мастера продолжали изготавливать оружейные замки, а также детали, необходимые для полной сборки ружья или пистолета [1, С. 29-30].

Интерес представляет и материал о специализации кубачинских и харбукских оружейных мастеров в последней четверти XIX в. Так, в конце 1860-х гг. широкое распространение в российской армии получают казнозарядные ружья. Однако массовый переход дагестанских оружейников на изготовление такого типа оружия не состоялся, т.к. «местное начальство» запрещало его изготовление. В то же время, несмотря на запрет, многие оружейники освоили технологию производства такого типа оружия. В начале 1880-х годов к Всероссийской промышленной выставке «по особой просьбе» кубачинскими мастерами были изготовлены пистонные ружья, револьвер и магазинная винтовка [9, С. 206].

В начале XX в. число оружейников (огнестрельное оружие) в промыслах еще более сократилось. Упал спрос и на работы изготовителей прикладов ружей (ложников). В 1917 г. в Харбуке по переписи «ложником» уже никто не был указан. Возможно, они перешли в разряд чернорабочих. Таковыми здесь в этот период указаны 56 человек. Видимо, кроме прикладов ружей, именно они изготавливали и мелкие детали: ручки для пистолетов, колечки, шампура, винты и т. д. Спрос на ружья дагестанских мастеров к этому времени значительно упал. На рынках оружия чаще спрашивали пистолеты. Заводское оружие в гражданском обороте вытесняет кустарное.

Интерес представляют данные и о числе слесарей. Слесарное дело (обработка металла в холодном виде) отпочковалось от кузнечного еще в XIV-XV вв. и стало в начале XX в. основным занятием многих кузнецов. По тем же данным, в Харбуке в 1886 г. работало 23 слесаря, но в 1917 г. в качестве слесаря уже никто не был указан. Возможно, слесари записаны кузнецами, так как часто мастера совмещали специальности кузнецов и слесарей. В начале XX в. резко возрос ассортимент изделий, выполняемых слесарными приемами. Харбукские мастера могли изготавливать почти все виды изделий для быта населения, выпускавшихся и заводами российской империи. Но местные изделия были более приспособлены к условиям быта населения Дагестана. В числе таких изделий были железные печи, воротные и дверные замки. Даже до наших дней во многих семьях сохранились гиревидные и коробчатые замки, изготовленные харбукскими мастерами по типу заводских.

Новым явлением начала XX в. для Харбука стало появление и печников, изготавливающих отопительные приборы – железные печи [8, С. 208–212]. В материалах за 1886 г. они не указаны. Но в переписи за 1917 г. назван уже один печник («жестянщик»). С 1920-х годов в селе появились и другие мастера печного дела. Спрос на железные печи стал расти по всему Дагестану.

Интерес представляют данные о дальнейшем (после 1917 г.) развитии этих промысловых центров. С победой советской власти ситуация в них резко изменилась. Не стали проводиться и массовые переписи в промыслах. Поэтому данные об этих центрах фрагментарны, их можно найти в небольших отчетах и справках. Так, в материалах архивных фондов ЦГА Республики Дагестан имеется отчет об обследовании кустарных промыслов Дагестана, проведенного с 1 мая по 1 сентября 1927 года. В это время были обследованы промыслы Харбук и Амузги. В отчете отмечалось, что в с. Амузги промыслом (изготовление кинжалов, изделий для быта) занимаются в 80 хозяйствах, а в Харбуке из 310 хозяйств, «вырабатывающих исключительно огнестрельное оружие и необходимые припасы к ним» было всего

50 мастеров. Авторы обследования писали, что «оба эти аула представляют из себя сплошную кузницу, и подъезжая к ним днем, еще издали слышишь сплошной стук молотков» [10, С. 121].

А художественно-ювелирными промыслами в Харбуке занимались лишь 20 человек, в Кубачи таких мастеров было 253 человек. Интересно сравнить данные по Кубачи со сведениями других дагестанских сел, где ремесленная деятельность также, как в Кубачи и Харбуке, занимала значительное место. Такие даргинские села (Мулебки, Мекеги, Меушиша, Дейбук) по степени развития металлообрабатывающих промыслов значительно отставали от указанных выше сел. Так, в с. Мулебки на 561 двор было 70 ремесленников (30 кузнецов, 24 плотника, 15 каменщиков и 1 ювелир). В с. Мекеги при 921 дворе работало всего 24 ремесленника (9 кузнецов, 8 плотников, 4 ювелира, 3 каменщика). А в с. Амузги на 54 двора в том же 1886 г. числилось 46 кузнецов, в Харбуке на 404 двора – 231 ремесленник (127 кузнецов, 26 оружейников, 23 слесаря, 21 ювелиров, 16 ложников, 6 каменщиков, 5 торговцев, 2 сапожника, 1 игольщик, 1 лудильщик, 1 подковщик, 1 столяр, 1 медик) [10, С. 119–120].

Сравним и другие данные. В частности, в списке по промыслу Харбук есть сведения о выезжающих на заработки мастерах. Отмечено, что некоторые харбукцы «проживают» в селах Кайтага. Поскольку в посемейном списке по Кубачи таких данных нет, такие расхождения могут свидетельствовать о том, что списки составлялись несколькими «командами», и что не было универсальных для всех переписчиков правил учета и подсчета.

Кузнечное и оружейное дело Харбука стало интенсивно развиваться и в годы гражданской войны. Взамен традиционного оружия мастера освоили заводские технологии изготовления казнозарядного оружия, и в промысле уже не изготавливали ружья и пистолеты с кремневыми замками.

Не был случайным не только рост квалификации оружейников, но и увеличение общего числа кузнецов и слесарей. Так, еще в 1912 г. на дагестанской сельскохозяйственной выставке в столице Дагестанской области Темир-Хан-Шуре харбукские мастера экспонировали револьвер системы Смит и Вессон, четыре двухствольных пистолета, одноствольные и двухствольные ружья. А в годы гражданской войны они делали и однозарядные пистолеты под черный порох и под патрон 44 калибра, и трехлинейные винтовки. Рассказывали, что мастера изготавливали даже пулеметы, снабжали ими Красную Армию [2, С. 122].

Дальнейшая судьба оружейных промыслов Харбука оказалась связанной с политикой власти по ограничению и запрещению таких промыслов. В 1920-1930-е годы в частной сфере были запрещены промыслы изготовления оружия и обработка драгоценных и цветных металлов. В 1926 г. специально посланным армейским отрядом в Харбуке было собрано 350 ружей и пистолетов и несколько тысяч патронов. Из села в это время, согласно полевому материалу, были вывезены прекрасные образцы кремневых ружей, представлявшие историческую и художественную ценность. Были вывезены не только оружие, но и инструменты многих оружейников.

Отдельные мастера-оружейники Харбука продолжали нелегально работать до конца 1930-х годов. Они занимались в основном изготовлением перочинных (складных) ножей и починкой старого оружия. Изготавливали мастера и винтовки, и охотничьи ружья, и пистолеты центрального боя, о боевых качествах которых рассказывали чудеса. В 1935 г. в селе работали еще 7 мастеров-оружейников [2, С. 122–123].

Начало XX в. характеризовалось также увеличением числа мастеров по изготовлению одежды (портные), обуви (сапожники). Не случаен был рост числа сапожников в начале XX в. Кузнецам было легче освоить такую специальность. В это время росла социальная активность мужского населения. Отходничество, поездки на еженедельные базары, которые устраивались в крупных селах, другие отлучки в тех условиях требовали многочасовой ходьбы и хорошей обуви.

Заключение

В конце XIX – начале XX в., как можно судить по материалам таких источников, как посемейные списки 1886 г., сельхозперепись 1917 г., обследование 1927 г. в широко известных на Кавказе ремесленных промыслах происходят значительные изменения как в структуре занятий мастеров, так и в численности занятого промыслами населения. Изменения были связаны с социально-экономическими и политическими процессами, происходящими в регионе, России в целом.

В промыслах уменьшилось изготовление огнестрельного оружия. Появились промыслы мастеров по изготовлению золотых изделий, железных печей, медной посуды, лудильного дела. В конце XIX – начале XX в. растет число мастеров, выезжающих на заработки в другие села и города.

В центрах металлообработки развиваются кузнечные промыслы. Мастера изготавливают клинки для холодного оружия, накладные детали для конской сбруи, наборных поясов, подковы, изделия хозяйственно-бытового назначения (ножи, топоры, кухонные принадлежности, навесные замки для дверей, ворот, серпы, косы и др.). Появились специальности портных, сапожников. Выросло число учеников у мастеров разных специальностей, популярных в это время.

В конце XIX – начале XX в. значительно выросла численность мастеров слесарных специальностей. Часто кузнецы работали и как слесари. Несмотря на поступление в Дагестан фабрично-заводских изделий, мастера промыслов старались изготавливать как традиционный, так и копировать популярный фабричный ассортимент. Среди такого ассортимента были замки, отдельные виды хозяйственного инвентаря.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Алиханов Р.А. Кубачинские очерки. Записки мастера / Р.А. Алиханов // Искусство Кубачи / сост. А.А. Иванов. – Ленинград, 1976. – С. 8–63.
2. Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа / Э.Г. Аствацатурян – Москва : Хоббикнига, 1995. – 191 с.

3. Гимбатова М.Б. Кузнечное ремесло в Дагестане (XIX – начало XX в.) / М.Б. Гимбатова // Caucasian Science Bridge. – 2021. – Т. 4. – № 1. – С. 10–17.
4. Гусейнов А.Г. Кубачи и кубачинцы / А.Г. Гусейнов. – Махачкала : Дагкнигоиздат, 2000. – 279 с.
5. Исламмагомедов А.И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование. XVIII – нач. XX в. / А.И. Исламмагомедов. – Махачкала, 2002. – 431 с.
6. Магомедов А.Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана (XIX – начало XX в.) / А.Дж. Магомедов – Махачкала : ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1999. – 205 с.
7. Магомедов А. Дж. Традиционные ремесла и культура села Кубачи. Материалы посемейного списка 1886 г. / А.Дж. Магомедов; отв. ред. Х.А. Юсупов. – Махачкала : ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2018. – 176 с.
8. Магомедов А.Дж. Об одной революции в быту населения Дагестана. Железные печки с. Харбук / А.Дж. Магомедов, Х.А. Юсупов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 7 (109). Часть 4. – С. 208–212.
9. Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства / О.В. Маргграф. – Москва, 1882. – С. 210–214.
10. Юсупов Х.А. Харбукцы: история и культура / Х.А. Юсупов, М.А. Муталимов. – Махачкала : Юпитер, 1997. – 592 с.
11. Юсупов Х.А. К. ф. н., полевой материал / Х.А. Юсупов. – Харбук, 2020.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Alihanov R.A. Kubachinskie ocherki. Zapiski мастера [Kubachi essays. Master's notes] / R.A. Alihanov // Iskusstvo Kubachi [Art of Kubachi] / compiler A.A. Ivanov. – Leningrad : 1976. – Pp. 8–63. [in Russian]
2. Astvacaturyan E.G. Oruzhie narodov Kavkaza [Weapons of the peoples of the Caucasus] / E.G. Astvacaturyan – Moscow : Hobbikniga, 1995. – 191 p. [in Russian]
3. Gimbatova M.B. Kuznechnoe remeslo v Dagestane (XIX – nachalo HKH v.) [Blacksmith craft in Dagestan (XIX – beginning of XX c.)] / M.B. Gimbatova // Caucasian Science Bridge. – 2021. – Vol. 4. – № 1. – Pp. 10–17. [in Russian]
4. Gusejnov A.G. Kubachi i kubachincy [Kubachi and its people] / A.G. Gusejnov. – Makhachkala : Dagkniгоizdat, 2000. – 279 p. [in Russian]
5. Islammagomedov A.I. Avarcy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. XVIII – nach. HKH v. [Avars. Historical ethnographic work. XVIII – beginning of XX century] / A.I. Islammagomedov – Makhachkala, 2002. – 431 p. [in Russian]
6. Magomedov A.J. Tradicionnoe hudozhestvennoe remeslo Dagestana (HИH – nachalo HKH v.) [Traditional arts and crafts of Dagestan. (XIX – beginning of the XX century)] / A.J. Magomedov – Makhachkala : Institute of Language and Art, Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Science, 1999. – 205 p. [in Russian]
7. Magomedov A.J. (author-compiler) Tradicionnye remesla i kul'tura sela Kubachi. Materialy posemejnego spiska 1886 g [Traditional crafts and culture of Kubachi town. Materials of family list from 1886]. / A.J. Magomedov, ed. by H.A. Yusupov. – Makhachkala : Institute of Language and Art, Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Science, 2018. – 176 p. [in Russian]
8. Magomedov A.J. Ob odnoj revolyucii v bytu naseleniya Dagestana. ZHeleznye pechki s. Harbuk [On a Revolution in the Life of the Dagestan Population. Iron furnaces of Kharbuk town] / A.J. Magomedov, Kh.A. Yusupov // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International research journal]. – 2021. – № 7 (109). Part 4. – Pp. 208–212. [in Russian]
9. Marggraf O.V. Oчерk kustarnyh promyslov Severnogo Kavkaza s opisaniem tekhniki proizvodstva [Sketch of handicrafts in the North Caucasus with a description of production techniques] / O.V. Maggraf. – Moscow, 1882. – Pp. 210–214. [in Russian]
10. Yusupov H.A. Harbukcy: istoriya i kul'tura [People of Kharbuk: history and culture] / H.A. Yusupov, M.A. Mutalimov. – Makhachkala : Yupiter, 1997. – 592 p. [in Russian]
11. Yusupov H.A. PhD in Physics, field material / H.A. Yusupov – Kharbuk, 2020. [in Russian]

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ О СВЕКРОВИ И НЕВЕСТКЕ НА РУССКОМ И ПУШТУ ЯЗЫКАХ

Научная статья

Эмалл Н.А.^{1,*}, Юсуфзай Н.²^{1,2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

* Корреспондирующий автор (imall1365[at]gmail.com)

Аннотация

Статья посвящена анализу пословиц и поговорок на пушту (Афганистан) и русском языках о семейных отношениях. Сопоставление позволяет выявить не только национально специфичное для каждой лингвокультуры, но и универсальные черты, общие для таких различных языков и культур, как русский и пушту. Сравнительный анализ показал, что в паремиях обеих лингвокультур отражены как положительные отношения между свекровью и невесткой, так и негативные, и последние везде имеют явный перевес в количественном отношении. Сравнение пословиц и поговорок разных народов показывает, как много общего имеют эти народы, что способствует их лучшему взаимопониманию и сближению. Если провести дополнительные исследования, можно обнаружить больше культурных и исторических сходств между русскими и пуштунами.

Ключевые слова: семантическая группа, язык пушту, пословица, поговорка, отношения свекрови и невестки.

PROVERBS AND SAYINGS ABOUT MOTHERS- AND DAUGHTERS-IN-LAW IN RUSSIAN AND PASHTO LANGUAGES

Research article

Emall N.A.^{1,*}, Yousafzai N.²^{1,2} Kuban State University, Krasnodar, Russia

* Corresponding author (imall1365[at]gmail.com)

Abstract

The article is devoted to the analysis of proverbs and sayings in the Pashto language (Afghanistan) and Russian about family relations. The comparison allows identifying not only the nationally specific for each linguistic culture, but also for identifying universal features common to such different languages and cultures as Russian and Pashto. Comparative analysis has shown that the paroemia of both linguistic cultures reflect both positive and negative relations between mother-in-law and daughter-in-law, and the latter always having a clear proportional advantage. A comparison of the proverbs and sayings of different peoples shows how much they have in common, which enables better mutual understanding and rapprochement. Should more research be conducted, more cultural and historical similarities could be found between Russians and Pashtuns.

Keywords: semantic group, Pashto language, proverb, saying, mother-in-law and daughter-in-law relationship.

Отношения между свекровью и невесткой – одни из самых противоречивых и беспокойных у всех наций и народностей мира. Существует ряд причин, по которым возникают проблемы между свекровью и невесткой. Российская писательница Алина Крипиченкова отмечает это во введении к своей статье: «В интернете я нашла следующие отрицательные определения слова «свекровь»: «Свекровь – это мать в законе», «Свекровь – это что, зверь?», «Свекровь – это мама или монстр?», «Свекровь – вторая мама или мачеха?», «Свекровь – это диагноз?», «Свекровь – это враг или друг?», «Свекровь – это приговор?», «Свекровь – это ад?», «Свекровь – это вообще кто?», «Свекровь – это свекла с кровью», «Свекровь – это стресс» и много других. И только несколько положительных: «Свекровь – это не страшно», «Свекровь – это его мама», «Свекровь – это не только зло».

Следующее слово было «Тёща» (мать жены). «Теща-это зло», «Теща – это квинтэссенция недостатков жены», «Теща – это не призвание, а диагноз», «Теща – это мать, которая уже не нужна», «Теща – это серьезно», «Теща – это бабушка ваших детей», «Теща-это звучит гордо», «Теща – это сила», «Теща – это клад». Анализируя высказывания пользователей интернета, прихожу к выводу, что свекровь является более отрицательным персонажем, чем теща» [1].

А. Крипиченкова предлагает разобраться, почему так происходит. Главной причиной такого положения дел она считает то, что при появлении потенциальной невесты свекровь начинает чувствовать, что теряет лидирующую позицию женщины № 1, однако она хочет руководить везде и во всем и быть в курсе всего, что происходит. «Иногда свекровь просто не может устоять, хотя понимает, что своими действиями плохо влияет на личную жизнь своего сына. Она боится на подсознательном уровне, что невестка может оказаться сильнее, взять хозяйство в свои руки и увести сына, которого она растила. Особенно это касается свекрови, которая воспитывала ребенка одна, или отец не принимал никаких действий в воспитании своего ребенка, либо мать всегда была доминирующей в семье, и ей подчинялись все и боялись» [1].

Карим Наими пишет о конфликте между невесткой и свекровью в культуре пушту. Почему свекровь и невестка так противятся друг другу? Можно ли их примирить или это сложная «палестино-израильская история»?

Причины внутренних споров между свекровью и невесткой могут быть следующими:

- Свекрови не нравится трон, отнятый у неё спустя годы в результате долгой борьбы, и она не хочет оставлять его неопытной невестке.
- Невестка выходит за мужа, она не хочет быть в руках свекрови и свекра, поэтому каждую ночь жалуется мужу на свекровь и свекра.
- Сын не может разрешить споры и семейные разногласия между матерью и женой.

- Невестка не имеет большого опыта и страдает от ошибок свекрови.
- Женщины не могут примириться между собой из-за денег, работы по дому, гостей и других вопросов.
- Свекровь предупреждает невестку о повторном браке сына и хочет ее контролировать.
- Невестка хочет разлучить сына со свекровью и вести свободную жизнь.
- Невестка не хочет служить старым свекрови и свекру.
- Казна семьи находится на попечении свекрови, и она не платит за реализацию новых идей невестки.
- Более низкие доходы также закладывают основу для внутренних раздоров. Проявление уважения к той невестке, которая происходила из богатой семьи и принесла много богатства в дом мужа.

• Различное поведение между невестками создаёт между ними ненужную конкуренцию [1].

В этом отношении между русской и афганской культурами есть интересное отличие. На русском языке тёща – это мама жены, а свекровь – мама мужа. Если у женщины есть и дочь и сын, то она может быть и тещей, и свекровью. Но на пушту для обоих используется одно слово (خوانښي).

Мы попытались найти сходство и различия между пословицами и поговорками о свекрови и невестке на русском и пушту языках. В результате оказалось возможным выявить три группы с опорой на содержание:

- 1) содержательно идентичные пословицы и поговорки;
- 2) пословицы, которые существуют только на русском языке;
- 3) пословицы, которые существуют только на языке пушту.

Основная причина различия этих пословиц – это удаленность народов, принадлежность к разным языковым группам, культурное наследие и религиозный аспект.

Идентичные по смыслу пословицы и поговорки на русском и пушту языках

Добрая свекровь – вторая мать для невесты [5].

خوانښي ښه ده لکه مور خبري زور غواړي د يور – Свекровь хороша как мать. «Но трудно говорить с золовкой».

В этой русской и пуштунской пословицах характер матери считается положительным. И в русской, и в пуштунской пословицах свекровь сравнивается с матерью. Но в пуштунской пословице есть еще жалоба на золовку. В пуштунском обществе время от времени случаются драки между невесткой и золовкой, о чем упоминается в этой пословице. В русском языке это же отражено в поговорке «Золовка – змеиная головка».

Журлива, что свекровь [3].

همزولي مي ميلمني دي، خوانښي ډيک نه راکوي – Мои сверстники в гостях, но свекровь не дает мне кастрюлю (пушту).

В общем смысле русская и пуштунская пословицы имеют сходное значение: характер свекрови считается отрицательным в обоих случаях – свекровь жадничает и ругается.

Помнит свекровь свою молодость и снохе не верит [4].

Блудливая свекровь и невестке не верит.

مروړ چي وتلي وي، خوانښي پسي ستري وي – Когда невестка уходит, свекровь бродит за ней (пушту).

Здесь также есть интересное концептуальное сходство, роль свекрови в обеих пословицах считается отрицательной, а самым интересным сходным моментом является скептическое, недоверчивое отношение свекрови к своим невесткам в обоих языках.

Свекровь дочку бранит – невестке науку дает [6].

Свекровь кошку бьет, а невестке наетки дает.

لوري تاته وايم، مروړي پند يي نيسه – Дочь, я говорю тебе, а невестка должна понять (пушту).

Эти пословицы относятся к скрытому конфликту свекрови с невесткой: когда свекровь не может прямо поговорить со своей невесткой, она резко говорит с дочерью, но при этом ее речь нацелена на невестку.

У свекрови невестка всегда виновата [4].

مروړ په خوانښي تل ملامته وي – Свекровь всегда винит невестку (пушту).

В этих русских и пуштунских пословицах абсолютно идентичный общий смысл. Однако в пуштунской языковой традиции в этой пословице есть также ирония: свекровь всегда спорит с невесткой. С этой точки зрения люди едко говорят, что, что бы ни случилось, всегда виновата невестка. То есть свекровь стремится причиной всех бед объявить невестку.

Свекровь в дом – все вверх дном [2].

خوانښي ته بي مروړ او مروړ ته بي خوانښي کور ښه ښکاري – И у свекрови без невестки, и у невестки без свекрови дом выглядит хорошо (пушту).

Для свекрови сын самый лучший, хороший, любимый, и при появлении любимой женщины у сына она воспринимается как соперница. Проблемы могут возникнуть в домах, где свекровь и невестка живут вместе. И если в современном русском обществе дети, заведшие свои семьи, стараются жить отдельно от родителей, то в пуштунском обществе большинство свекровей и невесток живут в одном доме, и в этих домах всегда происходят драки.

Пуштунские пословицы и поговорки, не имеющие аналогов в русском языке

[3] خوانښي بي مشرتوب کوي، مروړ يي ليونتوب کوي

Если свекровь властная, то невестка сходит с ума.

Во многих человеческих обществах главой семьи считается мать, но у пуштунов этот вопрос стоит особенно остро. Мать пользуется большим уважением в семье. Семейным строем и всеми делами семьи занимается мать, но когда невестка приходит в дом, она становится соперницей свекрови. Мать по-прежнему ведает домом и заботится обо всем, но невестка не слушается приказов свекрови и соревнуется с ней. Возникает конфликтная ситуация – кто кого переспорит, переупрямит, чье мнение возьмёт верх. Если таковой окажется свекровь, то невестке становится очень плохо и трудно жить.

То же самое утверждается в другой пословице:

ده – ځوابني ژبه اوږده ده، پر مږور يې مخکه سره ده – Если у свекрови язык длинный – земля будет горяча невестке [1].

Свекровь, которая имеет длинный язык, резко разговаривает со своей невесткой, сплетничает о ней, способна испортить ей жизнь.

مر غومي ته لا ښه يې ځوابني نه لري بيده يې – Козе лучше не иметь свекрови и спать спокойно [4].

В этой пуштунской поговорке невестка жалуется свекрови, иносказательно уподобляет себя козе: животные свекровей не имеют, а потому живут и спят спокойно.

مږور چې ژبوره سي، ځوابني مږوره سي – Если невестка бесстыжая, то свекровь расстроится [4].

Смысл этой пуштунской поговорки противоположен предыдущим: здесь уже характер невестки считается отрицательным. Когда невестка не проявляет уважения к свекрови и спорит с ней даже по мелким вопросам, мать очень расстраивается; в результате происходит слом семейной системы, она рушится.

ځوابني شال مږور يې ساپه ده – Свекровь – шаль, невеста – тень [1].

Эта пуштунская поговорка говорит о тех случаях, когда между свекровью и невесткой устанавливаются хорошие отношения, когда свекровь добра, а умная невестка, уважая её, будет иметь лучшую семейную жизнь. В приведенной поговорке свекровь сравнивается с шалью, которая укрывает семью от невзгод, согревает ее своим теплом; невестка сравнивается с тенью, то есть только если она становится тенью свекрови и мужа, в семье возникает взаимное уважение и хорошая спокойная жизнь.

چرې مور (ځوابني) نه مور کيږي – Чужой матери не стать матерью. Чужая мать – не мать [2].

В этой пуштунской поговорке «чужая мать» означает «свекровь», Многие пуштуны считают, что никто не может заменить настоящую мать, особенно же свекровь никогда не может быть настоящей матерью своей невестке. То же самое отражено и в другой поговорке:

ځوابني مي نه ليدلي، تر مور مهربانه – Я никогда не видел свекрови более любящей, чем мать [2].

Как и в предыдущей поговорке, смысл сводится к тому, что свекровь никогда не может быть добрее и роднее матери.

ځوابني چې زړه سي خوله يې پسته سي – Чем старше становится свекровь, тем она добрее [5].

Эта пуштунская поговорка отражает тот факт, что человек нуждается в другом человеке по мере взросления и старения. Осознавая старческое приближение болезней и немощи, свекровь постепенно перестаёт ссориться с невесткой – в надежде, что именно она сможет обеспечить ей должный уход, достойное завершение дней.

مږوري خواره سي، مکاره سي هم جنگ کوي هم ژاري – Бедняжка невестка, но ты ссорись сама и плачешь [3].

Эта поговорка используется для невесток, которые ссорятся со свекровью. В пуштунском обществе много невесток, которые ссорятся со свекровью, оставаясь наедине друг с другом, но когда ее муж приходит домой, она плачет и жалуется на свекровь.

Русские пословицы и поговорки, не имеющие аналогов на пушту

Первая зазнобушка – свекор да свекровь [3].

Когда невестка приходит в дом мужа, ее первыми и лучшим друзьями должны становиться родители мужа.

У лихой свекрови и сзади глаза [4].

Свекровь обычно следит за действиями невестки, наблюдает, сует свой нос в ее дела, даёт непрошенные советы. Среди пуштунов существует такое же понятие и традиция, что свекровь всегда следит за своей невесткой и контролирует все ее действия, но специальной поговорки для этого на пушту нет.

Свекровь злится, что невестка веселится [3].

Когда невестка счастлива и в хороших отношениях с мужем, свекровь часто злится и не может вынести счастья своей невестки. Такое же понятие существует и в афганском обществе.

При слове «свекровь» у многих невесток меняется выражение лица [3].

Эта поговорка показывает силу антагонизма между свекровью и невесткой: даже упоминание свекрови в разговоре с другими людьми ввергает невестку в негативные эмоции.

Кому свекровь свекровушка, а кому и свекровища [4].

Здесь отношения между невесткой и свекровью выражены коннотативно, посредством обыгрывания суффиксов: в первом случае суффикс *-ушк-* придаёт слову оттенок нежности, ласкательности, отражает отношение невестки к свекрови как доброе и тёплое. Во втором случае суффикс *-иш-* придаёт слову «свекровь» грозный характер (по аналогии со словами «силища», «великанша», «чудовище» и т.п.) и содержит сему устрашения, говорит о недружественных отношениях, о страхе невестки перед свекровью.

Итак, можно сказать, что в любом обществе существует конфликт между свекровью и невесткой, что отражено в русских и пуштунских поговорках. В этом отношении между двумя культурами выявлено сходство – и у русских, и у пуштунов отношения между свекровью и невесткой зачастую плохие, но вместе с тем есть поговорки, указывающие на положительные отношения между ними.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Кирпиченкова. А. Что такое свекровь или кто она? / А. Кирпиченкова. [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2010/12/22/657> (дата обращения: 24.08.2021).
2. Агафонова Е.А. Отношения со свекровью и золовкой / Е.А. Агафонова. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.b17.ru/article/115326/> (дата обращения: 24.08.2021).
3. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. [Электронный ресурс]. URL: <https://my-dict.ru/dic/poslovicy-russkogo-naroda-vidal/502323-zhurliva-chto-svekrov/> (дата обращения: 24.08.2021).

4. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. [Электронный ресурс]. URL: <https://vdahl.ru/помнит-свекровь-свою-молодость-и-снохе-не-верит> (дата обращения: 24.08.2021)
5. Коробейник Д. Мир в семье / Д. Коробейник. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirwomne.ru/semia/articles/mir-v-semie/svekrov-i-nevestka/> (дата обращения: 24.08.2021).
6. Народная правда. Народная мудрость в поговорках и пословицах / Народная правда. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravdatver.ru/chelovek/svekrov-snohe-ne-verit-poslovica.html> (дата обращения: 24.08.2021).
7. [بريننايي سرچينه]. نعيمی کریمه. خوانبي او مزور / نعيمی کریمه. <https://archive.taand.com> [[خپرېدو نېټه] [2021].
8. ژواک، محمد دين، پښتو متلونه، صداقت خپرنديوه ټولنه کندهار، 2009 / ۱۳۹۲ – 89 مخ
9. طاهر، محمد نواز، ادواردز، ټي. ک. روهي متلونه: پښتو متلونه په پښتو ژبه د انگليسي تورو سره. پېښور: پښتو اکاډمي، پېښور پوهنتون، 1982. – 34 مخ.
10. طاهر محمد نواز، لرغوني فکرونه، پښتو اکاډمي پېښور پوهنتون، ۱۳۹۴ / 2015، 68 مخ.
11. يوسفزی فرهاد علي، د متلونو په لار، اعراف پرنټرز محله جنګي پېښور، ۱۳۹۷ / 2018 – 150 مخ.
12. خټک ر. ج. س. روهي متلونه، پښتني متلونه، انټرليټ فاونډيشن، پېښور، پښتو اکاډمي، پېښور پوهنتون. 2006. – 08 مخ.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kirpichnikova A. Shto takoe svekrov ili kto ona [What is a mother-in-law or who is she?] / A. Kirpichnikova. [Electronic resource]. URL: <https://proza.ru/2010/12/22/657> (accessed: 24.08.2021) [in Russian]
2. A.E. Anatolian. Atnashinia so svekrovo e zalovkoe [Relations with mother-in-law and sister-in-law] / A.E. Ekaterina [Electronic resource]. URL: <https://www.b17.ru/article/115326/> (accessed: 24.08.2021) [in Russian]
3. Dal. V.I. Paslovitse russkova naroda [Proverbs of the Russian people] / V.I. Dal. [Electronic resource]. URL: <https://mydict.ru/dic/poslovicy-russkogo-naroda-vidal/502323-zhurliva-chto-svekrov/> (accessed: 24.08.2021) [in Russian]
4. Dal. V.I. Paslovitse russkova naroda [Proverbs of the Russian people] / V.I. Dal. [Electronic resource]. URL: <https://vdahl.ru/помнит-свекровь-свою-молодость-и-снохе-не-верит> (accessed: 24.08.2021) [in Russian]
5. Korobeinik D. Mir v seme [Peace in the family] / D. Korobeinik [Electronic resource]. URL: <http://www.mirwomne.ru/semia/articles/mir-v-semie/svekrov-i-nevestka/> (accessed: 24.08.2021). [in Russian]
6. People's truth. Narodnaia modrost v pagavorkakh E paslovisakh [Folk wisdom in sayings and proverbs] // Narodnaya pravda [Electronic resource]. URL: <https://pravdatver.ru/chelovek/svekrov-snohe-ne-verit-poslovica.html> (accessed: 24.08.2021). [in Russian]
7. Naimi, karima. khwashi aw mazhoor [Mother-in-law and daughter-in-law] / Naeemi Karima. [Email source]. URL: <https://archive.taand.com> [accessed: 24.08.2021] [in Pashto]
8. Zwak M.D. Pashto matalona [Pashto Proverbs] / M.D. Zwak . – Sadaqat Publishing Society Kandahar, 2009 – 89 p. [in Pashto]
9. Tahir M.N. Rohi matalona [Rohi Proverbs] / M.N. Tahir, T.K. Edwards // Pashto Proverbs in Pashto with English letters. – Peshawar : Pashto Academy, University of Peshawar, 1982. – 34 p. [in Pashto]
10. Tahir M.N. Larghuni fikrona [Ancient Thoughts] / M.N. Tahir. – Pashto Academy, University of Peshawar, 2015. – 68 p. [in Pashto]
11. Yousafzai Farhad Ali, Da matalono pa lar [On the Way of Proverbs], Araf Printers Mahalla Jangi Peshawar, / 2018 – 150 p. [in Pashto]
12. Khattak R.J.C. Pashtani Matalona [Pashtani Proverbs] // R.J.C. Khattak. – Peshawar : Pashto Academy, University of Peshawar. 2006. – 08 p. [in Pashto]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.067>

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВОТВОРЧЕСТВА РУССКОЙ ПОЭЗИИ НАЧ. XX В. НА МАТЕРИАЛЕ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Научная статья

Афанасьева Н.А.^{1, *}, Ван Ц.²

¹ ORCID: 0000-0001-7253-1968;

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (nat31371[at]mail.ru)

Аннотация

Работа посвящена выявлению гендерных особенностей словообразования лирики А. Ахматовой, М. Цветаевой, В. Маяковского, С. Есенина. В ходе исследования были структурированы лексико-семантические группы корней / производящих слов окказионализмов лирики исследуемых поэтов, сопоставлены все выделенные и наиболее значимые (по частоте обращений поэтов к этим корням / производящим словам при создании новых слов) лексико-семантические группы разных поэтов. В результате исследования было выявлено, что русские поэты-женщины чаще образуют слова с корнями / производящими словами, входящими в группу «Действие», русские поэты-мужчины – слова с корнями / производящими словами, входящими в группу «Предметы». Общими для поэтов является лексико-семантическая группа корней и производящих слов «Наименование человека».

Ключевые слова: русская лирика начала XX в., окказионализмы, словотворчество, гендерные различия.

GENDER SPECIFICS OF THE WORD CREATION OF RUSSIAN POETRY AT THE BEGINNING OF XX CENTURY ON THE BASIS OF COMPOUND NOUNS

Research article

Afanas'eva N.A.^{1, *}, Wang J.²

¹ ORCID: 0000-0001-7253-1968,

^{1, 2} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

* Corresponding author (nat31371[at]mail.ru)

Abstract

The work is dedicated to identifying gender-specific features of lyrics of A. Akhmatova, M. Tsvetaeva, V. Mayakovsky, S. Yesenin. Over the course of the study, lexical-semantic groups of roots / producing words of lyric occasionalisms of the studied poets were structured, all the selected and most significant lexical-semantic groups of different poets were compared (by frequency of turning to these roots / producing words when creating new words). The study established that Russian female poets more often form words with roots / producing words belonging to the group of «Action», while Russian male poets form words with roots / producing words belonging to the group of «Objects». Common for them is the lexical-semantic group of roots and producing words of «Naming of man».

Keywords: early 20th century Russian lyric poetry, occasionalisms, word forming, gender differences.

Введение

Словотворчество как поэзии серебряного века, так и современной российской лирики является объектом пристального внимания современных исследователей. В этом ряду работы Н. Г. Бабенко [3], О. Г. Ревзиной [13], Л. В. Зубовой [6], [7], [8], [9], А. П. Осиповой [12] и др. XX в., как отмечает Е. А. Земская, «иногда даже называют веком окказионализмов» [5, С. 128]. Активное создание окказионализмов в поэтических текстах является «одной из самых ярких примет стиля Цветаевой» [9, С. 64]), а также языка В. Маяковского и других футуристов, например, В. Хлебникова [4, С. 369].

Настоящая статья посвящена исследованию сложных окказиональных существительных в лирике А. Ахматовой, М. Цветаевой, В. Маяковского, С. Есенина в гендерном аспекте. Термин окказиональный трактуется как «не узуальный, не соответствующий общепринятому употреблению, характеризующийся индивидуальным вкусом, обусловленный специфическим контекстом употребления» [1, С. 284]. Однако сопоставительного изучения словотворчества поэтов-женщин и поэтов-мужчин начала XX в. не предпринималось. Это и объяснимо. Если можно говорить о внимании к окказиональной лексике в мужской поэзии, то не все просто с женской поэзией: поэзию М. Цветаевой, серьезного реформатора слова, и А. Ахматовой, довольно редко обращающуюся к словотворчеству, достаточно трудно соотносить с мужской поэзией серебряного века. Однако такое сопоставление представляется возможным, т. к. немногочисленные новообразования А. Ахматовой имеют особое значение в ее творчестве, а значит, внимание к даже единичным случаям будет оправдано.

Целью настоящего исследования является выявление гендерных лексико-семантических особенностей сложных окказиональных существительных в поэзии А. Ахматовой, М. Цветаевой, В. Маяковского, С. Есенина.

Методы и принципы исследования

В данной работе мы обратились к идеям Л. Н. Матыциной [11], выявляющей авторские архетипы А. С. Пушкина с помощью структурирования морфемария. Морфемарий – «полный свод морфем» [11, С. 3]. При исследовании окказиональной лексики мы исходим из положения, что авторские новообразования появляются в том случае, когда поэту недостает слов общего языка для описания своего видения мира, а значит, структурирование корневых морфемариев окказионализмов, выявление наиболее значимых (по частоте обращений поэтов к этим корням / производящим словам при создании новых слов) лексико-семантических групп корней / производящих слов

окказионализмов того или иного поэта позволяет выявить особенности его идиостиля. Сопоставление лексико-семантических групп поэтов-мужчин и поэтов-женщин поможет выявить гендерные особенности словотворчества в русской поэзии.

Основные результаты

Источником материала исследования послужила информационно-поисковая система «Словарь русской поэзии Серебряного века: словарь новых слов» Л.И. Колодяжной, Л.Л. Шестаковой [10]. Из словаря методом сплошной выборки нами было выбрано 780 окказионализмов-существительных в лирике А. Ахматовой, М. Цветаевой, В. Маяковского и С. Есенина. 453 существительных являются сложными: у А. Ахматовой 3 сложных окказиональных существительных, у М. Цветаевой – 321, у В. Маяковского – 80, у С. Есенина – 49.

Для выявления специфики языка поэзии русских поэтов серебряного века, нами были выделены корни / производящие слова (если окказионализмы состоят из одного или двух узуальных слов) отобранных окказиональных сложных существительных в лирике А. Ахматовой и М. Цветаевой, В. Маяковского и С. Есенина и распределены по лексико-семантическим группам. Определение лексико-семантических групп, их наименование проводилось с помощью идеографического, семантического и тематического словарей русского языка [2], [14], [15].

Следует оговорить, что особо были выделены группы «Растительный мир» и «Животный мир и части тела животных» из общей группы «Природа». Это сделано для того, чтобы различие между идиостильными поэтов было видно особенно четко.

Определению корней / производных слов и структурированию лексико-семантических групп предшествовал семантико-стилистический анализ поэтических текстов с опорой на комментарий академических изданий лирики поэтов, а также с опорой на научную литературу, посвященную анализу стихотворений исследуемых авторов. Особую трудность представляют окказиональные сложные существительные поэзии М. Цветаевой. В ряде случаев семантика корня / производного слова осталась неясной. Подобные корни были отнесены к группе «Заумный язык».

Выявление гендерных особенностей словотворчества лирики русских поэтов нач. XX в. было проведено двумя способами:

- 1) сопоставление наиболее значимых лексико-семантических групп лирики русских поэтов нач. XX в.;
- 2) сопоставление всех лексико-семантических групп (ЛСГ) лирики русских поэтов нач. XX в.

Количество групп корней сложных окказиональных существительных у А. Ахматовой значительно меньше (4 группы), чем у М. Цветаевой (45 групп). В связи с этим было принято решение рассмотреть и сопоставить все четыре группы А. Ахматовой – группы «Действие», «Наименование человека», «Абстрактное понятие» и «Состояние / чувства человека» – и три самые представительные группы М. Цветаевой – «Наименование человека» (94 раза используются корни при образовании новых слов), «Действие» (81 раз) и «Предметы» (60 раз).

Общими для поэтов-женщин являются группы «Действие», «Наименование человека», «Абстрактное понятие» и «Состояние / Чувства человека», среди них группа «Наименование человека» и в лирике А. Ахматовой, и в лирике М. Цветаевой занимает первое место. Группа «Предметы» характерна только для поэзии М. Цветаевой. Однако отличительной особенностью собственно женской поэзии становится частое использование корней / производных слов группы «Действие» при создании новых слов.

В лирике А. Ахматовой к данной группе относятся слова *встреча* и *разлука* (по одному разу). Это окказиональное слово *встреча-разлука* (*Месяц алмазной фелукой / Вдруг выплыл над встречей-разлукой...*).

В лирике М. Цветаевой к лексико-семантической группе «Действие» относятся 36 слов: *разлёт* (2 раза), *переезд*, *разъезд*, *прошёл*, *закупай*, *поезжай*, *уступай*, *глядя* и др. и 38 корней: *-дёр-* (3 раза), *-колот-* (2 раза), *-да-* (2 раза), *-руш-* (2 раза), *-бор-* (2 раза) и др. Например, *миродержатель* (*Миродержателя сыном быв, / Стать бургомистра зятем?*).

В лирике В. Маяковского 28 групп ЛСГ корней / производящих слов сложных окказиональных существительных. В лирике С. Есенина – 24 группы ЛСГ. В тройку наиболее репрезентативных групп у В. Маяковского входят лексико-семантические группы «Предметы» (36 раз используются корни этой группы при образовании новых слов), «Наименование человека» (26 раз), «Место» (20 раз). У С. Есенина – группа «Наименование человека» (16 раз), группа «Природа / Стихия» (14 раз), «Предметы» (11 раз).

Интегральной семой большей части корней и производных слов окказионализмов этой группы в творчестве С. Есенина является 'крестьянская утварь'. Например, *веретёнце* (*ветла-веретёнце*); *сума* (*душа-сума*) и *-крын-* (*кузня-крыница*). Например, *Лижут сумерки золото солнца, / В дальних роцах аукает звон... / По тени от ветлы-веретенца / Богомолки идут на канон.*

В творчестве В. Маяковского в группе «Предметы» выделяются слова с архисемой 'кухонные принадлежности', например, *ножи* (*зубы-ножи, мысли-ножи*); *блюдечко* (*блюдечки-очки*); *ковши* (*ковчег-ковши*); *котёл* (*корона-котёл*); *-тарел(к)-* (*глаза-тарелины*). Например, *Как врезать ей / в голову / мысли-ножи.*

Слова с архисемой 'водный транспорт', например, *плот* (*льдышка-плот, подушка-плот*), *лодочка* (*комнатёнка-лодочка*), *ковчег* (*ковчег-ковши*), *корабль* (*тучи-корабли*), *миноносец* (*миноносец-американец*), например, *морем / заката / облит. По розовой / глади / моря, / на юг – / тучи-корабли.*

Слова с архисемой 'оружие', например, *винтовка* (*винтовка-ишишка*), *пушка* (*пушка-печка*), *свинец* (*дождь-свинец*), *латы* (*игрушки-латы*). Например, *дождь-свинец: Не гнулаь, / когда / пулеметом крошило, / вставала, / бесстрашная, / в дожде-свинце.*

Таким образом, можно сделать вывод о том, что общее в словотворчестве В. Маяковского и С. Есенина то, что оба поэта чаще образуют сложные существительные с корнями / словами групп «Наименование человека» и «Предметы».

К индивидуальным особенностям идиостилей двух поэтов можно отнести то, что в отличие от С. Есенина, который при создании новых слов чаще используют корни / слова группы «Природа / Стихия», В. Маяковский чаще обращается к корням / словам группы «Место».

В ходе анализа гендерных особенностей первым способом – с помощью сопоставления всех групп лирики русских поэтов – было выявлено, что все четыре лексико-семантические группы корней и производящих слов сложных окказиональных существительных лирики А. Ахматовой есть и в поэзии М. Цветаевой, В. Маяковского, С. Есенина. Так, в группе «Действие» у А. Ахматовой производящие слова в окказионализме *встреча-разлука*, у М. Цветаевой – в окказионализмах *шепоточки-мои-смеюнчики*, *разлёт-размах*, *брык-скок-бег-лёт* и др., у В. Маяковского – *агит-винт*, *всепрощенье-воск*, у С. Есенина – *весёл-разгул*, *рыдалицы-кулик* и др. В группе «Наименование человека» у А. Ахматовой производные слова окказионализма *государыня-сиделка*, М. Цветаева чаще использует при образовании новых слов производные слова *царь: царь-парус, царь-ты-дева* и *вор: вор-коршун-мятежник, вор-прелестник*. У В. Маяковского в этой группе производные слова, например, в таких окказионализмах: *подросток-страна, полночь-негодяйка*, у С. Есенина – *изба-старуха, девица-зима*.

В связи с этим можно сделать вывод, что различие в списке групп свидетельствуют не о гендерных, а об индивидуальных особенностях словотворчества поэтов.

При анализе гендерных особенностей вторым способом, т.е. при соотнесении наиболее значимых (по частоте обращений поэтов к этим корням / производящим словам при создании новых слов) групп лирики русских поэтов, очевидны гендерные особенности в лирике русских поэтов-мужчин и женщин: в отличие от В. Маяковского и С. Есенина, которые чаще создают слова с корнями / производящими словами, относящимися к группе «Предметы», А. Ахматова и М. Цветаева чаще создают новые слова с корнями / производящими словами, относящимися к группе «Действие».

Заключение

Исследование гендерных особенностей словотворчества лирики русских поэтов нач. XX в. проведено двумя способами:

1) сопоставление наиболее значимых по частоте обращения поэтов к корням / производящим словам при создании новых слов ЛСГ лирики русских поэтов нач. XX в.;

2) сопоставление всех ЛСГ лирики русских поэтов нач. XX в.

Благодаря сопоставлению (1) наиболее значимых для поэтов групп были выявлены гендерные особенности словотворчества русских поэтов-мужчин и женщин. Русские поэты-женщины чаще образуют слова с корнями / производящими словами, входящими в группу «Действие», русские поэты-мужчины – слова с корнями / производящими словами, входящими в группу «Предметы».

Сопоставление (2) всех лексико-семантических групп показало, что различие в списках групп можно отнести к индивидуально-авторским особенностям идиостилей поэтов. Все четыре ЛСГ, которые образуют корни / производные слова сложных окказиональных существительных лирики А. Ахматовой есть среди лексико-семантических групп лирики М. Цветаевой, В. Маяковского, С. Есенина.

Предлагаемый в исследовании подход к выявлению индивидуальных особенностей языкового новаторства поэтов нач. XX века на фоне окказионального словоупотребления серебряного века вообще и его результаты могут быть учтены при семантико-стилистическом анализе поэтических текстов авторов этой эпохи, способствовать уточнению семантических особенностей индивидуального словотворчества, а также определению художественного замысла произведений.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 3-е, стер. – Москва : КомКнига, 2005. – 576 с.
2. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка / О.С. Баранов. – Москва : ЭТС, 1995. – 820 с.
3. Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: / Н.Г. Бабенко. – Калининград : Калинингр. гос. ун-т, 1997. – 79 с.
4. Гаспаров М.Л. Владимир Маяковский / М.Л. Гаспаров. // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей. – Москва, 1995. – С. 363–395.
5. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства / Е.А. Земская. // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 473 с.
6. Зубова Л.В. Грамматические вольности современной поэзии, 1950–2020: [грамматическая динамика в поэтическом отражении] / Л.В. Зубова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 652 с.
7. Зубова Л.В. О языке фольклорных поэм М. Цветаевой «Царь-Девица» (1920 г.), «Переулочки» (1922 г.) / Л.В. Зубова. – Стокгольм : Стокгольмский университет, 1996. – 20 с.
8. Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингв. аспект / Л.В. Зубова; ЛГУ. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1989. – 262 с.
9. Зубова Л.В. Язык поэзии Марины Цветаевой: фонетика, словообразование, фразеология. / Л.В. Зубова // Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1999. – 232 с. [Электронный ресурс] URL: <http://philologos.narod.ru/portefolio/zubova1999.htm> (дата обращения: 09.04.2020).
10. Колодяжная Л.И. Информационно-поисковая система «Словаря русской поэзии Серебряного века: словарь новых слов», созданная на основе электронной версии «Словаря языка русской поэзии XX века» / Л.И. Колодяжная, Л.Л. Шестакова. [Электронный ресурс]. URL: <http://lexrus.ru/default.aspx?p=2674> (дата обращения 03.09.2020).
11. Матыцина Л.Н. Морфемарий А.С. Пушкина как ключ к авторским архетипам: дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.01 / Матыцина Людмила Николаевна. – Воронеж : ВГУ, 2010. – 206 с.

12. Осипова А.П. Окказионализмы в творчестве В. В. Маяковского (к вопросу изучения проблемы) / А.П. Осипова // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. – 2013. – №3 (71). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalizmy-v-tvorchestve-v-v-mayakovskogo-k-voprosu-izucheniya-problemy> (дата обращения: 09.05.2021).

13. Ревзина О.Г. Окказиональное слово в поэтическом языке Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. В 4-х т. – Москва : Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. – Т. 2. – С. 5–25.

14. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. / РАН. Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – Москва : Азбуковник, 1998.

15. Саяхова Л.Г. Тематический словарь русского языка: Ок. 25000 слов / Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин; под ред. д.филол.н., проф. В.В. Морковкина. – Москва : Рус. язык, 2000. – 556 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms] / O.S. Akhmanova. – Edition 3rd, sr. – Moscow : KomKniga, 2005. – 576 p. [in Russian]

2. Baranov O.S. Ideograficheskiy slovar' russkogo yazyka [Ideographic dictionary of the Russian language] / O.S. Baranov. – Moscow : ETSS, 1995. – 820 p. [in Russian]

3. Babenko N.G. Okkazional'noye v khudozhestvennom tekste. Strukturno-semanticheskiy analiz: Ucheb. posobiye [Occasional in a literary text. Structural-semantic analysis: Proc. allowance] / N.G. Babenko. – Kaliningrad : Kaliningr. gos. un-t, 1997. – 79 p. [in Russian]

4. Gasparov M.L. Vladimir Mayakovskiy [Vladimir Mayakovsky] / M.L. Gasparov // Ocherki istorii yazyka rus-skoy poezii KHKH veka: Opyty opisaniya idiostiley [Essays on the history of the language of Russian poetry of the twentieth century: Experiences in describing idiostyles]. – Moscow, 1995. – Pp. 363–395.

5. Zemskaya E.A. Aktivnyye protsessy sovremennogo slovoпроизводства [Active processes of modern word production] / E.A. Zemskaya // Russian language of the end of the XX century (1985-1995). – Moscow : Languages of Russian culture, 1996. – 473 p.

6. Zubova L.V. Grammaticheskiye vol'nosti sovremennoy poezii, 1950–2020: [grammaticheskaya dinamika v poeticheskom otrazhenii] [Grammatical liberties of modern poetry, 1950–2020: [grammatical dynamics in poetic reflection] / L.V. Zubova. – Moscow : New Literary Review, 2021. – 652 p. [in Russian]

7. Zubova L.V. O yazyke fol'klornykh poem M. Tsvetaevoy «Tsar'-Devitsa» (1920 g.), «Pereulochki» (1922 g.) [About the language of folklore poems by M. Tsvetaeva “The Tsar Maiden” (1920), “Alleyways” (1922)] / L.V. Zubova. – Stockholm : Stockholm University, 1996. – 20 p. [in Russian]

8. Zubova L.V. Poeziya Mariny Tsvetaevoy: Lingv. aspekt [Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistics. aspect] / L.V. Zubova; LGU. – Leningrad : Publishing House of Leningrad State University, 1989. – 262 p. [in Russian]

9. Zubova L.V. YAzyk poezii Mariny Tsvetaevoy: fonetika, slovoobrazovaniye, frazeologiya. [The language of Marina Tsvetaeva's poetry: phonetics, word formation, phraseology] / L.V. Zubova // St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University, 1999. – 232 p. [Electronic resource]. URL: <http://philologos.narod.ru/portefolio/zubova1999.htm> (accessed: 04/09/2020). [in Russian]

10. Kolodyazhnaya L.I. Informatsionno-poiskovaya sistema «Slovarya russkoy poezii Serebryanogo veka: slovar' novykh slov», sozdannaya na osnove elektronnoy versii «Slovarya yazyka russkoy poezii XX veka» [Information retrieval system «Dictionary of Russian poetry of the Silver Age: a dictionary of new words”, created on the basis of the electronic version of the “Dictionary of the language of Russian poetry of the XX century»] / L.I. Kolodyazhnaya, L.L. Shestakova. [Electronic resource] URL: <http://lexrus.ru/default.aspx?p=2674> (accessed 09/03/2020). [in Russian]

11. Matytsina L.N. Morfemariy A.S. Pushkina kak klyuch k avtorskim arkhetyпам [Morphemaria A. S. Pushkin as a key to the author's archetypes]: dis. ... of PhD In Philology: 10.02.01 / Lyudmila Nikolaevna Matytsina. – Voronezh : VGU., 2010. – 206 p. [in Russian]

12. Osipova A.P. Okkazionalizmy v tvorchestve V.V. Mayakovskogo (k voprosu izucheniya problemy) [Occasionalisms in the work of V. V. Mayakovsky (on the issue of studying the problem)] / A.P. Osipova // Prirodnyye resursy Arktiki i Subarkтики [Natural Resources of the Arctic and Subarctic]. – 2013. – No. 3 (71). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalizmy-v-tvorchestve-v-v-mayakovskogo-k-voprosu-izucheniya-problemy> (accessed: 05/09/2021). [in Russian]

13. Revzina O.G. Okkazional'noye slovo v poeticheskom yazyke Mariny Tsvetaevoy [Occasional word in the poetic language of Marina Tsvetaeva] / O.G. Revzina // Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva. In 4 volumes. – Moscow : House-Museum of Marina Tsvetaeva, 1998. – Vol. 2. – P. 5–25. [in Russian]

14. Russkiy semanticheskiy slovar': Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy [Russian Semantic Dictionary: Explanatory Dictionary, systematized by classes of words and meanings] / РАН. In-t rus. lang.; Under total ed. N.Yu. Shvedova. – Moscow : Azbukovnik, 1998. [in Russian]

15. Sayakhova L.G. Tematicheskiy slovar' russkogo yazyka: Ok. 25000 slov [Thematic Dictionary of the Russian Language: Approx. 25,000 words] / L.G. Sayakhova, D.M. Khasanova, V.V. Morkovkin; Ed. Doctor of Philology, prof. V.V. Morkovkin. – Moscow : Rus. language, 2000. – 556 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.068>

**«УЧЕНИК ГОГОЛЯ»: ДАНЬ ПАМЯТИ И ТРАДИЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ
ТЕКСТАХ И.Л. ЩЕГЛОВА-ЛЕОНТЬЕВА**

Научная статья

Варфаламеева Т.В.*

ORCID: 0000-0002-0811-7137,

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

* Корреспондирующий автор (wtw1706[at]mail.ru)

Аннотация

Иван Леонтьевич Щеглова-Леонтьев – незаслуженно забытый в наше время писатель конца XIX – начала XX вв., близкий друг А. П. Чехова. Современники отмечали, что творчество Н. В. Гоголя во многом определило творческое становление И. Л. Щеглова-Леонтьева. В статье рассмотрены художественные и документальные произведения, в которых происходит актуализация гоголевского текста посредством использования различных стилистических приемов: реминисценций, аллюзий, цитат, прямых упоминаний. Особое внимание уделено сравнительному анализу одноактной пьесы «Граждане» (1879) – первому произведению И. Л. Щеглова-Леонтьева, написанному «под непосредственным влиянием «Ревизора» Н. В. Гоголя и являющемуся литературным подражанием.

Ключевые слова: И.Л. Щеглов-Леонтьев, Н.В. Гоголь, гоголевские аллюзии, гоголевские реминисценции, литературное подражание.

**«APPRENTICE OF GOGOL»: TRIBUTE TO MEMORY AND TRADITION IN FICTION AND DOCUMENTARY
TEXTS OF L. SHCHEGLOV**

Research article

Varfalameeva T.V.*

ORCID: 0000-0002-0811-7137,

Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia

* Corresponding author (wtw1706[at]mail.ru)

Abstract

Ivan Leontievich Shcheglov-Leontiev – is an undeservedly forgotten writer of the late 19th and early 20th centuries, close friend of A. P. Chekov. Contemporaries noted that the creative work of N.V. Gogol largely determined the creative growth of I.L. Shcheglov-Leontiev. The article examines the fiction and documentary works in which the actualization of the Gogol text happens through the use of various stylistic devices: reminiscences, allusions, citations, direct mentions. Special attention is paid to the comparative analysis of the one-act play «Grazhdane» [Citizens] (1879) – the first work of I.L. Shcheglov-Leontiev, written «under the direct influence of N.V. Gogol's «The Government Inspector», being its literary imitation.

Keywords: I.L. Shcheglov-Leontiev, N.V. Gogol, Gogol allusions, Gogol reminiscences, literary imitation.

Введение

Иван Леонтьевич Леонтьев (псевдоним «Щеглов») – талантливый и плодовитый писатель конца XIX – начала XX вв., незаслуженно забытый в наше время, автор множества романов, рассказов, очерков, пьес, близкий друг А.П. Чехова. Большинство его произведений известно лишь в дореволюционных изданиях. Однако проза и драматургия Щеглова-Леонтьева заслуживают внимания исследователей и требуют дальнейшего глубокого осмысления. Современники Щеглова-Леонтьева признавали талант писателя, однако отмечали его стилистические и жанровые «метания» в поисках своего пути в литературе.

Творчество Н.В. Гоголя во многом определило становление И.Л. Щеглова-Леонтьева как писателя. К.К. Арсеньев в статье «Беллетристы последнего времени» (1986), говоря о художественном методе И.Л. Щеглова-Леонтьева, отмечает его принадлежность к «школе» Гоголя: «Тщательно работая над своими произведениями, г. Щеглов не грешит ни растянутостью, ни излишнею эскизностью. Он наблюдатель, но не протоколист; по характеру и свойствам своего реализма, он принадлежит скорее к числу учеников Гоголя, чем к числу последователей французской "экспериментальной" школы» [1, С. 5]

Первая крупная публикация И.Л. Щеглова-Леонтьева – одноактная пьеса «Граждане» (1879) была написана «под непосредственным влиянием «Ревизора» [7, С. 96]. На различных уровнях построения художественного текста обнаруживаются реминисценции к пьесе Н. В. Гоголя. Очевидно сходство в композиции текстов: сюжет обеих пьес построен на некой путанице, интригующая разгадка которой приводит к разоблачительному финалу.

В пьесе «Граждане» члены городской Думы разыскивают автора анонимной критической статьи, опубликованной в столичной газете. Пьеса начинается с эпизода публичного и комментированного чтения этой заметки, что явно напоминает завязку «Ревизора» – прочтение письма Городничим о приезде ревизора в уездный город N и в то же время финал комедии Гоголя: сцену чтения письма Хлестакова к другу Тряпичкину.

В городе Ословодске (здесь стоит обратить внимание на «говорящее название» населенного пункта), так же, как и в городе N, нет порядка – царит «универсальная анархия» [9, С. 108]: чиновники забыли о своих обязанностях и не интересуются жизнью местных жителей. Они говорят о «патриотических чувствах», об «отеческой любви» к городу, о «лучших надеждах в недалеком будущем», однако не делают ничего действительно полезного, заботясь лишь об «украшении города» и не замечая реальных «существенных нужд» [9, С. 109].

Аллюзии к пьесе «Ревизор» также отражаются в системе персонажей. Одним из центральных образов пьес является местный городской голова: Антон Антонович Сквозник-Дмухановский и Борис Ильич Чертополох. Здесь

также можно увидеть сходство на уровне «говорящих» фамилий. Городской секретарь Петр Иванович Поповка, несмотря на катастрофу, говорит только о своем увлечении (о танцах, алкоголе и общении с женщинами), так же, как и судья Ляпкин-Тяпкин в пьесе Гоголя об охоте. Член управы Иван Андреевич Сладчайший, как и Артемий Филиппович Земляника в «Ревизоре», очень «услужлив и суетлив». Здесь снова стоит обратить внимание на «говорящие» фамилии, соответствующие льстивым людям, карьеристам. В основе обеих фамилий «сладость» и, кроме того, фамилия – прилагательное, употребленное в превосходной степени, «Сладчайший» напоминает нам и о персонаже поэмы Гоголя «Мертвые души» Манилове с его «сладкими» глазами, с его превосходными степенями в оценке других людей, в нем «чересчур передано сахару». Здесь возникает двойная аллюзия, сопрягающая Сладчайшего с двумя гоголевскими героями. Вслед за Гоголем Щеглов продолжает водевильную традицию комических дублетов персонажей: как Добчинский и Бобчинский в «Ревизоре», Апраксин и Галактионов, а также Большой и Маленький гласные в «Гражданах» зачастую говорят хором.

В обеих пьесах за человека, увидевшего недостатки в жизни города, принят не тот человек – приезжий из Петербурга. И Журавлев, и Хлестаков смеются над местными чиновниками: Журавлев видит в них отличные типы для своей будущей комедии, а Хлестаков рассказывает о них другу Тряпичкину, чтобы тот «написал статейку» и «обшелкал их хорошенько» [3, С. 82].

В тексте пьесы Щеглова-Леонтьева можно обнаружить прямые цитаты из комедии «Ревизор»: «Поповка: «Значит Вы в некотором роде супруг?» [9, С. 127] (Ср. у Гоголя: «Анна Андреевна: «я в некотором роде... я замужем» [3, С. 98]; «Сладчайший: <...> Я христианин, в церковь хожу каждое воскресенье, и в субботу, и все как следует...» [9, С. 117] (Ср. у Гоголя: «Городничий: «В вере тверд и каждое воскресенье в церкви бываю» [3, С. 13].

Финальной немой сцене «Ревизора» противопоставлен несмолкаемый хохот Поповки и Журавлева в комедии «Граждане». В финале пьесы Щеглова-Леонтьева Маленький гласный признается, что он является автором статьи. Этот финал невозможно сопоставить с развязкой «Ревизора», где речь идет о «душевном нашем городе, в котором бесчинствуют наши страсти, как безобразные чиновники» [2, С. 408], а Хлестаков – это «продажная и обмачивая совесть» [2, С. 409]. В пьесе «Граждане» не заложены столь глубокие смыслы, она представляет собой скорее подражательный водевиль, отличающийся сатирическим содержанием, грубоватым задором и остро выраженным социальным и бытовым началом.

После этого И.Л. Щеглов-Леонтьев пишет многочисленные военные рассказы и романы, вернувшись в драматургию с успешной пьесой «В горах Кавказа» (1887). Щеглов издал сборники пьес «Новые пьесы» (1900), «Веселый театр» (1901), «Красный цветок» (1907), в которые вошло более 30 произведений.

Так, например, образ Н.В. Гоголя встречается в пьесе из жизни русских литераторов «Затерянный мудрец» (1897), которую критик В.В. Розанов неоднократно сравнивал с пьесой А. Грибоедова «Горе от ума», отмечая ее простоту и будничность: «Щеглов сводит «Горе от ума» с Олимпийских высот, вводит его в грязь, на улицу; монологи говорятся на кухне, а не на балу; идет не идейная борьба, но животная, биологическая, однако – вокруг идей и именно за идеи...» [6, С. 76] Уже в начале пьесы мы видим «единственное украшение комнаты – два шкафа с книгами, один увенчан бюстом Гоголя» [10, С. 28], который неоднократно упоминается в репликах героев. Во втором действии главный герой философ Макушин читает «Мертвые души»: «в скорбные минуты жизни я всегда Гоголя перечитываю» [10, С. 59]. В пьесе «Мамаево нашествие» (1899) главный герой педагог Губаревский говорит жене: «Оставь, пожалуйста, в покое моих сестер! Ты точно Гоголевский почтмейстер, который во всем подозревал, «что француз гадит». Что ни случись – сейчас на сестер...» [10, С. 364].

Современники отмечали значимость фигуры Н.В. Гоголя и для самого И.Л. Щеглова-Леонтьева: «Среди имен старых мастеров, слова которых он вообще благо-вейно чтит, было одно, которое являлось для него святыней <...> Для него было наслаждением ловить какую-нибудь тайну творчества этого колосса между строками книг». В день рождения Н.В. Гоголя И.Л. Щеглов-Леонтьев устраивал встречи с литературными друзьями: «Он затевал у себя в уголке, в Артиллерийском переулке, какие-нибудь „макаронны по-гоголевски» и ближайшим друзьям закидывал записки:

– «В понедельник, 26 апреля, в 2 часа пополудни, у Ивана Щеглова будут гоголевские макароны, –70-тилетний макаронный юбилей. В надежде, что вы почтите вашим аппетитным вниманием» и т. д.

Ему было не лень присоединять к этому выписку, кажется, из Анненкова, о том, как в 1840 году Гоголь приготавливал макароны. «Повар подал макароны не совсем доваренные. Гоголь положил сначала множество сливочного масла» и т. д. [13, С. 15-16].

С середины 1890-х годов из-за житейских проблем и подорванного здоровья творческий потенциал Щеглова-Леонтьева снизился; в 1903 году Чехов отмечал: «Щеглов... забыт» [8, С. 303]. В это время И.Л. Щеглов-Леонтьев сосредотачивается на мемуаристике и собирает воспоминания о Ф.М. Достоевском, Н.В. Гоголе и А.С. Пушкине. Он посещает памятные места (Данилов монастырь, монастырь Оптину пустынь) и обращается к изучению творчества Гоголя.

В 1887 году И.Л. Щеглов Леонтьев издает книгу «Русский мыслитель», в которой собраны «избранные мысли и отрывки из сочинений Гоголя, его писем и воспоминаний о нем». Содержание сборника разделено на тематические главы «Россия и русский человек», «Об искусстве», «Литература», «Театр», «Гоголь о себе и своих произведениях», «Женщины», «О братстве», «Разные мысли парадоксы, шутки».

И.Л. Щеглов-Леонтьев неоднократно обращается к имени Н.В. Гоголя в своих публицистических работах. В сборнике «Литературный чтец» (1902) он публикует два стихотворения, посвященных пятидесятилетию юбилею «Ревизора»: «Смех» П. Вейнберг и «Памяти Гоголя» И. Горбуновой-Посадовой. В качестве эпиграфа к этому сборнику произведений для чтения на литературных вечерах, драматических курсах и концертах использованы строки Н.В. Гоголя о чтении [11, С. 9].

В книге «Наивные вопросы», изданной к юбилею И.Л. Щеглова-Леонтьева, писатель подкрепляет свои ответы цитатами Н.В. Гоголя: так, например, отвечая на вопрос «Можно ли автору одеваться по-русски?», Щеглов-Леонтьев

приводит цитату из «Мертвых душ»: «Русский человек до тех пор хорош и расторопен и не ленив, куда он ходит в рубашке и зипуне; но как только заберется в немецкий сюртук – станет вдруг неуклюж, нерасторопен и лентяй, и рубашки не перемениет, и в баню перестанет ходить, и спит в сюртуке, и заведутся у него под сюртуком немецким и клопы, и блох несчетное множество» [12, С. 9]. Отвечая на вопрос «Уважают ли у нас искусство», И. Л. Щеглов-Леонтьев пишет об оперетке «Ревизор на изнанку» – «пошлейшей пародии на бессмертное произведение» [12, С. 131]. Многократно, в том числе для описания реальных людей, упоминаются персонажи произведений Н. В. Гоголя: «гоголевский городничий» [12, С. 57], «гоголевский Петр Петрович Петух и тот, наверно бы, сплеховал в настоящем случае!» [12, С. 88], «чуть-чуть не гоголевский Чичиков... только так сказать, «профильтрованный Чичиков» [12, С. 102] «но вы сейчас же можете, как Гоголевского Петрушку, по запаху узнать» [12, С. 108], «вы бы хоть Гоголевского Кочкарева послушали, если уж христианские заветы вам не вместились» [12, С. 118].

Большое место в деятельности И.Л. Щеглова-Леонтьева занимало исследование народного театра, в том числе анализ постановок пьес Н.В. Гоголя «Ревизор» и «Женитьба». И.Л. Щеглов-Леонтьев отмечал, что «необыкновенно «серьезное» отношение народной массы к «Ревизору», – куда более серьезное, чем отношение интеллигентной публики, которая, смакуя самодовольно комизм пьесы, сравнительно неохотно подчиняет себя её моральной стороне» [13, С. 51].

В 1909 году к столетнему юбилею Н.В. Гоголя издает книгу «Подвижник слова», в которой публикует свои заметки и изыскания, собранные в продолжении десяти лет. «Мне думается, что настоящая маленькая книга, не взирая на излишнюю, быть может, сжатость и беллетристичность изложения – намеренно скрадывающую сложность подготовительной работы – все же достаточно «научно» освещает коренные причины «великой трагедии великого страдальца земли русской» (Выражение Репина из его письма ко мне о Гоголе)» [14, С. 3]. В этой книге Щеглов-Леонтьев описывает своеобразность гоголевского дара, метод работы Гоголя и его отношение к слову, дает свою оценку творчеству своего литературного кумира: «Если хотите, в области литературы Гоголь занимает совершенно то же место, которое занимает Карл Линней в области ботаники – и проживи Гоголь лишней десяток лет, доведи до конца грандиозное здание «Мертвых душ» – кто знает, мы имели бы, быть может, под рукой, своего рода художественную картограмму типических разновидностей русского человека, полную классификацию по родам и видам коренных исторически сложившихся национальных свойств наших?! Сердце обливается кровью, когда только подумаешь какого величайшего провидца мы не сумели сберечь, какую золотую, навечно-справочную книгу мы легкомысленно утратили!.. <...> слова «чичиковщина», «маниловщина», «хлестаковщина» и проч. неизгладимо отпечатлелись на спине русского человека, как выжженное тавро...» [14, С. 15].

Здесь же опубликованы очерки о пребывании Гоголя в Калуге, в Оптиной Пустыни, охарактеризована роль Отца Матвея Константиновского в судьбе Н.В. Гоголя.

В книгу включены три главы, написанные по итогам чествований памяти Гоголя в дни пятидесятилетия со дня его смерти в 1902 г.: «Гоголевские дни в Москве», «На Гоголевской выставке», «Итоги Гоголевского юбилея». Автор предполагал, что его «наброски» пригодятся потомкам, чтобы иметь возможность сравнивать последующие юбилеи с предыдущими: «Эти беглые наброски из моего московского дневника, вызванные чествованием пятидесятилетней годовщины со дня кончины Гоголя, я сохранил для настоящего издания, имея главным образом в виду молодое поколение, которому улыбаются счастье дожить до столетней годовщины. Имея под рукой, как документ, живой снимок с картины чествования памяти Гоголя в 1902 г. – явится возможность беспристрастно сравнить культурные успехи в оценке великого человека, достигнутые на протяжении полувека» [14, С. 174].

Одна из глав – рассказ «Полнощный ревизор», имеющий примечание «Присоединяю настоящий рассказ к материалу о Гоголе как подлинное происшествие, переданное мне одним моим приятелем, провинциальным актером» [14, С. 98] позволяет рассмотреть, как изменилось восприятие и осмысление пьесы Н. В. Гоголя в творчестве Щеглова-Леонтьева в зрелые годы.

Литературный критик А. А. Измайлов в рецензии писал: «Щеглов – по существу беллетрист и лучшее в его книге – талантливый рассказ «Полнощный ревизор», – в манере лесковского “рассказа кстати” переданный анекдот о том, как попавшая в житейские тиски труппа разыграла, по просьбе монахов, в одном монастыре ночью гоголевского “Ревизора” и как это приняли монахи» [4, С. 254]. Финал комедии произвел на них «потрясающее впечатление трагедии», актеры почувствовали исключительность обстановки: «точно мы... собрались священнодействовать в какой-нибудь старинной мистерии!» [14, С.104]. Полнощная постановка «Ревизора» соединила все необходимые условия для восприятия глубинного смысла условия: зрителями являются монахи, христиане, а внешнее пространство соотносится с художественным пространством пьесы. События происходят ночью, за стенами зрительного зала – кладбище и монастырь, колокольный звон совпадает с финальным занавесом – все это актуализирует тему непреходящего и вечного.

После постановки старец-иеромонах благословляет режиссера труппы: «Памятуй, сын мой, в сердце своем Полуночного Ревизора и благоустраивай душевный град свой, ибо никто не ведает ни дня, ни часа, егда Он възгрядет взискать содеянное! Все мы – смиренные работнички на ниве Божией, и на разных путях земных служим единой славе Творца Нашего Небесного!» [14, С. 107]. Слова старца также переключаются с произведениями Гоголя: «Театральный разезд» (1836) «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) и др. Близость идей старца-монаха и Гоголя подчеркивается и репликой одного из героев «Полнощного Ревизора»: «Гм... позвольте, «душевный град»... да ведь это же чисто гоголевская идея? – с видом знатока заметил юный судья. – Вот никогда бы не подумал, что простой монах мог так тонко постигнуть Гоголя!» [14, С. 107]. Вместе с тем надо заметить, что образ душевного града и идея работничества на ниве Божией восходит к трудам подвижников еще первых веков христианства, здесь надо говорить об двойном источнике реминисценций в рассказе Леонтьева-Щеглова: прямом – святоотеческие труды и опосредованном или вторичном – произведения Гоголя.

Заключение

В рассматриваемых нами произведениях И. Л. Щеглова-Леонтьева актуализация гоголевского текста происходит посредством использования стилистических приемов (реминисценций, аллюзий, цитат) на различных уровнях произведений. В целом осмысление жизни и творчества Н.В. Гоголя сыграло важную роль в формировании художественного метода И. Л. Щеглова-Леонтьева. Об роли исследований творчества Н.В. Гоголя в жизни И.Л. Щеглова-Леонтьева В. В. Розанов писал в некрологе писателя: «Литература в высшей степени неблагоприятна для сохранения в человеке именно чистоты. Вся шумная, имеющая главным мотивом в себе самолюбие, вся пропитанная соперничеством и ревностью, она «копит» человека, едва он опустился в эту сферу. Нужно что-нибудь особенно любить, любить постороннее, вне себя, чтобы этого избежать; любить больше, чем себя. Вот одно спасение. Это спасение Леонтьев нашел» [5, С. 12].

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Арсеньев К.К. Беллетристы последнего времени / К.К. Арсеньев. – Москва : Наука, 1986. – 24 с.
2. Гоголь Н.В. Вторая редакция Развязки Ревизора / Н.В. Гоголь // Гоголь Н.В. Сочинения Гоголя. – Москва : Типография В. Готье, 1856. – С. 398–444.
3. Гоголь Н.В. Ревизор / Н.В. Гоголь. – Москва : Стрекоза, 2018. – 128 с.
4. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы / [отв. ред. Т. С. Царькова]. – Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019. – 848 с.
5. Розанов В.В. Памяти Ивана Щеглова / В.В.Розанов // Новое время. – 1911. – 44 с.
6. Руднев П. Театральные взгляды Василия Розанова / П. Руднев. – Москва : Аграф, 2003. – 86 с.
7. Фидлер Ф.Ф. Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей / Ф.Ф. Фидлер – Москва : Товарищество И.Д. Сытина и Ко, 1911. – 268 с.
8. Чехов А.П. Письма. Т. XI. / А.П. Чехов. – Москва : Наука, 2009. – 796 с.
9. Щеглов-Леонтьев И.Л. Граждане / И.Л. Щеглов-Леонтьев // Театральная библиотека. – 1879. – № 2. – С. 95–128.
10. Щеглов-Леонтьев И.Л. Красный цветок / И.Л. Щеглов-Леонтьев. – Новые пьесы. – Санкт-Петербург: Издание А.С. Суворина, 1907. – 481 с.
11. Щеглов-Леонтьев И.Л. Литературный чтец / И.Л. Щеглов-Леонтьев. – Москва : Издание товарищества Вольфа, 1902. – 448 с.
12. Щеглов-Леонтьев И.Л. Наивные вопросы / И.Л. Щеглов-Леонтьев. – Санкт-Петербург: Издательство А.П. Алексеева, 1903. – 188 с.
13. Щеглов-Леонтьев И.Л. Народ и театр / И.Л. Щеглов-Леонтьев. – Санкт-Петербург : Издательство П.П. Сойкина, 1918. – 424 с.
14. Щеглов-Леонтьев И.Л. Подвижник слова. Новые материалы (о Гоголе) / И.Л. Щеглов-Леонтьев. – Санкт-Петербург : Мир, 1909. – 178 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arsen'ev K.K. Belletristy poslednego vremeni [Latest fiction writers] / K.K. Arsen'ev. – Moscow: Nauka, 1986. – 24 p. [in Russian]
2. Gogol N.V. Vtoraya redakciya Razvyazki Revizora [Second revision of The Government Inspector climax] / N.V. Gogol // Gogol N.V. Sochineniya Gogolya [Complete works of Gogol]. – Moscow : V. Gauthier typography, 1856. – С. 398–444. [in Russian]
3. Gogol N.V. Revizor [The Government Inspector] / N.V. Gogol. – Moscow : Strekoza, 2018. – 128 p. [in Russian]
4. Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2018–2019 gody [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2018-2019] / [executive editor T.S. Car'kov]. – Saint Petersburg : Dmitry Bulanin, 2019. – 848 p. [in Russian]
5. Rozanov V.V. Pamyati Ivana Shcheglova [in Memory of Ivan Shcheglov] / V.V.Rozanov // Novoe vremya [The New Time]. – 1911. – 44 p. [in Russian]
6. Rudnev P. Teatral'nye vzglyady Vasiliya Rozanova [Theatrical views of Vasily Rozanov] / P. Rudnev. – Moscow : Agraf, 2003. – 86 p. [in Russian]
7. Fidler F.F. Pervye literaturnye shagi. Avtobiografii sovremennyh russkih pisatelej [First steps in literature. Autobiographies of modern Russian writers] / F.F. Fidler – Moscow : Partnership of I.D. Sytin and Co, 1911. – 268 p. [in Russian]
8. Chekov A.P. Pis'ma [Letters]. Vol. XI. / A.P. Chekov. – Moskva : Nauka, 2009. – 796 p. [in Russian]
9. Shcheglov-Leontev L. Grazhdane [Citizens] / L. Shcheglov-Leontev // Teatral'naya biblioteka [Theatre library]. – 1879. – № 2. – P. 95–128. [in Russian]
10. Shcheglov-Leontev L. Krasnyj cvetok [The Red Flower] / L. Shcheglov-Leontev. – Novye p'esy [New plays]. – Saint Petersburg : Publication of A.S. Suvorin, 1907. – 481 p. [in Russian]
11. Shcheglov-Leontev L. Literaturnyj chtec [Literary reader] / L. Shcheglov-Leontev. – Moscow : Publication of Wolf Partnership, 1902. – 448 p. [in Russian]
12. Shcheglov-Leontev L. Naivnye voprosy [Naive questions] / L. Shcheglov-Leontev. – Saint Petersburg : A.P. Alekseev publishing house, 1903. – 188 p. [in Russian]
13. Shcheglov-Leontev L. Narod i teatr [People and theater] / L. Shcheglov-Leontev. – Saint Petersburg : P.P. Soykin publishing house, 1918. – 424 p. [in Russian]
14. Shcheglov-Leontev L. Podvizhnik slova. Novye materialy (o Gogole) [The man of word. New materials (on Gogol)] / L. Shcheglov-Leontev. – Saint Petersburg : Mir, 1909. – 178 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.069>

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ВАРИАНТОВ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Научная статья

Вечканова Э.Ю.*

ORCID: 0000-0002-7019-0992,

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

* Корреспондирующий автор (vechkanova22[at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье рассматриваются языковые современные трансформации в германских языках. В данном труде проводится фрагментарное исследование двух феноменов, которые стали новыми вариантами германского языка: этнолекта и мультиэтнолекта. Стоит указать, что мультиэтнолект и этнолект отличаются, имеют свои лингвистические особенности, а так же их употребление зависит от национальности и территории.

В работе упоминается об отличии двух феноменов от диалекта в связи с тем, что некоторые лингвисты и авторы проводили исследования: мультиэтнолект и этнолект действительно ли новые варианты или просто диалекты.

В статье доказывается, что «этнолект» – это форма проявления языка, а не новый язык, возникающий в результате взаимоотношений между разными этносами, а «мультиэтнолект» – это объединение носителей языка: турецкого, арабского, курдского, немецкого и других языков.

Ключевые слова: мультикультурное пространство, этнолект, мультилект, германские языки, трансформации в лингвистике.

MODERN TRANSFORMATIONS IN THE MULTICULTURAL SPACE: THE FORMATION OF GERMANIC LANGUAGES' NEW VARIANTS

Research article

Vechkanova E.Yu.*

ORCID: 0000-0002-7019-0992,

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

* Corresponding author (vechkanova22[at]mail.ru)

Abstract

This article determines modern linguistic transformations in the Germanic languages. In this work a fragmentary study of two phenomena that have become new variants of the Germanic language is carried out: ethnolect and multiethnolect. It is worth pointing out that multiethnolect and ethnolect are different, have their own linguistic features, and also their use depends on nationality and territory.

The paper mentions the difference between the two phenomena from the dialect due to the fact that some linguists and authors have conducted research: whether multiethnolect and ethnolect are really new variants or just dialects.

This work proves that "ethnolect" is a form of the language manifestation, not a new language, which arises due to the relationship between different ethnic groups, but "multiethnolect" is an association of speakers: Turkish, Arabic, Kurdish, German and other languages.

Keywords: multicultural space, ethnolect, multilect, Germanic languages, transformations in linguistics.

In the modern world language transformations are taking place in a multicultural space, this process is of great interest to foreign and domestic researchers in Russia and abroad. Language transformations in a multicultural space have an impact on the formation of the Germanic languages' new variants, which is confirmed by specialized sources and scientific literature.

In the 21st century, researchers note that the Germanic languages are subject to change due to the close interconnections of other cultures and the transformation of the indigenous language's norms. The question arises about the ongoing changes: do the ongoing transformations enrich the Germanic languages or, on the contrary, change them beyond recognition?

Most linguists believe that the transformations have a positive effect on the Germanic languages, make a significant contribution to the country's linguistic heritage and contribute to future development.

On the other hand, researchers' opinions are divided: the interaction of Germanic languages with other languages negatively affects the language as a whole: the boundaries are erased, the origins disappear, transforming into a "new language".

The problems of the topic under study point to detailed studies of language transformations, which draw attention to the creation of new multiethnolects that require a detailed analysis of the multicultural space and its ongoing changes. The above information proves the relevance of the topic under consideration and a large field for research, comparison and study of the modern German language's relationship with other cultures.

To understand and analyze this situation, it is worth analyzing the formation of new language variants, lexical features and transformations' specifics, which will visually represent the changes.

It should be noted that the ongoing transformations of the German language in a multicultural space can be traced on the example of several languages: Swedish, German, English and Dutch.

Studying the problems of this topic, domestic (N.S. Avdonina, A.V. Dorofeeva, A.M. Malakhova, V.V. Antropova, A.V. Grosheva, M.V. Zagidullina, E.S. Krasnopeeva), A.A. Morozova, A.A. Selyutin, E.Yu. Panova, V.V. Fedorov, O.I. Sharafutdinova, M.V. Zagidullina) and foreign scientific works (J. Androutsopoulos, G. Budach, M. Clyne, I. Dirim, H. Löffler, H. Wiese, W. Wölck) have been researched.

Analysis of the monograph by Russian authors A.M. Kalimullina, V.G. Zakirova, L.A. Kamalova points to the processes that influenced today's modern German language: structural changes began to occur and continue due to the immigration of Germans, Swedes, Dutch, English and others Europeans [3].

In the collective monograph of Russian researchers, attention is drawn to the influence of migrants, who influenced the formation and new vocabulary's formation and slang, which became the basis for the new German language [2].

A detailed study of the materials of one of the international conferences, the European multilingual space: education, society, law, provided an opportunity to isolate new variants of the German language, which differ significantly in Europe:

- 1) it is worth noting that in Germany the new version of the language began to be called Kiezdeutsch;
- 2) in the Netherlands it is called straattaal;
- 3) in Denmark – kobenhavnsk multietnolect,
- 4) Sweden was also subject to change and multilingualism influenced the creation of rinkebysvenska, “new language”;
- 5) in Norway – byvankerslang or kebavnorsk;
- 6) and in the UK there were also changes, which not only had an impact on linguistics, but also reflected on the linguistic heritage of the whole country – Multicultural London English was formed [1].

An analysis of the multicultural space made it possible to confirm the assumption that the relationship of one culture with another, the constant migration of people within the European space, served not only as changes in the language, but became the beginning for the formation of a multiethnolect and ethnolect.

Such a statement requires additional analysis and supporting linguistic facts, so you should figure out what ethnolect and multiethnolect really mean, is it really a new version of the Germanic language, what are the differences between these new concepts in linguistics, how do they differ and where are they found.

Turning to the time period, it is worth emphasizing that the ethnolect and multiethnolect appeared in the 20th century, but not in Germany. References to new varieties of the language, according to historical facts, were used to describe the variant of the English language, which was used by the descendants of European immigrants in Buffalo, New York.

E. Carlock and W. Welk were among the first researchers who mentioned an ethnolect as a linguistic substratum of a certain ethnic group [10].

Exploring the problems of the topic under study; its methodology should be noted: the works of famous authors, linguists and linguists, who are devoted to detailed analysis and transformations in a multicultural space, namely ethnolect and multiethnolect. Authors such as: J. Androtsopoulos, P. Auer, J. Budach, W. Welk, H. Weiss, I. Dirim, E. Carlock, M. Klein, H. Löffler and others published their views and scientific research on the above topic.

J. Budach in his work draws attention to the Kulturräume, multilingual cultural spaces where "real life" takes place, namely, relationships are established between cultures and German society itself, which contributes to the formation of that form of communication or language that will be understood by everyone, regardless of person's position or a nation [5, P. 58].

The author J. Budach confirms the fact that the above information, cultural, linguistic and people's social contacts of different ethnic groups provoked the formation of Kanak Sprak and Kiezdeutsch, a new version of the German language, which in linguistics is the linguistic concepts “ethnolect” and “multiethnolect”.

As for the ethnolect, J. Androtsopoulos, I. Dirim, M. Klein, H. Löffler mention it in their works:

1. J. Androtsopoulos considers the ethnolect as one of the language's linguistic variants, compares it with other variants, analyzing the structural characteristics within the modern state's framework of the Germanic language [4, P. 140–145].

2. I. Dirim emphasizes that the ethnolect is only a form of manifestation of the language, not a new language, which arises due to the relationship between different ethnic groups [7, P. 15].

3. M. Klein identifies Kanak Sprak, a kind of ethnolect created by Turkish migrants, the younger generation who lived in the German territories in Germany [6, P. 7].

4. H. Löffler points out that an ethnolect differs from a dialect in ethnicity, due to the fact that a dialect differs from another dialect within the boundaries of territories and social characteristics. The author notes that the ethnolect once already existed in linguistics: it refers to Yiddish, in which one could trace elements of the Slavic language, German language, as well as Hebrew [8, P. 117].

M. Klein draws attention to the fact that the multiethnolect arose quite recently. 30 years ago, the concept of “multiethnolect” was introduced by U. Kotsinas, which meant one of the variants of the Swedish language, which was actively used by young immigrants living in Sweden.

Studying the work of a foreign researcher H. Wiese, the author mentions the concept “multiethnolect”. It should be noted that he interprets this term as one of the language's variants that arose thanks to immigrants living in the country, as a result of close interaction with the indigenous population, which gave impetus to a new language's formation [9, P. 26].

The analysis of works and specialized works, where linguistic transformations were analyzed through the prism of a multicultural space, proves the difference between two phenomena: the “multiethnolect” (Kanak Sprak) and the “ethnolect” (Kiezdeutsch). It should be emphasized that the ethnolect is used only by the Turkish population in Germany, and Kiezdeutsch is interpreted as a “multi-ethnolect” due to the fact that speakers of Turkish, Arabic, Kurdish, German and other languages are united here.

H. Wiese identifies the following distinctive features that will help distinguish the two above-mentioned phenomena within the framework of a multicultural space:

1. The author draws attention to the people's origin from the point of view of the particular country's ethnic group.

2. H. Wiese separates the linguistic variants of the literary language, which makes it possible to analyze the linguistic difference in the territory.

3. It is interesting to emphasize the fact that H. Wiese analyzes in his work the systematic relationships between languages or their variants, thus it is possible to trace their language system [9, P. 27].

So, summing up the study's results of the topic's problems under study, it is worth noting that within the framework of a fragmentary analysis, it was possible to identify modern transformations taking place in the German language.

The phenomena of “ethnolect” and «multiethnolect» can be interpreted as new variants of the language, form a new field and a new language space for the research of foreign and domestic linguists.

This work proves that “ethnolect” is a form of the language` manifestation, not a new language, which arises due to the relationship between different ethnic groups, but “multiethnolect” is an association of speakers: Turkish, Arabic, Kurdish, German and other languages.

Referring to the study, the German language continues to develop, transform, presenting increased interest for linguists and new opportunities for linguistic discoveries, which will enrich the heritage of not only Germany, but the entire multicultural space in linguistics.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References in English

1. Европейское полиязыковое пространство: образование, социум, право: материалы Международной конференции (Архангельск, 23–24 апреля 2019 г.) / сост. и отв. ред. Н.С. Авдониной, А.В. Дорофеева, А.М. Малахова. – Архангельск : САФУ, 2019. – 197 с.
2. Антропова В.В. Ментально-языковые трансформации русской лингвокультурной личности: поиск идентичности в медиатизированном обществе: коллектив. монография / В.В. Антропова, А.В. Грошева, М.В. Загидуллина и др.; науч. ред. М.В. Загидуллина. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018. – 340 с.
3. Подготовка мультикультурного учителя в странах Европы, США, Канаде и Австралии: монография. – Казань : Отечество, 2017. – 133 с.
4. Androutsopoulos J. Ethnolekte in der Mediengesellschaft. Stilisierung und Sprachideologie in Performance, Fiktion und Metasprachdiskurs / J. Androutsopoulos // In: Standard, Variation und Sprachwandel in germanischen Sprachen. – Tübingen : Narr, 2006. – Pp. 113–155.
5. Budach G. Diskurse und Praxis der Alphabetisierung von Erwachsenen im frankophonen Kanada / G. Budach. – Frankfurt : Peter Lang, 2003. – 352 p.
6. Clyne M. Lingua franca and ethnolects in Europe and beyond / M. Clyne // Sociolinguistica. – 2000. – № 14. – Pp. 83–89.
7. Dirim I. Türkisch sprechen nicht nur die Türken. Über die Unschärfebeziehung zwischen Sprache und Ethnie in Deutschland / I. Dirim, P. Auer. – Berlin : de Gruyter, 2004. – 245 p.
8. Löffler H. Germanistische Soziolinguistik / H. Löffler. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2005. – 246 p.
9. Wiese H. Ein neuer Dialekt entsteht / H. Wiese. – München : CH Beck Verlag, 2006. – 280 p.
10. Wölck W., 1981. Ethnolects – between bilingualism and urban dialect. [Electronic resource]. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110852004.157/html> (accessed: 13.05.2022)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Evropejskoe poliyazykovoe prostranstvo: obrazovanie, socium, pravo [European multilingual space: education, society, law]: [Electronic resource]: materialy Mezhdunarodnoj konferencii (Arhangel'sk, 23–24 aprelya 2019 g.) [Materials of International conference (Arkhangelsk, April 23-24) / compiler and executive editor N.S. Avdonina, A.V. Dorofeeva, A.M. Malahova. – Electronic text data. – Arkhangelsk : NAFU, 2019. – 197 p. [in Russian]
2. Antropova V.V. Mental'no-yazykovye transformacii russkoj lingvokul'turnoj lichnosti: poisk identichnosti v mediatizirovannom obshchestve [Mental and linguistic transformations of Russian linguocultural personality: the search for an identity in a mediatised society]: collective monograph / V.V. Antropova, A.V. Grosheva, M.V. Zagidullina et al., science editor M.V. Zagidullina. – Chelyabinsk : Chelyabinsk State University publishing house, 2018. – 340 p. [in Russian]
3. Podgotovka mul'tikul'turnogo uchitelya v stranah Evropy, SSHA, Kanade i Avstralii [Multicultural teacher training in Europe, USA, Canada and Australia]: monograph. – Kazan : Otechestvo, 2017. – 133 p. [in Russian]
4. Androutsopoulos J. Ethnolekte in der Mediengesellschaft. Stilisierung und Sprachideologie in Performance, Fiktion und Metasprachdiskurs [Ethnolects in the media society. Stylization and language ideology in performance, fiction and metalanguage discourse] / J. Androutsopoulos // In: Standard, Variation und Sprachwandel in germanischen Sprachen [In: Standard, Variation and Language Change in Germanic Languages]. – Tübingen : Narr, 2006. – Pp. 113–155. [in German]
5. Budach G. Diskurse und Praxis der Alphabetisierung von Erwachsenen im frankophonen Kanada [Discourses and practice of adult literacy in Francophone Canada] / G. Budach. – Frankfurt : Peter Lang, 2003. – 352 p. [in German]
6. Clyne M. Lingua franca and ethnolects in Europe and beyond / M. Clyne // Sociolinguistica. – 2000. – № 14. – Pp. 83–89.
7. Dirim I. Türkisch sprechen nicht nur die Türken. Über die Unschärfebeziehung zwischen Sprache und Ethnie in Deutschland [Not only the Turks speak Turkish. About the blurred relationship between language and ethnicity in Germany] / I. Dirim, P. Auer. – Berlin : de Gruyter, 2004. – 245 p. [in German]
8. Löffler H. Germanistische Soziolinguistik [German Sociolinguistics] / H. Löffler. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2005. – 246 p. [in German]
9. Wiese H. Ein neuer Dialekt entsteht [A new dialect is emerging] / H. Wiese. – München : CH Beck Verlag, 2006. – 280 p. [in German]
10. Wölck W., 1981. Ethnolects – between bilingualism and urban dialect / W. Wölck [Electronic resource]. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110852004.157/html> (accessed: 13.05.2022)

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.070>

ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В БАГСУ

Научная статья

Габдуллина В.Р.^{1, *}, Поснова Е.Н.²

^{1,2} Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (venera-nurieva[at]yandex.ru)

Аннотация

Сегодня профессиональный преподаватель иностранного языка хорошо разбирается в различных техниках и новых подходах, знает и понимает историю эволюции методик преподавания. Современный преподаватель фактически использует различные методы и подходы, выбирая наиболее подходящие как под уровень знаний студентов, так и в зависимости от целей обучения. Преподаватель готовит свои занятия так, чтобы облегчить понимание и восприятие изучаемого языка и не полагается на какой-то определенный «наилучший метод». Преподаватели иностранных языков Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан сочетают различные методы преподавания иностранных языков, применяя современные тенденции в методике преподавания, чтобы сделать учебный процесс более интересным и разнообразным.

Ключевые слова: методика преподавания, иностранный язык, метод грамматического перевода, прямой метод (естественный подход), метод физического реагирования, коммуникативный подход.

FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN BASHKIR ACADEMY OF PUBLIC SERVICE AND MANAGEMENT

Research article

Gabdullina V.R.^{1, *}, Posnova E.N.²

^{1,2} Bashkir Academy of Public Service and Management under the auspices of the President of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia

* Corresponding author (venera-nurieva[at]yandex.ru)

Abstract

Today, a professional foreign language teacher is well versed in various techniques and new approaches, knowing and understanding the history of the evolution of teaching methods. The modern teacher virtually uses different methods and approaches, choosing the most suitable both for the level of knowledge of students and the purpose of studying. The teacher prepares the classes to facilitate understanding and perception of the studied language and does not rely on any particular «the best method». Foreign languages teachers of the Bashkir Academy Of Public Service And Management combine various methods of teaching, applying modern tendencies in their methods to make the learning process more interesting and diverse.

Keywords: teaching method, foreign language, grammar translation method, direct method (natural approach), total physical response, communicative approach.

Понятие «метод преподавания» является неотъемлемой частью профессии преподавателя. В процессе преподавания иностранных языков было выявлено множество методов, таких как метод грамматического перевода, прямой метод (естественный подход), аудиolingвальный метод, суггестопедия, метод обучения в сообществе, метод молчания, метод физического реагирования, коммуникативный подход и подход к обучению языку, основанный на задачах. Некоторые методические школы рассматривают преподавателя как идеальную языковую модель и руководителя учебной деятельности (например, аудиolingвальный метод, естественный подход, метод физического реагирования), в то время как другие рассматривают учителя как помощника и/или партнера по освоению языка (как при коммуникативном подходе и методике совместного изучения языка). В данной статье будет дана характеристика методов обучения, применяемых в Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан.

Метод грамматического перевода

Основной характеристикой метода грамматического перевода является, как следует из его названия, сосредоточенность на изучении правил грамматики и их применении при переводе отрывков с одного языка на другой. Лексика изучается путем прямого перевода с родного языка на иностранный. Когда грамматика и словарный запас будут хорошо освоены, знания иностранного языка будут автоматически доступны для дальнейших задач перевода. Цель метода грамматического перевода состоит в том, чтобы дать студентам возможность читать на иностранном языке.

Но у этого метода есть некоторые недостатки. Во-первых, язык рассматривается только на уровне предложений, учащиеся обучаются только аспекту чтения поэтому если изучение языка требует дополнительных способностей, то метод грамматического перевода вряд ли будет достаточным; во-вторых, поскольку учитель занимает центральное положение, учащиеся не могут проявлять инициативу в обучении и занимают пассивную тактику в процессе восприятия знаний. Данный метод делает акцент на грамматические правила и лексику, игнорирует коммуникативные навыки и чрезмерно полагается на родной язык.

Прямой метод

Учитывая основной недостаток метода грамматического перевода, заключающийся в том, что он не развивает коммуникативную компетентность учащихся, преподаватели БАГСУ используют так называемый «прямой метод», основная идея которого заключается в том, чтобы решить проблемы устного общения, естественного использования иностранного языка и способности мыслить на изучаемом языке. Чтобы помочь связать слова и структуры с их

прямым значением, преподаватели используют картинки, мимику и предметы. Студенты обучаются не только коммуникации, но и аудированию, особое внимание уделяется правильному произношению и грамматике.

Прямой метод является высокоэффективным методом, но для получения хороших результатов он требует небольшие группы (класс с небольшим количеством учащихся), мотивированных учеников и талантливых учителей.

Подход к обучению языку, путем решения поставленной задачи

Коммуникационная цель при использовании этого метода решается в процессе подготовки, выполнения и комплексного решения поставленной перед студентами задачи. Например, задачей учащихся может быть организация детского праздника или субботник в парке [2, С. 58].

На занятии, основанном на задачах, преподаватель не дает заранее тему и лексику, которая будет изучаться. Урок основан на выполнении центральной задачи, а изучаемая лексика определяется по мере выполнения задачи студентами.

Занятие следует определенным этапам, которые можно кратко изложить как: предварительная задача – цикл задач – языковой фокус.

1) Предварительная задача

Преподаватель дает студентам четкие инструкции о том, что они должны будут сделать на этапе выполнения задания и может напомнить учащимся необходимый для выполнения задачи лексический и грамматический материал.

2) Цикл выполнения задач

Студенты выполняют задание в парах или группах, используя имеющиеся у них языковые ресурсы, в то время как преподаватель контролирует и поощряет их. Затем студенты отчитываются перед остальной группой о процессе и результатах выполнения поставленной задачи либо в устной, либо в письменной форме и сравнивают результаты.

3) Языковой фокус

На этом этапе студенты изучают и обсуждают особенности прослушанного материала или прочитанного текста, на который опирались при выполнении центральной задачи, либо преподаватель тренирует определенные лексические или грамматические трудности, с которыми столкнулись учащиеся.

Метод обучения, основанный на задачах, имеет ряд преимуществ. Во-первых, учащиеся свободны от языкового контроля. Весь процесс доставляет удовольствие и мотивирует. На всех трех этапах студенты должны использовать все свои языковые ресурсы, а не просто тренировать один заранее выбранный элемент. Во-вторых, потребности студентов определяет то, что будет рассмотрено на занятии, а не решение, принятое преподавателем или учебником. Наконец, данная методика дает учащимся много времени для общения и кажется более ориентированной на студента по сравнению с другими методами обучения.

Метод физического реагирования

Одна из основных целей, которая лежала в основе разработки метода физического реагирования – сделать учебу расслабляющей и менее напряженной. Доктор Дж. Ашер считал, что добиться этого можно воссоздав естественный способ, которым обучающиеся изучают свой родной язык.

Новая лексика и грамматические структуры изучаются с использованием жестов и действий. Преподаватель говорит большую часть времени, представляя и в то же время показывая новый материал. Студенты слушают преподавателя, повторяют действия и пытаются запомнить новый материал. Обучающиеся не испытывают давления, вынуждающего их говорить. Они могут молчать столько, сколько захотят. Они заговорят, когда будут готовы это сделать.

Всякий раз по возможности, в занятия вводится юмор, чтобы сделать их более приятными для студентов. Разговорный язык имеет первостепенное значение по сравнению с письменным языком. Но данный метод обучения иностранному языку работает только в «слабых» группах, т.е. со студентами, с маленьким словарным запасом и неглубокими знаниями грамматики изучаемого языка.

Коммуникативный подход

Коммуникативный подход считается наиболее зрелым методом, который охватывает все методы, описанные выше, и использует лучшие методы для достижения главной цели – познакомить студентов с иностранным языком. Как следует из названия этого метода, он направлен на развитие коммуникативной компетенции. Но ошибочно думать, что коммуникативный подход предназначен только для развития речи. Внимание также уделяется обучению навыкам чтения, письма и аудирования.

Назовем пять основных характеристик коммуникативного обучения:

- 1) акцент на обучении общению посредством взаимодействия на изучаемом языке;
- 2) введение аутентичных текстов в учебную ситуацию;
- 3) предоставление студентам возможности сосредоточиться не только на языке, но и на самом процессе обучения;
- 4) расширение собственного личного опыта, обучающегося как важного элемента, способствующего обучению в группе;
- 5) попытка связать изучение языка на занятии с практикой языка вне учебного заведения [1].

Коммуникативная компетентность – это желаемая цель. Преподаватели помогают студентам любым способом, который мотивирует их работать с языком. Заучивание конструкций, диалогов и материалов заменяется играми, общением с одноклассниками, интерактивными дискуссиями, связным контентом и другими формами обучения. Поскольку этот метод направлен на создание иноязычной атмосферы вокруг обучающегося, в нем большую роль играет культурный аспект. Именно поэтому аутентичные тексты и материалы используются для того, чтобы максимально вовлечь учащегося в иностранное сообщество.

Этот метод предназначен для независимых и самостоятельных студентов, которые могут участвовать в планировании занятий на протяжении всего курса. Обучение спонтанной и импровизированной речи, опирающееся на собственный опыт студента, помогает сделать сознание более гибким и вселить уверенность в том, как справляться с новыми ситуациями [3, С. 76].

Очень важно не ограничиваться учебником, преподаватели не должны использовать учебник от корки до корки. Использование зрительных раздражителей важно для стимулирования практической коммуникации.

При оценке успеваемости учащегося беглость речи обучающегося и эффективное использование разнообразной лексики в различных социальных ситуациях играет большую роль. Считается, что ошибки являются естественными в процессе обучения, и они не играют большой роли при оценивании. Производительность обучающихся включает в себя способность говорящего выполнять задачи с помощью языка, способность передавать и интерпретировать намерения, знание функций, которые может выполнять язык; стратегии, которые могут быть использованы для выполнения каждой функции. Учитель должен создать подходящую эмоциональную обстановку, поощрять и поддерживать учащихся, показывать им, что их усилия оцениваются, поэтому при оценке их успеваемости крайне важно заботиться об их чувствах [4, С. 67].

Приведенный выше обзор методов преподавания иностранного языка в БАГСУ не является полным и всеобъемлющим. Знание и применение современных тенденций в методике преподавания английского языка как иностранного может сделать практическую работу преподавателя более интересной и разнообразной. Из приведенного выше сравнения приходим к выводу о том, что все методы обучения имеют свои преимущества и недостатки. Как самый старый способ обучения, метод грамматического перевода постепенно теряет свою актуальность, а коммуникативный стиль, ориентированный на обучающихся, больше нравится, как преподавателям, так и студентам. С развитием новых методов преподавания у учителей появляется больше путей и способов обучения.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Key Elements in Conducting Communicative Approach to Language Teaching // Canadian Social Science. – 2009. – Vol.5. – № 2.
2. Carter R. Learning Teaching. A Guidebook for English Language teachers / R. Carter, R. Hughes, M. McCarthy et al. – Macmillan Education, 2005. – 431 p.
3. Brown D. Principles of Language Learning & Teaching / D. Brown – Pearson Longman, 2001.
4. Knowles M. The Adult Learner: A Neglected Species / M. Knowles. – Houston : Gulf Publishing, 1984.
5. Larsen-Freeman D. Techniques and Principles in Language Teaching. Second Edition / D. Larsen-Freeman. – Oxford : Oxford University Press, 2000.
6. Lee J.F. Making communicative language teaching happen / J.F. Lee, B. VanPatten, – Boston : McGraw-Hill, 2003.
7. Morgan J. Vocabulary: Resource for Teachers / J. Morgan, M. Rinvolucri – Oxford : Oxford University Press, 2004.
8. Parrott M. Grammar for English Language Teachers / M. Parrott – Cambridge : Cambridge University Press, 2000.
9. Krashen S. Modern methods of Teaching Foreign Language / S. Krashen. – Pearson Longman, 2003.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.071>

ИЗУЧЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЁННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Научная статья

Глазунов М.В.*

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орёл, Россия

* Корреспондирующий автор (m-glazunov[at]mail.ru)

Аннотация

Данная статья является попыткой составить методическую разработку темы «Неопределённые местоимения» с учётом трудностей изучения и их употребления студентами-иностранцами.

Неопределённые местоимения в грамматике русского языка занимают небольшое место, но в обучении иностранцев им необходимо уделить особое внимание, так как студенты, охотно пользуясь ими, не всегда правильно употребляют. Например, студенты из стран Азиатско-Тихоокеанского региона могут написать так: «До сих пор я не могу *писать что-то* на русском языке. *Через некоторые дни* он поправился. Не могу сказать *некоторыми словами*».

Эти примеры свидетельствуют о том, что правильная речь зависит не только от знания грамматики. Выражаясь словами тех же студентов, здесь «по грамматике всё правильно». При обучении иностранцев надо помнить, что, кроме знания грамматики, в языке большое значение имеют лексика и стилистика.

Попытаемся в статье учесть все эти нюансы и некоторые методические приёмы подачи этой темы, а в качестве подспорья использовать опыт работы автора как преподавателя русского языка в иноязычной студенческой аудитории.

Ключевые слова: неопределённые местоимения, местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные, падеж, категория рода, категория числа.

STUDY OF INDEFINITE PRONOUNS IN LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Research article

Glazunov M.V.*

Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation, Oryol, Russia

* Corresponding author (m-glazunov[at]mail.ru)

Abstract

This article attempts to make up a methodical draft of the topic «Indefinite pronouns» taking into account the difficulties of their studying and use by foreign students.

Indefinite pronouns, though occupying a small place in the Russian grammar, need to be carefully examined in teaching of foreigners, as students, using them willingly, are not always using them correctly. For example, students from the Asia-Pacific region can write: So far I can not *write anything* in Russian. *In some days* he got well. I cannot say with *some words*.

These examples show that correct speech does not depend only on grammar knowledge. In the words of students themselves, everything is «correct grammatically». When teaching foreigners, it must be remembered that, in addition to knowledge of grammar, vocabulary and style are also of great importance in language.

We will try to take into account all these nuances and some methodical techniques of topic's presentation, and to use the experience of the author as a teacher of the Russian language for foreign students as a basis.

Keywords: indefinite pronouns, noun-pronouns, adjective-pronouns, numeral pronouns, case, gender category, numeral category.

Особенности местоимения как части речи

Местоимения дают общие, отвлечённые обозначения предметов или признаков, не называя их. Только в речи, в связи с другими словами, они приобретают определённый смысл, указывая на конкретные лица, предметы (вещи), признаки, счёт предметов. Вне контекста местоимения теряют всякий смысл. Так, например, если мы возьмём предложение *Он бежит*, то можем предположить, что *он* – это просто бегущий человек, *он* – спортсмен, *он* – ручеёк, *он* – кипятик. Но и в контексте значение местоимений не всегда ясно.

Местоимения *он, она* обычно приобретают определённый смысл, если в контексте есть указание на предмет, лицо: *Профессор* подошёл к кафедре уверенно и быстро. *Он* внимательно осмотрел присутствующих и начал лекцию.

Если к местоимению подходит общее положение, говорящее о приобретении словом конкретного содержания в зависимости от контекста, то «местоимения неопределённые оставляют невыясненным, неизвестным, точно не определённым общее представление о предмете, лице, качестве, свойстве, принадлежности предмета, порядковом месте его в ряду однородных предметов независимо от контекста»[1, С. 406], например: Все студенты выполнили задание. *Кто-нибудь* начнёт читать его.

Неопределённость местоимения *кто-нибудь* зависит не от отсутствия контекста, а от характера, природы самого местоимения. На этот момент и следует обратить внимание студентов при изучении темы «Неопределённые местоимения».

Образование неопределённых местоимений

Неопределённые местоимения образуются от вопросительно-относительных местоимённых форм двумя способами:

1) при помощи частицы *не* – *некто, нечто, некоторый, некий* (устаревшее) и *несколько*;

2) при помощи частиц: а) *кое – кое-кто, кое-что, кое-какой*; б) *то – кто-то, что-то, чей-то, какой-то*; в) *либо – кто-либо, что-либо, какой-либо, чей-либо*; г) *нибудь – кто-нибудь, что-нибудь, какой-нибудь, сколько-нибудь*.

Преподавателю небезынтересно остановить своё внимание на происхождение частиц *не, -то, -либо, -нибудь, кое-*, вместе с которыми вопросительно-относительные местоимения приобретают неопределённость.

По мнению Л.А. Булаховского, эти частицы произошли различным, но вполне объяснимым путём. На происхождение частицы *не* существуют две точки зрения: одна выводит *не* из *не вѣсть*, т.е. «неизвестно», другая – учёный придерживается именно этой точки зрения – из латинской отрицательной частицы *ne*, затем закрепившей значение неопределённости [2, С. 139].

Происхождение частицы *-то* очень прозрачно: это указательное местоимение среднего рода единственного числа: Какой *то* предмет? Что *то* виднеется? Кто *то* движется?

Происхождение частицы *-нибудь* восходит к сочетанию *ни буди*, впоследствии видоизменившемуся в *ни будь*. Позже *ни* и *будь* сливаются в одно слово *нибудь*. *Либо* восходит к союзам-частицам *ли +бо*.

Частица *кое-* образовалась из вопросительно-относительного местоимения *кой* (*кая, кое, кои*), в настоящее время почти не встречающегося как местоимение, но в недавнем прошлом употреблявшегося: «Простите за беспокойство, *кое* я причиняю вам» [7]. «Людей, *о коих* не сужу» [12]. «Не стану оправдывать правила, *коими* я руководствовался при составлении сей трагедии» [12].

В современном языке *кое* в качестве местоимения встречается только в устойчивых сочетаниях: *в кои-то веки, ни в коем случае*, а в качестве частицы, входящей в состав неопределённого местоимения, используется довольно широко. В отличие от других частиц *кое-* занимает препозитивное положение: *кое-кто, кое-что*. Частица *кое-* легко обнаруживает свою независимость при сочетании с предлогами: *кое о чём, кое о ком*. Предлог в этих местоимениях имеет постоянное место между частицей и местоимением:

- А если не горячиться? Может быть, *кое* в чём прав?
- *Кое* в чём – может быть (Кетлинская);
- *Кое* в каком французском пансионике учился (Гиллер).

Правописание неопределённых местоимений

В отличие от преподавания русского языка в современных российских образовательных учреждениях мы не выделяем специального времени на работу по орфографии. Она должна органично слиться с работой по словообразованию и формообразованию. Разбирая словообразование неопределённых местоимений, преподаватель одновременно должен остановиться на их правописании и показать, что частица *не* как словообразующая пишется слитно: «*Некоторые* считали, что хозяйственнику по старости не спится и потому он ходит везде и проверяет» [6]. «*Кузьма* не спал *несколько* часов подряд» [8].

Частицы *-то, -либо, -нибудь, кое-*, создавая вместе с вопросительно-относительными местоимениями неопределённые, пишутся через дефис.

Частица *то-*: «*Кто-то* большой и ласковый сидел около Кати и нежно гладил её по голове холодной рукой» [9]. «*Даже* от его внешнего облика веяло *каким-то* холодком» [13]. «*Что-то* необыкновенно широкое, размашистое и богатырское тянулось по степи вместо дороги» [10].

Частица *нибудь-*: «Мы стаскивали с берега *какую-нибудь* лодку и плясали в ней по волнам» [13]. «Сама дрожишь, как лист, того и гляди, выглянет *кто-нибудь* страшный из этого дула» [7].

Частица *либо-*: «У нас ещё ни разу не было такого случая, чтобы посреди года мы *кого-либо* переизбирали» [8]. «Отвечать на вопросы командира нужно ясно, коротко и без *каких-либо* добавлений» [13].

Частица *кое-*: «*Кое-кто* из вас любит нашу морскую форму за одну её красоту» [13]. «Теперь мне было бы совершенно хорошо, если бы не отсутствие *кое-кого* [7]. Достиг *кое-каких* результатов» [11].

Частица *кое-* с предлогом: «Под вечер иногда собиралась соседней добрая семья, нецеремонные друзья, и потужить, и позлословить, и посмеяться *кое о чём*» [12]. «Ведь *кое у кого* из вас рабочие ботинки трут ноги, тельняшки кажутся жёсткими, бескозырки неудобными» [13].

Грамматические категории неопределённых местоимений

Современные грамматики русского языка предлагают в зависимости от того, указывают местоимения на предмет (лицо) или на его качество, а также в зависимости от характера словоизменения и грамматических связей с другими словами, все местоимения делить на местоимения-прилагательные и существительные и, кроме того, выделить местоимения-числительные [3, С. 294].

Местоимения-существительные: *некто, нечто, кто, что* (- *то, -нибудь, -либо, кое-*).

Местоимения-прилагательные: *некоторый, некий, какой, который, чей* (-*то, -нибудь, -либо, кое-*).

Местоимения-числительные: *несколько, сколько-то, столько-то*.

Изменение неопределённых местоимений по падежам

Местоимения-существительные. Для связи с рассмотренным материалом (на предыдущих занятиях были изучены разряды местоимений) и для лучшего усвоения новой темы преподавателю следует указать, что неопределённые местоимения *кто-то* (-*нибудь, -либо, кое-*), *что-то* (-*нибудь, -либо, кое-*) склоняются так же, как вопросительные местоимения, от которых они образованы: Чувство ответственности мешало спать по ночам, он (Андрей) боялся *что-либо* забыть, за *чем-либо* не доглядеть, не сделать *чего-то* самого важного [9].

При склонении неопределённых местоимений необходимо уделить особое внимание местоимениям *некто* и *нечто*. Эти местоимения не склоняются, но практика показывает, что студенты склонны принимать отрицательные местоимения *некого, нечего*, не имеющие родительного падежа, за родительный падеж неопределённых местоимений *некто, нечто*. При этом получается своеобразная стройная система склонения: *некто, некого, некому, некого, некем*,

не о ком; нечто, нечего, нечему, нечем, не о чем. Поэтому необходимо студентам указать, что *некто* и *нечто* относятся к неопределённым местоимениям и не имеют косвенных падежей. Местоимение *некто* употребляется только в именительном падеже: «Вдруг из толпы вышел *некто* в очках, шляпе и сером пальто».

Если требуется косвенный падеж этого местоимения, то мы заменяем его местоимением *кто-то*: Мы увидели *кого-то*, отделившегося от толпы и шедшего нам навстречу.

Местоимение *нечто* употребляется в именительном и винительном падежах: Петя понял, что во всём этом происшествии было *нечто* такое, о чём никому не надо говорить [9].

В косвенных падежах, кроме винительного, вместо местоимения *нечто* употребляется местоимение *что-то*: Он очутился на *чём-то* большом, мягком и слегка влажном от росы [10].

Местоимения-прилагательные. Местоимения *некоторый* и *какой*, *который*, *чей* с частицами *-то*, *-либо*, *-нибудь*, *кое-* изменяются по падежам так же, как местоимение *который*: Голованов ещё *некоторое* время стоял на прежнем месте [13]. Поскольку *некоторым* товарищам всё ещё неясно, что у возможного врага нельзя ни на минуту оставлять документ, придётся голосовать [9].

Местоимение *некий* является устаревшим. В современном литературном языке употребляется только в книжной речи, в разговорной же, начиная с XIX века, не употребляется совершенно. Оно изменяется по падежам: Матушка, Константин Лукич пришёл с *неким* странником [7].

Для некоторых падежей местоимения *некий* существуют варианты формы.

Местоимения-числительные. Неопределённые местоимения *несколько*, *столько-то*, *сколько-то* склоняются так же, как *сколько* и *столько*: Мы *несколько раз* заводили с ним разговоры о Москве [13]. Потом эта же рука поставила его на землю уже в *нескольких* шагах от дома [8].

При разбое местоимения *несколько* преподавателю интересно обратить внимание на такую же его форму, как *по несколько*: «В наш дом *по несколько раз* в день приходили проверять, кто живёт, нет ли оружия» [6]. «*Несколько лет* назад дедушка болел оспой. После болезни он почти оглох, поэтому одно слово приходилось повторять *по несколько раз*» [6].

Ни в одном из падежей склоняемого местоимения *несколько* формы *по несколько* мы не видим:

И.п. *несколько, столько-то*

Р.п. *нескольких, стольких-то*

Д.п. *нескольким, стольким-то*

В.п. как И.п. или Р.п.

Т.п. *несколькими, столькими-то*

П.п. *о нескольких, о стольких-то*

Возникает закономерный вопрос: откуда же в языке появилась тогда эта форма?

В.И. Чернышёв в своей книге «Правильность и чистота русской речи» указывает, что местоимение *несколько* имеет в современном русском языке в строгом смысле только два падежа:

И.п. *несколько*

Д.п. *по несколько*

и очень редко встречается родительный падеж *до несколько* [4, С. 29]. Наряду с местоимением в древнерусском языке употреблялась и «полная» форма местоимения: *несколький – несколькоие*. У этого местоимения в современном языке отсутствует именительный падеж, косвенные падежи *нескольких, нескольким* и т.д. имеют окончания полных прилагательных. Местоимения *несколько* и *несколькоие* в современном русском языке слились и представляют собою единую форму: *несколько, нескольких* и т.д. Поэтому форма *по несколько* выпала из склонения этого местоимения и современным состоянием языка объяснена быть не может.

Грамматическая категория одушевлённости и неодушевлённости

В неопределённых местоимениях *некто*, *нечто* грамматическая категория одушевлённости и неодушевлённости налицо: В туманном Петербурге жил *некто* господин Долгов с женой и дочкой Надей [7]. Он [Саша] ещё ничего не сказал ей [Наде], но уже казалось, что перед нею открывается *нечто* новое и широкое, чего она раньше не знала... [8].

Ясно, что в первом предложении местоимение *некто* соответствует одушевлённому предмету, во втором – *нечто* – неодушевлённому.

Местоимение *кто* с частицами *-то*, *-либо*, *-нибудь*, *кое-* указывает на одушевлённость предмета, *что* с теми же частицами – на неодушевлённость. Местоимения *некий*, *какой-то*, *чей-то*, *который-то*, *такой-то*, *некоторый*, как и прилагательные, лишены категории одушевлённости и неодушевлённости и лишь в зависимости от существительного, с которым они согласуются, могут иметь эти признаки. Местоимение *несколько* совершенно не имеет признака одушевлённости: *несколько человек, несколько книг*.

Категория числа

В отношении категории числа неопределённые местоимения распадаются на две группы. Местоимения-прилагательные изменяются по числам: Голованов ещё *некоторое* время стоял на прежнем месте [13]. Мужики распозлались, ища прикрытия, выбирая места поудобнее. *Некоторые* попробовали рыть чёрствую землю [6]. Больше всего на свете Фомич боялся, как бы к его сокровищу (ружьё) не прикоснулась *какая-нибудь* женщина, тогда бросай всё и заводь новое [10]. Пройдёт *каких-нибудь* десять лет – и вся прорубь зарастёт ровным крепким березняком [10].

Местоимения-существительные лишены категории числа, но от согласуемых с ними слов требуют единственного числа: «*Некто*, недалёкого ума, *позволил* себе через переводчика допрашивать Прошку, какие именно медикаменты употребляет его барин, чтобы от дряхлости не дремать на коне?» [10]. «Происходило *что-то невероятное* до последней степени» [10]. «Он не выносил панибратства, которое *кое-кто* из нас *склонен* был трактовать как проявление особого отношения» [6].

В художественной литературе XIX века ещё встречается согласование во множественном числе: «По средам у нее собираются кое-кто из старых знакомых».

Местоимения-числительные не изменяются по числам, но от существительных требуют формы множественного числа: *Несколько писем* было адресовано в Россию.

Категория рода

Неопределённые местоимения-прилагательные изменяются по родам, и род их зависит от существительного, с которым они согласуются: «При *некоторой живости* воображения получается целая иллюзия, и все эти деревья, кусты и последняя травка освещаются глубоким внутренним светом» [10]. «И если замечал *какую-нибудь неточность* в мыслях товарища, обязательно просил слова и дополнял» [13]. «И не гордость собою и даже не простое хвастовство услышал я теперь в его голосе, а *какое-то* демонстративное *стремление* обратить на себя внимание» [13].

Неопределённые местоимения-существительные по родам не изменяются и рода, в строгом смысле этого слова, не имеют. Своеобразное значение категории рода можно наблюдать в парных местоимениях: *некто – некто, кто-то – кто-то, кто-нибудь – кто-нибудь, кое-кто – кое-кто*. Здесь категория рода – мужского и среднего – совпадает с категорией одушевлённости и неодушевлённости: живого существа и предмета-вещи, которые противопоставляются друг другу.

Вместе с тем местоимения *некто, кто-то, кто-либо* и др. требуют от согласуемого с ним слова (глагола прошедшего времени и прилагательного) мужского рода, что даёт возможность условно относить эти местоимения к мужскому роду: «*Кто-то* проходил мимо и заметил на веточке своё время» [10]. «Если *кто-нибудь* начинал ворчать на дежурного, Ваня спешил успокоить его» [13]. «Постояльцы заполняли столовую, контору, баню, чердаки, сеновалы, *кое-кто* пытался устроиться в уцелевших палатках, но сырость и холод выгоняли их на поиски лучшего убежища. *Кто-то* из женщин входил сюда. *Кто-то* обронил сумку» [8].

Местоимения *нечто, что-то, что-либо* и другие требуют глагол прошедшего времени и прилагательное среднего рода: «У штабелей *что-то* случилось» [9]. «*Что-то* гремело и стучало над моей головой» [10]. «После речи Сёмы настроение поднялось, каждому хотелось сказать *что-нибудь значительное*» [9]. «И вдруг вспыхнул костёр – не костёр, а мысль – *что-то большое, важное поручено и не сделано*» [9].

А.А. Шахматов в своей книге «Синтаксис русского языка» говорит, что относительное местоимение *кто*, отрицательное *никто*, неопределённое *некто* не обнаруживают категории рода, но, как местоимения *я* и *ты*, мыслятся и как мужской род, и как женский, и приводит примеры: «Была ли *кто-нибудь* из нас *довольна* своей судьбой. *Некто* в белом подошла к моей кровати».

Неопределённые местоимения *нечто, что-то (-либо, -нибудь, кое-)* А.А. Шахматов относит только к среднему роду, что совпадает с современным употреблением этих местоимений [5, С. 47].

Таким образом, можно сделать вывод, что неопределённым местоимениям чужды те принципы родовой классификации, которые составляют типическую особенность имён существительных.

Для практической отработки изученного материала студентам предлагаются следующие авторские задания для работы на занятиях и в часы самостоятельной работы.

1. Написать все неопределённые местоимения в начальной форме.

2. Найти в данных предложениях местоимения, определить их разряд и, где это возможно, падеж:

Никогда никто не слышал, чтобы он о ком-нибудь отзывался резко или насмешливо. Кто-то присел на корточки к стене, видимо, не найдя себе стула. Дело со светом не столь сложно, как некоторые себе представляют. Уже несколько раз поднимал руку начальник аптеки. Если вам потребуется какая-нибудь помощь от меня, пожалуйста, не стесняйтесь, заходите. Её лицо застыло, рот был полуоткрыт, как будто она чего-то не договорила. А что, если мы развернём где-нибудь поблизости или даже у нас некто вроде филиала для этой категории раненых? Он был несколько смущён моим появлением.

3. Выписать из данных предложений словосочетания с местоимениями.

4. Вставить в предложения данные ниже местоимения.

В дверь ... постучал. Задание ... не сделал. Если вы ... сомневаетесь, посмотрите в словаре. Дайте мне ... почитать.

Слова для справок: *в чём-либо, кто-то, что-нибудь, кое-что*.

5. Вместо точек вставить данные ниже неопределённые местоимения.

Никогда не отказывался он [врач] отработать за ... или задержаться в перевязочной после смены. Спустя ... часов всё выяснилось. Должен же ... передать нам это здание. Мы побежали прямо, чтобы разыскать ... дежурных. ... раненые, добравшись к нам пешком, обессилели.

Слова для справок: *кого-нибудь, несколько, какое-нибудь, кто-нибудь, некоторые*.

6. Вставить вместо точек неопределённые местоимения.

В этом месяце мы ... раз ходили в парк. Вчера вечером вас ... спрашивал. Вдали ... виднеется. У ... из нас в лаборатории заболела голова. ... прохожий остановился у витрины книжного магазина.

7. Составить предложения с местоимениями-существительными в косвенных падежах.

8. Составить предложения с местоимениями *некто* и *нечто*.

9. Составить предложения, в которых неопределённые местоимения будут разными членами предложения.

10. Составить словосочетания из местоимений-существительных и глаголов прошедшего времени.

11. С местоимениями-синонимами составить предложения.

12. Составить несколько предложений со словами, заменяющими неопределённые местоимения.

13. (обобщающее). Написать сочинение с употреблением неопределённых местоимений.

В заключение хотелось бы сказать, что статья предназначена не столько для работы со студентами в аудитории, сколько для облегчения работы преподавателя во время подготовки к данной теме. В ней даётся столько фактического

материала, сколько ни один преподаватель не в состоянии дать за те 2-4 часа, что отводятся на изучение темы «Неопределённые местоимения». Поэтому не все примеры стоит разбирать со студентами. Некоторые из них сложны по содержанию, не подходят по лексике и рассчитаны иногда только на подтверждение высказанной мысли. Но одновременно представлены и такие примеры, которые по усмотрению преподавателя могут быть даны и студенту.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы/ References

1. Грамматика русского языка / Ред. коллегия акад. В.В. Виноградов и др.; Академия наук СССР. Институт языкознания. – Москва : Академия наук СССР, 1953–1954. – Т.1. Фонетика и морфология. – 638 с.
2. Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку / Л.А. Булаховский – 5-е изд., дополн. и перераб. – Киев : Радянська школа, 1958. – 491 с.
3. Русская грамматика: [В 2-х т. /Редколлегия:Н.Ю. Шведова и др.] – Москва : Наука, 1980. – Т. 2. – 783 с.
4. Чернышёв В.И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики / Чернышёв В.И. – Санкт-Петербург : тип. Морского мореходства, 1957. – 229 с.
5. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов – 3-е изд. – Москва : АСТ-Пресс, 2001. – 620 с.
6. Гиллер В.Е. Во имя жизни: Записки военного врача / В.Е. Гиллер – Москва : Воениздат, 1956. – 383 с.
7. Достоевский Ф.М. Бедные люди / Ф.М. Достоевский – Москва : Художественная литература, 1997. – 175 с.
8. Кальма Н. Дети горчичного рая / Кальма Н. – Москва : Художественная литература, 1999. – 384 с.
9. Кетлинская В.К. Мужество / Кетлинская В.К. – Москва : Художественная литература, 2001. – 600 с.
10. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений. В 10 т. / Мамин-Сибиряк Д.Н. – Москва : Художественная литература, 1998.
11. Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений. В 20 т. / Салтыков-Щедрин М.Е. – Москва : Художественная литература, 2000.
12. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. / Пушкин А.С. – Москва : Художественная литература, 1999.
13. Чукреев В.И. Счастливого плавания / Чукреев В.И. – Москва : АСТ-Пресс, 2009. – 232 с.

Список литературы на английском языке/ References in English

1. Grammatika russkogo yazyka [Grammar of the Russian language] / editorial board of V.V. Vinogradov; Akademiya nauk SSSR. Institut yazykoznanija [Academy of Sciences of USSR. Institute of Linguistics]. – Moscow : Academy of Sciences of USSR publishing house, 1953-1954. – In 2 vol. – Vol. 1. Phonetics and morphology. – 638 p. [in Russian]
2. Bulahovskij L.A. Istoricheskij kommentarij k russkomu literaturnomu yazyku [Historical commentary to the Russian literary language]. / L.A. Bulahovskij – 5th edition, enlarged and revised. – Kyiv : State learning and educational publishing house «Radyans'ka shkola», 1958. – 491 p. [in Russian]
3. Russkaya grammatika [Russian grammar]: [In 2 vol. / Editorial board of N.Yu. Shvedov et al.] – Moscow : Nauka publishing house, 1980. – Т. 2. – 783 p. [in Russian]
4. Chernyshyov V.I. Pravil'nost' i chistota russkoj rechi. Opyt russkoj stilisticheskoy grammatiki [The correctness and purity of the Russian language. Experience of Russian stylistic grammar] / V.I. Chernyshyov – Saint-Petersburg : typography of Naval seafaring, 1957. – 229 p. [in Russian]
5. Shahmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka [Russian syntax]. / A.A. Shahmatov – 3rd edition. – Moscow : AST-Press publishing house, 2001. – 620 p. [in Russian]
6. Giller V. Vo imya zhizni: Zapiski voennogo vracha [For the life: Notes of military doctor]. / V. Giller, V.G. Stupnickij, O.I. SHCHerbakova et al. – M.: Voenizdat publishing house, 1956. – 383 p. [in Russian]
7. Dostoevsky F.M. Bednye lyudi [Poor Folk]: [novel] / F.M. Dostoevsky – Moscow : Fiction publishing house, 1997. – 175 p. [in Russian]
8. Kalma N. Deti gorchichnogo raya [Children of mustard paradise]: [novel] / N. Kalma – Moscow : Fiction publishing house, 1999. – 384 p. [in Russian]
9. Ketlinskaia V.K. Aleksandrova Muzhestvo [Courage] / V.K. Ketlinskaia – Moscow : Fiction publishing house, 2001. – 600 p. [in Russian]
10. Mamin-Sibiryak D.N. Collection of works. In 10 vol. / D.N. Mamin-Sibiryak – Moscow : Fiction publishing house, 1998. [in Russian]
11. Saltykov-Shchedrin M.E. Complete works. In 20 vol. / M.E. Saltykov-Shchedrin – Moscow: Fiction publishing house, 2000. [in Russian]
12. Pushkin A.S. Complete works. In 10 vol. / A.S. Pushkin – Moscow: Fiction publishing house, 1999. [in Russian]
13. Chukreyev V.I. Schastlivogo plavaniya [Good sailing]. / V.I. Chukreyev – Moscow: AST-Press publishing house, 2009. – 232 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.072>

О НЕКОТОРЫХ ИМЕННЫХ СРЕДСТВАХ ВЕРБАЛИЗАЦИИ МИКРОПОЛЯ «ВОЗРАСТ ЧЕЛОВЕКА» В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Научная статья

Иванова И.Б.*

ORCID: 0000-0003-0361-5708,

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия

* Корреспондирующий автор (imenaotglagola[at]rambler.ru)

Аннотация

В статье в качестве объектов исследования представлены лексические средства выражения функционально-семантического микрополя возраста человека в якутском языке – именные средства (сложные слова, устойчивые выражения, фразеологические единицы), обозначающие человека по его точному или приблизительному возрасту. Данные лексемы представляют интерес для исследователей тем, что их лексические значения не всегда полностью представлены или отсутствуют в толковых словарях. Предполагаем, что данное явление связано с тем, что большинство из представленных единиц не используются в настоящее время современными носителями якутского языка. Но при этом отражают менталитет и культуру древнего народа Саха.

Ключевые слова: якутский язык, функционально-семантическая категория количественности, лексические средства выражения, имена существительные, единичность, собирательность, часть целого.

ON SOME MEANS OF VERBALISATION OF «HUMAN AGE» MICROFIELD NOMINATION IN YAKUT LANGUAGE

Research article

Ivanova I.B.*

ORCID: 0000-0003-0361-5708,

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

* Corresponding author (imenaotglagola[at]rambler.ru)

Abstract

The article presents lexical means of expression of functional-semantic micro-field of human age in the Yakut language as objects of study – nominative means (complex words, fixed expressions, phraseological units) indicating a person by their exact or approximate age. These lexical tokens are of interest to researchers because their lexical meanings are not always fully represented or are absent in defining dictionaries. We assume that this phenomenon is due to the fact that most of the represented units are not currently used by modern speakers of the Yakut language. At the same time, they reflect the mentality and culture of the ancient people of Sakha.

Keywords: the Yakut language, functional-semantic numeral category lexical means of expression, nouns, uniqueness, unity, a part of the whole.

Функционально-семантическое понятие «возраст человека» в любом языке имеет свой индивидуальный характер, отображает менталитет народа и его восприятие жизни на земле. Актуальность исследования обуславливается тем, что вербализация функционально-семантического понятия «возраст человека» представлена, интересными для лингвистов, лексическими средствами, как сложные слова, устойчивые словосочетания и фразеологические словосочетания. У якутов не принято говорить вслух про точный возраст, они трепетно относятся к человеческой жизни, про возраст говорят как-то завуалированно и образно. Это связано с тем, что была высокая детская смертность, много было бездетных пар (*оҕо турбат ыала* 'бездетная семья') [4, С. 507], [1, С. 264]. Чтобы защитить от *абаасы* «злой дух» ребенку не давали имени, нарочно называли «плохими» именами (*Кусаҕан уол* «Плохой мальчик», *Кусаҕаллай* «Плохишь» и др.), именами зверей (*Моҕотой* «Бурундук», Куобах «Зяец» и т.д.), фразеологизмами [1, С. 263]: *кыттыый кырадаһына* (букв. лоскуток-открывка от ножниц) «новорожденная девочка» [3, С. 319], *хабдьы сэһэнэ* (букв. объедки куропатки) «новорожденный мальчик» [3, С. 273], *бөрө бөтөһө* (букв. мой волчий удалец) [3, С. 139] и др. Точный возраст, дату рождения стариков не могут определить до сих пор, некоторые отмечают свой день рождения дважды: по метрике и по собственным догадкам: *Мин ыспаанка сыл күһүҥгү харанаҕа төрөөбүтүм* «Я родилась в год испанского гриппа (1924) глубокой осенью». Но в то же время якуты, как мудрый народ, не только знали все тонкости жизнедеятельности человека, знали про кризисные, пубертатные периоды жизни, они также умели это связывать с воспитанием ребенка в семье, с вероисповеданием, с отношением к предкам, родителям и т.д.

Учитывая то, что восприятие понятия о возрасте зависит от языка и культуры народа, в рамках этой статьи будут рассмотрены формальные и «народные» средства выражения возраста человека в якутском языке.

В качестве формальных средств выражения функционально-семантического понятия мы выдвигаем имена существительные, обозначающие человека определенного возраста – *оҕо* «ребенок», *уол* «мальчик», *уолан уол* «юноша 17-20 лет», *уолан киһи* «юноша 20-25 лет», *эр киһи* «мужчина», *обонньор* «старик» и *кыыс* «девочка», *кыыс куо* «девушка 17-20 лет», *дьахтар* «женщина», *эмээхсин* «старушка», *ыччат* «молодежь», *кырдьаҕас дьон* «пожилые» и др. Лексемы, обозначающие человека по его профессии, по его занятости, социальном статусе, месте работы, считаются имплицитными средствами выражения функционально-семантического поля: *детсад иитиллээчитэ* «воспитанник детского сада; дошкольник», *үөрэнээчи* «учени», *устудьуон* «студент», *үлэһит* «работающий», *биэнсийэлээх* «пенсионер», *оскуолаҕа үөрэнэр оҕо* «ученик» и др., которые не имеют в составе значения возрастную сему. Также на возраст указывают имена прилагательные и причастия, которые в своем значении имеют семы *кыра*

«маленький; юный», *улахан* «взрослый», *эдэр* «молодой», *кырдыаҕас* «старый», *сага төрөөбүт оҕо* «новорожденный» и т.д.

В качестве «народных» средств обозначения возраста человека широко используются экспрессивные слова, устойчивые сочетания, фразеологические обороты. Лексико-семантическое понятие «Младенец» представляют существительные и устойчивые словосочетания:

Наименования *эһээбиччэ*, *эһээхэй* «новорожденный» и слово с эвфемистическим значением *ынаачык* «младенец»: *Ийэлэрэ эһээхэй оҕолоох балыыһаттан таҕыста*. ИМС ОС. «(Их) мать вернулась из больницы с младенцем» [13, С. 379]. Данные слова образованы от звукоподражательных слов, от прилагательного *ынаа* «капризный, избалованный» (Ср. *тув.* *ынаа* 'любимец' [12, С. 448]).

Устойчивые фразеологические сочетания *кыһыл оҕо* / *уу кыһыл оҕо* (букв. красный ребенок; (усилительная частица) красный ребенок) «новорожденный младенец» и *нырэй оҕо* / *уу нырэй оҕо* (букв. теленок ребенок; (усилительная частица) теленок ребенок) «грудной ребенок 2-4 месяца от роду» называют ребенка по его внешнему виду. *Нырэй оҕо ньыккирэччи ытаата*. И. Чабылҕан. «Младенец громко заплакал». *Балаабыһа кыһыл оҕотун эмийдээбитинэн барбыта*. Л. Попов. «Пелагея стала кормить грудью (своего) младенца» [9, С. 371].

Возраст женщин показывают такие устойчивые словосочетания, как:

Куорсун хорохой кыыс «девочка 8-11 лет» [2, С. 52], [8, С. 502–503]. Представленное фразеологическое сочетание состоит из именных компонентов: *куорсун* «перо» (Ср. *монг.* *буурсун*, *баурсун* «перо (птичье)», *кирг.* *куурсун* «стержень птичьего пера») [8, С. 503] и *хорохой*. Понятие *куорсун* 'перо' активно используется в концепте «возраст» – обрастание пером является одним из признаков периода взросления птиц. Например, в якутском языке имеется фразеологизм *куорсун анньын* «достичь сознательного возраста, повзрослеть, физически окрепнуть» [8, С. 503]. Имя *хорохой* в Толковом словаре якутского языка зафиксировано как диалектное слово *хорохой* «оса» [11, С. 604]. Но предполагается, что в данном сочетании *хорохой* используется в значении «высокая и стройная», как образованный от глагола *хорой* «быть, казаться торчащим вверх» [11, С. 602], или прилагательного *хоробор* «высокий и стройный» (Ср. *кирг.* *хорхоҕой* «высокий и тощий», *бур.* *гурагор* 'стройный') [11, С. 601].

Сырбан-татай кыыс [2, С. 53] «чрезмерно шустрая и бойкая (чаще о юной девушке 16-17 лет; молодлица, молодуха)» (Ср. *хак.* *сырбань* «лицемерный; порочный, развратный») [ТСЯЯ IX 456]. Прилагательное *сырбан* имеет корни от глагола *сырбай* «бегать, ходить, двигаться быстро, проворно; упруго извиваться, вертеться» (обычно о стройных людях с гибким станом) и прилагательного *сырбай* «бойкая, непоседливая; подвижная, вертлявая (о девушке, женщине)» [10, С. 456]. Усилительная частица *-татай* добавляет больше экспрессии и дополняет сочетание.

Куо мэтэкэ хотун [2, С. 55] «девушка 20-25 лет; молодуха, молодлица», сочетание, в котором доминирует именной компонент от глагола *мэтэй* «выдаваться вперед, выступать, выпячиваться (о груди)». А компонент *куо* обозначает «красавица, краса». Выходит, красивая *хотун* «госпожа» (Ср. *др.-тюрк.* *хатун* «госпожа, женщина знатного происхождения») [11, С. 628] с высоким грудями.

Кыыс дьахтар «молодая женщина / незамужняя женщина в возрасте; букв. девушка-женщина». В словосочетании *кыыс* «девушка» выступает в качестве определения, обозначает признак *дьахтар* «женщина» не по возрасту, а по социальному статусу.

Күрүн тойтохо [2, С. 55] «женщина 50-60 лет» от прилагательного *күрүн* «рыжий; темно-красный (о масти крупного рогатого скота)». Ср. *бур.* *хүрэн*, *хүрүн* «темно-рыжий» [9, С. 93]. Лексема *тойтохо* означает «хвост жеребенка; короткий хвост». Предполагается, название появилось, как описание того, что у женщины 50-60 лет седеют, редеют волосы, буквально меняется цвет волос, они становятся похожими на короткий хвост жеребенка.

Сыраҕана күкүнэ «женщина 80-90 лет; старуха». Наименование зафиксировано у Кулаковского: *Сыын-сыраан сырайдаах Сыраҕана күкүнэ* [2, С. 56]. «Страшная, чумахая Сыраҕана күкүнэ (Со слюнявым лицом)». В олонхо «Кыыс Дэбилийэ» (1993) есть персонаж дочка *абаасы* (дьявола) Сарахана Күүкэнник. Можно предположить, что имя дочки *абаасы* послужило источником для названия старушки, которая внешне выглядит не опрятно.

Лексико-семантическая группа мужских наименований представлена:

Барҕаанча – «8-9 лет подросток». Предполагается, что это отглагольное имя от *барҕар*: *Атыыр Барҕаанча Дохсун Дорбоончо* – один из трех победителей злого духа, неразлучных сподвижников шамана во время камлания [Пекарский ст. 376]. Глагол *барҕар* «расти, вырастать, возрастать, мужать, полнет, толстеть»: *баарабай кулун эһиэхэ барҕардын!* «Да растут у вас крупные жеребята»; *барҕарбыт оҕо* «полнотелый ребенок» [5, ст. 376].

Бөтөс «молодой человек, полагающийся в своих поступках большей частью на свою физическую силу и энергию; молодчик 15-16 лет». *Кинилэр үлэбэ умсугуйбат бөтөстөр*. И. Данилов. «Молодчики, которые не хотят работать» [7, С. 467].

Эрдыгэн «смельчак, храбрец; молодчик». *Биһиэхэ эн курдук тон иһиһирдээх эрдыгэннэр олус наадалар*. «Чолбон». «Нам очень нужны такие крепкие молодчики» [13, С. 307].

уол оҕо ат кулун (букв. парень-жеребенок) «мужчина в рассвете сил» [3, С. 262].

эрдэбэс оҕо «подросток 12-16 лет». *Эрдэбэс оҕолор үксүн биһиргэ үөрэнэллэринэн, чугас-чугас олороллорунан доҕордоһоллор*. ЧКС АК. «Подростки обычно находят друзей среди одноклассников или соседей». Прилагательное *эрдэбэс* означает «довольно крупный; немелкий» [13, С. 303], т.е. довольно взрослый ребенок.

Үргэн өрөгөй «мужчина 27-35 лет» Ср. *монг.*, *бур.* *хонгор-үргэн* «эпитет земли; эпитет мощного» [6, ст. 3489]. Лексема *өрөгөй* «победа, успех, триумф». Сочетание обозначает мощный триумф.

Таким образом, выявлены основные именные средства выражения функционально-семантического понятия возраста человека с рождения до старения. В результате исследования «народных» названий в лексико-семантическом аспекте отождествлено, что именные средства отражают картину визуального восприятия якутского человека, которое особенно ярко проявляется в оценивании развития человеческого тела, внешнего вида и характера человека при помощи образных глаголов и прилагательных.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Готовцева Л.М. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов, обозначающих понятие возраст человека (на материале немецкого и якутского языков) / Л.М. Готовцева, А.В. Андреева // Россия – Германия: историко-культурные контакты: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию Г.Ф. Миллера. – Якутск : ИГИ АН РС (Я), 2006. – С. 258–269.
2. Кулаковский А.Е. Ырыа-хоһоон Өксөкүлээх Өлөксөй / А.Е. Кулаковский; сост. Л.Р. Кулаковская. – Якутск : Бичик, 2012. – 368 с.
3. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь / А.Г. Нелунов – Новосибирск : Изд. СО РАН. Филиал «ГЕО», 2002. – Т.1. – 287 с.; Т.2. – 420 с.
4. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования / Серошевский В.Л. – Москва, 1993. – 736 с.
5. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Том I / Э.К. Пекарский. – Ленинград : Академия наук СССР, 1959. – 1280 стлб.
6. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Том III. Выпуски 10-13 / Э.К. Пекарский. – Ленинград: Академия наук СССР, 1959. – 3858 стлб.
7. Толковый словарь якутского языка – Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. II (Буква Б) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2005. – 912 с.
8. Толковый словарь якутского языка – Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. IV (Буква К) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – 672 с.
9. Толковый словарь якутского языка – Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. V (Буква К) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2008. – 616 с.
10. Толковый словарь якутского языка – Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. IX (Буква С-Һ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2012. – 630 с.
11. Толковый словарь якутского языка – Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. XIII (Буква Х) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2016. – 639 с.
12. Толковый словарь якутского языка – Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. XIV (Буква Ч-Ы) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2017. – 592 с.
13. Толковый словарь якутского языка – Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. XV (Э). – Новосибирск : Наука, 2018. 576 с.
14. Якутский героический эпос. Кыыс Дэбилийэ. – Новосибирск : ВО НАУКА, 1993. – 327 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gotovceva L.M. Lingvokulturologicheskij analiz frazeologizmov, oboznachayushchih ponyatie vozrast cheloveka (na materiale nemeckogo i yakutskogo yazykov) [Linguocultural analysis of phraseology of age concept (on the material of German and Yakut)] / L.M. Gotovceva, A.V. Andreeva // Rossiya – Germaniya: istoriko-kul'turnye kontakty: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 300-letiyu G.F. Millera [Russia – Germany: historical and cultural contacts: materials of International scientific conference dedicated to G.F. Miller 300'th birthday]. – Yakutsk : IHR AS RS (Ya), 2006. – P. 258–269. [in Russian]
2. Kulakovskij A.E. Yeryea-xohoon [Songs] / ed. by L.R. Kulakovskaya. – Yakutsk : Bichik publishing house, 2012. – 368 p. [in Yakut]
3. Nelunov A.G. Yakutsko-russkij frazeologicheskij slovar' [Russian-Yakut]. / A.G. Nelunov – Novosibirsk : SB of RAS publishing house. «GEO» branch, 2002. – Vol. 1. – 287 p.; Vol.2. – 420 p.
4. Seroshevskij V.L. Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya [The Yakuts. Ethnographical research] / Seroshevskij V.L. – Moscow, 1993. – 736 p. [in Russian]
5. Pekarskij E.K. Slovar' yakutskogo yazyka [Yakut dictionary]. / E.K. Pekarskij. – Vol. I. – Leningrad : Academy of Sciences of USSR, 1959. – 1280 col. [in Yakut]
6. Pekarskij E.K. Slovar' yakutskogo yazyka [Yakut dictionary]. / E.K. Pekarskij. – Vol. III. – Iss. 10–13. – Leningrad : Academy of Sciences of USSR, 1959. – 3858 col. [in Yakut]
7. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka – Saha tylyn byhaaryyлааh tyld'ya [Defining dictionary of the Yakut language] Agrarian II (Letter "B") / Edited by P.A. Slepcev. – Novosibirsk : Nauka publishing house, 2005. – 912 p. [in Yakut]
8. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka – Saha tylyn byhaaryyлааh tyld'ya [Defining dictionary of the Yakut language] Agrarian IV (Letter "K") / Edited by P.A. Slepcev. – Novosibirsk : Nauka publishing house, 2007. – 672 p. [in Yakut]
9. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka – Saha tylyn byhaaryyлааh tyld'ya [Defining dictionary of the Yakut language] Agrarian V (Letter "K") / Edited by P.A. Slepcev. – Nauka publishing house, 2008. – 616 p. [in Yakut]
10. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka – Saha tylyn byhaaryyлааh tyld'ya [Defining dictionary of the Yakut language] Agrarian IX (Letter "C-h") / Edited by P.A. Slepcev. – Nauka publishing house, 2012. – 630 p. [in Yakut]
11. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka – Saha tylyn byhaaryyлааh tyld'ya [Defining dictionary of the Yakut language] Agrarian XIII (Letter "X") / Edited by P.A. Slepcev. – Nauka publishing house, 2016. – 639 p. [in Yakut]
12. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka – Saha tylyn byhaaryyлааh tyld'ya [Defining dictionary of the Yakut language] Agrarian XIV (Letter "Ч-Ы") / Edited by P.A. Slepcev. – Novosibirsk : Nauka, 2017. – 593 p. [in Yakut]
13. Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka – Saha tylyn byhaaryyлааh tyld'ya [Defining dictionary of the Yakut language] Agrarian XV (Э). – Novosibirsk : Nauka, 2018. – 576 p. [in Yakut]
14. Yakutskij georicheskij epos. Кыыс Дэбилийэ [Heroic epos]. – Novosibirsk : HE NAUKA publishing house, 1993. – 327 p. [in Yakut]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.073>

ИЗ ИСТОРИИ КАТЕГОРИИ ДИМИНУТИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Научная статья

Лысакова И.П.¹, Комцын К.В.², *¹ ORCID 0000-0003- 3090-1187;² ORCID: 0000-0002-6584-1017;¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;² Санкт-Петербургский государственный педиатрический университет, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (chriskom91[at]yandex.ru)

Аннотация

Настоящая статья посвящена рассмотрению эволюции представлений о категории диминутивности в русском языке, их семантическим особенностям и дискуссионным проблемам, связанным с классификацией уменьшительных образований. Целью данной работы является изучение явления диминутивности в его диахронии и синхронии, выявление спорных вопросов функционально-семантического спектра диминутивов. В ходе исследования приводятся первые упоминания уменьшительных образований, а многообразие функций диминутивных образований объясняется тем, что точное значение диминутива определяется лишь при условии помещения его в контекст. На основании анализа современных дефиниций термина «диминутив» (деминутив) выводится определение, соответствующее текущему моменту изучения данного явления.

Ключевые слова: история диминутивов, классификация диминутивов, семантика диминутивов, русский язык.

FROM THE HISTORY OF THE DIMINUTIVE CATEGORY IN RUSSIAN

Research article

Lysakova I.P.¹, Komcyan K.V.², *¹ ORCID 0000-0003- 3090-1187;² ORCID: 0000-0002-6584-1017;¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia;² Saint-Petersburg State Pediatric Medical University, Saint Petersburg, Russia

* Corresponding author (chriskom91[at]yandex.ru)

Abstract

This article is dedicated to of evolution of ideas about the diminutive category of the Russian language, their semantic specifics and discussion problems related to the classification of diminutive formations. The aim of this work is to study the phenomenon of diminutives in its diachrony and synchrony, to identify controversial issues of the functional-semantic spectrum of diminutives. The study presents the first mentions of diminutive formations, and the variety of their functions is explained by the fact that the exact value of diminutive is determined only by context. Based on the analysis of the modern definitions of the term «diminutive», the definition corresponding to the current study of this phenomenon is presented.

Keywords: history of diminutives, classification of diminutives, semantics of diminutives, the Russian language.

Введение

Вопрос о формах выражения субъективной оценки уже со второй половины XVIII века широко освещался М.В. Ломоносовым, Ф.И. Буслаевым, А.Х. Востоковым, Г.П. Павским, К.С. Аксаковым, А.А. Шахматовым, В.В. Виноградовым, А.А. Потебней. Первое упоминание размерно-оценочных дериватов встречаем ещё в «Русской грамматике» Г.В. Лудольфа (глава II «Об именах»): «...надо указать, что Русские пользуются уменьшительными именами не только тогда, когда хотят ласково обратиться к кому-нибудь, как напр., *дружок* от *друг*, но из учтивости они подписывают свои имена в письмах всегда в уменьшительной форме, *Ивашка* вместо *Ивань*, *Петрушка* вместо *Петрь*» [11, С. 123].

В свою очередь, М.В. Ломоносов посвятил «увеличительным» и «умалительным» суффиксам целую главу своего труда («Российская грамматика», 1788), имея, однако, в виду не столько размер, сколько эмоциональные оттенки, а имена «умалительные» разделяя на *ласкательные* (*зубок*, *словечушко*, *серденько*) и «презрительные» (*стариченцо*, *суднишко*) [10, С. 103].

Методы и принципы исследования

В изучении категории диминутивности на протяжении нескольких столетий учёные использовали *метод наблюдения и историко-этимологический подход* к описанию семантики диминутивов. Принцип языковой системности натолкнул исследователей на мысль о сочетании в семантике диминутивов количественных характеристик с эмоционально-оценочным компонентом.

Так, А.Х. Востоков («Русская грамматика», 1838) выделяет две основных функции уменьшительных и увеличительных образований, отмечая, что первые зачастую не показывают малость предмета, а лишь служат «смягчительными именами», и добавляет к ним имена *ласкательные* (четкой границы между первыми и вторыми Востоков не проводит) и *уничижительные*, или *неуважительные*. Ласкательные, по мнению Востокова, служат для номинации «любимых особ» (*тятенька*, *куманек*), «любимых животных» (*лошадушка*), а также для именования «неодушевленных и отвлеченных предметов, когда об оных говорят с особой приязнию» (*рученька*, *волошка*), а «неуважительные» по убеждению исследователя, призваны подчеркнуть маловажность, ничтожность предмета (*домишко*, *силлишка*).

Протоиерей Г.П. Павский (1850) обратил внимание на то, что «иногда уменьшительное имя выражает меньшее достоинство, количество или вообще меньший вид лица или вещи в сравнении с другими», а иногда «из презрения, а иногда из ласки и вежливости стараемся представить и немалую вещь в уменьшенном виде» [13, С. 272]. Интересуют исследователя и слова с утраченной уменьшительностью. По убеждению исследователя, «нельзя назвать уменьшительными именами *ящик, веник, кролик* и т.п., потому что в нашем языке не существует имен *ящ, вен, кроль*, от которых они произведены при помощи слога *-ик*» [13, С. 77], равно как и «*корица* не может называться уменьшительным именем *коры*, потому что значение слов не одинаково» [13, С. 78].

К.С. Аксаков не создал специального труда об эмоционально-оценочных суффиксах и образованиях с ними, но оставил интересные рассуждения в «*Сочинениях филологических*» (1880), отметив, что слово с уменьшительным суффиксом может также имплицировать некоторые нравственные характеристики: «...малому свойственно быть милым... Кроме милого, предмет принимает характер жалкого, бедного, робкого, возбуждающего о себе это сознание в говорящем... Кроме чувства «этот предмет мне дорог» в говорящем высказывается часто и чувство собственного смирения, для чего и предмет представляет он в смиренном виде» [1, С. 63].

Таким образом, можно констатировать наличие *двух основополагающих значений*, присущих диминутивным образованиям: исходное *объективное значение малости* и производное *эмоционально-оценочное субъективное значение ласкательности* или *уничижительности*.

Вопрос функционального диапазона диминутивных образований также неоднократно рассматривался исследователями. Как и А.Х. Востоков, А.А. Потебня призывал отличать «объективную уменьшительность...от ласкательной, в коей выражается личностное отношение говорящего к вещи» [16, С. 92]. В.Г. Белинский, в свою очередь, говорил о трех степенях проявления уменьшительности в диминутивных образованиях:

- 1) простое выражение уменьшительности: *дверца*;
- 2) выражение ласки или умиления: *рученька*;
- 3) выражение презрения: *душонка* [16, С. 72].

А.А. Дементьев выделил следующие значения диминутивных существительных:

- 1) *Чистая уменьшительность*, выражаемая исключительно с помощью именных словосочетаний (прилагательное + существительное): *маленький стул, небольшая колба*.
- 2) *Уменьшительно-ласкательное значение* (исходное слово – субстантив с конкретным предметным значением): *домишко, цветочек*.
- 3) *Ласкательное значение* (производящее существительное – без семантики уменьшительности; объективная уменьшительность к подобным словам неприменима): *кофеек, хлебушко, бензинчик*.
- 4) *Значение слабой степени проявления признака*: *ветерок, шумок, голосок, морозец*.
- 5) *Значение приблизительности*: *минуточка, часик, неделька, годик* и пр.
- 6) *Ироническое значение* (при исходном значении солидности, важности, торжественности): *теорийка, фактик, идейка, царек* [6, С. 25–26].

Наиболее полной и подробной, с нашей точки зрения, классификацией функций уменьшительных существительных является классификация А.М. Родимкиной [17, С. 16–20], выделившей:

1. *Функцию выражения уменьшительности*:
 - а. абсолютной (объективная уменьшительность): *маленькая дверца*;
 - б. относительной (контекст дает указания на особые условия, при которых названный предмет представляется малым): *маленькие пчелки, холмики земли*.
2. *Функцию выражения положительного отношения* (непосредственно к предмету речи, к собеседнику или ситуации): *личико, ручки*.
3. *Функцию выражения отрицательного отношения к предмету высказывания или собеседнику/ситуации речи*: *человечишко, царёк*.
4. *Функцию речевой экспрессии, усиления признаков предмета высказывания* (не выражают отношения к предмету речи, а придают эмоциональный тон всему высказыванию, что особенно характерно для произведений фольклорного жанра): *берёзонька, волюшка, дождичек*.
5. *Функцию усиления признака предмета*, подчеркивание высокой степени его интенсивности: *ни единого огонька, каждую секундочку*.
6. *Функцию интимизации речи* (адресант желает сделать свою речь более доверительной, сократить дистанцию с собеседником): *укольчик, микстурка, салатик, пакетик*.
7. *Функцию речевой характеристики лица/персонажа художественного произведения* (способствует раскрытию образа говорящего с точки зрения социальной характеристики – «мещанская речь с широким использованием положительно-оценочных существительных»): *горбушечка, документик, делишки*.

Помимо семантики диминутивов учёные исследуют и грамматические особенности их состава и употребления. Надо иметь в виду, что проблема оценочных суффиксов – это прежде всего проблема лексико-морфологическая, т.е. «проблема отдельно взятого слова» [15, С. 5]. Непонимание этого и приводит зачастую к неправильному толкованию значений изучаемых образований.

В теоретическом плане остается нерешенным вопрос, считать ли диминутивные образования явлениями формообразования или словообразования.

В первой половине XIX века исследователи писали, что категория субъективной оценки имен существительных находит свое выражение в формах одного и того же слова. Уменьшительные, ласкательные и прочие формы субъективной оценки расценивались не как отдельные самостоятельные слова, а как формы производящего существительного.

Так, профессор В.А. Богородицкий в рамках своего «*Общего курса русской грамматики*» делит все суффиксы на те, которые образуют новое слово (*рыба – рыбак*), и те, что привносят новый, эмоциональный оттенок значения

(рыба-рыбка) [4, С. 131]. А.А. Шахматов также считает уменьшительные дериваты не отдельными словами, а формами слова, т.к. они «не видоизменяют реального значения основного слова: *домик, домище, домина, домишко* означают то же представление, что и дом» [5, С. 100].

Ф.Ф. Фортунатов и А.И. Соболевский, в свою очередь, рассматривают уменьшительные образования как отдельные слова: «Разница между именами простыми и именами увеличительными и т.д. не синтаксическая и уже, конечно, не морфологическая, а лексикальная» [5, С. 101].

А.А. Потебня, в соответствии со своей теорией о «настоящем живом слове», которое может встречаться лишь в контексте, полагает, что «малейшее изменение в значении слова делает его другим словом» [15, С. 32–34]. Исследователь подчеркивает также случаи отраженного распространения экспрессии, связанной с суффиксом субъективной оценки, на все детали высказывания [5, С. 101]. Иными словами, уменьшительные формы «заразительны», в связи с чем диминутивная форма существительного «подчиняет» себе прилагательное, требуя эмоционального согласования с собственной формой (*маленький стульчик*).

В.В. Виноградов относит диминутивы к промежуточным между формой слова и отдельным словом явлениям, аргументируя это мнение возможностью перехода уменьшительной формы в самостоятельное слово (*цепочка – цепь, черепок – череп*) [5, С. 102].

Основные результаты исследования

Таким образом, для четкого отнесения размерно-оценочных образований к той или иной группе необходимо для начала определить их семантику. Если под словообразовательными аффиксами понимать элементы слова, трансформирующие его лексическое значение, а формообразующие аффиксы рассматривать лишь как передающие грамматические отношения, то прежде всего следует определить значения анализируемых слов.

Представляется логичным отнесение слов типа *черепок или корица* к числу новых, так как уменьшительный суффикс в данном случае изменяет лексическое значение производящего слова (*череп, кора*, т.е. образованные слова отличаются от исходных объективным признаком). Слова наподобие *мамочка, ситчик, хлебушко* рассматриваются, скорее, как формы слова, т.к. присоединенный суффикс в лексическом плане ничего нового не привносит.

В современном русском языке явление диминутивности очень частотно и может быть названо «агрессивной» категорией, так как «захватывает всё новые и новые сферы коммуникации» [18, С. 143]. Несмотря на это, в лингвистике по сей день не сложилось общепринятого универсального понимания диминутивности вследствие ее концептуальной двойственности: «одни ученые ассоциируют уменьшительность с проявлением неопределенно малого количества в языке, ... Другие связывают уменьшительность с прагматически ориентированным планом языкового выражения, когда эксплицируется отношение говорящего к действительности, к предмету речи...» [19, С. 12].

Обратившись к толковым и энциклопедическим словарям, мы обнаружили статьи, посвященные понятиям «*диминутив*» (или «*деминутив*» – от лат. *Diminutivus* – «уменьшительный»), «*диминутивность*» лишь в нескольких из них (что, вероятно, обусловлено их недавним появлением). Более ранние словари включают дефиниции понятий «*уменьшительный*», «*уменьшительный*».

Так, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова находим:

Уменьшительный. 1. Дающий уменьшенное изображение чего-н. Уменьшительное стекло. 2. Прил., по знач. связанное с образованием сущ., обозначающих предмет меньших, уменьшенных размеров, и прил., обозначающих меньшую, уменьшенную степень качества (лингв.). Уменьшительный суффикс. Уменьшительные существительные, прилагательные. 3. Об имени собственном: употребляемый в видоизмененной форме, чаще сокращенной, при обращении, напр. Саша, Саня, Шура (Александр, Александра) [21].

У *С.И. Ожегова* читаем: *Уменьшительный*, -ая, -ое. 1. см. уменьшить. 2. В словообразовании: относящийся к образованию существительных, прилагательных и наречий, обозначающих меньшую величину, степень качества, а также эмоциональное отношение (напр. дом – домик, яблоко – яблочко, Ваня – Ванечка, плохой – плохонький, добрый – добренький, скоро- скоренько, тихо – тихонечко). У. суффикс. || сущ. уменьшительность, -и, ж. (ко второму значению.) [12].

«Толковый словарь» Т.Ф. Ефремовой дает следующее определение уменьшительности: *Уменьшительность* – 1.ж. Отвлеч.сущ. по знач. прил.: уменьшительный; 2.ж. Грамматическая категория, указывающая на уменьшенную величину предмета или степень качества сравнительно с другим предметом или качеством (в лингвистике) [8].

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова находим: *Уменьшительный*, -ая, -ое; -лен, -льна, -льно. 1. Служащий для уменьшения изображений видимых предметов. У-ое стекло. 2. Лингв. Обозначающий меньшую величину предмета или меньшую степень качества; указывающий на такое обозначение. У-ые слова. У-ое существительное, прилагательное. У. суффикс -чик в слове "костюмчик". 3. Употребляемый в видоизмененной, часто сокращенной форме при обращении (об имени собственном). У-ое имя. У-ая форма имени [9].

«Лингвистический энциклопедический словарь» В.Н. Ярцевой, «Словарь иностранных слов современного русского языка» (2014) Т.В. Егоровой, а также «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, вовсе не дают дефиниции рассматриваемого явления [2]

В последних работах встречаем более расширенные определения терминов «деминутив» и «деминутивность»:

«*Деминутивы* – модификационные дериваты существительных, выражающие отношение уменьшительности по отношению к предмету, обозначенному мотивирующим словом, в сопровождении эмоционально-экспрессивной коннотации. Д. подразделяются на первичные, явившиеся результатом их образования на первой деривационной ступени, и вторичные, являющиеся результатом образования на второй деривационной ступени (нога-ножка-ножечка). Д. – разновидность форм субъективной оценки» [14, С. 68].

Современные исследователи всё больше отходят от «чисто уменьшительной природы» диминутивных дериватов и придерживаются мнения о превалировании в них коннотативного компонента над денотативным. Так, например,

Л.А. Шлыкова приводит следующее определение: «*Диминутивы* – это номинации с уменьшительно-ласкательными суффиксами, выражающими эмоциональные и экспрессивные смыслы от ласкательности до уничижительности и пренебрежения и содержащими отношение говорящего к участнику коммуникации, к ситуации: *огурчик, зайка, баюшки*» [22, С. 270].

Интересной представляется и трактовка А.П. Викторино Душ Рейша, определившего диминутивы как «субъективно-оценочные образования, представляющие собой лексико-грамматические явления, в структуре которых выделяются... признаки тождества лексического значения с исходным неуменьшительным словом, выражения определенного субъективно-оценочного отношения говорящего к объекту речи...» [7, С. 5].

Закключение

Таким образом, диминутивные образования предстают как некое диалектическое единство, включающее не только *денотативный компонент значения* – сему малости, но и обязательный дополнительный, *коннотативный элемент* – эмоциональную или оценочную составляющую номинации. Именно двойственность данного явления и делает его центром не утихающих по сей день дискуссий и предметом многочисленных исследований. Под *диминутивом*, с нашей точки зрения, следует понимать производное от исходного неуменьшительного существительного образование со значением малости и/или дополнительным положительным или отрицательным коннотативным компонентом – ласки, умиления, сочувствия – с одной стороны, и уничижения, неприятия – с другой. Проблема связи семантики размера с эмоционально-оценочным компонентом, на наш взгляд, заслуживает психолингвистического исследования.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы/ References:

1. Аксаков К.С. Опыт русской грамматики (полное собрание соч. К.С. Аксакова). Сочинения филологические / К.С. Аксаков – Ч. 2. – Т. III. – Москва, 1880. – 709 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е стереотипное / О.С. Ахманова – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
3. Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т / В.Г. Белинский – Т. 5. – Москва : Худож.литература, 1979. – 631 с.
4. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики / В.А. Богородицкий – Москва, 1935. – 374 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове): учебное пособие для Вузов / В.В. Виноградов ; отв. ред. Г.А. Золотова. – 3-е изд., испр. – Москва : Высшая школа, 1986. – 640 с.
6. Дементьев А.А. Очерки по словообразованию имен существительных в русском языке (имена существительные с суффиксами –ок, –ка, –ко, –ец, –ца, –цо, –ица, –ице) / А.А. Дементьев // Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического института им. В.В. Куйбышева. – Вып.27. – Куйбышев, 1959. – С. 5–181.
7. Душ Рейш Афонсо Пауло Викторино. Типологические особенности словообразования в разносистемных языках (диминутивы в русском и португальском): автореф. дис-ции на соискание учен. степ. канд. филолог. наук. – Минск, 1996. – 19 с.
8. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т / Т.Ф. Ефремова – Москва : АСТ, Астрель, Харвест, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/efremova/Umeshitelnost-112454.html> (дата обращения: 19.04.2022). (дата обращения: 19.04.2022).
9. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов – Санкт-Петербург : Норинт. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/rCuey> (дата обращения: 19.04.2022).
10. Ломоносов М.В. Российская грамматика / М.В. Ломоносов – Санкт-Петербург, 1788. – 216 с.
11. Лудольф Г.В. Русская грамматика. Оксфорд, 1696 / Г.В. Лудольф; под ред. Б.А. Ларина. – Ленинград, 1937. – 93 с.
12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. – Москва, 1997. – 944 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=80193> / (дата обращения: 19.04.2022).
13. Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 2. Об именах существительных / Павский Г.П. – Санкт-Петербург, 1850. – 335 с.
14. Панова Г.И. Современный русский язык. Морфология: словарь-справочник. Часть 1. Изд. второе, испр. и доп / Г.И. Панова – Абакан : Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 2003. – 264 с.
15. Плямоватая С.С. Размерно-оценочные имена существительные в современном русском языке / С.С. Плямоватая. – Москва, 1961. – 121 с.
16. Потебня А.А. Из записок о русской грамматике, вып.3 / А.А. Потебня – Харьков, 1899. – 552 с.
17. Родимкина А.М. Уменьшительно-оценочные существительные в современном русском языке. Автореф. дис-ции на соискание учен. степ. канд. филолог. наук. – Ленинград, 1980. – 22 с.
18. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки / Ю.А. Рылов. – Москва : Гнозис, 2006. – 304 с.
19. Самигуллина А.С. Уменьшительность: лингвокогнитивный подход (на материале английского, немецкого и русского языков): автореф. дис-ции на соискание учен. степ. канд. филолог. наук. – Уфа : Башкирский гос. ун-т, 2003. – 23 с.
20. Современный толковый словарь русского языка: В 3-х томах. Том 3. Р-Я. – М.: АСТ, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/rCusg> (дата обращения: 19.04.2022).
21. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.). [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=80193> / (дата обращения: 19.04.2022).

22. Шлыкова Л.А. Диминутивы в современном русском языке / Л.А. Шлыкова // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2018. – № 5 (22). – С. 270-274.

Список литературы на английском языке / References in English:

1. Aksakov K.S. Opyt russkoy grammatiki (polnoye sobraniye soch. K.S. Aksakova). Sochineniya filologicheskoye. Ch.2, t.III. [Russian grammar (complete works of K.S. Aksakov). Philological studies, pt.2, v.III.] / K.S. Aksakov. – Moscow, 1880. – 709 p. [in Russian]
2. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [The dictionary of the linguistic terms. – 2nd ed.] / O.S. Akhmanova. – Moscow : Editorial USSR, 2004. – 576 p. [in Russian]
3. Belinskiy V.G. Sobraniye sochineniy: v 9 t. [Collection of works in 9 volumes. – V.5.] / V.G. Belinskiy. – Moscow : Khudozh.literatura, 1969. – 631 p. [in Russian]
4. Bogoroditskiy V.A. Obschiy kurs russkoy grammatiki [The basic course of the Russian grammar]. / V.A. Bogoroditskiy. – Moscow : 1935. – 374 p. [in Russian]
5. Vinogradov V.V. Russliy yazyk (grammaticheskoye ucheniye o slove): uchebnik dlya vuzov [Russian language (grammatical study of a word): textbook for universities] / V.V. Vinogradov. – Moscow : Vysshaya shkola, 1986. – 640 p. [in Russian]
6. Demytyev A.A. Ocherki po slovoobrazovaniyu imyon suschestvitel'nykh v russkom yazyke (imena suschestvitelnyye s suffiksami –ok, –ka, –ko, –ets, –tsa, –tso, –itsa, –itse) [Essays on the noun word-formation in Russian language (nouns with suffixes –ok, –ka, –ko, –ets, –tsa, –tso, –itsa, –itse)] / A.A. Demytyev. // Uchenye zapiski Kujbyshevskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V.V. Kujbysheva [Scientific notes of Kuybyshev State Pedagogical Institute]. – Iss. 27. – Kuybyshev, 1959. – P.5–11. [in Russian]
7. Dush Reish Afonso Paulo Viktorino. Tipologicheskoye osobennosti slovoobrazovaniya v raznosistemnykh yazykakh (diminutivy v russkom i portugal'skom) [Typological features of the word-formation in the languages with different systems (diminutives in Russian and Portuguese)] / Afonso Paulo Viktorino Dush Reish. // Avtoref. dis-tsii na soiskanie uchen. step. kand. filolog. Nauk [Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences]. – Minsk, 1999. – 19 p. [in Russian]
8. Efremova T.F. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 3 t. [The modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 volumes] / T.F. Efremova. [Electronic resource]. URL: <http://enc-dic.com/efremova/Umenshitelnost-112454.html> (accessed: 04/19/2022) [in Russian] (accessed: 04/19/2022) [in Russian]
9. Kuznetsov S.A. Bol'shoy tolkoviyy slovar' russkogo yazyka [The big explanatory dictionary of Russian language] / S.A. Kuznetsov. [Electronic resource]. – URL: <https://clck.ru/rCv82> (accessed: 04/19/2022) [in Russian]
10. Lomonosov M.V. Rossiyskaya grammatika [Russian grammar] / M.V. Lomonosov. – Saint-Petersburg : 1788. – 216 p. [in Russian]
11. Ludol'f G.V. Russkaya grammatika [Russian grammar] / G.V. Ludol'f.; ed. by B.A. Larin. – Leningrad, 1939. – 93 p. [in Russian]
12. Ozhegov S.A. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij [Explanatory dictionary of the Russian language: 8000 words and expressions] / S.A. Ozhegov, N.Y.Shvedova. [Electronic resource]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=80193> (accessed: 04/19/2022). [in Russian]
13. Pavskiy G.P. Filologicheskie nablyudeniya nad sostavom russkogo yazyka. Rassuzhdenie 2. Ob imenah sushchestvitel'nykh [Philological observations on the content of the Russian language. 2. On the nouns] / G.P. Pavskiy. – Saint-Petersburg, 1850. – 335 p. [in Russian]
14. Panova G.I. Sovremennyy russkiy yazyk. Morfologiya: slovar'-spravochnik. [Modern Russian language. Morphology: dictionary/handbook] / G.I. Panova. – Abakan : Khakasskiy gos. Un. of N.F. Kaftanova, 2003. – 264 p. [in Russian]
15. Plyamovataya S.S. Razmerno-ocenochnye imena sushchestvitel'nye v sovremennom russkom yazyke. Uchebnoe posobie [The size-evaluation nouns in the modern Russian language. Textbook] / S.S. Plyamovataya. – Moscow, 1961. – 121 p. [in Russian]
16. Potebnya A.A. Iz zapisok o russkoy grammatike, vyp.3. [From the notes on the Russian grammar, issue 3] / A.A. Potebnya. – Kharkiv, 1899. – 552 p. [in Russian]
17. Rodimkina A.M. Umen'shitel'no-otsenochnye sushchestvitel'nye v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis-cii na soiskanie uchen. step. kand. filolog. nauk [The diminutive-evaluative nouns in the modern Russian language: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences] / A.M. Rodimkina. – Leningrad, 1980. – 22 p. [in Russian]
18. Rylov Y.A. Aspekty yazykovoy kartiny mira: ital'yanskiy i russkiy yazyki [Aspects of the linguistic picture of the world: Italian and Russian languages] / Y.A. Rylov. – Moscow : Gnozis, 2006. – 304 p. [in Russian]
19. Samigullina A.S. Umen'shitel'nost': lingvokognitivnyy podhod (na materiale anglijskogo, nemeckogo i russkogo yazykov): avtoref. dis-cii na soiskanie uchen. step. kand. filolog.nauk. [Diminutivity: the linguistic approach (on the material of English, German and Russian languages): abstract of the dissertation for the degree of Candidate of the Philological Sciences] / A.S. Samigullina. – Ufa : Bashkirskiy gos. universitet, 2003. – 23 p. [in Russian]
20. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 3-h tomah. Tom 3. R-YA. [Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 volumes. V.3. R – YA]. [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/rCvF9> (accessed: 04/19/2022) [in Russian]
21. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / ed. by D.N. Ushakova [The explanatory dictionary of the Russian language, edited by D.N. Ushakov]. [Electronic resource]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=80193> (accessed: 04/19/2022) [in Russian]
22. Shlykova, L. A. Diminutivy v sovremennom russkom yazyke [Diminutives in the modern Russian language] / L.A. Shlykova // Sovremennyye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk [Modern problems of the humanities and social studies]. – 2018. – № 5(22). – P. 270–274. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.074>

РОМАН-ЭПОПЕЯ «ПУТЬ АБАЯ» МУХТАРА АУЭЗОВА И ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Научная статья

Машакова А.К.*

ORCID: 0000-0001-5700-457X,

Институт литературы и искусства им. М.О.Ауэзова, Алматы, Казахстан

* Корреспондирующий автор (a_mashakova[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассмотрено обращение представителя одной национальной литературы к значительным явлениям литературы другого народа в момент решения творческих задач, в частности, обращение М.Ауэзова к традициям европейской литературы. Актуальность темы состоит в расширении границ изучения отечественной литературы, процесс написания романа-эпопеи «Путь Абая» рассмотрен с точки зрения сравнительного литературоведения, определено типологическое сходство романов казахского прозаика М.Ауэзова и классиков европейской литературы О.Бальзака, А.Моруа, Р.Роллана. Их художественный опыт обогатил не только индивидуальный творческий арсенал Ауэзова-романиста. Через его литературные шедевры европейские художественные традиции нашли свое отражение во всей современной казахской литературе.

Ключевые слова: роман, казахская литература, европейские прозаики.

EPIC NOVEL «THE PATH OF ABAI» BY MUKHTAR AUEZOV AND EUROPEAN LITERATURE IN THE CONTEXT OF COMPARATIVE LITERARY STUDIES

Research article

Mashakova A.K.*

ORCID: 0000-0001-5700-457X,

M.O. Auezov Institute of Literature and Art, Almaty, Kazakhstan

* Corresponding author (a_mashakova[at]mail.ru)

Abstract

The article considers the appeal of a representative of one national literature to significant phenomena of the literature of another nation at the time of solving creative problems, in particular, M. Auezov's appeal to the traditions of European literature. The relevance of the topic lies in expanding the limits of studying domestic literature, the process of writing the epic novel «The Path of Abai» is considered in view of comparative literary criticism, the typological similarity of the novels of the Kazakh prose writer M. Auezov and the classics of European literature O. Balzac, A. Maurois, R. Rolland is determined. Their artistic experience enriched not only the individual creative arsenal of Auezov-novelist. Through his literary masterpieces, European artistic traditions are reflected in the whole modern Kazakh literature.

Keywords: novel, Kazakh literature, European prose writers.

Introduction

The creativity of the famous Kazakh prose writer Mukhtar Auezov plays a significant role in the development of literature in Kazakhstan. His novels, stories and short stories are widely known in the country and abroad due to the translations into the languages of many countries of the world. The epic novel «The Path of Abai» occupies a special place in the prose of M. Auezov. The central character of the epic novel – is the great Kazakh poet Abai Kunanbayev.

According to M. Madanova, «Mukhtar Auezov's epic novel demonstrated a high level of artistic and aesthetic excellence, a wealth of poetic images, perfection of novel composition, a synthesis of Eastern and Western artistic traditions» [6, P. 62].

It is natural that the genesis of creativity of bright and major literary talents includes the appeal of a representative of one national literature to significant phenomena of the literature of another nation at the time of solving creative objectives. M.Auezov's appeal to the traditions of European literature, in particular, French literature, can be mentioned as an example.

Results

The appeal of any modern writer-novelist to the classic of French literature – Honore de Balzac, is quite natural. In the creative heritage of M. Auezov there are repeated references to Balzac. In particular, there is a well-known statement: «Balzac is a whole State. In his State there are many lands and many people. Balzac has a complex narration, and often his thoughts did not fit within it, and they overflowed the banks, filling up, overflowing ...» [7, P. 198].

Appealing to the works of O. Balzac and analyzing his creative style of writing, M. Auezov singled out the epic power of the artistic conception and the specific means of its expression. It is generally recognized that «Balzac is a great master of words. He writes extensively. His writing needs space, and he uses this space, giving whole pages to the speeches of his characters...» [1, P. 600]. M. Auezov explored with great interest the issues of composition, architectonics, typification techniques, conflict issues, descriptions of everyday life details in O. Balzac's novels.

In the XIX century, when the novelists began to closely focus on human psychology, they first referred to the image of the most typical people. O. Balzac noted that «in a novel a great person can appear only in passing» [4, P. 121]. The writers have not yet focus on the great personality, fully revealing his spiritual potential. In the XX century, the role of the individual becomes extraordinarily active; accordingly, a search for a new character is underway in literature and an adequate reflection of this process appears in the genre of the novel. The positive development of the Balzac traditions leads to the enrichment and complication of the novel due to the development of documentary and biographical material. The XXth century was marked by

the emergence of new types within the novel genre, among which the historical and biographical genres were outlined. Starting to create the novels «Abai» and «The Path of Abai», M. Auezov referred to the development and synthesis of the best samples and achievements, particularly within the framework of these two types of novels. He creates a monumental panorama of the life of the entire nation around a brilliant personality.

In the article “How I worked on the novels «Abai» and «The Path of Abai» M. Auezov reveals his creative laboratory to the readers. He wrote that his historical novels about Abai – they are the works about a creative person. The writer emphasizes: «The experience of foreign writers has served me a lot. In some cases, I simply learned how to write, in others I critically perceived other people's works, tried to avoid the mistakes and shortcomings of their authors» [2, P. 439].

Among the European writers, whose creative experience was carefully worked out by M. Auezov during this period, the name of the French novelist Andre Maurois, who successfully worked in the biographical genre, is also mentioned. A. Maurois clearly formulated his credo when he stated: «For me, biography is one of the main forms of history, because I consider a person not only an object that is subject to the laws of history, but also its subject, a creator» [8, P. 43]. This recognition of the French writer is quite consonant with the thoughts of M. Auezov, who wrote: «I decided to refer to the image of Abai in order to depict half a century of the life of the Kazakh people in the pre-revolutionary past through his life» [2, P. 440].

The similarity of both novelists was manifested in the recognition of the high mission of a strong and creative personality. «By the time when the novel «Abai» was being created, one of the first novels by A. Maurois «Byron» was translated into Russian for the first time, which enriched the experience of the Kazakh writer and allowed him to determine fundamentally new ways of depicting a human-creator» [4, P. 140] – considers E.I. Lizunova.

Continuing the analysis of M. Auezov's appeal to French literature, another well-known name should be mentioned, which aroused admiration of the Kazakh writer. We are talking about Romain Rolland, whose creativity is most consonant with the literary talent of M. Auezov.

In the creative development of R. Rolland, music and the East were of great importance. Musical education and interest in the East determined the phenomenon of his creativity in European literature. Interest in the East was expressed in R. Rolland's passion for Indian philosophy. R. Rolland devoted many years to studying the life and activities of Ramakrishna, Vivekananda, Mahatma Gandhi, Rabindranath Tagore. In his spiritual quest, he looked to the East with hope and believed that «every nation makes its invaluable contribution to civilization, to the spiritual improvement of the human» [9, P. 11]. In the world history of cultures and civilizations, the Kazakh writer also assigned a special role to Indian culture. His essays «My India», «The Genius of Tagore» reflect deep thoughts on the significance of this ancient civilization in the history of mankind.

Another point which is common to both writers was their penchant for epicization. «In search of synthesis in French literature, the genre of the so-called novel-flow, that is, a large-scale single work, is being formulated. The first was «Jean-Christophe» by Romain Rolland» [3, P. 26], noted literary critics. The monumentality of the epic works, reflecting reality, fully corresponded to the spirit of the literary talent of M. Auezov and, undoubtedly, made him related to the creativity of R. Rolland.

The similarity of the writers manifested itself most strongly in their choice of the character; both novelists categorically insisted on the need for a truly great personality as the central character of a modern work. R. Rolland emphasized: «I call heroes not those who won with thought or force. I call heroes only those who are great in heart» [10, P. 11].

He was guided by this principle when creating the «Biographies of great people» – Beethoven, Tolstoy, Ramakrishna. It was Beethoven, as one of his favorite ideals, that became the prototype of Jean-Christophe, who had a strong influence on the creative writings of the young Auezov. «Just like music entered Rolland's epic after his character, so poetry entered Auezov's novels after Abai and created in it a peculiar world of poetic images and melodies, which is so consonant with the national Kazakh character» [5, P. 271].

Conclusion

So, the considered material indicates the creative connections and consonance between the Kazakh and French literatures based on the example of Mukhtar Auezov's appeal to the creativity of such classics as Honore de Balzac, Andre Maurois and Romain Rolland. Their artistic experience enriched not only the individual creative arsenal of Auezov-novelist. Through his literary masterpieces, European artistic traditions are reflected in all modern Kazakh literature.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках научного проекта OR11465467 «Формирование гуманитарного знания и проведение инновационных исследований в условиях модернизации общественного сознания в области литературоведения и искусствоведения» ПЦФ МОН РК.

Funding

The article was prepared in the framework of the scientific project OR11465467 "Formation of humanitarian knowledge and conducting innovative research in the context of modernization of public consciousness in the field of literary criticism and art history" of PTF of the MES RK.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Артамонов О. Роман Бальзака «Утраченные иллюзии» / О. Артамонов // Бальзак О. Утраченные иллюзии. – Алматы, 1987. – 607 с.
2. Ауэзов М. Собрание сочинений. В 5 т. / М. Ауэзов. – Москва, 1975. – Т. 5. – 568 с.
3. Голубев А. Восток в творчестве Романа Роллана: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Голубев. – Москва, 1989. – 28 с.

4. Лизунова Е. Мастерство Мухтара Ауэзова / Е. Лизунова. – Алматы, 1968. – 288 с.
5. Лизунова Е. Современный казахский роман / Е. Лизунова. – Алматы, 1964. – 361 с.
6. Маданова М. Актуальные вопросы литературной компаративистики / М. Маданова. – Алматы, 1999. – 268 с.
7. М.Ауэзов в воспоминаниях современников. – Алматы, 1972. – 360 с.
8. Наркирьер Ф. Андре Моруа / Ф. Наркирьер. – Москва, 1974. – 224 с.
9. Роллан Р. Жизнь Рамакришты. Жизнь Вивекананды / Р. Роллан. – Ленинград, 1991. – 320 с.
10. Роллан Р. Собрание сочинений. В 14 т. / Р. Роллан. – Москва, 1954. – Т. 2.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Artamonov O. Roman Bal'zaka «Utrachennye illjuzii» [Balzac's novel «Lost Illusions»] / O. Artamonov // Bal'zak O. Utrachennye illjuzii [Balzac O. Lost Illusions]. – Алматы, 1987. – 607 p. [in Russian]
2. Auevov M. Sobranie sochinenij. V 5 t. [Collected Works. In 5 vol.] / M. Auevov. – Moscow, 1975. – Vol. 5. – 568 p. [in Russian]
3. Golubev A. Vostok v tvorcestve Romena Rollana: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [East in the works of Romain Rolland: autoabstract dis. for PhD in Philology] / A. Golubev. – Moscow, 1989. – 28 p. [in Russian]
4. Lizunova E. Masterstvo Muhtara Auejevova [Mastery of Mukhtar Auevov] / E. Lizunova. – Алматы, 1968. – 288 p. [in Russian]
5. Lizunova E. Sovremennyj kazahskij roman [Modern Kazakh novel] / E. Lizunova. – Алматы, 1964. – 361 p. [in Russian]
6. Madanova M. Aktual'nye voprosy literaturnoj komparativistiki [Topical issues of literary comparative studies] / M. Madanova. – Алматы, 1999. – 268 p. [in Russian]
7. M.Auejevov v vospominanijah sovremennikov [M.Auevov in the memoirs of contemporaries]. – Алматы, 1972. – 360 p. [in Russian]
8. Narkirier F. Andre Morua [André Maurois] / F. Narkirier. – Moscow, 1974. – 224 p. [in Russian]
9. Rolland R. Zhizn' Ramakrishty. Zhizn' Vivekanandy [Life of Ramakrishta. Vivekananda's life] / R. Rolland. – Ленинград, 1991. – 320 p. [in Russian]
10. Rolland R. Sobranie sochinenij. V 14 t. [Collected Works. In 14 vol.] / R. Rolland. – Moscow, 1954. – Vol. 2 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.075>

РАССКАЗ-АНЕКДОТ В ЭМИГРАНТСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА С. ЧЕРНОГО

Научная статья

Машукова Д.А.*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Старый Оскол, Россия

* Корреспондирующий автор (d.bogatireva[at]yandex.ru)

Аннотация

В предложенной статье рассматривается жанр рассказа-анекдота в эмигрантский период творчества С. Черного. Внимание автора статьи обращено к проблеме жанра анекдота и его проникновения в литературные жанры. Прослеживается ориентация на сказовость рассказов С. Черного. Выявляются композиционные особенности рассказов-анекдотов. Проанализированы рассказы «Наглядное обучение», «Греческий самодур», в которых отмечается присутствие анекдотической фабулы. Сделан вывод о том, что С. Черный в своих рассказах-анекдотах активно использует стандартные механизмы жанра, перекочевавшие из устного анекдота: неожиданная концовка, разрушение читательского ожидания, развитие сюжета по спирали вплоть до возникновения абсурдной ситуации.

Ключевые слова: рассказ, анекдот, эмиграция, жанр, сюжет, герой.

ANECDOTE STORY IN THE EMIGRANT PERIOD OF WORK OF S. CHORNY

Research article

Mashukova D.A.*

Stary Oskol branch of the Belgorod National Research University, Stary Oskol, Russia

* Corresponding author (d.bogatireva[at]yandex.ru)

Abstract

The proposed article examines the anecdote story genre in the emigrant period of work of S. Chorny. The author's attention is drawn to the problem of the genre of anecdote and its immerse into literary genres. It traces the orientation of storytelling of Chorny's stories. Compositional specifics of anecdotes are identified. The stories «Naglyadnoe obuchenie» [Visual learning], «Grecheskij samodur» [Greek tyrant], where the presence of anecdotal story is established, have been analyzed. The conclusion is made that S. Chorny actively used standard mechanisms of the genre in his anecdote stories, which were drawn from oral anecdotes: unexpected ending, breaking the reader's suspense, the development of the story in a spiral up to the absurd situation.

Keywords: story, anecdote, emigration, genre, plot, hero.

Анекдот в последнее время все чаще становится предметом рассмотрения современного литературоведения, лингвистики, культурологии. В основе анекдота лежит категория комического, которая по выражению М.М. Бахтина связана с такими параметрами общества как «официальное и «карнавальное отношение» к миру» [1, С. 60]. В XX веке Н.Ф. Сумцов [9], А.А. Потенба [8], А.Н. Веселовский [2], Д.К. Зеленин [5], Е.Я. Курганов [7] обращаются к изучению анекдотов с точки зрения сюжетосложения, композиции, включенности анекдотических сюжетов в другие жанры.

Включение жанра анекдота в структуру эпического повествования в русской литературе имеет давнюю традицию. В основе «Повестей Белкина» А.С. Пушкина, «Ревизора» и «Мертвых душ» Н.В. Гоголя, многочисленных рассказов Н.С. Лескова лежат анекдоты. В данных произведениях анекдоты выступают в качестве литературных источников. В нашей статье мы акцентируем внимание на то, что анекдот рассматривается как литературный жанр, поэтому контекст произведений выбирался с учетом жанровых признаков анекдота.

Сатирическая проза начала XX века демонстрирует «большое разнообразие форм включения анекдота в структуру повествовательного целого» [3]. Нам представляется целесообразным рассмотреть прозу писателя-«сатириконтца» – Саши Черного в русле исследования анекдотических сюжетов в структуре его юмористических рассказов эмигрантского периода.

Эмигрантский период творчества Саши Черного отличается выбором тем, героев, жанров. Это отмечает исследователь творчества С. Черного А.С.Иванов: «Написанное до 1917 года и после – существенно различается. Эмиграция не только коренным образом заставила сменить тематику, но и наложила свой отпечаток на тональность и манеру письма. От подобного деления творчества Саши Черного нам не уйти» [6, С. 392].

В эмиграции проза С. Черного выступает на первое место. Анекдотическое творчество Саши Черного периода эмиграции раскрывает индивидуальные особенности существования человека в отрыве от родины. Жанр анекдота понадобился писателю, чтобы показать растерянность «маленького человека» перед жизнью в эмиграции.

Анекдоты Черного приближены к реальности. И даже там, где присутствует фантастический элемент сюжета, как, например, в рассказе «Случай в лагере», повествование отличает убедительное жизнеподобие. Анекдоты Саши Черного не отличаются разнообразием языковой игры, но в них присутствует стилистическая самостоятельность каждого произведения. Саша Черный придерживается фольклорной традиции устного рассказывания анекдотов, отсюда ориентация его анекдотических рассказов на сказовость. Рассказчик является носителем интересной, образной речи. Анекдоты Черного естественны, непосредственны, спонтанны.

Композиция рассказов-анекдотов также традиционна и состоит из трех элементов: завязка – развитие действия – комическая развязка. Например, в рассказе «Наглядное обучение» (1931) действие начинается с размышлений героини Веры Павловны Бубновой: «действительно ли ее муж гений?» Дальнейшему развитию действия подчинено описание мужа Веры Павловны, который в рассказе назван Владыкой. Рассказ основан на несобственно-прямой речи, которая воссоздает эффект незримого присутствия и поток мыслей героини. Конфликт между Верой Павловной и ее

мужем-гением достигает своей вершины в тот момент, когда «гениальный» супруг написал портрет своей жены: «На полотне круглилась грязная тыква, над ней тыква поменьше с двумя идиотскими щелками вместо глаз. Рта не было, – зачем такая мешчанская подробность? Вместо рук из большой тыквы торчали два отрезка автомобильной шины. И наискось, должно быть для ясности, красной краской было размашисто наляпано: «МОЯ ЖЕНА!» [10, С. 67].

Комической развязкой рассказа становится приготовленный Верой Павловной ужин для своего мужа, состоящий из обрезков ржавой жести и нарезанного кусочками резинового каблука. В этом произведении С. Черный высмеивает псевдогениальность, нежелание работать, прикрываясь маской гения, непонятого обществом.

Зачастую анекдот включается писателем в рамочный рассказ, как, например, в «Кофе по-турецки», либо составляет дополнительную концовку повествования. Так, в рассказе «Греческий самодур» (1928) анекдотическая концовка венчает собой, по сути, автобиографический рассказ. Героем рассказа становится сам автор и его друг Александр Александрович Яблоновский, фельетонист и заядлый рыбак. Рассуждая о предназначении русского человека в эмиграции, Яблоновский советует С. Черному заняться рыбной ловлей.

Рассказ состоит из двух частей. Первая часть – это получение рассказчиком подарка от Яблоновского: рыболовная снасть, названная «самодуром». Яблоновскому как заядлому рыбаку доставляет огромное удовольствие рассказать историю «самодура»: «Есть у меня одна золотая снасть. Так рыба сама на нее и лезет. Когда мы в Грецию из Крыма попали, у одного лодочника видал. <...> «Самодур» называется» [10, С. 218]. В воображении рассказчика такой подарок вызывает радостные картины будущей удачной рыбной ловли, которая позволит открыть свой рыбный ресторан.

Вторая часть рассказа – это непосредственно анекдотическая составляющая, которой рассказчик придает черты реально бывшего происшествия. Содержание анекдота сводится к рассказу автора о том, как он хотел испытать в деле подаренную ему рыболовную снасть. Оказавшись на Средиземноморском побережье, рассказчик наблюдает за местными рыбаками и хвалится перед ними своей сказочной снастью уже на свой лад: «Есть у меня золотая снасть – греческий самодур. В Греции у одного адмирала на ведро рома выменял» [10, С. 218]. «Греческого самодура» решили опробовать в деле: взяли три ведра для будущего улова. Однако горе-рыбак не поймал ни одной рыбы. Досада, злость овладевают рассказчиком, вдобавок, знакомые рыбаки иронизируют по поводу его снастей: «– А может, на ваш самодур только в лунную ночь русалки ловятся?» [10, С. 219]. Уже вечером опечаленный герой замечает, что забыл снять с крючков защитные шарики из бузины. Но фортуна опять не на стороне рассказчика: «Для реабилитации своей должен сознаться, что я потом раз пять забрасывал самодур – без шариков. <...>

Много ли наловил?

Из тысячи вычтите девяносто, да еще девяносто девять, да еще единицу. Вот столько я и наловил» [10, С. 219].

Рассказ был прочитан впервые С. Черным на творческом вечере Яблоновского и, по воспоминаниям современников имел оглушительный успех. В газете «Возрождение», цитату из которой приводит биограф С.Черного А.С. Иванов, был засвидетельствован успех этого рассказа: «Взрывы смеха прерывали бесхитростное описание рыболовных походов А. Черного, рассказывающего, как он под руководством А.А. Яблоновского пытался выловить всю рыбу Средиземного моря при помощи любезно предоставленных ему "чудесных снастей"» [6, С. 413].

Появление в эмигрантском творчестве С. Черного анекдота в структуре юмористических рассказов неслучайно. В его эмигрантском сборнике «Несерьезные рассказы» (1928) преобладает мотив преодоления горечи и тоски по оставленной Родине и прошлой жизни. По словам М.А. Жирковой в книге «преобладают мягкость и лиризм, ирония и сочувствие, улыбка и смех, а не сатира и сарказм, знакомые по раннему творчеству писателя» [4, С. 31].

Таким образом, в своих рассказах-анекдотах С. Черный стремится подметить и художественно зафиксировать перипетии, казусы, нелепости и нечаянные повороты в жизни «маленького человека». Рассказ-анекдот в силу своей универсальности вполне соответствовал поставленным целям. Популярность этого жанра объясняется «параллелизмом» анекдота и социального бытия на уровне их содержания: в жизни начала прошлого века, как и в анекдоте, все чаще имели место комические повторы, неожиданные развязки, обманы ожиданий, фрустрация. Жизнь становилась все более непредсказуемой, поэтому анекдот оказался крайне приближен к реальности и чрезвычайно востребован.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин. – Москва : Русские словари, 1996. – 798 с.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – Москва : Высшая школа, 1989. – С.40–302.
3. Голубков С.А. Анекдотическое в русской литературе XX века / С.А. Голубков // Сайт «Путеводитель в мире науки для школьников». [Электронный ресурс] URL: <http://www.ermine.narod.ru/LITER/STAT/GOLUBKOV/anecdote.html> (дата обращения: 01.02.2022)
4. Жиркова М.А. «Несерьезные рассказы» Саша Чёрного: Учеб пособие/ М.А. Жиркова. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2015. – 160 с.
5. Зеленин Д.К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (Этнографический и историко-литературный очерк) / Д.К. Зеленин // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913 гг. – Москва : Индрик, 1994. – С. 59–104.
6. Иванов А.С. Комментарии / А.С. Иванов // Черный Саша. Собрание сочинений: в 5 т. / сост., подгот. текста и коммент. А.С.Иванова. – Москва : Эллис Лак, 2007. – Т. 1: Сатиры и лирики. Стихотворения. 1905–1916.– С. 389–453.
7. Курганов Е.Я. Анекдот как жанр русской словесности / Е.Я. Курганов. – Москва : ArsisBooks, 2014. – 264 с.
8. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка / А.А. Потебня. – Харьков, 1914. – С. 60–102.

9. Сумцов Н.Ф. Разыскания в области анекдотической литературы Анекдоты о глупцах / Н.Ф. Сумцов // Сб. Харьковского историко-филологического общества. – Харьков, 1899. – Т. XI. – С. 118–315.

10. Черный С. Проза / С. Черный / Предисл. Д.Д. Николаева. – Москва : Вагриус, 2001. – 270 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bahtin M.M. Problema rechevyh zhanrov [The problem of speech genres] / M.M. Bahtin. – Moscow : Russkie slovari, 1996. – 798 p. [in Russian]

2. Veselovskij A.N. Istoricheskaya poetika [Historical poetics] / A.N. Veselovskij. – Moscow : Vysshaya shkola, 1989. – Pp.40–302. [in Russian]

3. Golubkov S.A. Anekdoticheskoe v russkoj literature XX veka [Anecdotal in Russian literature of the XX century] / S.A. Golubkov // Sajt «Putevoditel' v mire nauki dlya shkol'nikov» [Website "Guide to the world of science for schoolchildren"]. [Electronic resource]. URL: <http://www.ermine.narod.ru/LITER/STAT/GOLUBKOV/anecdot.html> (accessed: 01.02.2022) [in Russian]

4. ZHirkova M.A. «Neser'yozyne rasskazy» Sashi CHyornogo ["Fivolous stories" by Sasha Cherny] / M.A. ZHirkova. – Moscow : FLINTA : Nauka, 2015. – 160 p. [in Russian]

5. Zelenin D.K. Narodnye prislov'ya i anekdoty o russkih zhitelyah Vyatskoj gubernii (Etnograficheskij i istoriko-literaturnyj ocherk) [Folk sayings and anecdotes about the Russian inhabitants of Vyatka province (Ethnographic and historical-literary essay)] / D.K. Zelenin // Zelenin D.K. Izbrannye trudy. Stat'i po duhovnoj kul'ture [Selected works. Articles on spiritual culture]. 1901-1913. – Moscow : Indrik, 1994. – Pp. 59–104. [in Russian]

6. Ivanov A.S. Kommentarii [Comments] / A.S. Ivanov // CHernyj Sasha. Sobranie sochinenij: v 5 t. / sost., podgot. teksta i komment. A.S. Ivanova. – Moscow : Ellis Lak, 2007. – Vol. 1: Satiry i liriki. Stihotvoreniya [Satires and lyrics. Poems]. 1905–1916.– Pp. 389–453. [in Russian]

7. Kurganov E.Y. Anekdot kak zhanr russkoj slovesnosti [Anecdote as a genre of Russian literature] / E.Y.Kurganov. – Moscow : ArsisBooks, 2014. – 264 p. [in Russian]

8. Potebnya A.A. Iz lekcij po teorii slovesnosti: Basnya. Poslovica Pogovorka [From lectures on the theory of literature: A Fable. Proverb Saying] / A.A. Potebnya. – Har'kov, 1914. – Pp. 60–102. [in Russian]

9. Sumcov N.F. Razyskaniya v oblasti anekdoticheskoi literatury Anekdoty o glupcakh [Searches in the field of anecdotal literature Jokes about fools] / N.F. Sumcov // Sb. Har'kovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva [Collection of the Kharkiv Historical and Philological Society]. – Har'kov, 1899. – Vol. XI. – Pp. 118–315. [in Russian]

10. CHernyj S. Proza [Prose] / S. CHernyj / Predisl. D.D. Nikolaeva. – Moscow : Vagrius, 2001. – 270 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.076>

**ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК ОСКАРА ЛЁРКЕ
(«BLAUER ABEND IN BERLIN»)**

Научная статья

Мельникова И.М.*

ORCID: 0000-0001-7686-5834,

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

* Корреспондирующий автор (ir.ma53[at]mail.ru)

Аннотация

С утратой привычных представлений и норм, нравственных устоев и этических идеалов, вызванной бурными событиями рубежа веков, человек стал ощущать неуверенность и неопределенность. Изменения затронули и сферу художественного выражения. В статье анализируется воплощение феномена неопределенности в словесном искусстве. Цель работы заключается в исследовании механизма формо- и смыслообразования в художественном языке XX века. Материалом исследования послужило стихотворение одного из ярчайших немецкоязычных поэтов Оскара Лёрке «Blauer Abend in Berlin». Понятие неопределенность рассматривается как «порог», как одна из функциональных форм границы – механизма формо- и смыслообразования в искусстве. Показывается, как опыт переживания «порога» реализуется во внутренней структуре лирического высказывания, трансформируясь в художественный язык. Исследование представляет очередной шаг в исследовании художественного языка XX века как языка границы. Этим определяется теоретический вклад работы. Практической значимостью является возможность использования результатов исследования в подготовке курсов по теории литературы и зарубежной литературе XX в., спецкурсов по проблемам границы как феномена художественного языка XX века.

Ключевые слова: Оскар Лёрке, язык границы, неопределенность, порог, образ.

MAN UNDER UNCERTAINTY: ARTISTIC LANGUAGE OF OSCAR LOERKE («BLAUER ABEND IN BERLIN»)

Research article

Mel'nikova I.M.*

ORCID: 0000-0001-7686-5834,

Samara State Technical University, Samara, Russia

* Corresponding author (ir.ma53[at]mail.ru)

Abstract

With the loss of habits and norms, moral foundations and ethical ideals *caused* by the turbulent events at the turn of the century, man began to feel uncertainty and uncertainty. Changes also affected the sphere of artistic expression. The article analyzes the embodiment of the phenomenon of uncertainty in verbal art. The aim of the work is to study the mechanism of form and meaning in artistic language of the XX century. The research was based on a poem of one of the brightest German-speaking poets, Oscar Loerke «Blauer Abend in Berlin». The concept of uncertainty is considered a «threshold», as one of the functional forms of the border – the mechanism of shaping and meaning in art. It was shown how the experience of «threshold» is realized in the inner structure of lyrical expression, transforming into artistic language. The study represents another step in the research of the XX century artistic language as a language border. This defines the theoretical contribution of the work. Practical significance of the work is the possibility of using its results in the preparation of courses on the theory of literature and foreign literature of the XX century, as well as special courses on border problems as a phenomenon of the artistic language of the XX century.

Keywords: Oscar Loerke, language border, uncertainty, threshold, image.

Введение

Целая череда социальных потрясений и катастроф, научных открытий и изобретений, стремительное развитие IT-технологий сильно изменили умянастроение человека XXI века. Пошатнулись привычные границы, географические и политические, социальные и нравственно-идеологические. Волны эмигрантов и беженцев захлестнули Европу, ломая привычные стереотипы и уклады и привнося с собой свои представления и привычки. Вторжение чужой культуры актуализировало границы собственной культуры, подтверждая их или ставя под вопрос. Пандемия, затронув людей всего мира, объединила их перед опасностью, но одновременно разделила, причем не только целые народы, но и отдельных людей, заставив дистанцироваться родных и близких друг от друга. Вхождение Интернета в жизнь простого человека вместе с огромными возможностями породило сознание собственной анонимности, чувство безнаказанности и вседозволенности. Утрата привычных морально-этических норм и устоев, потеря нравственных ориентиров давали чувство безграничной свободы от власти старого. Но вместе с ощущением свободы от диктата всякого рода правил и ограничений в жизнь человека вошла необходимость самому делать выбор.

Методы и принципы исследования

Феномен неопределенности оказывается особенно актуальным в наше время. Понятие неопределенности привлекало внимание философов еще со времен Канта и успешно разрабатывается в наши дни [1]. Культурологов и социологов также интересовала эта проблема. Отграничимся от исследований в социокультурном контексте [12], [10] и остановимся на семиотическом аспекте понятия «неопределенность». Целью работы является исследование неопределенности в художественном языке XX в. Научно-теоретическая значимость исследования заключается в том, что осмысление трансформации опыта неопределенности в художественный язык на примере стихотворения Оскара Лёрке дополняет и углубляет теорию границы [2], [7], [5], а также представляет творчество Лёрке в новом аспекте – с

позиции деятельности творческого субъекта [8], [4]. В подобном аспекте не проводились исследования лирики Оскара Лёрке (Oskar Loerke, 1884-1941) [9].

Основные результаты

Неопределенность сама по себе составляет оппозицию определенности, имеющей детерминированные границы того, что собрано в единое пространство, время, материал и отделено от другого по каким-либо признакам, положенным в основу. Но как состояние системы неопределенность – не безгранична, она может изменяться. Неопределенность – это «мера информации», отмечает Ю.М. Лотман, которая снижается по мере увеличения информации [2, С. 345]. «Минимальная информация содержится в выборе одной из двух равновероятных возможностей». Когда же система находится «в сильно неравновесной ситуации, предсказать, в какое следующее состояние она перейдет, невозможно» [6, С. 349]. «В этот момент решающую роль может оказать случайность», под которой понимают «не беспричинность, а лишь явления из другого причинного ряда» [6, С. 349].

Наличие так называемого человеческого фактора составляет специфику исторического развития, увеличивая долю неопределенности. Так Ю.М. Лотман, ссылаясь на труды Л. Сциларда, указывает на то, что «в точках бифуркации вступает в действие не только механизм случайности, но и механизм *сознательного выбора*, который становится важнейшим *объективным* элементом исторического процесса» (курсив – Ю. Л.) [2, С. 350]. «Исторические моменты, когда напряжение противоречивых структурных полюсов достигает момента высшего напряжения и вся система выходит из состояния равновесия», в терминологии И. Пригожина, называются «точками бифуркации». «В эти моменты поведение как отдельных людей, так и масс перестает быть автоматически предсказуемым...» [2, С. 350]. Такие моменты оказываются «моментами революций или резких исторических сдвигов». Какой путь при этом будет реализован, зависит не только от комплекса случайностей, но и в большей мере от самосознания индивида. Возникающие при выборе сомнения также ведут к состоянию неопределенности в разной степени, неуверенности и смятению.

Состояние неопределенности, недостатка информации требует от человека принятия решения, в результате которого развитие системы может пойти в любом направлении. Такие моменты «взрыва» (Ю.М. Лотман) оказываются началом другого этапа. Метафорически социально-психологический опыт человека в состоянии неопределенности можно охарактеризовать как опыт порога, как одной из функциональных форм границы, пространственной, временной, идеологической, экзистенциальной, эстетической, нравственной. Границы, которые «преодолеваются при вхождении в другой порядок, а не двигаются вместе с субъектом как линия горизонта» [12, С. 31], по определению Б. Вальденфельса, называются порогом. Преодоление границы, запечатленное в опыте, влечет за собой изменение в сознании. Благодаря позиции вневходимости у субъекта возникает ощущение свободы, но вместе с тем с утратой привычной нравственной опоры он чувствует растерянность, неуверенность и страх.

Феномен порога имеет пространственно-временное измерение. Порог предстает как некая буферная, санитарная зона, отделяющая одно пространство от другого и испытывающая давление как с одной стороны, так и с другой. Ограниченная с обеих сторон пограничная полоса, отличная и вместе с тем имеющая общие признаки, принадлежащие как одной, так и другой стороне, обладает своими границами, благодаря чему сохраняет свою самостоятельность, свой порядок. Суть порядка Вальденфельс определяет понятием «хаос» [12], Г. Плумпе – как «особый топос зазора, разрыва в пространстве и времени» [5], по определению Н.Т. Рымаря, порог – это «децентрированное и трансгрессивно ориентированное бытие на границе» [7, С. 40]. Пороговый опыт предстает в своей неоднородности в несколько этапов. Оттеснение субъекта на периферию устоявшегося и привычного порядка, предваряющее слом границы переключение кода одного порядка и выход в другой – неизвестный, неустойчивый, отрицающий прежний порядок. Внутри пространства порога субъект переживает аналогичную ситуацию неуверенности и смятения еще более интенсивно, так как с утратой прочной связи с прошлым опытом почва под ногами пошатнулась. Потеряв нравственную опору, человек еще не выбрал новые ориентиры и не определился с новыми ценностями. Для периода нахождения субъекта в состоянии «между» характерна «потеря контроля» (П. Валери), в силу утраты определенной цели и направления. Однако состояние неопределенности – хаоса – бесконечно долго продолжаться не может, оно имеет временные рамки. Оно либо затухает, приводя к загниванию системы, либо, получив импульс, выходит из-под контроля, приводя систему либо к разрушению, либо к переходу на новый более дифференцированный уровень упорядочения.

Пребывание человека в условиях неопределенности, в состоянии «между», требует от него принятия какого-либо решения. В быту, например, часто можно услышать: «Ну, ты уж определись, либо туда, либо сюда». Выбор требует определенных сил и времени. Для осознанного выбора необходимо понимание своего внутреннего я, осознание своей идентичности. Пороговая ситуация – это период выбора нравственных опор и этических ценностей, обретения жизненных целей в изменившихся обстоятельствах и отношениях. Поиск сопровождается ощущением свободы от прежних шаблонов и схем восприятия и состоянием пустоты, которая, по мысли Ю.М. Лотмана, потенциально скрывает в себе структуры всех тел, которые предстоит создать [3, С. 743]. Бытие «на пороге» или «между» характеризуют два противоположно направленных вектора: один устремлен в прошлое, от которого, отрицая его, отталкивается субъект, другой – в будущее. Все это структурирует особое положение субъекта – позицию его вневходимости по отношению к обоим мирам. Дистанция к миропорядку позволяет субъекту критически судить о нем. Пороговая ситуация, таким образом, обнаруживая себя как источник хаоса, так и свободы, интенсивно структурирует диалоговую ситуацию и может оказаться продуктивной.

Порог как одна из функциональных форм границы оказался под пристальным вниманием не только философов, культурологов и искусствоведов, но и литераторов. Перед художниками XX века стояла задача поиска нового художественного языка в изменившихся условиях. Поэтому исследование художественного высказывания немецкоязычных писателей и поэтов XX века, переживавших и тонко чувствовавших состояние человека в условиях неопределенности, может быть плодотворным также в плане осмысления трансформации опыта порога в художественный язык.

Рост больших городов вызывал в мироощущении человека рубежа веков острое чувство неопределенности и тревоги. Вырванный из родной почвы, потерявший опору под ногами, человек переживал изменения привычного жизненного уклада как угрозу своему существованию. Машины освободили человека от тяжелого физического труда, но вместе с освобождением внесли в жизнь человека определенные ограничения. Утратив непосредственность общения друг с другом и с окружающей природой, человек оказался в изоляции.

Пожалуй, одними из первых о надвигающейся угрозе порабощения человека бездушным механизмом заговорили экспрессионисты. Система социальных отношений также представляла в образе безжалостной машины, выжимающей из человека все человеческое. Остро чувствующие бессмысленность и жестокость мира, экспрессионисты пытались обнаружить истинный смысл вещей, вывести всеохватывающие законы. Отсюда характерное для экспрессионистов в целом пренебрежение деталями, полутонами и нюансами, стремление к обобщению. Так тема роста больших городов в творчестве натуралистов и экспрессионистов находила свое художественное воплощение в образе неминуемой катастрофы. Предчувствием неотвратимой гибели и надвигающейся мировой катастрофы пронизаны стихотворения Э. Ласкер-Шюлер («Конец мира», 1902) и Я. ван Годдиса («Конец века», 1911). Теме «город и маленький человек» посвящены стихотворения Г. Гейма «Берлин», «Демоны городов», «Пригород», И. Бехера («De Profundis Domine», 1913). Экспрессионистов занимала проблема экспансии города в сферу внутренней жизни человека. Душа, чуткая к боли порабощенного человека, страдала, не находя надежного убежища в природе.

Наиболее ярко образ человека и мира в условиях неопределенности предстает в стихотворении Оскара Лёрке «Blauer Abend in Berlin» (1911).

Der Himmel fließt in steinernen Kanälen;
Denn zu Kanälen steilrecht ausgehauen
Sind alle Straßen, voll vom Himmelblauen.
Und Kuppeln gleichen Bojen, Schlote Pfählen

Im Wasser. Schwarze Essendämpfe schwelen
Und sind wie Wasserpflanzen anzuschauen.
Die Leben, die sich ganz am Grunde stauen,
Beginnen sacht vom Himmel zu erzählen,

Gemengt, entwirrt nach blauen Melodien.
Wie eines Wassers Bodensatz und Tand
Regt sie des Wassers Wille und Verstand

Im Dünen, Kommen, Gehen, Gleiten, Ziehen.
Die Menschen sind wie grober bunter Sand
Im linden Spiel der großen Wellenhand [11].

(Небо течет в каменных каналах;/ Так как все улицы, круто вырубленные каналами, / полны небесной синевы. / И купола похожие на буи, столбы дымовых труб// В воде. Черные столбы дыма тлеют,/ похожие на водные растения./ Жизни, которые скапливаются на самом дне,/ Начинают тихо рассказывать о небе, // Спутываясь и распутываясь вслед синим мелодиям./ Как осадок донный, муть/ шевелит их воля и разум воды// В днах, приход, уход, скольжение, тяга./ Люди похожи на грубый пестрый песок/ В нежной игре огромной ладони волны.) (Перевод автора – И. М.)

В названии стихотворения задается тема переходного состояния в природе – «Голубой вечер в Берлине». Атрибут «голубой», связанный в общекультурном контексте с эстетикой романтизма, задает тональность восприятия образа мира как загадки и волшебства. Переходный период, когда день уже прошел, а ночь еще не наступила, наполнен зыбкими фантастическими образами, возникающими из их взаимодействия друг с другом. Так небо «течет в каменных каналах», улицы, «полные небесной синевы», ограниченные высотками, превратились в каналы. Мир будто перевернулся, опрокинулся. В соотношении образов неба и каналов обнаруживается их оппозиция не только в пространственном значении, но и в модусе существования. Небо – безгранично, подвижно, естественно. Каналы – рукотворные, искусственные, служат для ограничения природной стихии – воды. Они и есть сами граница. Небо упало вниз, а вода в каналах устремлена в своих мечтах вверх: ее обитатели – «жизни» – «начинают тихо рассказывать о небе». Из этого противостояния «каналы» выходят победителями, им удалось безграничное свободное небо заковать в каменные границы. Город как символ техногенной цивилизации оказывается угрозой для природы и для самого человека, соорудившего этот город, где для него теперь нет места.

Мотив «опрокинутости» («купола похожи на буйки», «столбы дымовых труб» оказались внизу) отражает настроение эпохи, для которой характерно смещение и смешение границ. В создавшемся хаосе трудно определить, где реальные предметы, а где только их отражение, где истинные, а где ложные смыслы, ценности и идеалы. Мотив перевернутости становится источником динамики, усиливая ситуацию непредсказуемости. Состояние непредсказуемости является не только характерной чертой художественного текста, но и условием его существования.

Во второй строфе доминирует мотив текучести, изменчивости, связанный с образом воды. Она затопила весь город, но благодаря ей неживое оживает: «Черные дымовые трубы тлеют, похожие на водные растения». Вода поддерживает «жизни, накопившиеся на самом дне», которые «начинают тихо рассказывать о небе, спутываясь и распутываясь, следуя голубым мелодиям». Маятникообразное движение туда – сюда (третья строфа), подобное пульсу, дыханию самой неиссякаемой жизни, подчиняется «воле и разуму воды». Обратной стороной податливости и покорности «водорослей» оказывается гибкость, позволяющая им выжить под напором природной стихии. Мотив перевернутости поддерживается происходящей здесь метаморфозой: природа обнаруживает человеческие качества, человек же, напротив, лишен их. Более того, он появляется лишь в четвертой строфе и сравнивается с песком, «грубым и пестрым». В общечеловеческом культурном пространстве с песком связаны мотивы текучести (время течет, как песок сквозь пальцы), беззащитности перед внешним миром (пыль на ветру). Так складывается образ

человека, не имеющего индивидуальности и полностью зависящего от власти сил природы. Он будет попросту унесен «огромной ладонью волны», если не вписывается в обычаи, устои и правила города. Но образ песка может трактоваться и как огромная сила, способная своей массой засыпать целый город. Таковы, например, «дюны» («Im Dünen»). Подвижные песчаные холмы под воздействием ветра могут передвигаться, засыпая все на своем пути. Сравнение человека с песчинкой расширяет образ непредсказуемости в его судьбе.

В последней строке образ мира в ситуации неопределенности дополняется понятием «игра», которое переводит события в иной регистр. Основным условием игры является наличие пространственных и временных границ и соблюдение правил. В игре важен элемент соревнования, спора, перехода фортуны от одного игрока к другому. Игра имеет место, пока соблюдаются правила обеими сторонами. Так игра оказывается модусом существования человека в переходный период в условиях неопределенности. Наряду с неуверенностью и страхом человек получает ощущение свободы и надежды на благоприятный исход событий. Тема игры поддерживается и в визуальном восприятии. Голубой цвет в первой строфе – цвет неба и надежды, трансформируется во второй строфе в черный цвет, обладающий широким спектром. Он означает и тайну, и печаль, и бездну, и стихию, и ночь. Черный поглощает все цвета вокруг, но это – и цвет защиты. Здесь царит «голубой» цвет (образ синестезии – «голубая мелодия» «blaue Melodien»), символизируя неистребимость самой жизни. «Пестрый» цвет создает эффект неопределенности, мерцания смысла, его незавершенности, предоставляя потенциальную возможность многих трактовок.

Обратившись вновь к первым строкам стихотворения, отмечаем, что тема игры входит сразу в первой строке с мотивом перевернутости: «небо течет по каменным каналам», «дым труб» оказывается «водными растениями». «Мишура» («Tand») и колебание «водорослей» («gemengt» – «entwirt») поддерживают «легкий» характер игры («im linden Spiel»). Кто же в игре? Главный игрок – природа, она ведет игру с городом как символом индустриализации. Но конфликт здесь при повторном чтении уже не просматривается. Вода доминирует, она везде, но она не подавляет, а дает жизнь («жизни скапливаются на дне»). С образом воды в общечеловеческой памяти связана способность омыwać, очищать от грязи и скверны. Человек перед «огромной ладонью волны» («große Wellenhand») оказывается беззащитным. Однако не все так однозначно. Противостояние природы и человека не ведут к катастрофе. В противостоянии человека и природы просматривается также прием «перевернутости». Человек сравнивается с «грубой» песчинкой, а огромная волна ведет «мягкую» игру. Согласно заданной траектории, способность воды действовать по «воле и разуму» («des Wassers Wille und Verstand»), может рассматриваться как программа действия для человека. Чтобы гармонично вписаться в отношения с природой, человек должен руководствоваться волей и разумом, подобно природе.

Противопоставление и сопоставление образов и мотивов является источником не только неустойчивости, но и порождения новых смыслов. Верх («небо») – низ («вода» на асфальте), «грубый» – «мягкий», «черный» – «голубой» (не только цвет, но и настроение: от мрачного – до мечтательно-романтического). Активными действиями («течет», «двигается») противопоставляются статичные глаголы («тлеет», «накапливается»), пара глаголов, в семантике которых значение раскачивания: «спутываются» – «распутываются». Члены оппозиции, отталкиваясь друг от друга, вступают в отношения с членом оппозиции из другого ряда, порождая новые неожиданные значения. Этому способствует использование поэтом анжамбемана – переноса предложения или слова из одной строки в другую, благодаря которому вводится и поддерживается мотив текучести, изменчивости. Несовпадение границы стихотворной строки строфы с границами между синтагмами актуализирует ее. Эффект расхождения между синтаксическим и ритмическим строением стихотворного текста способствует увеличению непредсказуемости, поскольку читательские ожидания не оправдываются. Хаос и непредсказуемость поэт упорядочивает, организуя мир посредством строгой формы сонета. Так тема человек и город в стихотворении Оскара Лёрке благодаря сложной игре мотивов и образов в их взаимодействии, сопоставлении и противопоставлении разворачивается в поэтический образ мира и человека в условиях неопределенности, где есть место человеку.

Заключение

«Сфера неопределенности оказывается сложным динамическим резервуаром в любых процессах развития» [2, С. 75]. Модель мира в условиях непредсказуемости, созданная Лёрке подтверждает это. Однако его мир не средоточие зла, боли и смерти, как у экспрессионистов. Вера в разумное поведение человека, в его способность, руководствуясь «волей и разумом», гармонично встраиваться в высший порядок, созданной природой. Поэт не дает готовую картину мира. Затруднения, вызванные неопределенными образами, часто непонятными, будят воображение читателя, делают его активным соучастником творческого процесса, заставляя самому делать выбор в поиске ответа. Моделирование ситуации смыслопорождения во внутренней структуре произведения создает эффект аутентичности художественного высказывания.

Анализ специфики художественного языка Оскара Лёрке с позиции творческой деятельности автора позволил полнее выявить нравственно-эстетическую направленность его творчества. Безусловная заслуга Лерке в том, что в эпоху кризиса культуры ему удалось создать новый художественный язык, которому можно доверять. Однако не менее важным оказывается то, что в мрачные для Германии времена Лерке предложил своим современникам позитивную стратегию мысли. Созданная им картина мира явилась нравственной опорой и духовным ориентиром. Его лирика не просто эстетическое преобразование несовершенства жизни, а воссоздание объективно существующего порядка и мировой гармонии. Из сплава нравственно-эстетических воззрений поэта складывается поэтическая картина мира, в самом основании которой диалоговые отношения.

Результаты исследования специфики художественного языка лирики Оскара Лёрке могут использоваться в подготовке вузовских курсов по теории литературы и зарубежной литературе XX в., а также спецкурсов по проблемам границы как феномена художественного языка XX века. Намеченное направление может оказаться продуктивным в исследовании художественного языка лирики XX в. и существенно углубить понимание творчества поэтов рубежа веков.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Дорожкин А.М. Понятие «неопределенность» в современной науке и философии / А.М. Дорожкин, О.И. Соколова // *Философские науки*. – 2015. – № 12. – С. 5–12.
2. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство, 2004. – 704 с.
3. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. – 544 с.
4. Мельникова И.М. «Магический дискурс» в немецкой поэзии: пейзажная лирика Оскара Лёрке / И.М. Мельникова // *Общественные науки: Всероссийский научный журнал*. – Москва : МИИ Наука, 2016. – № 2-1. – С. 42–52.
5. Плумпе Г. Граница как «порог» – граница как «различие» (Об одном топосе немецкой литературы XX века) / Г. Плумпе // *Граница и опыт границы в художественном языке. Материалы русско-немецкой научной конференции*, г. Самара, 4–5 июля 2001 г. – Самара : Самар. гуманитар. акад., 2003. – С. 23–31.
6. Пригожин И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – Москва, 1986. – 679 с.
7. Рымарь Н.Т. Порог и язык порога / Н.Т. Рымарь // *Поэтика романа и порога: функциональные формы границы в художественных языках*. – Самара : Самарский университет, 2006. – 514 с.
8. Рымарь Н.Т. Теория автора и проблема художественной деятельности. / Н.Т. Рымарь, В.П. Скобелев. – Воронеж : Логос – Траст, 1994. – 263с.
9. Gebhard W. Oskar Loerke / W. Gebhard // *Deutschsprachige Lyriker des 20. Jahrhunderts*. Hg. von U. Heukenkamp und P. Geist. – Berlin, 2007. – Pp. 94–107.
10. Goffman E. Rahmen-Analyse Frame Analysis. / E. Goffman. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1997. – 620 p.
11. Loerke O. Gedichte. [Electronic resource]. URL: www.poetenladen.de/gedichte/oskar-loerke.php (accessed: 31/03/2022)
12. Waldenfels B. Der Stachel des Fremden / B. Waldenfels. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1998. – 278 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Dorozhkin A.M. Ponjatie «neopredelennost'» v sovremennoj nauke i filosofii [The concept of uncertainty in modern science and philosophy] / A.M. Dorozhkin, O.I. Sokolova // *Filosovskije nauki [Philosophical sciences]*. 2015. – № 12. – P. 5–12. [in Russian]
2. Lotman Ju.M. Semiosphera. Kultura I vzryv. Vnutri mysljashtich mirov. Stat'i. Issledovanija. Zametki [Semiosphere. Culture and explosion. Inside the Thinking Worlds Articles. Researches. Notes.] / Ju.M. Lotman. – St. Petersburg : Art–SPb., 2004. – 704 p. [in Russian]
3. Lotman Yu.M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva [Articles on the semiotics of culture and art] / Ju.M. Lotmann. – St. Petersburg : Academic project, 2002. – 544 p. [in Russian]
4. Melnikova I.M. «Magitsheskij diskurs» v nemetskoj poesii: pejzashnaja lirika Oskara Ljorka [«Magic Discourse» in German Poetry: Landscape Lyrics by Oskar Loerke] / I.M. Melnikova // *Obschestvennyje nauki: Vserossijskij nauchnyj schurnal [Social Sciences: All-Russian Scientific Journal]*. – Moscow : MII Nauka, 2016, – № 2–1. – 42–52 p. [in Russian]
5. Plumpe G. Graniza kak «porog» – graniza kak «razlitschie» (Ob odnom topose nemetskoj literatury XX veka) [Border as a "threshold" – border as a "difference" (About a topos of German literature of the twentieth century)] / G. Plumpe // *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Granitsa I opyt granitsy v hudozhestvennom jazyke»*. [Materials of interdisciplinary scientific Russian-german conference «Border and the experience of the border in the artistic language» Samara, July 4-5, 2001], – Samara : Samara Humanitarian Academy, 2003. – P. 23-31. [in Russian]
6. Prigoshin I. Por'adok iz chaosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoy [Order out of chaos. The new dialogue of man with nature] / I. Prigoshin, I. Stengers. – Moscow, 1986. – 679 p. [in Russian]
7. Rymar' N.T. Porog i jazyk poroga [Threshold and threshold language] / N.T. Rymar' // *Poetika romana I poroga. Funktsional'nyje formy granitsy v hudoshestvennyh jazykah*. [Poetics of the novel and the threshold functional forms of the border in artistic languages.] – Samara : Samara University, 2006. – 514 p. [in Russian]
8. Rymar' N.T. Teorija avtora i problema hudoshestvennoj dejatel'nosti. [The author's theory and the problem of artistic activity]. / N.T. Rymar', V.P. Skobelev. – Voronezh : Logos – Trast, 1994. – 263 p. [in Russian]
9. Gebhard W. Oskar Loerke [Oskar Loerke] / W. Gebhard // *Deutschsprachige Lyriker des 20. Jahrhunderts*. Hg. von U. Heukenkamp und P. Geist [German-speaking poets of the 20th century. Hg. by U. Heukenkamp and P. Geist] – Berlin, 2007. – Pp. 94–107. [in German]
10. Goffman E. Rahmen-Analyse Frame Analysis [Frame Analysis Frame Analysis] / E. Goffman. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1997. – 620 p. [in German]
11. Loerke O. Gedichte [Writing poems] [Electronic resource]. URL: www.poetenladen.de/gedichte/oskar-loerke.php (accessed: 31/03/2022) [in German]
12. Waldenfels B. Der Stachel des Fremden [The sting of the stranger] / B. Waldenfels. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1998. – 278 p. [in German]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.077>

АВТОР И ГЕРОЙ В РАССКАЗЕ «КРОТКАЯ»

Научная статья

Мехтиев В.Г.^{1,*}, Лоншакова В.М.²

¹ ORCID: 0000-0001-9071-6528;

¹ Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия;

² Гимназия № 7, Хабаровск, Россия

* Корреспондирующий автор (mextiev[at]mail.ru)

Аннотация

В статье, на примере рассказа Ф.М. Достоевского «Кроткая», выявляется авторское пространство в его взаимодействии с «внутренним» пространством героя. Вопрос о присутствии автора в художественном произведении, с давних пор находящийся в центре внимания филологов, по-прежнему представляется непростым. Особенно когда он выдвигается на первый план в связи с текстами, в которых повествование строится от первого лица. Тема, раскрытая в работе, хотя и не считается новаторской, все же заслуживает интерес – в аспекте «собираения» в некую систему и углубления филологических подходов к осмыслению пространственной формы автора и героя в текстах, построенных по принципу перволичного повествования. Внимание уделяется хронологическим точкам «встречи» автора и героя – приемам описания интерьера, а также «порога», свидетельствующим о наличии в рассказе двойной точки зрения и двойной повествовательной памяти.

Ключевые слова: Достоевский, кругозор, окружение, интерьер, автор, герой, пространство.

THE AUTHOR AND THE HERO IN «A GENTLE CREATURE»

Research article

Mekhtiev V.G.^{1,*}, Lonshakova V.M.²

¹ ORCID: 0000-0001-9071-6528;

¹ Pacific National University, Khabarovsk, Russia;

² Gymnasium №7, Khabarovsk, Russia

* Corresponding author (mextiev[at]mail.ru)

Abstract

On the example of the story by F.M. Dostoevsky «A Gentle Creature», the article reveals the author's space in his interaction with the «inner» space of the hero. The issue of the author's presence in fiction, which has long been the focus of attention of philologists, remains a complicated one. Especially when it is highlighted in texts with a first-person narrative. The topic elaborated on in the work, although not considered innovative, still deserves attention – in the aspect of «gathering» in a particular system and deepening the philological approaches to understanding the spatial form of the author and the hero in the texts built on the principle of a first-person narrative. Attention is paid to the chronotopical points of «meeting» of the author and the hero – devices of interior description, as well as «threshold» symbolizing the presence of a double point of view and a double narrative memory in the story.

Keywords: Dostoevsky, outlook, surroundings, interior, author, hero, space.

Вступление

Известно, что формы повествования становятся разнообразными и многовекторными в эпоху реализма. В это время особый статус получает персонажное повествование как важнейшее в раскрытии психологии и самосознания героя. В русской литературе повествование от первого лица, где, по мнению отечественного литературоведа, «присутствие „автора” минимизируется, нарратор маскирует свою функцию рассказывания, переносит точку зрения в один или последовательно в несколько персонажей» [5, С. 47], – имеет давнюю историю. Этот потенциал реалистической прозы был реализован еще Пушкиным в его «Повестях Белкина», «Капитанской дочке»; принципы творчества Пушкина были углублены в «Герое нашего времени», в свою очередь, оказавший существенное влияние на прозу второй половины XIX века. Достаточно назвать «Дневник лишнего человека» И.С. Тургенева, «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского, да и все зрелые творения этого писателя, где, по известному мнению, читатель видит «хор голосов», сложное диалогическое взаимодействие «говорящих» субъектов.

Теоретические подходы к анализу пространства героя и автора

Перволичная форма строения текста многогранна, многообразна и связана между рассказчиком и автором. Рассказчик, например, может и не быть непосредственным участником сюжетного действия; здесь, как отмечал Б.О. Корман, он совпадает с повествователем, вступает в особые «пространственные и временные отношения» с изображенным миром [6, С. 53]. Такой рассказчик действует по принципу отбора, заботится о том, чтобы композиционно организовать описание. Автор внимателен к средствам языкового выражения, ставит задачу «комбинации и языкового оформления отдельных слов персонажа» [15, С. 43]. Но рассказчик нередко претендует на то, чтобы сформировать «своей личностью весь текст»; это тот случай, когда «для автора и читателя объектом становится и сам субъект речи» [7, С. 33–34]. Такого рассказчика или нарратора В. Шмидт назвал диегетическим – это активный нарратор, который выступает в повествовании и как его субъект, и как объект. Он связан с текстом двояко – выполняет функцию повествователя и одновременно является героем повествуемой истории [15, С. 46–51]. Так создается «объективное художественно-смысловое ядро» образа [10, С. 20].

Мысли М.М. Бахтина об авторе и герое автобиографии, с некоторыми оговорками, также могут быть отнесены к форме повествования от первого лица. Ученый писал, что в автобиографии автор словно раздваивается. С одной стороны, он предстает в его внутритекстовом воплощении и выступает в качестве конструктивного принципа произведения, оформляет его композиционно, а с другой – то, о чем рассказывается в тексте, автором не является. По мнению Бахтина, «автор есть момент художественного целого и как таковой не может совпадать в этом целом с героем, другим моментом его. Персональное совпадение «в жизни» лица, о котором говорится, с лицом, которое говорит, не упраздняет различия этих моментов внутри художественного целого» [3, С. 87]. В первоначальном повествовании автор «не вмешивается в событие как непосредственный участник его», занимает «позицию вне события, как созерцатель, незаинтересованный», но имеющий собственный взгляд и собственное понимание «ценностного смысла совершающегося». Автор становится «активным в форме», получает право «извне объединять, оформлять и завершать событие». И в этом смысле единство произведения обеспечивается не совокупностью изображенных предметов и событий, а единством «объяснения, охватывания предмета и события» [2, С. 33, 59, 58, 64].

В понимании Бахтина возможно «двойное сочетание мира с человеком: изнутри его – как его кругозор, и извне – как его окружение». Ученый считал, что «словесный пейзаж», «описание обстановки», «изображение быта» и т.д. нельзя рассматривать исключительно как «моменты кругозора действующего, поступающего сознания человека». Эстетически значимое событие свершается там, где предмет изображения «обращен вне себя, где он существует ценностно только в другом и для другого, причастен миру, где его изнутри самого себя нет» [3, С. 88].

Теория кругозора и окружения героя, созданная Бахтиным, в науке о литературе связывалась с понятием «точка зрения». Выделяют внутреннюю точку зрения – повествование от первого лица, где изображенный мир максимально укладывается в кругозор персонажа; и внешнюю точку зрения, дающую простор авторскому всеведению, наделяющую его высшим сознанием. Внешняя точка зрения обладает подвижностью, через нее достигается множественность восприятия и эмоционально-смысловой оценки предмета. Н.Д. Тамарченко писал, что «точка зрения в литературном произведении – положение «наблюдателя» (повествователя, рассказчика, персонажа) в изображенном мире». Точка зрения, «с одной стороны, определяет его кругозор – как в отношении «объема», «так и в плане оценки воспринимаемого; с другой – выражает авторскую оценку этого субъекта и его кругозора» [11, С. 386]. На основании сказанного можно сделать вывод о том, что границы, проходящие между пространственными формами автора и героя, заодно и границы между их точками зрения характеризуются подвижностью, разностью ценностной направленности.

Повествование от первого лица предполагает присутствие в нем двойной точки зрения. Автор совмещает два плана изображения: он созерцает мир глазами персонажа и глазами собственно автора, без чего невозможно эстетическое завершение творческого акта. Относительно анализа функций различных точек зрения в повествовании от первого лица плодотворен и подход, который использовал Б.А. Успенский. Имеется в виду его понимание «точки зрения», позволяющее исследовать различные планы изображенного мира, благодаря чему в тексте художественного произведения формируются композиционные уровни в соотношении с оценочной позицией автора [12]. При таком подходе обнаруживается, что автор занимает позицию «межмиральности». Находится на границе, которая легко пересекается: он в одно и то же время пребывает в мире повествования, где перевоплощается в героя-рассказчика, и в мире объективного повествователя, созерцающего то же, что и герой-рассказчик, но с точки всевидящего автора. Если перенести это и предыдущие тезисы на рассказ «Кроткая», в частности, на такие категории, как «внутреннее» пространство героя/смысловое пространство автора, то можно убедиться, что в этом произведении герой и автор, включенные в контекст одних и тех же предметных явлений, наделяют их противоположными ценностными характеристиками. В конечном итоге, авторская память, в отличие от памяти персонажа, приобщает изображенный мир к духовной вертикали, что недоступно герою.

Смысловое пространство героя и автора в рассказе «Кроткая»

В настоящей статье ставится задача углубления методологических приемов, разработанных учеными, в их применении к фантастическому рассказу «Кроткая» (1876). Своеобразие и сложность этого произведения, как было отмечено, заключается в том, что в нем повествование строится от первого лица (исключая предисловие). Образ автора в рассказе завуалирован. Но можно убедиться, что принцип двойной точки зрения, пусть и не так явно, работает и в произведениях подобной композиции, где существует определенная сложность в формальном разграничении героя и автора.

В исследованиях о Достоевском неизменно акцентируются категории времени и пространства. Это и не случайно, так как они представляют в его прозе сложноорганизованную, многоуровневую структуру. Хронотопическая система Достоевского была осмыслена в разных аспектах. Действительно, предмет Достоевского – это живой, говорящий символ, который никогда не бывает случайным, язык и значение которого должен понять сам читатель. Пространство у писателя – это не просто фон действия, оттеняющий происходящее. Оно своеобразное зеркало событий и психологических состояний. Но пространство у Достоевского не является безличным, оно, в соответствии с замыслом писателя, как правило, распределяется между героем и автором, подчиняется определенным эстетическим принципам. Является выражением кругозора, окружения и ценностного сознания героя, с одной стороны, и автора, благодаря чему один и тот же предмет раскрывается с разных, порой противоположных планов.

Об этой стороне художественного мира Достоевского, вслед за Бахтиным, убедительно высказался Ж. Катто. По мнению ученого, роман Достоевского – это текстовое поле «двойной свободы», «живой и плодотворной антиномии», что, впрочем, не противоречит «полифонической структуре» и смысловой незавершенности его произведений. С одной стороны, «повествование, обладающее фабулой, интригой, эпилогом, то есть завершением», а с другой, проза Достоевского представляет «источник также и двух различных форм, воплощающих время: время героя, то есть время, «прожитое изнутри», и время, создаваемое автором, воспринимаемое читателем и очень часто комментируемое рассказчиком, то есть время динамики романа, то, что обычно называют ритмом». В результате «пространство у Достоевского имеет своим источником ту же двойную свободу», оно «включает в равной мере

восприятие героя и автора» [5, С. 43, 48]. Наблюдения исследователя, не нашедшие, к сожалению, развитие в работах о Достоевском, позволяют более глубоко проникнуть в структурные принципы его повествования. Пространственные образы героя и автора – тема, чрезвычайно важная для понимания почерка писателя, интересна еще и тем, что побуждает к постановке целого ряда вопросов. Как развести, разграничить пространство героя и пространство автора в перволичном повествовании? Какова диалектическая взаимосвязь между пространственными образами автора и героя в произведениях, построенных по принципу рассказа от первого лица?

Используя понятие, введенное Ж. Катто и применяя его к рассказу «Кроткая», пространство героя здесь можно определить как «пространство-пейзаж», а пространство автора как «пространство-декорацию». Что определяет декорацию? В первую очередь, это все пространство, присутствующее в произведении. Это пространство подобно сценическому. Здесь чуть ли не каждая подробность напоминает театральные подмостки: обнаженность сцены, персонажи, размещенные с геометрической точностью; декорация, выделяющаяся конкретным схематизмом, строгим реализмом, обнаженным до предела. Это и интерьер жилого помещения, и характеристика уличного пространства; схема, эскиз, оттеняющий главного персонажа действия.

В связи с «внутренним» пространством героя в рассказе уместно использование и такого понятия, как «среда». Этимологически слово «среда» восходит не только к «середине», но и к «сердцу». Считается, что лексема «среда» заимствована из старославянского «сердце» [14, С. 424]. А в словаре С.И. Ожегова понятие «среда» рассматривается как «окружение, совокупность природных условий, в которых протекает деятельность человеческого общества» [9]. Таким образом, в один синонимический ряд становятся слова «среда» – «окружение» – «сердце». Средой героя рассказа можно назвать социально-бытовую обстановку, которая освоена им. Если окружение персонажа – весь мир и предметы, рукотворные и нерукотворные, то его «средой», вероятно, будет являться фрагмент его окружения, к которому герой испытывает эмоциональную привязанность. Это: пространство его жилья, привычные и дорогие ему вещи и предметы, а также освоенные им детали мира, находящиеся за порогом его дома.

В рассказе «Кроткая» роль эмоционально активной среды выполняют квартира героя, небольшая площадка перед его домом, офицерский буфет. Если подробного описания последних элементов в тексте нет, то интерьер – это достаточно четкая схема: «Квартира – две комнаты: одна большая, где отгорожена и касса, а другая – тоже большая, наша комната, общая, тут и спальня. Мебель у меня скудная; даже у теток была лучше. Киот мой с лампадкой – это все в зале, где касса; у меня же в комнате мой шкаф и в нем несколько книг и укладка, ключи у меня; ну, там постель, столы, стулья» [4, С. 400].

Описание дано с точки зрения самого героя, однако несет в себе значение и пространства автора, у него свои строго определенные функции, главная из которых – объективно охарактеризовать персонажа. Из описания видно, что герой занимается сужением денег под проценты и что это для него, пожалуй, главное в жизни занятие. Ни о чем он не говорит так часто, как о кассе. Даже на расположение киота (знак духовных интересов человека) он указывает посредством ссылки на кассу. Многие предметы интерьера даны именно в их пространственном соотношении с кассой. Второй вывод, который можно сделать из описания интерьера, – эгоцентризм героя: предмет он характеризует как «мой» или указывает на принадлежность вещи к своей персоне – «у меня». И, наконец, можно заключить, что герой беден, и, как следствие, бережлив: в его квартире нет и не может быть ненужных вещей, да и мебель представлена самая необходимая. Так Достоевский с помощью декорации-среды создает социальный и психологический портрет героя.

Пространство, в котором существует герой, является его переживанием в прямом и глубоком смысле этого слова. Ведь герой Достоевского видит мир в рамках своих действий, оценивает окружающее, отталкиваясь от своего собственного ощущения. Герой волен двигаться, перемещаться в пространстве, но взгляд его всегда задерживается только на тех предметах и существах, которые непосредственно связаны с его размышлениями, с его личными интересами. Он организует свою среду с помощью памяти. Таким образом, это не все пространство, изображаемое в произведении, но лишь те его элементы, которые «прожиты» персонажем, глубоко прочувствованы, пропущены им через собственное сознание; они на уровне бессознательного вызывают устойчивые ассоциации. Вещи, упоминаемые однажды, сначала создают пространство-декорацию. Упоминаемые многократно, они становятся вещным лейтмотивом, в котором уже преобладает психологическое и психическое начало героя, в то время как пространство автора указывает лишь на внешний, социальный статус. Так, постепенно концентрируясь, углубляясь, пространство автора отграничивается от пространства героя. Таким образом, форма построения рассказа обнаруживает различные оценки – оценку персонажа и объективную точку зрения автора, которая дается на границе изображаемого мира. Если точка зрения персонажа предполагает «прямые», социально-характерные этические оценки, то авторская оценка отражается в художественной форме. Учитывая, что именно «образные оценки суть собственно эстетические», то можно говорить об их принадлежности «автору произведения» [13, С. 14].

Пространство упомянутого интерьера углубляется психологически за счет многократного названия в дальнейших главах рассказа таких предметов, как «особый стол», «железная кроватка» с ширмой, купленные жене; или коврик, по которому Кроткая «щелкает правым носком», «ножкой бьет» [4, С. 403, 406, 409, 418, 402, 407, 395, 396]. Эти предметы и приметы, «выхвачены» из общей декорации потому, что вызывают у героя определенный образ – образ жены. Они, «прожитые» и прочувствованные, получили статус лейтмотива повествования и стали непосредственно пространством героя. Даже скользкий, поверхностный, потерянный взгляд его на эти вещи заставляет заново испытать чувства, оставшиеся в прошлом.

В роли лейтмотива выступает в рассказе образ порога с его аналогами – ключевой в художественном мире Достоевского. М.М. Бахтин так обозначил его: «Верх, низ, лестница, порог, прихожая, площадка получают значение «точки», где совершается кризис, радикальная смена, неожиданный перелом судьбы, где принимаются решения, преступают заветную черту, обновляются и гибнут. Действие в произведениях Достоевского и совершается преимущественно в этих точках» [1, С. 191].

Герой «на пороге» – это герой ищущий, сомневающийся, решающийся. Именно «на пороге» делается

предложение руки Кроткой. Именно «на пороге» Кроткая решает, что для нее лучше – брак с «соседним толстым лавочником или с ростовщиком?». «А кто был для нее тогда хуже – купец или закладчик, цитирующий Гете? Это еще вопрос!». Рассказывая о сватовстве, герой как бы невзначай, случайно, в потоке мыслей и слов употребляет семь раз заветное словосочетание «у ворот» [4, С. 386, 388]. В банальной бытовой тавтологии видится использование писателем приема саморазоблачения. Герой переживает кризисное состояние «на пороге», практически сам того не осознавая, и заставляет пережить такое же состояние героиню. Вот оно – углубленное пространство-пейзаж, объемное и психологически наполненное, по сравнению с плоскостным, «спенически обнаженным» пространством-декорацией.

Похожая ситуация наблюдается и в сцене возле ворот дома после самоубийства Кроткой: «Когда я в ворота вошел, она была еще теплая. Главное, они все глядят на меня. Сначала кричали, а тут вдруг замолчали и все передо мною расступаются и <...> она лежит с образом. Я помню, как во мраке <...> помню только того мещанина: он все кричал мне, что “с горстку крови изо рта вышло, с горстку, с горстку!” и указывал мне на кровь тут же на камне». И снова на передний план выступают образы, создающие объемное, изнутри воспринимаемое, психологизированное пространство героя, выхваченное сиюминутно из пространства автора, которое наполнено обезличенной толпой. И даже карнавальным символом толпы в этом отрывке приобретает оттенок вещности, словно «толпа в воротах» [4, С. 416, 415] – это совокупность предметов, а не людей. Что опять же не случайно, ведь изображая такое пространство, Достоевский наделяет его определенной функцией, а именно – показывает город унификатор безликой массы, город, жители которого – обобщенные, усредненные типы. Таким образом, писатель решает сразу несколько эстетических задач в рамках одного эпизода.

Интересен заключительный отрывок: «О, природа! Люди на земле одни – вот беда! «Есть ли в поле жив человек?» – кричит русский богатырь. Кричу и я, не богатырь, и никто не откликается. Говорят, солнце живет вселенную. Взойдет солнце и – посмотрите на него, разве оно не мертвец? Все мертво, и всюду мертвецы. Одни только люди, а кругом них молчание – вот земля! «Люди, любите друг друга» – кто это сказал? Чей это завет? Стучит маятник бесчувственно, противно. Два часа ночи. Ботиночки ее стоят у кровати, точно ждут ее ... Нет, серьезно, когда ее завтра унесут, что же я буду?» [4, С. 419].

Пространство автора бесконечно. Оно вышло за пределы квартиры героя, за пределы Петербурга. Оно есть вся земля, сама вселенная. Но герой не прожил эту вселенную. Ему, по большому счету, все равно, что творится на земле в целом. Зачем ему огромный мир, когда ему в комнате одиноко. Он словно богатырь в поле, словно Христос в пустыне... Герой пропустил через свое сознание эту свою маленькую пустыню – ту комнату, в которой на столе лежит Кроткая – «то, что всего дороже» [4, С. 419]. Он сполна прочувствовал кровать, ботиночки – это его пространство: маленькое, с точки зрения вечности и бесконечности, но неопишимо глубокое, огромное и пустое.

Выводы

Подытоживая наблюдения, следует отметить, что пространство автора и пространство героя – это не противопоставленные замыслом писателя два полюса мира, две изолированные и замкнутые в себе системы. Они, безусловно, выполняют разные функции: среда, декорация создают социальный пласт повествования, одновременно они являются знаками «внутреннего» пространства героя; автор же выступает в рассказе как художественная функция, благодаря чему над образом мира, проживаемом перволичным повествователем, вырастает образ мира автора. На границе «внутреннего» пространства героя и всеобъемлющего смыслового пространства автора формируется глубинная социально-этическая и художественно обобщенная идея о ценности существования человека, его месте в мире, его жизни и смерти. Пространства двух уровней сходятся в общей точке. Они не могут существовать обособленно по той причине, что порождают друг друга, тесно взаимодействуют.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-1970-х гг. / М.М. Бахтин. – Москва : Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. – 341 с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1979. – 424 с.
4. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. / Ф.М. Достоевский. – Москва : Художественная литература, 1957. – Т. 10. – С. 378–419.
5. Катто Ж. Пространство и время в романах Достоевского / Ж. Катто // Достоевский Ф.М. Материалы и исследования. – Ленинград : Наука, 1978. – С. 41–54.
6. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения / Б.О. Корман. – Москва : Просвещение, 1972. – 113 с.
7. Корман Б.О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов / Б.О. Корман. // Корман Б.О. Избранные труды. Теория литературы / Ижевск, 2006. С. – 314–335.
8. Манн Ю. Об эволюции повествовательных форм (вторая половина XIX века) [On the evolution of narrative forms (the second half of the XIX century)] / Ю. Манн // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1992. – Т. 51. – № 1. – С. 40–59.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений / С.И. Ожегов; под ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., переработанное. – Москва : Мир и Образование, 2014. – С. 1776–1777.
10. Прозоров В.В. Автор / В.В. Прозоров // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / Под ред. Л.В. Чернец. – Москва : Высшая школа, 2000. – С. 11–21.

11. Тамарченко Н.Д. Точка зрения / Н.Д. Тамарченко // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. – Москва : Высшая школа, 2004. – С. 379–389.
12. Успенский Б.А. Поэтика композиции / Б.А. Успенский. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – С. 100–138.
13. Фуксон Л.Ю. Толкования: сборник статей / Л.Ю. Фуксон. – Москва : Берлин : Директ-Медиа, 2014. – 259 с.
14. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей. Изд. 2-е, исправленное и дополненное / Н.М. Шанский и др.; под редакцией С.Г. Бархударова / Москва : Просвещение, 1971. – 542 с.
15. Шмидт В. Нарратология / В. Шмидт. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij*. T. 6. *Problemy pojetiki Dostoevskogo*, 1963. *Raboty 1960-1970-h gg* [Collected works. Vol. 6.] / M.M. Bahtin. – Moscow : Russkie slovari. Jazyki slavjanskoj kul'tury. 2002. – 341 p. [in Russian]
2. Bahtin M.M. *Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let* [Questions of literature and aesthetics. Researches of different years] / M.M. Bahtin. – Moscow : Hudozhestvennaja literatura, 1975. – 504 p. [in Russian]
3. Bahtin M.M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of verbal creativity] / M.M. Bahtin. – Moscow : Iskusstvo, 1979. – 424 p. [in Russian]
4. *Dostoevskij F.M. Sobranie sochinenij: v 10 t.* [Collected works: in 10 vol.] / F.M. Dostoevskij. – Moscow : Hudozhestvennaja literatura, 1957. – Vol. 10. – Pp. 378–419. [in Russian]
5. Katto Zh. *Prostranstvo i vremja v romanah Dostoevskogo* [Space and time in Dostoevsky's novels] / Zh. Katto // *Dostoevskij F.M. Materialy i issledovanija*. – Leningrad : Nauka, 1978. – P. 41–54. [in Russian]
6. Korman B.O. *Izuchenie teksta hudozhestvennogo proizvedenija* [Studying the text of a work of art] / B.O. Korman. – Moscow : Prosveshhenie, 1972. – 113 p. [in Russian]
7. Korman B.O. *Celostnost' literaturnogo proizvedenija i jeksperimental'nyj slovar' literaturovedcheskih terminov* [The Integrity of a Literary Work and an Experimental Dictionary of Literary Terms] / B.O. Korman // *Korman B.O. Izbrannye trudy. Teorija literatury*. – Izhevsk, 2006. – P. 314–335. [in Russian]
8. Mann Y. *Ob evolyucii povestvovatel'nyh form (vtoraya polovina XIX veka)* [On the evolution of narrative forms (the second half of the XIX century)] / YU. Mann // *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*. – 1992. – Vol. 51. – № 1. – P. 40–59.
9. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 100000 slov, terminov i vyrazhenij* [Explanatory dictionary of the Russian language] / S.I. Ozhegov; ed. by L.I. Skvorcova. – Moscow : Mir i Obrazovanie, 2014. – P. 1776–1777. [in Russian]
10. Prozorov V.V. *Avtor* [Author] / V.V. Prozorov // *Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponjatija i terminy* / ed. by L.V. Chernec. – Moscow : Vysshaja shkola, 2000. – P. 11–21. [in Russian]
11. Tamarchenko N.D. *Tochka zrenija* [Point of view] / N.D. Tamarchenko // *Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponjatija i terminy*. – Moscow : Vysshaja shkola, 2004. – Pp. 379–389. [in Russian]
12. Uspenskij B.A. *Pojetika kompozicii* [Poetics of composition] / B.A. Uspenskij. – Saint-Petersburg : Azbuka, 2000. Saint-Petersburg Pp. 100–138. [in Russian]
13. Fukson L.J. *Tolkovanija: sbornik statej* [Interpretations: a collection of articles] / L.J. Fukson. – Moscow : Berlin : Direkt-Media, 2014. – 259 p. [in Russian]
14. Shanskij N.M. *Kratkij jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. Posobie dlja uchitelej* [Brief etymological dictionary of the Russian language] / ed. by S.G. Barhudarova / N.M. Shanskij. – Moscow : Prosveshhenie, 1971. – 542 p. [in Russian]
15. Shmid V. *Narratologija* [Narratology] / V. Shmidt. – Moscow : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. – 312 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.078>ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗЕНТАЦИОННОГО ДИСКУРСА УЧИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ *ВКОНТАКТЕ*)

Научная статья

Никитина Г.А.^{1,*}, Рыжова В.В.²¹ ORCID: 0000-0003-2941-287X;^{1,2} Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

* Корреспондирующий автор (dimgalnick2[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматривается презентационный дискурс и его особенности. Описываются результаты анализа 100 профилей русскоязычных преподавателей английского языка в социальной сети “ВКонтакте”. *Актуальность* исследования определяется необходимостью комплексного лингвистического изучения презентационной функции дискурса социальных сетей, которые становятся неотъемлемой частью жизни современного человека. *Объектом* исследования выступают средства выражения презентационности в дискурсе русскоязычного блока социальных сетей (в частности, социальной сети ВКонтакте). *Предмет* исследования – интертекстуальные, графические и лексико-семантические особенности выражения презентационного дискурса в рассматриваемой социальной сети. *Цель* исследования – выявить и проанализировать основные средства выражения презентационности в русскоязычном дискурсе социальных сетей (на примере социальной сети ВКонтакте). В настоящем исследовании был использован комплекс теоретических и прикладных *методов*, включая метод сплошной выборки, семантический и количественный анализ презентем. Сделаны выводы о неотъемлемых составляющих презентационного дискурса русскоязычных социальных сетей. Подобное исследование представляется уникальным, так как работы данной направленности стали проводиться лишь недавно вследствие активного развития социальных сетей.

Ключевые слова: презентационный дискурс, социальные сети, изучение иностранных языков, презентема, потенциальная аудитория.

PRESENTATIONAL DISCOURSE OF ENGLISH TEACHERS IN RUSSIAN SOCIAL NETWORKS (BASED ON THE SOCIAL NETWORK VK DATA)

Research article

Nikitina G.A.^{1,*}, Ryzhova V.V.²¹ ORCID: 0000-0003-2941-287X;^{1,2} Saratov State University, Saratov, Russia

* Corresponding author (dimgalnick2[at]yandex.ru)

Abstract

The article touches upon the presentational discourse and its peculiarities. It describes the results of the analysis of 100 profiles of the Russian-speaking teachers of the English language in the social network “VK”. The *relevance* of the research is determined by the need for a comprehensive linguistic study of the presentational function of the discourse of social networks, which are becoming an integral part of modern life. The *object* of the study comprises the means of expressing presentative function in the discourse of the Russian social networks (in particular, the social network VK). The *subject* of the research is intertextual, graphic and lexico-semantic features of the presentational discourse in the social network under consideration. The *objective* of the study is to identify and analyze prevailing means of expressing the presentational function in the Russian social networks discourse. In this study, a set of theoretical and applied methods was used, including the continuous sampling method, semantic and quantitative analysis of presentemes. Based on the conducted analysis the author singles out the integral components of the presentational discourse of the Russian social network. The present research problem is believed to be of a unique character, since there are not many studies in the similar field, however, the role of social networks is crucially growing.

Keywords: presentational discourse, social networks, foreign language learning, presentemes, target audience.

Введение

В настоящее время интернет-дискурс пользуется огромной популярностью и часто используется для различных видов коммуникации. В понятие интернет-общения могут входить деловые переписки, обмен сообщениями, общение в разнообразных чатах, блогах, обсуждение фильмов, книг и музыки. Чаще всего общение происходит в социальных сетях.

В.Ю. Лыскова считает, что социальные сети являются продуктом, который удовлетворяет потребность людей в общении в неформальной обстановке. Они не только объединяют участников средой общения, но и формируют между ними межличностные связи [1, С. 211–213].

Согласно А.С. Рябовой, под социальными сетями следует понимать некую площадку в сети Интернет, которая позволяет зарегистрированным пользователям размещать личную информацию и осуществлять коммуникацию с другими пользователями. Таким образом, дискурс социальных сетей можно трактовать как коммуникацию в интернет-среде посредством электронных знаков и сигналов [2].

В рамках анализа специфики общения в социальных сетях, следует отметить, что данный тип коммуникации занимает промежуточное место между письменной и устной, вербальной и невербальной коммуникацией. Таким образом, дискурс социальной сети характеризуется синтезом письменной и устной речи [3, С. 21].

Согласно классификации В.И. Карасика, в социальных сетях существует восемь основных жанровых групп: демонстративы, репортативы, социативы, креативы, агитативы, инструктивы, прескриптивы, аттрактивы [4, С. 50]. При этом, как подчеркивает Ю.В. Щурина, границы между жанрами часто имеют формальный характер, так как базовая коммуникативная цель у многих из них заключается в том, чтобы привлечь внимание – к автору аккаунта, к предлагаемой услуге и т. д. [5, С. 163].

Кроме того, при анализе речевого поведения в социальных сетях следует отметить, что здесь для общения характерно равенство между пользователями, особенно если участники беседы связаны общим интересом [6, С. 64-70]. Тем не менее в процессе взаимодействия языковой личности с другими пользователями в интернет-среде в ее поведении часто обнаруживается стремление показать себя с лучшей стороны, при этом акцентируя внимание именно на тех своих качествах, которые он/она считает или хочет считать своими достоинствами [7, С. 31].

Данное стремление, которое характерно для большинства пользователей социальных сетей, находит свое отражение в презентационной функции интернет-дискурса. Таким образом, актуальность работы определяется необходимостью комплексного лингвистического изучения презентационной функции дискурса социальных сетей, которые становятся неотъемлемой частью жизни современного человека.

Объектом исследования стали средства выражения презентационности в дискурсе русскоязычного блока социальных сетей (в частности, социальной сети *ВКонтакте*). Предметом исследования являются интертекстуальные, графические и лексико-семантические особенности выражения презентационного дискурса в рассматриваемой социальной сети.

Таким образом одним из ключевых понятий работы является понятие презентемы. Под презентемой, вслед за А.В. Олянич понимаем «мельчайшую информационную единицу воздействия, являющаяся сложным знаковым комплексом, который, в свою очередь, состоит из когнитивно освоенных индивидом образов окружающей действительности и переданных другому индивиду в рамках коммуникации с целью влияния на него» [8, С. 213].

В статье ставилась цель исследовать основные средства выражения презентационности в русскоязычном дискурсе социальных сетей на примере социальной сети *ВКонтакте*.

Представляется, что новизна данного исследования заключается в детальном анализе средств выражения презентационности дискурса социальных сетей. Подобное исследование представляется уникальным, так как работы данной направленности стали проводиться лишь недавно вследствие активного развития социальных сетей. Работы подобного типа представляют собой ценность, так как изучение социальных сетей с лингвистической точки зрения является одним из актуальных направлений современной лингвистики.

Методы исследования

В настоящем исследовании был использован комплекс теоретических и прикладных методов, включая метод сплошной выборки, семантический и количественный анализ презентем.

Для анализа презентационной функции дискурса в социальных сетях была выбрана предметная сфера «Изучение английского языка». Ранее нами были рассмотрены особенности англоязычного презентационного дискурса учителей английского языка [9]. Вследствие анализа были выделены ключевые лингвистические особенности презентационной функции англоязычного дискурса социальных сетей. В настоящей работе обратим внимание на русскоязычных учителей английского языка и их способы привлечения внимания аудитории с помощью продвигающего текста.

В рамках исследования методом сплошной выборки были отобраны и проанализированы 100 групп преподавателей английского языка, предлагающих услуги по обучению английскому языку в социальной сети «ВКонтакте», которая в настоящее время является наиболее популярной социальной сетью на территории России.

Предметная область «Изучение английского языка» представляет собой комплекс элементов, изучаемых в процессе овладения иностранным языком. Этот процесс может включать преподавателей, студентов, учебные пособия, дополнительные материалы, методы и подходы к обучению, а также сам изучаемый язык. Изучая презентационную функцию социальной сети *ВКонтакте*, мы обратили особое внимание на виртуальных коммуникаторов или «влиятельных лиц». На данном этапе нашего анализа мы следовали идее В.В. Казябы, который выделяет четыре способа вербальной самопрезентации в социальных сетях: самопрезентация (имя пользователя и название аккаунта), самописание, подпись к фотографии или видео, комментарий [10].

Анализ выборки проводился с точки зрения нескольких компонентов:

- имя учетной записи / имя профиля;
- содержание профиля;
- содержание раздела «обо мне / информация» (самописание);
- стиль дискурса.

Конкретные публикации были проанализированы с точки зрения их функции, реализации основного коммуникативного акта или типа информации, представленной в публикации, например, изучение английского языка в группах для начинающих или подготовка к экзаменам.

Таким образом, анализ публикаций в социальной сети *ВКонтакте* позволяет нам уточнить детали предлагаемой информации. Например, из некоторых публикаций мы узнаем о разнообразии групп для обучения в зависимости от возраста, уровня владения английским языком и целей обучения; или мы узнаем о регулярности оплаты, ценах на текущий период и скидках.

Далее важно подчеркнуть, что не только четко структурированная информация о наиболее важных вопросах, которые могут заинтересовать потенциальных клиентов, но и визуальные образы, фотографии способствуют созданию положительного имиджа компании или предпринимателя.

Результаты и обсуждение

Для начала необходимо отметить, что не все проанализированные аккаунты посвящены обучению английскому языку и предназначены для изучающих язык. Так, из 100 выбранных профилей 16 созданы для учителей английского языка и предполагают размещения поурочных и раздаточных материалов для занятий со всеми возрастными группами. Кроме того, 3 группы предназначены для родителей, которые сами учат своих детей английскому языку.

Обратим внимание, что все 100 групп акцентируют внимание на обратной связи в профиле – призывают к комментариям, обсуждениям, проводят опросы. Более того, все владельцы активно ведут страницу, выкладывая обновления не реже одного раза в неделю. Также в описании 17 сообществ замечены призывы «присоединиться», «подписаться».

Отметим, что владельцы некоторых аккаунтов делятся впечатлениями учеников о проведенных занятиях. В основном, к ним относятся группы, которые предлагают платные услуги и таким образом рекламируют свою работу. На тех страницах, которые созданы исключительно для размещения информации о языке и не проводятся занятия – данного рода публикации отсутствуют.

В данном исследовании наше внимание было обращено на две главные составляющие каждой группы – это название и раздел «Информация».

Рассмотрим блок аккаунта, содержащий название группы, поскольку, как представляется, именно название является одной из наиболее значимых презентем, привлекающих внимание потенциальной аудитории. Итак, согласно проведенному анализу, большинство групп имеют название на английском языке (57), у четверти групп (25) в названии содержатся слова и на русском, и на английском языках. Около 18 групп предпочли название на русском языке. Следует отметить, что основная масса названий групп, в которых замечено два языка, включает в себя название российских экзаменов ОГЭ и ЕГЭ, а также слово «английский»:

*Английский Гамчина English Together
English Vocabulary для FCE и ЕГЭ*

Это можно объяснить желанием владельца группы расширить возможную аудиторию, увеличив шансы быть замеченным вследствие использования ключевых слов на русском языке.

Кроме того, некоторые группы пишут в названии его перевод на русский язык, что указывает на то, что группа, прежде всего, предназначена для русскоязычных пользователей:

*Медицинский английский «MEDiC» / Medical English
English DVIZH – Инглиш ДВИЖ*

Важно отметить, что в названии всех анализируемых сообществ присутствует слово “English” или «английский». Данный выбор объясняется услугами, оказываемыми владельцами групп, поскольку каждый пользователь для поиска учителя изучаемого языка или информации о нем будет в поисковике вбивать желаемый язык:

*First English For All Children
ЕГЭ | АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК 2022*

Тем не менее создатели групп стремятся к уникальности в названии своей страницы, поэтому идентичных заголовков замечено не было. С другой стороны, были найдены следующие частотные случаи.

Так, в названии 18 групп преподаватели указывают свое имя или название своей школы. С помощью данного способа владельцы стараются изначально расположить возможного ученика к себе, заранее оповестить о наличии учителя, который научит языку. Более того, использование личного имени может увеличить шансы на выбор именно этой группы аудиторией, поскольку за ней скрывается человек (или группа людей, в случае школы), что поднимает уровень доверия потребителя:

*Инна | Английский для детей
Языковой центр «Британия» | Английский
English: Advanced and Proficiency | Ксения Шперл*

Более того, создатели 17 групп в названии указывают аудиторию, для которой предназначена группа: “for kids, teens, adults”; “Maritime”; «для школьников», «для преподавателей». Данная стратегия помогает пользователям сети определить интересующую для себя страницу, а также владелец, одновременно, отсеивает незаинтересованных потребителей:

*First English For All Children
English Step By Step (Young Learners)
We Teach English (для учителей)*

Добавим, что в названии 17 групп содержится слово, отражающее структуру организации, которая создала сообщество – school, курсы, студия, центр, home, club, society. Данные лексемы также направлены на сужение потенциальной аудитории, поскольку показывают направление развития сообщества. Например, группа со словом “club” в названии подразумевает, что участники сообщества должны посещать «некий клуб», знать правила и устои, а также не ожидать дополнительной информации помимо расписания встреч клуба и его идей:

BiG English™ • Студия английского языка
Учебный центр English club
English Club MPhI

Выделим и другие наиболее используемые слова в названии групп. Среди них:

- *Название экзаменов* – *ЕГЭ, ОГЭ, Cambridge exams* (13 профилей) – ключевое слово при поиске для тех, кто ищет преподавателя для помощи именно в подготовке к экзамену:

Natali_hi_english | FCE, CAE, General English
ЕГЭ 2022 | АНГЛИЙСКИЙ с Валерией Архиповой

- *teach, учитель* (8 профилей) – данное слово помогает сразу определить род деятельности владельца аккаунта, а также для кого предназначена группа:

English Teacher's Tips
Преподаватель английского. English teacher

- *Уровень владения английским языком* (8 профилей) – помогает потенциальному потребителю сразу определить подходит ли ему сообщество по уровню владения языком:

English for Advanced CAE C1+
Enchanted English | CAE, CPE онлайн

- *Online, онлайн* (6 профилей) – ключевое слово для тех, кто ищет преподавателя английского языка для дистанционных занятий:

Английский онлайн | checkeng_
Svetlana English Online (ЕГЭ и ОГЭ)

- место нахождения преподавателя, школы (5 профилей) – позволяет определить возможность оффлайн занятий:

English Speaking Club (Moscow)
Go! English – Казань | Курсы английского языка

Следует подчеркнуть, что названия многих групп характеризуются наличием отличительного, уникального прилагательного для описания английского языка. Именно эти эпитеты направлены на выделение неповторимости на фоне других групп. Среди них: *enchanted, trendy, smart, playful, ангельский* и др.:

Уверенный английский
Чистый английский | Clear English
Olympic English

С помощью этого слова потребитель также может определить, подходит ли ему именно этот вид английского языка. Например, не каждому молодому мужчине будет интересен «ангельский» или «играющий» английский, а подростку может понадобиться именно современный, «трендовый» английский.

Таким образом, название группы позволяет потребителю сократить выбор возможных вариантов, выделить определенные сообщества, которые могут соответствовать его желаниям и целям. Общие ключевые слова, наравне с уникальными, играют важную роль в определении его мнения.

Однако выбор подходящего сообщества не ограничивается лишь названием. Большую роль играет дополнительная информация о нем, то есть содержание группы, тематика публикаций. Так, в разделе «Информация», где создатели не ограничены количеством слов, у них есть возможность представить себя, заинтересовать аудиторию. Однако анализ данного раздела показал, что большая часть аккаунтов использует одни и те же интертекстуальные презентации.

Начнем с наиболее ярких общих черт. Так, у 85 сообществ в информации можно заметить краткое содержание: что ждет возможного участника, какие навыки отрабатываются, какой тематики придерживается автор группы. Однако объем «краткого» содержания варьируется – от 3 до 22 пунктов (в абсолютном большинстве проанализированных групп – 76 – содержание оформлено в виде списка):

В этой группе вы найдете:

- *полезные материалы*
- *идеи для занятий*
- *презентации PowerPoint*

Здесь ты найдешь:

- * *идеи шаблонов для интерактивных тетрадей*
- * *интерактивные PDF книжки с озвучкой и заданиями*
- * *игры и квесты в формате презентации PowerPoint*
- * *идеи, как сделать урок креативным и позитивным*

В некоторых случаях наличие содержания не только указывает на тему сообщества, но и помогает ориентироваться в большом количестве публикаций, так как включает в себя хэштеги и ссылки, переходя по которым

пользователь видит посты только интересующей его области. Так, в 16 группах были замечены случаи использования хэштегов для удобства посетителей сообщества:

*Присоединяйтесь! Тренируем:
аудирование – #listening_training
чтение – #reading_training
грамматика и лексика – #grammar_training
письмо – #writing_training
говорение – #speaking_training*

Ссылки были найдены в информации 60 групп, но не всегда были использованы для облегчения поиска по группе, а больше для перехода на личный сайт преподавателя, школы. Более того, 32 автора сообществ указали адреса и телефоны для связи. Это, безусловно, наблюдается у образовательных учреждений, а также у учителей, находящихся в поиске учеников.

Для 45 аккаунтов характерно использование графических средств (смайликов), что облегчает понимание большого количества текста, а также, в случае ярких смайлов, привлекает к себе внимание. Кроме того, эмодзи можно трактовать как готовность к неформальному общению, что убирает барьер между преподавателем и потенциальным учеником.

Набор в мини-группы для взрослых 🇬🇧

📣 Сообщество любителей английского

При упоминании неформального общения необходимо отметить, что, несмотря на наличие 45 групп с использованием смайликов, только 11 авторов обращаются к потенциальному ученику на «ты», что говорит о возможном ориентире на молодую аудиторию, а также о желании учителя общаться без соблюдения субординации:

Trendy English to, что тебе нужно!

Если ты – УЧИТЕЛЬ – добро пожаловать, для тебя тоже масса полезных материалов, и возможность высказать свое экспертное мнение

Большинство же групп (49) используют обращение на «вы», чтобы выразить уважение к аудитории, указать на соблюдение формальностей, расширить потенциальную возрастную аудиторию. При этом 3 группы используют обращение «привет», что говорит о желании учителей быть ближе к ученикам.

Всем привет! Меня зовут Надежда Бордачёва. Если Вы школьный учитель, а репетиторство для вас – источник вдохновения и идей, тогда вам сюда 😊

Более того, при анализе страниц, было замечено, что 14 групп предпочли использование английского языка при оформлении графы «информация». Из них, 4 группы также начали приветствие с неформальных слов “hey”, “hi”:

Hey there! I'm Julia!

Hey folks! 😊 This community is for those who are head over heels in love with the English language.

Следует также заметить, что 26 групп предпочли безличную форму обращения, что может говорить о нежелании авторов ограничивать себя в обращении к аудитории:

Английский язык для детей на материале весёлых песенок, стихотворений, рассказов в формате текст+ аудиозапись и видеороликов с субтитрами

Любопытно отметить, что 60 владельцев групп указали информацию о себе – имя, возраст, наличие высшего образования, уровень владения языком, наличие сертификатов о сдаче экзаменов. Настоящие данные можно трактовать как желание авторов привлечь потенциальную аудиторию с помощью своих заслуг, поскольку информация о преподавателе играет большую роль при выборе учителя, которому можно довериться при изучении языка.

*Bachelor in English philology (Herzen State Pedagogical University of Russia)
TKT and TEFL Certificates*

Автор и руководитель проекта Мила Хабирова – преподаватель английского языка, переводчик-синхронист, интернет-тренер и автор интернет проекта «English is my cup of tea».

Однако только 19 из них упомянули опыт работы, что может говорить как о недостаточном опыте работы, так и об уверенности преподавателей в том, что наличие экзаменов или диплома, а также количество их подписчиков достаточно подтверждают их профессионализм.

На странице группы делюсь знаниями, накопленными за 18 лет работы.

Всем привет! Меня зовут Алёна, и я уже более 7 лет преподаю английский.

В ходе анализа лексической составляющей информации о сообществах, активное применение лексемы «*материалы*» (33 группы) обратило на себя внимание авторов. На наш взгляд, данная лексема используется для привлечения потенциальной аудитории, которая заинтересована в самообучении, для которых нужен не учитель, а именно материалы занятий. Так, с помощью материалов создатели групп увеличивают объемы аудитории, которые после самостоятельного использования материалов могут обратиться за помощью к учителю, то есть владельцу сообщества.

*Чтобы помочь коллегам, я организую курсы, вебинары и практикумы, а также провожу эфиры и публикую множество **материалов** и разработок.*

Следующей по частотности использования стала лексическая презентема «*онлайн*», которая была замечена в 26 группах. В современном мире в результате Covid-19 многие виды услуг перешли в онлайн формат, с чем, по нашему мнению, и связан рост популярности данного термина. Кроме того, обучение онлайн не ограничено географическими данными, что помогает расширить возможную аудиторию.

*Сегодня мы работаем полностью **ОНЛАЙН** со взрослыми* *В этой группе вы можете найти информацию о подготовке к экзаменам ЕГЭ, САЕ и СРЕ, а также идеи уроков и обзоры различных **онлайн-платформ**.*

Далее отметим презентему «*бесплатно*» (24 группы), которая может привлечь внимание любого пользователя, так как подразумевает, что можно изучить английский язык бесплатно, только подписавшись на профиль. Данный прием помогает набрать аудиторию, которую впоследствии можно мотивировать на личные платные занятия:

*Используйте **бесплатные** материалы уроков! Хотите больше? Добро пожаловать к нам!* *Что я могу предложить вам **бесплатно**?*

Другим активным приемом можно считать использование обращения-вопроса к аудитории с помощью презентемы «*хотите/хочешь*», к которому прибегают 20 групп. Таким образом, автор будто создает ситуацию «живого общения». Кроме того, именно данная презентема может натолкнуть потенциального ученика на желание изучения чего-то определенного в языке.

*Если ты **хочешь** улучшить свои разговорные и коммуникативные навыки на самом международном языке, тогда тебе к нам по пути.!* ***Хотите** читать серьезную литературу?*

То же количество групп (20) интересуют потенциальную аудиторию с помощью указания на экзамены (ОГЭ, ЕГЭ, Кембриджские экзамены). Так, авторы привлекают определенную группу учеников, чье желание, в первую очередь, связано с подготовкой и сдачей экзаменов.

*Здесь мы подберём самые лучшие материалы, необходимые для сдачи **экзамена** по английскому языку.* *Наша группа это ресурс с прямым неограниченным доступом к пособиям для подготовки к **экзаменам IELTS и TOEFL***

Стоит также заметить, что при поиске презентем, отражающих готовность помочь с освоением той или иной стороны изучаемого языка – чтение, произношение, аудирование и грамматика – было определено, что самой популярной стороной является *грамматика* (упоминается в 19 группах), что можно объяснить мнением обучающихся о том, что грамматика является самой сложной составляющей при изучении языка, именно ее ученики пытаются изучить и понять дополнительно. Остальные лексемы используются довольно редко: *аудирование* – в 9 группах, *чтение* – 5, *произношение* – 4. По сравнению с англоязычными преподавателями, которые в основном обращают внимание на произношение, русскоязычные учителя не обещают высокие результаты – произношение «как у носителя». Наоборот, неносители обращают внимание на правила, как правильно строить предложения, какие времена использовать – чему и обещают научить потенциальных учеников:

*📖 **Грамматическая** подборка на все уровни! 📖* *📖 **Грамматика** на все случаи жизни **#ИИШправила** **#играинглишишоу***

Интересно отметить, что 18 сообществ используют презентему «*полезно*» для привлечения внимания возможных учеников, поскольку она может показать ученику, что изучение языка пригодится ему, поможет ему не только провести время интересно, но и с пользой для интеллектуального развития, работы, учебы.

*В группе собираем из свободного доступа Интернета интересные и **полезные** материалы.* *Надеюсь, что каждый из вас сможет найти в моей группе что-то интересное и **полезное** для себя 😊*

Приведем примеры некоторых других презентем, которые обратили на себя внимание при анализе сообществ в связи с активным их использованием (от 10 до 16 групп):

1) вместе – 16 групп – помогает потенциальному ученику понять, что все трудности в изучении языка будут разрешены, поскольку он столкнется с ними не один, а вместе с данным преподавателем:

Сдадим его вместе!

Пишем в сообщество боту, знакомимся и учим английский вместе!

2) практикум – 13 групп – может побудить потенциального пользователя подписаться на группу для того, чтобы практиковаться в решении языковых задач, постоянно улучшать уровень языка:

Практикуем английский каждый день прямо в ВК.

3) лучший – 13 групп – преподаватели дают оценку своей деятельности; привлекают учеников тем, что отличаются от других групп, так как они лучше:

Oyster English KIDS – лучший образовательный проект.

Поздравляю, вы наткнулись на лучшее сообщество для учителей английског!

4) носитель – 12 групп – повышает уровень доверия у потенциальных учеников:

✓ Прямые трансляции с носителем языка

5) эффективно – 12 групп – говорит о гарантии высокого результата при обучении у данного преподавателя

Как быстро и эффективно научить говорить по-английски даже самого немотивированного студента?

6) новое – 11 групп – данная лексема может вызвать желание у уже знающей английский язык аудитории проверить свои знания, изучить более актуальную информацию, работать в новых условиях:

Каждый год я создаю и провожу новые курсы, которые мне самой очень интересны и вызывают много энтузиазма

7) профессионал – 10 групп – может говорить о желании автора показать свой уровень, наличие опыта работы с разными группами, чтобы потенциальные клиенты чувствовали себя спокойно в руках компетентного специалиста:

▼ Высокий профессиональный уровень

Все преподаватели English Isle – профессиональные филологи

8) индивидуально – 10 групп – привлекает учеников своеобразными подходами к каждому обучающемуся, обязательным наличием отдельного отношения, наличием занятий, в которых внимание учителя будет целиком посвящено ученику:

- индивидуальный подход к каждому

9) результат – 10 групп – вызывает желание у аудитории обратиться именно к данному преподавателю, поскольку он обеспечивает результат, то есть время, усилие, деньги не будут потрачены впустую, о чем переживают многие ученики при поиске достойного учителя:

посты с рассказами о результатах экзаменов (с 2021 года; до этого посты были без хештега)

☑ С нашим подходом и при соблюдении всех условий обучения, вы заговорите уже на первом занятии, а первые качественные результаты будут видны уже по истечении первого месяца.

Заключение

Итак, на основании полученных данных можно сделать вывод о том, что большинство русскоязычных преподавателей английского языка при создании и ведении презентационного аккаунта делают акцент на интерактив, обратную связь с аудиторией, призыв «присоединиться», указывая основную информацию о себе. Однако лишь некоторые, вероятно, искусные учителя указывают информацию о своем опыте. Большинство аккаунтов используют только графические и интертекстуальные презентемы, которые никак не связаны со сферой преподавания, но характерны для социальных сетей в целом. С другой стороны, преподаватели завлекают аудиторию с помощью презентем, выражающих наличие готовых бесплатных материалов, которые можно изучать онлайн.

Анализ презентационной функции русскоязычного дискурса на материале 100 профилей преподавателей английского языка социальной сети *ВКонтакте* позволил выявить, что при создании продвигающего текста нужно использовать первое слово-ассоциацию (*изучаемый язык*), ключевые слова (для кого создано сообщество), а также

слова-зацепки, которые привлекают внимание потенциальной аудитории (характеристики учителя, его подходы при обучении, а также общие для любых услуг слова – *бесплатно, полезно, онлайн*).

Безусловно, проведенное исследование не позволяет однозначно трактовать все особенности презентационного дискурса социальных сетей. Для более глубокого анализа необходимо исследование публикаций, которые представлены в анализируемых русскоязычных группах, а также сравнительный анализ с англоязычными сообществами, что может стать целью последующих работ.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Лыскова В.Ю. Социальные сети: применение в образовании, формирование имиджа университета / В.Ю. Лыскова // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». – 2014. – № 2(24). – С. 211–213.
2. Рябова А.С. Лингвистические особенности англоязычного дискурса социальных сетей / А.С. Рябова // Огарев-online. – 2020. – №6. [Электронный ресурс]. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/lingvisticheskie-osobennosti-angloyazychnogo-diskursa-socialnyx-setej> (дата обращения: 14.02.2022).
3. Селютин А.А. Коммуникативная толерантность в виртуальном пространстве: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2008. – 21 с.
4. Карасик В.И. Жанры сетевого дискурса / В. И. Карасик // Жанры речи. – 2019. – №1 (21). – С. 49–55. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-setevogo-diskursa> (дата обращения: 27.03.2022).
5. Щурина Ю.В. Речевые жанры русскоязычного сегмента социальной сети Instagram / Ю.В. Щурина // Жанры речи. – 2020. – № 2(26). – С. 155–165.
6. Катермина В.В. Языковая личность в дискурсе социальных сетей / В.В. Катермина, Т.О. Илмаз-Леденева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2019. – № 3(103). – С. 64–70.
7. Лутовинова О.В. Виртуальный дискурс как одно из направлений в исследовании киберпространства / О.В. Лутовинова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. – 2009. – №1. – С. 26–32.
8. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: Монография. / А.В. Олянич. – Москва : Гнозис, 2007. – 407 с.
9. Nikitina G.A. Realization of the presentational function of the social network discourse (subject area – English language learning) / G.A. Nikitina, V.V. Ryzhova // Russian linguistic Bulletin. – 2021. – № 3(27). – P. 73–78. – DOI 10.18454/RULB.2021.27.3.16.
10. Казяба В.В. Вербальная самопрезентация немецкоязычных инфлюенсеров в Instagram / В.В. Казяба // Научный диалог. – 2019. – № 9. – С. 88–102.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Lyskova V.U. Socialniye seti: primeneniye v obrazovaniy, formirovaniye imidja universiteta [Social networks: using in education, developing the university image] / V.U. Lyskova // Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal «Gaudeamus» [Psychological and Pedagogical Journal « Gaudeamus»]. – 2014. – № 2(24). – P. 211–213. [in Russian]
2. Ryabova A.S. Lingvisticheskiye osobennosti angloyazychnogo diskursa socialnyh setey [Linguistic Peculiarities of the English-Language Discourse of Social Networks] / A.S. Ryabova // Ogariev-online. – 2020. – № 6. [Electronic resource]. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/lingvisticheskie-osobennosti-angloyazychnogo-diskursa-socialnyx-setej> (accessed: 14.02.2022). [in Russian]
3. Selutin A.A. Kommunikativnaya tolerantnost' v virtualnom prostranstve [Communicative Tolerance in Virtual Space]: abstract dis. ... of PHD in Philology. – Chelyabinsk, 2008. – 21 p. [in Russian]
4. Karasic V.I. Zhanry setevogo diskursa [Genres of the network discourse] / V.I. Karasic // Zhanry rechi [Speech Genres]. – 2019. – № 1 (21). – P. 49–55. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-setevogo-diskursa> (accessed: 27.03.2022). [in Russian]
5. Schurina U.V. Rechevyie zhanry russkoyazychnogo segmenta socialnoi seti Instagram [Speech genres of the Russian segment of the social network Instagram] / U.V. Schurina // Zhanry rechi [Speech Genres]. – 2020. – № 2(26). – P. 155–165. [in Russian]
6. Katermina V.V. Yazykovaya lichnost' v diskurse socialnyh setey [Language identity in the social networks discourse] / V.V. Katermina, T.O. Ilmaz-Ledeneva // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin]. – 2019. – № 3(103). – P. 64–70. [in Russian]
7. Lutovinova O.V. Virtualniy discourse kak odno iz napravleniy v issledovanii kiberprostrastva [Virtual discourse as one of the directions in studying cyberspace] / O.V. Lutovinova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Lingvistika [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics] – 2009. – № 1. – P. 26–32. [in Russian]
8. Olyanich A.V. Prezentatsionnaya teoria diskursa: Monografiya. [Presentational theory of the discourse: Monograph] / A.V. Olyanich. – Moscow : Gnozis, 2007. – 407 p. [in Russian]
9. Nikitina G.A. Realization of the presentational function of the social network discourse (subject area – English language learning) / G.A. Nikitina, V.V. Ryzhova // Russian linguistic Bulletin. – 2021. – № 3(27). – P. 73–78. – DOI 10.18454/RULB.2021.27.3.16.
10. Kaziaba V.V. Verbalnaya samoprezentatsia nemetskoyazychnykh influenserov v Instagram [Verbal self-representation of German influencers in Instagram] / V.V. Kaziaba // Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue]. – 2019. – № 9. – P. 88–102. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.079>

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРИФРАСТИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ «DO + ИНФИНИТИВ» КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ «ПРИВЫЧНОГО ВИДА» В ДИАЛЕКТАХ ЮГО-ЗАПАДНОЙ АНГЛИИ

Научная статья

Павленко А.Е.^{1,*}, Павленко Г.В.²

¹ ORCID: 0000-0002-2189-7166;

¹ Таганрогский институт имени А.П. Чехова, Таганрог, Россия;

² Таганрогский институт управления и экономики, Таганрог, Россия

* Корреспондирующий автор (alex_pavlenko[at]inbox.ru)

Аннотация

Статья представляет собой обзор работ, посвященных изучению так называемого «привычного вида» в диалектах юго-западной Англии, основным средством выражения которого является конструкция «do + инфинитив», используемая в утвердительных предложениях. Основным материалом послужили работы, посвященные диалекту графства Дорсетшир, для которого вышеупомянутое явление наиболее характерно. В качестве непосредственного предмета рассмотрения в таких исследованиях выступают презентные и претеритальные конструкции с хабитуальной (итеративной) семантикой, представляющие собой отличительную черту дорсетской и, шире, юго-западной английской грамматики. Изучение истории вопроса позволяет констатировать наличие давнего и значительного интереса к нему со стороны исследователей, а также позволяет судить о значимости перифрастических конструкций с глаголом *do* в утвердительных предложениях в диалектологических, исторических, типологических и общеграмматических исследованиях.

Ключевые слова: хабитуалис («привычный вид»), перифрастическая конструкция, диалекты юго-западной Англии, диалект графства Дорсетшир, конструкция «do + инфинитив», утвердительное предложение, сравнительно-историческое и типологическое языкознание.

FROM THE HISTORY OF THE STUDY OF THE PERIPHRASTIC CONSTRUCTION «DO + INFINITIVE» AS A MEANS OF EXPRESSION OF THE «HABITUAL FORM» IN THE DIALECTS OF THE SOUTH-WEST ENGLAND

Research article

Pavlenko A.E.^{1,*}, Pavlenko G.V.²

¹ ORCID: 0000-0002-2189-7166;

¹ Anton Chekhov Taganrog State Institute, Taganrog, Russia;

² Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia

* Corresponding author (alex_pavlenko[at]inbox.ru)

Abstract

The article is a review of the works dedicated to the study of the so-called «familiar kind» in the dialects of the south-west England, the main means of expression of which is the construction «do + infinitive» used in affirmative sentences. The main research material were the works on the dialect of Dorsetshire County, where such phenomenon is most common. The direct subjects of examination in such studies are presentational and preterit constructions with habitual (iterative) semantics, which are a distinctive feature of Dorset and, more generally, South-West English grammar. The study of the question's history makes it possible to establish the presence of a long-term and significant interest in it from researchers, and also allows judging the significance of periphrastic constructions with a verb *to do* in the affirmative sentences in dialectological, historical, typological and grammatical studies.

Keywords: Habitual aspect («familiar kind»), presentational construction, dialects of South-West England, dialect of Dorsetshire County, «do + infinitive» construction, affirmative sentences, comparative historical and typological language science.

Введение

Предлагаемая статья посвящена истории изучения так называемого «привычного вида» в диалектах юго-западной Англии, основным средством выражения которого является конструкция «do + инфинитив», используемая в утвердительных предложениях. Исследование выполнено на материале работ, посвященных диалекту графства Дорсетшир. Данная тема представляется авторам актуальной, поскольку конструкция «do + инфинитив» составляет важную часть инвентаря аналитических средств выражения в системе глагола германских языков. В этой связи диалектный материал может быть интересен в сравнительно-историческом и типологическом аспектах.

Источниками языкового материала послужили диалектные тексты из произведений различных жанров, относящиеся к дорсетской литературной традиции, а также тексты, отражающие речь информантов. Данные тексты были заимствованы из таких источников, как поэтические сборники, художественная проза, фольклорные издания, местная периодика и диалектологические работы различного характера.

Дорсетский диалект

Графство Дорсетшир расположено на юго-западе Англии, на территории, входившей в состав древнего Уэссекса. На западе и северо-западе оно граничит с Девонширом и Сомерсетширом, а на востоке и северо-востоке – с Гэмпширом и Уилтширом. Побережье омывается водами Ла-Манша [1, С. 294-7]. Как указывает М.Ф. Уэйклин, в городах юго-запада диалект или его следы лучше всего сохранились в среде рабочего и низшей прослойки среднего

классов, тогда как остальная часть населения предпочитает использовать в повседневной жизни литературный английский, иногда в той или иной степени отмеченный юго-западными чертами. Именно в сельской местности чаще всего можно услышать собственно диалект – *traditional vernacular*, особенно широко распространенный среди фермеров, сельскохозяйственных рабочих и рыбаков, однако следует отметить, что эта часть населения в некоторых районах Дорсета имеет смешанный характер из-за притока в этот плодородный регион переселенцев из других графств [2, С. 3].

В XX в. на побережье широкое развитие получила индустрия туризма; наиболее популярными курортами стали Уэймут (Дорсетшир) и Борнмут (Гэмпшир). В связи с беспрепятственным проникновением в эти районы литературного английского диалект в них на сегодняшний день практически полностью утрачен. Однако, в целом, пессимистические прогнозы Дж. Райта относительно судьбы английских диалектов [3, С. VII] осуществляются на юго-западе не так быстро, как это представлялось в начале века. Так, например, Б. Виден констатировал достаточную сохранность дорсетского диалекта в центральных сельских районах Дорсета к концу первой половины XX в. [4, С. 7].

Дорсетский диалект относят к восточной подгруппе юго-западных диалектов [5, С. 283], причем он имеет много общих особенностей с восточно-сомерсетским и, отчасти, с уилтширским (см. Рис.1). Как указывают Х. Курат и Г. Лоуман, Девоншир, Сомерсетшир и Дорсетшир составляют наиболее консервативную диалектную субзону запада Англии [6, С. 40-1].

История вопроса

Одной из основных грамматических особенностей дорсетского диалекта, отличающих его от соседних юго-восточных и мидлендских диалектов, является широкое распространение конструкции «*do* + инфинитив» в утвердительных предложениях [7, С. 9].

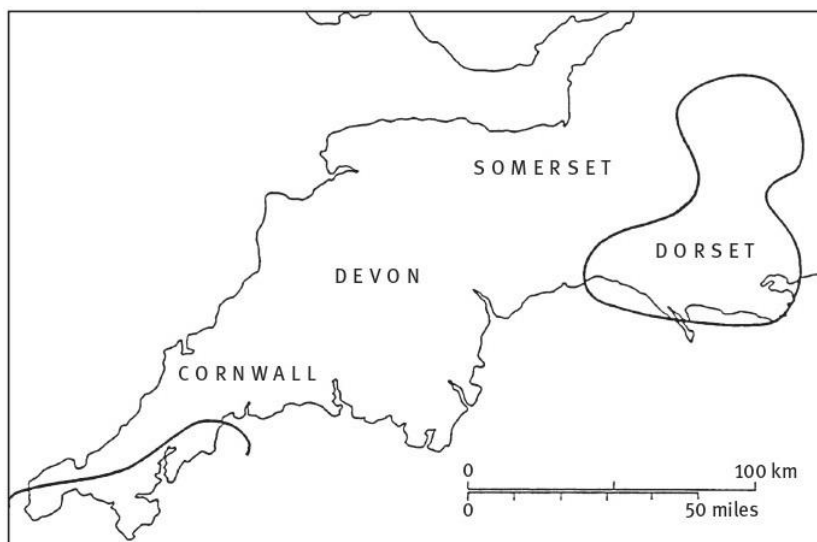

Рис. 1 – Области распространения перифрастического *do* на юго-западе Англии [2]

Бытование описательной (перифрастической) конструкции *do* + инфинитив в дорсетском диалекте еще недостаточно освещено в диалектологической литературе, однако сама эта проблема сравнительно хорошо изучена применительно к наддиалектному английскому языку. Данные исследований грамматики юго-западных диалектов привлекались при этом лишь для уяснения происхождения и распространения перифрастических конструкций в литературной норме [8, С. 47, 55, 90]. Такая черта грамматики дорсетского и некоторых других юго-западных диалектов, например, как употребление вспомогательного глагола *do* с инфинитивом смыслового глагола в утвердительных предложениях без какого-либо эмпатического значения упоминается рядом авторов от У. Барнса до Д.Ф. Уэйклина, однако ей не было посвящено ни одной специальной работы, за исключением публикаций О. Ихалайна, в которых рассматривается восточно-сомерсетский материал [9, С. 608-22].

Первое краткое описание этой особенности непосредственно в дорсетском диалекте содержится в лингвистической работе У. Барнса «A Grammar and Glossary of the Dorset Dialect» [10] (второе издание [11] вышло под заголовком «A Glossary of the Dorset Dialect with Grammar of its Word Shapening and Wording»). В ней автор освещает особенности фонетики, грамматики и лексики дорсетского диалекта в духе традиционных описаний.

Дорсетский, описываемый У. Барнсом – это, по его собственному признанию, диалект, распространенный в окрестностях селения Стурминстер Ньютон (центральный Дорсет) в начале XIX в. Кстати, именно У. Барнс был дорсетским «информантом» А. Элліса в работе «On Early English Pronunciation» [12]. В целом, работа Барнса не является в полном смысле научным описанием, т.к. автор был филологом-любителем, однако в плане изучения грамматического строя дорсетского диалекта его материал представляет огромный интерес. Действительно, являясь носителем местного диалекта и одновременно знатоком других английских диалектов и многих иностранных языков, Барнс делал чрезвычайно важные выводы и обобщения. И, хотя ему, как патриоту Дорсета и энтузиасту диалекта, была присуща несколько преувеличенная трактовка диалектных особенностей, иногда возводившая диалект в ранг самостоятельного языка, отличного от английского, его дорсетская грамматика может быть признана надежным источником.

Перечисляя основные черты языка юго-запада Англии, У. Барнс указывает, в частности, на «...полное использование *do* в формах настоящего времени глагола и *did* в «привычных» или имперфектных видовременных формах...» [13, С. 9]. Далее Барнс приводит всю систему форм дорсетского глагола. Он не довольствуется существовавшей в его время в нормативной английской грамматике номенклатурой видовременных форм и вводит дополнительные термины. В качестве иллюстрации он приводит парадигму глагола *to meäke* (*make*):

<u>Present Habitual</u>	<i>They do meäke</i>	<i>I've a-meäde</i> и т.п.
<i>I do meäke</i>	<u>Present Actual</u>	<u>Past Perfect</u>
<i>We do meäke</i>	<i>I'm a-meäkèn</i> и т.п.	<i>I'd a-meäde</i> и т.п.
<i>Thou dost meäke</i>	<u>Aorist</u>	<u>Imperfect</u> или <u>Habitual</u>
<i>You do meäke</i>	<i>I meäde</i> и т.п.	<i>I did meäke</i> и т.п.
<i>He do meäke</i>	<u>Present Perfect</u>	<u>Imperfect Actual</u>
<i>I wer a-meäkèn</i> и т.п.		

Кроме того, согласно У. Барнсу, дорсетскому глаголу присущи и все остальные английские видовременные формы, такие как: *Perfect Actual (Continuous): Past u Present; Future: Simple, Actual (Continuous), Perfect*, а также все соответствующие формы страдательного залога, изъявительного и сослагательного наклонений [14, С. 22–4]. Как видно, в этом описании дорсетской грамматической системы вовсе отсутствуют синтетические формы настоящего времени, соответствующие *Present Indefinite* литературного английского. Что касается прошедшего времени, то *Past Indefinite* литературной нормы в дорсетском соответствуют синтетическая форма «аориста» и аналитическая – «имперфекта», согласно терминологии автора. Следует отметить, что у глаголов *to be* и *to have* эти формы отсутствуют [ср. с соответствующими формами ирландского английского; [15, С. 114]. У. Барнс пишет, что в дорсетском диалекте неэмфатический вспомогательный глагол *do* фонетически реализуется подобно предлогу *de* во французском языке [16, С. 22]. По поводу так называемых «аориста» и «имперфекта» и разграничения сферы их употребления Барнс сообщает, что «...эта форма (аорист, прим. авт.) также присуща дорсетскому, как и имперфект (форма, выражающая повторяющееся или продолженное действие), подобно греческому, латинскому, русскому, персидскому и французскому имперфекту или итеративу, противопоставленному аористу... или претериту» [17, С. 23]. Разъясняя семантическое наполнение дорсетского имперфекта и аориста, Барнс приводит следующий пример их употребления: *They did break the ice at night, and did vind it avroze nex' tornén*, т.е. «они разбивали и находили...» несколько раз. Если бы «они разбила и нашли...» только один раз, было бы сказано: *They broke the ice at night an' vound it avroze...* [18, С. 23].

Автор очень кратко останавливается на проблеме происхождения перифрастических конструкций в дорсетском и предполагает, что они могли быть заимствованы у бриттов, что косвенно подтверждается фактом существования сходных употреблений в корнском языке, например: *Mu a wra care = I do love*. Наследование дорсетским диалектом этой черты непосредственно из древнеанглийского, фризского или старофранцузского он считал маловероятным. При этом Барнс подчеркивает, что ему известно об аналогичном употреблении глагола *tun* «делать» в немецком языке, в частности, в его саксонских диалектах. Автор рассматривает конструкции с *do* в качестве одной из основных особенностей юго-западного английского в целом, замечая при этом, однако, что они отсутствуют в диалекте Девоншира, но вновь появляются в Корнуолле.

Любопытно свидетельство У. Барнса и об «абсолютном» употреблении инфинитива. Так, он пишет, что глагол принимает окончание (-y) (согласно спорному мнению Барнса, рефлекс среднеанглийского *-en*) только при самостоятельном употреблении и никогда с прямым дополнением, например: *How the dog do jumpy; He do markety* и т.п. [19, С. 25]. Эта форма зачастую употребляется в сочетании с перифрастическим *do* и кроме дорсетского встречается также еще в сомерсетском и некоторых других юго-западных диалектах. На сомерсетском материале эту особенность подробно рассматривает в своей статье О. Ихалайнен [20].

У. Барнс не употребляет термин «перифрастический» применительно к глаголу *do*, сочетающемуся с инфинитивом смыслового глагола. Он рассматривает его как маркер видовременной формы [21, С. 22–3], последовательно отделяя его от эмфатического употребления. Как уже отмечалось, его описание парадигмы спряжения глагола в дорсетском диалекте выполнено в духе традиционной грамматики. По замыслу автора, стоявшего на позициях языкового пуризма, главное предназначение данного описания – дать правильные образцы для подражания всем жителям Дорсета, говорящим на местном диалекте, который, при этом испытывает все возрастающее давление со стороны наддиалектного английского. Необходимо отметить, что сам У. Барнс последовательно употреблял конструкции с *do* в своих литературных произведениях, таких как *The Poems of Rural Life; The Song of Solomon* и др., написанных на дорсетском диалекте, что обуславливает их большое значение как источников.

Следует также упомянуть исследования Ф.Т. Элурти, современника У. Барнса, посвященные диалекту западного Сомерсета. Этот автор сообщает, что «...формы настоящего времени, как правило, образуются (в зап. сом. диалекте; прим. авт.) с помощью вспомогательного *do*, употребляющегося с глаголом действия... Если мы хотим показать, что «он идет», а не «едет», употребляется форма *wau'kus*, а если ходит вообще *du wau'kee* [22, С. 21]. Элурти подчеркивает, что перифрастические конструкции употребляются в неэмфатическом значении, однако не показывает дистрибуции форм настоящего и прошедшего времени. Он также указывает, что «...в диалекте употребление перифрастической формы с *do* настолько является правилом, что «...грамматические категории выражаются исключительно с помощью этого вспомогательного глагола...» [23, С. 191]. Он приводит парадигматические глагольные формы, различающиеся в зависимости от переходности/непереходности конкретного употребления глагола (например: *I do digee* или *I digus*), а также формы «привычного» (*Habitual*) и «действительного» (*Actual*) видов (например: *I do dig / I dig* или *I be diggin the ground*) [24, С. 192]. Автор приводит также парадигматическое

распределение конструкции *used to + инфинитив*, синонимичной конструкции *did + инфинитив* и употребляющейся в западно-сомерсетском в прошедшем времени вместо нее.

В классическом труде А. Эллиса «On Early English Pronunciation» (1889) Дорсету уделено значительное внимание. Эллис относит дорсетский диалект к четвертой подгруппе средне-юго-западных диалектов (район 4 / D 4/). Он дает общую характеристику всего района (D 4), в который включает весь Уилтшпир, Дорсетшир, северный и восточный Сомерсетшир, большую часть Глостершира, крайний юго-восток Девоншира и небольшие районы западного Беркшира и западного Гемпшира [25, С. 37]. В силу того, что эта работа посвящена фонологическому описанию английских диалектов, мы не можем почерпнуть из нее подробных сведений о конструкции *do + инфинитив* в дорсетском, однако у Эллиса имеется упоминание о том, что одной из грамматических особенностей диалектов юго-запада является, в частности, использование перифрастической формы *I do go* вместо простой – *I go* [26, С. 41].

Дж. Райт придерживается классификации А. Эллиса, с той лишь разницей, что при описании грамматических особенностей он рассматривает этот регион в обобщенном виде как «юго-западный». В своей книге "The English Dialect Grammar" он подчеркивает, что в юго-западных диалектах «...перифрастическая форма *I do love* и т.п. широко употребляется вместо простой формы *I love* и т.п.» [27, С. 10, 297].

Примеры использования перифрастических конструкций с глаголом *do* в современном дорсетском диалекте зафиксированы в «Обзрении английских диалектов» (The Survey of English Dialects – SED). Составителями этого тома SED являются Г. Ортон и Ф. Уэйклин (известный специалист по юго-западным диалектам Англии). Дорсетским информантам предлагались речевые ситуации, предполагавшие возможность употребления как простых глагольных форм, так и перифрастических конструкций, например:

Your wife, when for the first time she wears a nice new hat that goes well, likes to hear you say: My word! It ... (предполагается, что ответ должен содержать эквивалент предложения *Suits you*). Были получены, в частности, следующие ответы: 1) *look well*; 2) *thee's [= thee dost] look well; Suit thee very well*; 3) *do look proper smart*; 4) *do look all right...* [28, С. 762-763].

М.Ф. Уэйклин еще раз подчеркивает в своей книге «English Dialects: an introduction» [29, С. 77], что использование *do* как безударного вспомогательного глагола при инфинитиве (*I do know, they do steal* и т.п.) представляет собой хорошо известную западную особенность. Он указывает на любопытный характер ее распространения – одна зона располагается вдоль реки Северн и включает в себя местности в графствах Монмутшир и Гламорганшир (Уэльс), вторая, очень небольшая, находится в западном Корнуолле и третья, самая обширная, включает части Уилтшира, Дорсетшира и Сомерсетшира. Уэйклин указывает, что эти три района, не имеющие общих границ, являются, вероятно, частями одной большой западной зоны распространения этого явления [30, С. 120-1]. Присутствие перифрастических конструкций с глаголом *do* в диалекте юго-восточного Уэльса подтверждает Д.Р. Пэрри, который сообщает, что в некоторых местностях Монмутшира, Гламорганшира и Брекнокшира используется форма презенса, выражающая привычное действие и образующаяся по схеме «местоимение + вспомогательный безударный *do + инфинитив*», например: *she do wear trousers; they do keep hens; they do go to chapel on Sundays* [31, С. 152].

В статье «Rural Dialects in England», опубликованной в 1984 г., М.Ф. Уэйклин приводит карту распространения перифрастических конструкций с вспомогательным глаголом *do*, на которой обозначены две зоны на территории юго-запада Англии: одна охватывает большую часть Дорсета и пограничные районы восточного Сомерсета и западного Уилтшира, а вторая, меньших размеров, располагается в юго-западном Корнуолле. Уэйклин отмечает, что перифрастические конструкции реализуются с редукцией формы безударного вспомогательного глагола *do*, например: *I d' know; they d' come* и т.п. [32, С. 82–3].

В 1986 г. в рамках серии «Varieties of English around the World» вышел пятый том «The South West of England», составителем которого также являлся М.Ф. Уэйклин. В книге дается краткое историко-географическое описание юго-западного региона, а также приводятся основные фонетические, морфологические, синтаксические и лексические особенности его диалектов. В частности, в разделе, посвященном синтаксису, вновь указывается на распространенность перифрастических конструкций с глаголом *do* в трех названных выше районах юго-западной Англии и юго-восточного Уэльса (например: *I d' know; they d' go* и т.п.) [33, С. 36-8]. Эта работа особенно интересна тем, что в ней содержится антология текстов, написанных на диалектах всех юго-западных графств. Используемые тексты включают стихи и прозу, написанные начиная с XVI в. до наших дней, а также записи живой речи информантов. Тексты даются по графствам и сопровождаются краткими сведениями о сегодняшнем состоянии того или иного диалекта, о местной литературной традиции (при ее наличии), а также об имеющихся диалектологических работах. В частности, Уэйклин сообщает, что в Дорсете диалектная литература отнюдь не процветала до У. Барнса [34, С. 43], хотя у последнего и был предшественник – писатель и издатель Уильям Голлоуэй (1761-1854), первым начавший писать на дорсетском диалекте. Подчеркивается также, что магнитные записи речи информантов (приводятся два отрывка записей 1951 и 56 гг.) свидетельствуют о том, что многие традиционные черты дорсетского диалекта сохранялись и до середины XX в. [35, С. 45]. Выделяя перифрастические конструкции с *do* как одну из таких черт, Уэйклин приводит данные об их употреблении по каждому тексту. Количественное и качественное сопоставление примеров, взятых из произведений У. Барнса, Т. Гарди и более поздних авторов, писавших в значительной степени в подражание своим предшественникам, с одной стороны, и примеров, содержащихся в речи информантов, с другой, позволяет составить картину преемственности употребления перифрастических конструкций.

Большой вклад в дело исследования конструкции «*do + инфинитив*» как юго-западной диалектной особенности, принадлежит О. Ихалайнену, автору ряда работ по грамматике диалекта восточного Сомерсета [36; 37; 38 и др.]. Языковая и географическая близость восточного Сомерсета и Дорсета делает восточно-сомерсетский материал особенно важным при рассмотрении нашей проблемы. Так, в статье 1976 г. этот автор анализирует распределение простых и перифрастических форм в речи 8 информантов из восточного Сомерсета. Он рассматривает перифрастические конструкции с глаголом *do* как одно из средств выражения значения «привычности» наряду с такими конструкциями как «*would + инфинитив*» и «*used to + инфинитив*» [39, С. 622].

Сюзан Вагнер рассматривает функционирование перифрастического *do* в юго-западных диалектах английского языка (наряду с ирландским английским), анализируя возможные причины отсутствия данной особенности в переселенческих говорах Ньюфаундленда. Она предполагает, что отсутствие перифрастического *do* в данных консервативных говорах, в формировании которых участвовали и многочисленные переселенцы из юго-западной Англии, объясняется смешанным характером диалекта Ньюфаундленда [40].

Работа Фионы де Бот посвящена исследованию параллельного функционирования перифрастических конструкций с *do* и синтетических глагольных форм на юго-западе Англии на материале корпуса Freiburg Corpus of English Dialects (FRED). По ее мнению, подтверждается тот факт, что данные конструкции имеют хабитуальную грамматическую семантику, однако в настоящий момент они уже не являются продуктивными средствами ее выражения [41].

В отечественной англистике рассматриваемое явление еще не получало сколько-нибудь последовательного освещения, ни в плане его бытования в диалектах юго-западной Англии в целом, ни применительно к дорсетскому диалекту в частности.

Заключение

Обзор основных работ, посвященных рассматриваемой проблеме, позволяет констатировать наличие давнего и значительного интереса к ней со стороны исследователей, а также позволяет судить о значимости перифрастических конструкций с глаголом *do* в утвердительных предложениях в диалектологических, исторических, типологических и общеграмматических исследованиях. В качестве непосредственного предмета таких исследований выступают презентные и претеритальные конструкции с хабитуальной (итеративной) семантикой, представляющие собой отличительную черту дорсетской и, шире, юго-западной английской грамматики. Наряду с ними встречаются также и примеры, семантически не отличающиеся от нормативных английских употреблений: эмфатических с ударным *do* и неэмфатических, с *do* безударным.

В целом, общий уровень проработки данного вопроса и в зарубежной и, тем более, в отечественной англистике требует проведения дальнейших исследований. Так, например, представляется необходимым на основе парадигматического описания и анализа частотности употреблений конструкции «*do* + инфинитив» составить достаточно полную картину этого явления в дорсетском диалекте и увязать его с общими тенденциями развития аналитизма в современном английском языке и в его юго-западных диалектах.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Fischer A. Dialects in the south-west of England. A lexical investigation. The Cooper Monographs / A. Fisher // English Dialect Series. – Bern : Francke Verlag, 1976. – № 25. – 376 p.
2. Wakelin M.F. The south west of England (Varieties of English around the World. Vol. 5.) / M.F. Wakelin. – Amsterdam – Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1986. – Vol. XII. – 231 p.
3. Wright J. The English Dialect Grammar, comprising the dialects of England, of the Shetland and Orkney islands, and of those parts of Scotland, Ireland & Wales where English is habitually spoken / J. Wright. – Oxford : Oxford University Press, 1905.
4. Widén B. Studies on the Dorset dialect. Lund Studies in English / B. Widen. – Lund : C.W.K. Gleerup, 1949. – Vol. XVI. – 149 p.
5. Kurath H. The dialectal structure of southern England: Phonological evidence / H. Kurath, G.S. Lowman // Publication of the American Dialect Society. – 1970. – № 54. – Pp. 34, 40-1.
6. Barnes W.A grammar and glossary of the Dorset dialect with the history, out spreading, and bearings of south-western English / W.Barnes. – Berlin : A. Asher, 1863.
7. Ellegård A. The auxiliary *do*. The establishment and regulation of its use in English. Gothenburg Studies in English II / A. Ellegard. – Stockholm : Almqvist och Wiksell, 1953. – Pp. 46–208.
8. Ihalainen O. Periphrastic DO in affirmative sentences in the dialect of east Somerset / O. Ihalainen // Neuphilologische Mitteilungen. – 1976. – № 77 (4). – Pp. 608–22.
9. Barnes W. A glossary of the Dorset dialect with a grammar of its word shapening and wording / W. Barnes. – Dorchester – London : M & E Case, 1886.
10. Ellis A. On early English pronunciation with especial reference to Shakespeare and Chaucer. Part V. The existing phonology of English dialects compared with that of West Saxon speech / A. Ellis. – London : Asher & Co.; Trübner & Co, 1889
11. Wagner H. Das Verbum in den Sprachen der Britischen Inseln: ein Beitrag zur geographischen Typologie des Verbuns, Buchreihe der Zeitschrift für celtische Philologie 1 / H. Wagner. – Tübingen : Niemeyer, 1959.
12. Ihalainen O. On grammatical diffusion in Somerset folk speech. Dialects of English (Studies in grammatical variation) / O. Ihalainen. – London – New-York: Routledge, 1991. – Pp.105-18.
13. Barnes W. A grammar and glossary of the Dorset dialect with the history, out spreading, and bearings of south-western English / W. Barnes. – Berlin : A. Asher, 1863
14. Elworthy F.T. The dialect of west Somerset / F.T. Elworthy // The English Dialect Society. Series D. Miscellaneous. – London : Trübner & Co, 1875.
15. Elworthy F.T. The grammar of the dialect of west Somerset / F.T. Elworthy // Transactions of the Philological Society. – Vol. 17. – Iss. 1. – London : Trübner & Co., 1879. – Pp. 143–257.
16. Orton H. Survey of English Dialects. Vol. 4. The southern counties. Parts 1, 2, 3 / H. Orton, M.F. Wakelin. – Leeds : The University of Leeds; E.J. Arnold & Son Ltd., 1967.

17. Wakelin M.F. English dialects: an introduction / M.F. Wakelin. – London : Athlone Press, 1972.
18. Parry D.R. Anglo-Welsh dialects in south-east Wales. Patterns in the folk speech of the British Isles / D.R. Parry. – London : Athlone Press, 1972. – Pp. 140–161.
19. Wakelin M.F. Rural dialects in England. Language in the British Isles / M.F. Wakelin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – Vol. XII. – Pp. 70–93.
20. Wakelin M.F. The south west of England (Varieties of English around the World. Vol. 5.) / M.F. Wakelin. – Amsterdam – Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1986. – Vol. XII. – 231 p.
21. Ihalainen O. A note on Eliciting data in dialectology: The case of periphrastic Do / O. Ihalainen // Neuphilologische Mitteilungen. – 1981. – № 82 (3). – Pp. 25–7.
22. Wagner S. Unstressed periphrastic DO – From Southwest England to Newfoundland? / S. Wagner // English World-Wide. – 2007. – № 28 (3). – Pp. 249–278.
23. Both F. Nonstandard periphrastic DO and verbal -s in the south west of England / F. Both // Journal of Historical Sociolinguistics. – 2019. – № 5 (1).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Fischer A. Dialects in the south-west of England. A lexical investigation. The Cooper Monographs / A. Fisher // English Dialect Series. – Bern : Francke Verlag, 1976. – № 25. – 376 p.
2. Wakelin M.F. The south west of England (Varieties of English around the World. Vol. 5.) / M.F. Wakelin. – Amsterdam – Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1986. – Vol. XII. – 231 p.
3. Wright J. The English Dialect Grammar, comprising the dialects of England, of the Shetland and Orkney islands, and of those parts of Scotland, Ireland & Wales where English is habitually spoken / J. Wright. – Oxford : Oxford University Press, 1905.
4. Widén B. Studies on the Dorset dialect. Lund Studies in English / B. Widen. – Lund : C.W.K. Gleerup, 1949. – Vol. XVI. – 149 p.
5. Kurath H. The dialectal structure of southern England: Phonological evidence / H. Kurath, G.S. Lowman // Publication of the American Dialect Society. – 1970. – № 54. – Pp. 34, 40-1.
6. Barnes W. A grammar and glossary of the Dorset dialect with the history, out spreading, and bearings of south-western English / W. Barnes. – Berlin : A. Asher, 1863.
7. Ellegård A. The auxiliary do. The establishment and regulation of its use in English. Gothenburg Studies in English II / A. Ellegård. – Stockholm : Almqvist och Wiksell, 1953. – Pp. 46–208.
8. Ihalainen O. Periphrastic DO in affirmative sentences in the dialect of east Somerset / O. Ihalainen // Neuphilologische Mitteilungen. – 1976. – № 77 (4). – Pp. 608–22.
9. Barnes W. A glossary of the Dorset dialect with a grammar of its word shapening and wording / W. Barnes. – Dorchester – London : M & E Case, 1886.
10. Ellis A. On early English pronunciation with especial reference to Shakespeare and Chaucer. Part V. The existing phonology of English dialects compared with that of West Saxon speech / A. Ellis. – London : Asher & Co.; Trübner & Co, 1889
11. Wagner H. The Verbum in the languages of the British Isles: a contribution to the geographical typology of the verbum, book series of the journal fur celtische Philologie 1 [Das Verbum in den Sprachen der Britischen Inseln: ein Beitrag zur geographischen Typologie des Verbums, Buchreihe der Zeitschrift fur celtische Philologie 1] / H. Wagner. – Tübingen : Niemeyer, 1959. [in German]
12. Ihalainen O. On grammatical diffusion in Somerset folk speech. Dialects of English (Studies in grammatical variation) / O. Ihalainen. – London – New-York: Routledge, 1991. – Pp.105-18.
13. Barnes W. A grammar and glossary of the Dorset dialect with the history, out spreading, and bearings of south-western English / W. Barnes. – Berlin : A. Asher, 1863
14. Elworthy F.T. The dialect of west Somerset / F.T. Elworthy // The English Dialect Society. Series D. Miscellaneous. – London : Trübner & Co, 1875.
15. Elworthy F.T. The grammar of the dialect of west Somerset / F.T. Elworthy // Transactions of the Philological Society. – Vol. 17. – Iss. 1. – London : Trübner & Co., 1879. – Pp. 143–257.
16. Orton H. Survey of English Dialects. Vol. 4. The southern counties. Parts 1, 2, 3 / H. Orton, M.F. Wakelin. – Leeds : The University of Leeds; E.J. Arnold & Son Ltd., 1967.
17. Wakelin M.F. English dialects: an introduction / M.F. Wakelin. – London : Athlone Press, 1972.
18. Parry D.R. Anglo-Welsh dialects in south-east Wales. Patterns in the folk speech of the British Isles / D.R. Parry. – London : Athlone Press, 1972. – Pp. 140–161.
19. Wakelin M.F. Rural dialects in England. Language in the British Isles / M.F. Wakelin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – Vol. XII. – Pp. 70–93.
20. Wakelin M.F. The south west of England (Varieties of English around the World. Vol. 5.) / M.F. Wakelin. – Amsterdam – Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1986. – Vol. XII. – 231 p.
21. Ihalainen O. A note on Eliciting data in dialectology: The case of periphrastic Do / O. Ihalainen // Neuphilologische Mitteilungen. – 1981. – № 82 (3). – Pp. 25–7.
22. Wagner S. Unstressed periphrastic DO – From Southwest England to Newfoundland? / S. Wagner // English World-Wide. – 2007. – № 28 (3). – Pp. 249–278.
23. Both F. Nonstandard periphrastic DO and verbal -s in the south west of England / F. Both // Journal of Historical Sociolinguistics. – 2019. – № 5 (1).

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.080>

ЯКУТСКАЯ ПОЛЕВАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА: ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ А.А. САВВИНА

Научная статья

Павлова О.К.^{1, *}, Никонова С.Р.²

¹ ORCID: 0000-0001-6832-3429;

^{1, 2} Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия

* Корреспондирующий автор (olga-ksento[at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье рассмотрена якутская полевая фольклористика в советский период. Цель статьи – изучить фольклорные материалы, собранные А.А. Саввиным в ходе экспедиций. Планомерный и последовательный сбор материалов фольклора, включая тексты олонхо, был начат в республике силами созданного Института языка и культуры при СНК ЯАССР. В 1939–1941 гг. в институте была организована фольклорно-диалектологическая экспедиция, в ходе которой его сотрудники С.И. Боло и А.А. Саввин собирали материалы в районах Якутии. Энтузиастом-собирателем фольклорных и этнографических материалов был Андрей Андреевич Саввин. Архивные материалы его исследовательских работ можно разделить на три большие группы как: центральные улусы, Вилюйская группа улусов и северные улусы. Рукописное наследие А.А. Саввина представляет большой интерес для лиц, изучающих устное творчество, старый быт и культуру якутов.

Ключевые слова: фольклористика, полевая фольклористика, экспедиционная работа, этнография, фольклорные материалы.

YAKUT FIELD FOLKLORE STUDIES: EXPEDITIONARY MATERIALS OF A.A. SAVVIN

Research article

Pavlov O.K.^{1, *}, Nikonov S.R.²

¹ ORCID: 0000-0001-6832-3429;

^{1, 2} Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

* Corresponding author (olga-ksento[at]mail.ru)

Abstract

This article examines Yakut field folkloristics of the Soviet period. The purpose of the article – to study folklore materials gathered by A.A. Savvin. Systematic and consistent gathering of folklore materials, including Olonkho texts, was started in the republic by the Institute of Language and Culture in Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. In 1939–1941 the Institute organized folklore-dialectological expedition in which its employees S.I. Bolo and A.A. Savvin gathered materials in the regions of Yakutia. Andrey Andreevich Savvin was an enthusiastic collector of folklore and ethnographic materials. The archival records of his research work can be divided into three large groups: the central nomad camp, the Vilyuy nomad camp group, and the northern camps. Handwritten legacy of A.A. Savvin is of great interest for people studying oral art, old routine and Yakut culture.

Keywords: folkloristics, field folkloristics, expedition works, ethnography, folklore materials.

Введение

Советский период был наиболее плодотворным для становления якутской фольклористики как отдельной отрасли науки и пополнения информационной базы. Планомерный и последовательный сбор материалов фольклора, включая тексты олонхо, был начат в республике силами созданного Института языка и культуры при СНК ЯАССР. По инициативе П.А. Ойунского осенью 1935 году был организован Научно-исследовательский институт языка и культуры при Совете Народных Комиссаров Якутской АССР. В числе своих первоочередных задач институт поставил собирание материалов по всем жанрам и видам якутского фольклора, пропаганду среди населения задач собирания и изучения устного творчества [8]. В 1939–1941 гг. в институте была организована фольклорно-диалектологическая экспедиция, в ходе которой его сотрудники С.И. Боло и А.А. Саввин собирали материалы в районах Якутии. Энтузиастом-собирателем фольклорных и этнографических материалов был Андрей Андреевич Саввин (1896–1951). В данной статье нами поставлена цель изучить фольклорные материалы, собранные А.А. Саввиным в ходе экспедиций.

Этнограф и фольклорист

Андрей Андреевич Саввин этнограф и фольклорист, человек, посвятивший всю свою жизнь науке. Его архив представляет собой уникальное собрание традиционной культуры народа саха, где хранятся образцы якутского языка и фольклора, религиозно-обрядовой культуры, традиционной одежды, народного календаря, народной медицины, ремесленных технологий, записи полных описаний биографий известных олонхосутов, шаманов, народных певцов. Работая еще педагогом в школе, он начал серьезно интересоваться наукой, выписывать теоретическую литературу по этнографии, фольклору, усиленно заниматься по ней. «Фольклор полезен во многих отношениях, он помогает нам понять характер жизни людей не только настоящего, но и прошлого. Поэтому, в исследовании реалий прошлого он имеет большое значение» – отмечал Андрей Андреевич [7, С.9].

У родственников А.А. Саввина сохранились рукописи фольклориста. Они включали записи различных лет по устному народному творчеству: предания о легендарных прародителях народа Омогое и Элэе, о богачах Беторусского улуса, песни таттинских и вилюйских якутов, много записей старинных обрядов, обычаев, связанных с верованием, народных примет, запретов, материалов по народной медицине и ветеринарии, материалов по шаманству

и другим видам верований. Изданным трудом А.А. Саввина является «Пища якутов до развития земледелия: (опыт историко-этнографической монографии)» [5]. Рукописное наследство А.А. Саввина представляет большой интерес для лиц, изучающих устное творчество, старый быт и культуру якутов.

Экспедиционная работа Саввина А.А.

С 1928 года он начинает работу по сбору фольклорных-этнографических материалов. Архивные материалы его исследовательских работ можно разделить на три большие группы как: центральные улусы, Вилюйская группа улусов и северные улусы.

Он провел экспедиции в Мегино-Кангаласском, Таттинском, Амгинском и конечно, как мы знаем, в своем родном Чурапчинском улусах. Его труды в основном этнографического характера. Разделены на 4 темы: этнография, религия, история, язык. Всего существует 60 дел. К ним можно добавить еще Хангаласский улус. И так, в 1937 году он был принят на работу инструктором в общество по изучению Якутии. В самом начале своей деятельности он изучал наскальные рисунки и письма на Ленских столбах. Об этом отмечает Гаврил Андросов в своей книге «Хангалас хайысхата». В преддверии Ленской историко-археологической экспедиции он собрал предания и былины о Мархинских наскальных рисунках и сделал карту по рекам Синяя и Лена [2, С.9].

Приказом под номером 50 от 27 ноября 1937 года был назначен младшим научным сотрудником института исследований языка и культуры. Тогдашний директор института П.А.Ойунский последним своим приказом отправляет Андрея Андреевича в Вилюйскую экспедицию с Дмитрием Ивановичем Дьячковским – Сэһэн Боло. Об этом факте отмечает Илларионов В.В., доктор филологических наук, профессор: «Неслучайным было создание Ойунским Вилюйской экспедиции. В то время Вилюйские певцы, сказители и тойуксуты имели широкую известность, но исследовательских работ по записи и последующем увековечивании их творчества почти не было. Важная задача по данному направлению была возложена на Сэһэн Боло и Андрея Саввина. Они оба имели множество готовых трудов, полученных ими в ходе кропотливых исследовательских работ в заречных улусах, и имели навыки сбора и обработки фольклорных материалов» [4, С.4].

Смотря по маршрутному листу, он не смог посетить I Ситтинский, I Лючюнский наслега Кобяйского района. Недолго пробыл в Верхневилуйском и Нюрбинском улусах. Из его записей следует, что он дал советы по сбору и обработке фольклорных материалов и последовал в Сунтарский район. Здесь только у Сергея Зверева – Кыыл Уола он пробыл 13 дней. Тем самым он имеет огромную заслугу в открытии таланта Зверева миру науки, культуры и искусства.

Литературовед Г.К. Боескоров автор первых работ о жизни и творчестве С. Зверева: «Запись фольклориста подтолкнула певца на творческую работу и укрепила в нем уверенность в своих силах и способностях» [3, С.10] отмечая, что Андрей Андреевич ставил перед собой задачи и по популяризации талантливых людей народа.

Затем через Нюрбу и Верхневилуйск вернулся в город Вилюй. Судя по отчетам А.А.Саввина, он проехал: на лошадях-2178, пароходе-1000, катере-240, машине-90 км., всего-3573 км., по 88 местностям. Результаты экспедиции превзошли все ожидания и вышли далеко за пределы описательной работы был собран уникальный материал: 92 сказки, 57 песен-тойуков, 60 народных сказаний и былин, 1501 загадок, 33 старинных скороговорки, 26 текстов камланий шаманов, 4 олонхо.

В Северной экспедиции в 1939-40 гг. он пробыл всего 9 месяцев. Был в 3 северных улусах: Аллаиховском, Абыйском и Верхоянском. Собранные в этой экспедиции материалы не были разобраны по темам. Большое внимание он уделял особенностям этнографии, фольклора, религии и языка коренных народов. В них явно прослеживается особенность северных якутов. В 1940 г. А. А. Саввина, сотрудник института языка и культуры, был направлен в Абыйский улус. Фольклорист в течение трех месяцев встречался с жителями улуса. По результатам экспедиции был записан полный текст олонхо «Эрис халлаан уола Эр Соҕотох» от слов сказителя Г.Ф. Никулина – Хабытта. В военные годы собиравшим абыйского фольклора занялся Г.М. Васильев. В 1942-1945 гг. работая учителем он записал полный текст олонхо «Алып Хара икки Ала Туйгун икки» и сюжеты олонхо «Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соҕотох» [1]. Сказительница верхоянской локальной традиции – Томской Д.А является знаменитым, современным олонхосутом. Дарье Андреевне было 27 лет, когда фольклорист А.А. Саввин, член Северной фольклорно-диалектологической экспедиции Института языка и культуры, в 1940 г. включил её в список олонхосутов Верхоянского района [6].

По нашим подсчетам из маршрутного листа, здесь он проехал на лошадях- 940, оленях-725, лодке-139, машине-194, с каюрами-57, пешком-1110, всего 3165 км., по 72 местностям. Маршрутный лист показывает какой трудный путь он прошел: «Начиная с Туостаах Алыы Күөл поехали 400 км на оленях. Станции «Хатырык», «Күөрэлкээн», «Өлөссүбүт», «Криес» и «Суордаах» оборудованы из палаток. На протяжении 90 км по р.Догдо встречаются наледи».

В архиве ГЧИ находятся его довольно обширные работы, например, «Верования, фольклор» – 340 стр., «Погребальные обычаи якутов» – 270 стр., «Народная медицина» – 267 стр., «Семья и род (термины родства и отношения свойства) с картотеками» – 282 стр., «Материалы и истории якутов» – 254 стр., «История якутов» – 353 стр., «Материалы по языку: Лексикологические и диалектологические записи и заметки» – 200 стр., 14 трудов по 100 страниц. В общем, около десяти тысяч рукописных текстов.

Заключение

По итогам изучения фольклорных материалов А.А.Саввина можно отметить:

1. А.А. Саввин всегда делал примечания к экспедиционным записям. Имя, возраст, исполнителя, дату, посткриптом и обязательно в конце ставил подпись. Иногда в конце текста писал пояснение от кого исполнитель услышал материал. Например, «точная запись со слов рассказчика с сохранением особенностей его речи», «записано со слов сказителя с сохранением особенностей его речи», «записано под диктовку рассказчика с соблюдением особенностей его речи».

2. Всегда объяснял значения слов. Тут он сам делал пояснения и перевод значений диалектных, заимствованных из русского языка слов, например буус-муус, көрдүк-курдук, хорукуот-скороход, дууса-душа, бокулуом-поклон и т.д.

3. В местах где бывал создавал корреспондентскую сеть института, пояснял как собирать и записывать фольклорные материалы.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Абый олонхолоро = Абыйские олонхо (на якут. яз.) / [редкол.: А.Н. Жирков, В.В. Илларионов, В.Н. Иванов уо.д.а.; эппиэттиир ред. Л.С. Ефимова; бэчээккэ бэлэмнээтилэр: В.В. Илларионов, Т.В. Илларионова]. – Дьокуускай : Бичик, 2019. – 296 с.

2. Андросов Г.Г. Ханалас хайысхата / Г.Г. Андросов – Дьокуускай : Медиа-холдинг Якутия, 2016. – 175 с.

3. Боесков Г.К. Якутский народный певец С.А.Зверев / Г.К. Боесков – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1956. – 63 с.

4. Илларионов В.В. Фольклорист А.А.Саввин Булүүгэ айана / В. Илларионов // Сахаада. – 1996. – № 11. – Сэттиньи 21 к. – 32 с.

5. Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия: (опыт историко-этнографической монографии) / А.А.Саввин; подгот. текста, введ. ст. послесл. коммент. и примеч. Е.Н.Романовой (отв. ред); лит. ред. Н.И.Дегтярева; АН РС(Я), ИГИ, Арх. ЯНЦ СО РАН. – Якутск : Сахаполиграфиздат, 2005. – 274 с.

6. Томская Д.А. Ючюгэй Юдюгюйэн, Кусаган Ходжугур = Лучший Юдюгюйэн, Худчий Ходжугур(на якут. яз.) / Д.А. Томская; сост.: В.В. Илларионов, В.С. Никифорова. – Якутск : ИГИ и ПМНС СО РАН, 2011. – 376 с.

7. Филиппова, М.Е. Саха төрүт өйүн-санаатын чинчийээччи, учонай Андрей Андреевич Саввин / М.Е. Филиппова, В.Д. Попова // А.А.Саввин аатынан Чурапчытаагы этнография уонна история музейа; [хомуйан онордулар: М.Е.Филиппова, В.Д.Попова; ред. кол.: Ю.С.Толстоухов, С.В.Максимова, Н.А.Ханды; биобиблиогр. ыйынныгы онордо А.С.Иванова]. – Дьокуускай : Алаас, 2016. – 208 с.

8. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору / Г.У. Эргис. – Якутск : Бичик, 2008. – 400 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aby olonkholoro = Aby olonkho (in Yakut) [Abai deer = Abai deer] / [ed. by A.N. Zhirkov, V.V. Illarionov, V.N. Ivanov; ed. L.S. Efimov; publications: V.V. Illarionov, T.V. Illarionova]. – Djokuuskay : Bichik, 2019. – 296 p. – (Sakha booturdara: 21 volumes; V.20). [in Yakut]

2. Androsov G.G. Khahalas khayishkhata [Khangalas direction] / G.G. Androsov – Dyokuuskay : Media holding Yakutia, 2016. – 175 p. [in Yakut]

3. Boeskorov G.K. Jakutskij narodnyj pevec S.A.Zverev [Yakut folk singer S.A. Zverev] / Boeskorov G.K. – Yakutsk : Yakut book publishing house, 1956. – 63 p. [in Russian]

4. Illarionov V.V. [Folklorist A.A. Savvin Buluge ayana] / V.V. Illarionov // Sakhaada. – 1996. – № 11. – Satinny 21 k. – 32 p. [in Yakut]

5. Savvin, A.A. Pishha jakutov do razvitija zemledelija: (opyt istoriko-jetnograficheskoy monografii) [Food of the Yakuts before the development of agriculture: (the experience of a historical and ethnographic monograph)] / A.A. Savvin; prepared text, input. Art. post-last comments and note. E.N. Romanova (responsible editor); lit. ed. N.I. Degtyareva; Academy of Sciences of the RS(Y), IGI, Arkh. YaNTs SB RAS. – Yakutsk : Sakhapoligraphizdat, 2005. – 274 p. [in Yakut]

6. Tomskaya D.A. Yuchyugei Yudyugyuen, Kusagan Hodzhugur = Best Yudyugyuyen, Thinnest Khojugur (in Yakut. lang.) [Yuchyugei Yudyuguyen, Kusagan Khojugur = The Best Yudyuguyen, The Worst Khojugur] / D.A. Tomskaya; comp.: V.V. Illarionov, V.S. Nikiforov. – Yakutsk : IGI and PMNS SO RAN, 2011. – 376 p. [in Yakut]

7. Filippova, M.E. Sakha torut öyün-sanaatyn chinchiyeechchi, uchonai Andrey Andreevich Savvin [Sakha torut öyün-sanaatyn chinchiyeechchi, uchonai Andrey Andreevich Savvin] / M.E. Filippova, V.D. Popova // A.A.Savvin aatynan Churapchytaagy ethnography wonna history of the museum [A. A. Savin Museum of Ethnography and History] [Khomuyan Onordular: M.E. Filippova, V.D. Popova; ed. Col.: Yu.S. Tolstoukhov, S.V. Maksimova, N.A. Khandy; biobibliogr. yuunnygy onordo A.S. Ivanova]. – Djokuuskay : Alaas, 2016. – 208 p. [in Yakut]

8. Ergis, G.U. Ocherki po jakutskomu fol'kloru [Essays on the Yakut folklore] / G.U. Ergis. – Yakutsk : Bichik, 2008. – 400 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.081>

СЕМИОТИЧЕСКИ ОСЛОЖНЕННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «FLOWERS FOR ALGERNON» BY DANIEL KEYES)

Научная статья

Петрова Е.Е.^{1,*}, Петрова В.М.²

¹ ORCID: 0000-0003-1758-6573;

^{1,2} Псковский государственный университет, Псков, Россия

* Корреспондирующий автор (elenpetrov23[at]yandex.ru)

Аннотация

В данной статье проанализированы основные трудности, которые могут возникнуть во время переводческого процесса художественного текста. Главной отличительной чертой анализируемого романа является необычный стиль написания – фонетическое письмо, которым автор пользовался для характеристики главного героя, который был болен синдромом Дауна. В ходе анализа оригинала произведения была составлена классификация графонов, которые использовал автор романа. После чего, применяя сравнительный анализ оригинала романа на английском языке и его перевода на русском, были выделены сходства и различия между используемыми способами передачи данного графического стилистического приёма. В результате предложен алгоритм перевода художественного текста, осложненного таким стилистическим приемом, как графон.

Ключевые слова: художественный текст, перевод, стилистический прием, графон.

SEMIOTICALLY COMPLICATED FICTION AS A TRANSLATION OBJECT (USING THE EXAMPLE OF THE NOVEL "FLOWERS FOR ALGERNON" BY DANIEL KEYES)

Research article

Petrova E.E.¹, Petrova V.M.²

¹ ORCID: 0000-0003-1758-6573,

^{1,2} Pskov State University; Pskov, Russia

* Corresponding author (elenpetrov23[at]yandex.ru)

Abstract

This article analyzes the main difficulties of translating process of fiction. The main feature of the analyzed novel is the unusual writing style – the phonetics the author used to describe the protagonist, who had Down syndrome. Over the course of the analysis of the original work, a classification of the graphons that the author of used was established. After that, using a comparative analysis of the original text of the novel and its translation in Russian, the similarities and differences between the methods used to convey this graphic stylistic technique were listed. As a result, an algorithm of translation of fiction complicated by such stylistic technique as graphon is proposed.

Keywords: fiction, translation, stylistic device, graphon.

Введение

Свободный характер художественного стиля позволяет авторам кодировать информацию всеми возможными способами. Художественные произведения характеризуются свободным и нерегламентированным характером написания, отсутствием строгих схем структуры и содержания текста [7, С.188].

Художественный текст несёт в себе одну из самых важных функций, которая включает в себя эстетическое воздействие на читателя. Данное эмоциональное воздействие автором достигается в оригинале произведения с помощью целого ряда троп и фигур речи, которые помогают оживить диалоги героев, сделать повествование более ярким или же выделить конкретные элементы сюжета [8, С.28]. Именно эмоционально нагруженные тексты вызывают больше всего трудностей у переводчика. Ситуации, несущие в себе эмоциональный эффект, в художественных произведениях приобретают подтекст и дополнительный скрытый смысл, которые можно расшифровать только в контексте [3].

Эмоциональное воздействие достигается посредством использования стилистических приемов. Под стилистическим приёмом понимается «намеренное и сознательное усиление какой-либо типической структурной и/или семантической черты языковой единицы (нейтральной или экспрессивной), достигшее обобщения и типизации и ставшее таким образом порождающей моделью» [9, С.30].

Стилистический эффект и создание художественного образа создаются и благодаря отклонениям от литературных норм. К примеру, Д.Ю. Ли пишет в своей работе, что отклонение от литературной нормы – это «средство выражения авторского замысла» [6]. Под отклонением от литературной нормы понимают самые разные случаи искажений речи и литературного языка, в том числе и дефекты речи, вольности устной речи, ошибки в произношении и правописании, ломаная речь, детский язык [2, С.251]. Если же автор использовал литературные отклонения в своей работе с целью создать колорит или нарисовать портрет персонажа, то переводчику потребуется найти подходящие эквиваленты в ПЯ (язык перевода), быть внимательным к деталям и не пренебрегать приёмом компенсации, который поможет достичь ожидаемого эффекта [1, С.231].

У каждого автора есть свой неповторимый стиль, который помогает ему выделяться среди других. По мнению И.А. Кашкина, индивидуально-авторский стиль включает в себя «...творческое использование им выразительных средств своего языка...» [5, С.384].

Дэниел Киз – автор нескольких захватывающих и остросюжетных романов. Но одно из его написанных произведений заняло особое место в мировой литературе – это роман «Цветы для Элджернона». Роман,

рассказывающий читателям историю об одном молодом человеке, который болен Синдромом Дауна. Чарли Гордон – человек с ограниченными умственными способностями, но с огромным желанием стать таким, как все – умным. Судьба дарит ему такой шанс за его старания и стремления, и он становится первым участником эксперимента по повышению интеллекта.

Особенность главного героя и сам замысел сюжета заставляют Дэниела Киза выбрать нестандартный стиль для написания данной книги. Начнём с того, что автор романа ставит перед собой следующую цель – читатель должен прочувствовать то, что испытывает Чарли, они должны вместе пройти этот путь рука об руку. Автор создаёт роман в виде дневника, который состоит из отчётов героя, начиная с того дня, когда он узнает о предстоящей операции. Выбранный жанр играет немалую роль в восприятии читателя, так как дневниковые записки могут детально передать как мысли, так и эмоциональное состояние героя. Выбор формы нарратива всегда берётся во внимание при достижении результатов авторского замысла. Так, в данном романе было выбрано повествование от первого лица, что, в свою очередь, как уже было сказано выше, помогает в точности передать изменения, происходящие в сознании героя, через призму ощущений и восприятия самого же персонажа романа.

Однако Дэниел Киз решает, что этого недостаточно для того, чтобы люди посмотрели по-другому на таких, как Чарли Гордон. Он пишет роман, намеренно допуская грамматические, лексические, пунктуационные и другие ошибки, с целью создать образный речевой портрет главного героя.

Дэниел Киз прибегает к различным приёмам в романе, чтобы имитировать речь нездорового человека. Но особенно интересны для рассмотрения созданные автором фонолексические особенности текста, которые в свою очередь и делают стиль таким непохожим на другие художественные произведения.

Основные результаты

Так, во время исследования перевода анализируемого романа было отмечено несколько приёмов, которыми пользовался переводчик, чтобы сохранить уникальный авторский стиль этой работы. Переводчику необходимо было воссоздать графоны на русском языке. Для достижения поставленной цели переводчик прибегал к следующим приёмам:

- Написание неверной графемы в оригинале слова – замена графемы в слове ПЯ.
- То есть переводчиком осуществлялся поиск места в слове ПЯ, где также можно сделать ошибку, прибегая к этому же приёму, что был использован самим автором в данном слове. Например, «*munth*» – «*месяц*», «*eyeglassis*» – «*очки*» и т.д.
- Однако этот способ перевода не всегда возможен, поэтому графоны, образованные с помощью замены правильной графемы в слове на неправильную, переводились и по-другому:
 - написание неверной графемы в оригинале слова – опущение графемы в слове ПЯ («*skatched*» – «нарисованный»);
 - написание неверной графемы в оригинале слова – слияние («*exakly*» – «вотимено»);
 - написание неверной графемы в оригинале слова – смешения несколько типов графонов («*experamint*» – «кспиримент»).

Опущение графем в словах оригинала были переданы в переводе с помощью почти всех типов графонов. Определённый тип графона выбирался переводчиком в зависимости от того, какую лучше всего сделать ошибку в слове ПЯ, чтобы достичь должного эффекта на читателя. Отсюда, были выделены следующие приёмы перевода слов с пропущенными буквами:

- опущение графемы – неверная графема в слове ПЯ («*explained*» – «объяснил»);
- опущение графемы – опущение графемы в слове ПЯ («*woud you like*» – «хочешь»);
- опущение графемы – слияние слов в ПЯ («*differnt*» – «по-другому»);
- опущение графемы – смешения несколько типов графонов («*guess*» – «кажеца»).

Встречающаяся мультипликация в оригинале романа, как правило, была передана в переводе с помощью приёма образования графонов посредством замены графемы в слове. К примеру, «*human beeing*» – «человеком».

Также в ходе анализа был отмечен способ перевода графонов с добавлением лишней буквы в слове. В таких случаях переводчик, выполняя перевод романа на русский язык, использует обратный приём – опущение графемы в слове ПЯ. Для доказательства приведём пример со словом «*angrey*», которое было переведено как «*расердилась*», где видно, что переводчик пропустил при написании ещё одну букву *S*.

Для передачи слов с намеренно сделанной автором перестановкой графем в слове переводчиком был выбран приём замены графем в слове ПЯ: «*puzzles*» – «загадки» или «галаволомку».

Кроме этого, выше был отмечен ещё один тип графона, который также не остался без внимания во время переводческого процесса – это слияние двух слов на их стыке. Так, переводчик, замечая в оригинале работы слова с представленным приёмом, смог заменить их на слова с неверной графемой либо использовать способ опущения. Для примера было взято высказывание «*dont care*», где отрицательная частица *not* не отделена с помощью апострофа от вспомогательного глагола *do*. В переводе это выражение звучит, как «*напливать*». Отсюда, становится очевидным, что переводчик воспользовался применением замены графемы в слове, чтобы перевести эту фразу с сохранением определённого отклонения от литературной нормы.

Слова или высказывания, включающие в себя сразу несколько типов образования графонов, представляют собой смешанный тип, который был передан в переводе посредством неверной графемы либо опущением графемы в слове. Например, «*make storys*» – «рассказать» или «*monkys*» – «абузьяны».

Проанализировав способы перевода различных типов графонов, попадающиеся в тексте оригинала романа, был отмечен тот факт, что встречаются слова, которые вызывают особые трудности у Чарли Гордона в их написании, поэтому каждый раз он их пишет по-новому с меняющимися комбинациями в нём графонов. Как правило, эти слова включают в себя больше, чем 1-2 слога и вызывают затруднения в произношении. Например, обращая внимание на

правописания в оригинальном тексте слова «эксперимент», было замечено, что герой даёт в разных отчётах новые варианты его графического образа: *spearamints, experimint, esperimint, experamint*. Однако во время перевода переводчик, в отличие от автора, выбирает другой путь, а именно проанализировать эквивалент, подходящий к этому слову, сделать возможные в нём ошибки и придерживаться этого варианта перевода на протяжении всего времени, пока Чарли не станет грамотным. В данном случае оптимальным переводческим решением было перевести это как «*ксспиримент*». Тем не менее это хороший пример для того, чтобы указать на ещё одну особенность графонов в переводе.

В оригинале романа «Цветы для Эдджернона» частотными являются слова, в которых сочетается сразу несколько типов графонов. Во время переводческого процесса присутствует приём смешения. Только что это было отмечено выше, где в варианте перевода слова «эксперимент» было использовано опущение первой графемы и замена буквы Е на И во втором слоге слова, что в результате получилось, как «ксспиримент». Помимо комбинации опущение + неверная графема, также были отмечены другие: опущение + добавление и неверная графема + слияние.

Следующий пример выступает ещё одним доказательством наличия смешения графонов в тексте перевода романа: «*geely*» – «*панастаящему*», где в оригинале была написана неверная графема в корне слова, а в переводе данное отклонение было заменено комбинацией графонов, состоящей из слияния и неверной графемы.

Заключение

В результате проведённого сопоставительного анализа, были выявлены различные используемые типы графонов автором и переводчиком с целью передать главный авторский замысел и произвести эстетический эффект на читателя, а также были рассмотрены и описаны трудности, которые возникали у переводчика во время перевода художественного произведения «Цветы для Эдджернона» и пути их решения.

Подводя итог всему вышесказанному, можно утверждать, что оригинал романа Д. Киза «Цветы для Эдджернона» наполнен большим количеством трудностей и особенностями не свойственных русскому языку. Но переводчик, применив существующие переводческие трансформации, смог преодолеть все препятствия и создать адекватный перевод. В результате его перевод читается точно так же, как и оригинал. По мнению Ю. Найды и Ч. Табера, это и есть показатель безупречно выполненной работы переводчика [10, С.20].

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Белова Е.Е. Отклонения от литературной нормы в английской художественной литературе и способы их перевода на русский язык / Е.Е. Белова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2016. – № 3. – С. 229–237.
2. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Москва : Международные отношения, 1980 г. – 342 с.
3. Гюббенет И.В. К проблеме понимания литературно-художественного текста / И.В. Гюббенет – Москва: МГУ, 1981. – 112 с.
4. Дэниел Киз Цветы для Эдджернона / Дэниел Киз; пер. с англ. С. Шарова. – Москва : Эксмо, 2017. – 320 с.
5. Кашкин И.А. Для читателя – современника: Статьи и исследования / И.А. Кашкин – Москва : Советский писатель, 1968. – 564 с.
6. Ли Д.Ю. Трансформации, используемые при переводе поэтического / Д.Ю. Ли. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/1_NNM_2015/Philologia/6_185086.doc.htm (дата обращения: 30.04.2022)
7. Мороховский А.Н. Стилистика английского языка: учебник для ин-тов и фак.иностр.яз / А.Н. Мороховский, О.П. Воробьева, Н.И. Лихошерст и др. – Киев : Вища шк., 1984. – 235 с.
8. Патроева Н. В. Стилистика художественной речи : учебное пособие / Н. В. Патроева ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2018. – 215 с.
9. Galperin I.R. Stylistics / I.R. Galperin – Moscow, 1977. – 328 p.
10. Nide E. The Theory and Practice of Translation. United Bible Societies / E. Nide, Ch. Taber. – Leiden : Published for the United Bible Societies by E.J. Brill, 1982. – 216 p.
11. Keyes D. Flowers for Algernon / D. Keyes. – 199 p. [Electronic resource]. URL: https://www.kkoworld.com/kitablar/deniel_kiz_elcerno_ucun_guller_eng.pdf (accessed: 30.04.2022)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Belova E.E. Otkloneniya ot literaturnykh normy v anglijskoj hudozhestvennoj literature i sposoby ih perevoda na russkij jazyk [Deviations from the literary norm in English fiction and ways of their translation into Russian] / E.E. Belova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics.]. – 2016. – № 3. – Pp. 229–237 [in Russian]
2. Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation] / S. Vlahov, S. Florin – Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. – 342 p. [in Russian]
3. Gjubbenet I.V. K probleme ponimaniya literaturno-hudozhestvennogo teksta [On the problem of understanding literary and artistic text] / I.V. Gjubbenet – Moscow : MGU, 1981. – 112 p. [in Russian]
4. Djeniel Kiz «Cvety dlja Jeldzhernona» [Flowers for Algernon] / Djeniel Kiz; transl. by S. Sharova – Moscow : Eksmo, 2017. – 320 p. [in Russian]
5. Kashkin I.A. Dlja chitatelja – sovremennika: Stat'i i issledovanija [Articles and research] / I.A. Kashkin – Moscow : Sovetskij pisatel', 1968. – 564 p. [in Russian]

6. Li D.Ju. Transformacii, ispol'zuemye pri perevode pojeticheskogo [Transformations used in the translation of poetic] / D.Ju. Li. [Electronical resource]. URL: http://www.rusnauka.com/1_NNM_2015/Philologia/6_185086.doc.htm (accessed: 30.04.2022) [in Russian]
7. Morohovskij A.N. Stilistika anglijskogo jazyka: uchebnik dlja in-tov i fak.inostr.jaz. [Stylistics of the English language: a textbook for Universities] / A.N. Morohovskij, O.P. Vorob'eva, N.I. Lihosherst et al. – Kiev : Vishha shk., 1984. – 235 p. [in Russian]
8. Patroeva N.V. Stilistika hudozhestvennoj rechi : uchebnoe posobie [Stylistics of artistic speech : a textbook] / N.V. Patroeva ; The Ministry of Education and Science grew. Federation, Federal State budget. educated. the institution is higher. education Petrozavodsk State University. – Petrozavodsk : publishing house PetrGU, 2018. – 215 p. [in Russian]
9. Galperin I.R. Stylistics / I.R. Galperin – Moscow, 1977. – p. 328.
10. Nide E. The Theory and Practice of Translation. United Bible Societies / E. Nide, Ch. Taber. – Leiden : Published for the United Bible Societies by E.J. Brill, 1982. – 216 p.
11. Keyes D. Flowers for Algernon / D. Keyes. – 199 p. [Electronical resource]. URL: https://www.kkoworld.com/kitablar/deniel_kiz_elcernon_ucun_guller_eng.pdf (accessed: 30.04.2022) – 199 p.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.082>

ВЛИЯНИЕ ПСИХОТИПИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИНДИВИДА НА ЕГО ЯЗЫКОВУЮ РЕПРЕЗЕНТАЦИЮ

Научная статья

Семенова Т.В.*

ORCID: 0000-0003-2174-0377,

Северо-Осетинский Государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

* Корреспондирующий автор (calevalla[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье предпринимается попытка исследования влияния психотипических особенностей личности на языковую репрезентацию его высказываний. По мнению автора, речевой портрет индивида формируется на основе индивидуально-стилевых доминант, которые напрямую зависят от совокупности таких факторов как субъективные способности и характеристики, психические особенности и жизненный опыт как результат взаимодействия с внешним миром. Согласно анализу разработанной К. Юнгом теории психологических типов личности, основное отличие экстравертированного и интровертированного типов основывается на предпочтениях в направленности внимания субъекта, которое имеет яркое выражение в лексико-грамматической репрезентации высказываний, а также их свернутости и развернутости. Автор приходит к выводу, что анализ речевого поведения индивида может основываться на критериях и грамматических доминантах принадлежности к интровертированному или экстравертированному типу личности.

Ключевые слова: индивидуально-авторский стиль, языковая личность, грамматические доминанты, экстравертированность, интровертированность.

INFLUENCE OF PSYCHOTYPIC SPECIFICS OF AN INDIVIDUAL ON THEIR LINGUISTIC REPRESENTATION

Research article

Semenova T.V.*

ORCID: 0000-0003-2174-0377,

North Ossetian State University Vladikavkaz, Russia

* Corresponding author (calevalla[at]yandex.ru)

Abstract

The article attempts to study the influence of psychotypic personality characteristics on the linguistic representation of one's statements. According to the author, the speech portrait of an individual is formed on the basis of individual-style dominants, which directly depend on a set of factors such as subjective abilities and characteristics and mental traits and life experience as a result of interaction with the outside world. According to the analysis of a psychological person type developed by C. Jung, the main difference between extroverted and introverted types is based on preferences in the focus of the subject, which vividly expresses itself in the lexical and grammatical representation of statements, as well as their folding and unfolding. The author concludes that the analysis of an individual's speech behavior may be based on the criteria and grammatical dominants of adherence to an introverted or an extroverted personality.

Keywords: individual author style, linguistic personality, grammatical dominants, extroversion, introversion.

В настоящий момент в лингвистике получила распространение точка зрения, согласно которой существует возможность выхода за пределы традиционной лингвистики и вовлечения в сферу изучения психических процессов индивида.

В рамках данной статьи предпринимается попытка рассмотреть, каким образом языковой материал накапливается в человеческом сознании, а затем актуализируется в языковых высказываниях на основе выбора индивидуумом языковых средств, которые применяются для выражения свернутости и развернутости высказывания и определяют личностные характеристики автора. В качестве предмета исследования выступает амплификация, которая по способу организации высказывания является показателем экстравертированности автора.

В рамках антропоцентрической парадигмы, которая является одним из передовых направлений лингвистики на современном этапе, одной из актуальных тенденций в изучении языка можно считать его исследование с точки зрения взаимосвязи языка и психологических процессов [5, С. 258], где главным результатом обработки данных процессов принято считать слово, как средство фиксации человеком личного опыта в результате взаимодействия с окружающей его действительностью, и далее языковое произведение в целом, как «ключ» к итогу этой переработки [5, С. 258]. Таким образом, текст является единицей языка, которая отражает результаты обработки различных психических процессов индивида, возникающих при осуществлении контактов с внешним миром [5, С. 42].

По определению Ю.Н. Караулова под авторским стилем можно понимать совокупность «способностей и характеристик человека», находящихся в плотном взаимодействии с его психическими особенностями и жизненным опытом в результате его контактов с внешним миром, что говорит о возможности выявления доминирующих структур художественного текста, лежащих в основе индивидуально-стилевой организации.

Согласно Р.Я. Якобсону, именно доминанта обуславливает специфику художественного текста, «управляет, определяет и трансформирует остальные компоненты, обеспечивая связность структуры» [9, С. 56].

В.П. Белянин в своих исследованиях взаимосвязи психических процессов и репрезентации текста вводит понятие *эмоционально-смысловой доминантой* [1], апеллируя к тому, что любой индивид обладает определенным типом «акцентуированного сознания», и созданный им текст описывает действительность согласно своим собственным

представлениям, обусловленным этой доминантой, что реализуется в употреблении различных языковых средств, как фонетических и лексических, так и грамматических (морфологических и синтаксических).

Таким образом, *эмоционально-смысловая доминанта* – это «система когнитивно-эмотивных эталонов, характерных для определенного типа личности и служащих психологической основой вербализации картины мира в тексте», которая выступает в качестве организующего центра создаваемого автором текста [1].

На сегодняшний день в психологии выделено несколько типологий личности, среди которых конституционная типология личности Э. Кречмера, нейрофизиологическая теория И. Павлова, теорию личности Р. Кеттела, теория типов личности Г. Айзенка, типология личности И. Майерс и К. Бриггс. Однако, большинство подходов к подобного рода основываются на базовых параметрах типологии личности, в частности дихотомии интроверсия / экстраверсия, предложенных К.Г.Юнгом. Ученый различал эти понятия (Introversion – Extraversion).

Согласно разработанной К. Юнгом теории типов личности, основное отличие двух представленных категорий основывается на предпочтениях в направленности внимания субъекта [10, С. 181].

Под интроверсией понимается ориентированность личности во внутренний мир, поэтому у таких людей отношение к объекту отвлеченно-абстрагирующее, и они стремятся дистанцироваться от «чрезмерной власти объекта» [10, С. 181], что доказывает основные положения характеристики Юнга, где интроверты рассматриваются как «замкнутые, трудно распознаваемые, часто пугливые натуры» [10, С.182].

Под экстраверсией, в свою очередь, понимается направленность внимания субъекта во внешний мир, где человек показывает ярко выраженное положительное отношение к объекту и постоянно повышает для себя ценность этого «жизненного ориентира». В отличие от интровертов они настроены на выстраивание отношений с окружающим их миром, оказывая на него особое влияние и, в свою очередь, готовы к «восприятию такого же влияния» [10, С. 182], что также подтверждает мнение ученого о том, что экстраверты являются людьми «с открытым, обходительным, часто веселым или, по крайней мере, приветливым и доступным характером» [10, С. 182].

На сегодняшний день активно проводятся исследования в области психолингвистики на тему связи между определенными психическими функциями личности и стилем воспроизводимых ею языковых высказываний, что предполагает необходимость выявления соотношения способа интерпретации текста с когнитивно-стилевыми и личностными особенностями субъекта [5].

Преобладание у индивида определенной психической функции характеризует стилевые предпочтения при создании им речевых высказываний и использование «удобного» языка, который формируется на основе лексико-грамматических доминант [6, С. 199].

Под грамматической доминантой принято понимать совокупность грамматических форм, наиболее употребительных в определенном рода текстах, служащих характерными признаками данного типа текста, или, напротив, не употребляемых форм и выступающих в качестве негативных примет данного вида высказываний [8, С. 143]. Следовательно, речевой портрет автора высказывания может основываться на критериях и грамматических доминантах принадлежности к интровертированному или экстравертированному типу личности.

Например, экстраверт больше склонен говорить о событиях, людях, делах; а интроверт о самочувствии, переживаниях или о своем мировосприятии [2, С. 31], что наталкивает на мысль стереотипности использования языковой личностью определенных частей речи при выражении различных эмоций [2, С. 115].

Речевой портрет интроверта преимущественно состоит из простых предложений, насыщенными определениями эмоционально-оценочного и эмоционально-ассоциативного характера, поскольку интроверты склонны пропускать полученную информация через призму собственного «Я» и давать ей личностную оценку [2, С. 115]. В связи с этим подобное речевое поведение характеризуется, выбором языковых единиц «с высокой степенью свернутости, к которым относятся односоставные предложения и фигуры убавления (асиндетон, апозиопезис, просиопезис, эллипсис)» [2, С.: 32].

К примеру, Джозеф Конрад в своем романе «Сердце тьмы» обширно использует асиндетон в описании природы, обстановки и внешности персонажей:

*The air was **thick, warm, heavy, sluggish.***

В приведенном выше примере автор использует простое предложение с рядом эмоционально-оценочных определений, выраженных прилагательными. С помощью данного приема, как языковой единицей с высокой степенью свернутости, автор успешно передает эмоциональное напряжение высказывания, а упомянутый ряд определений передает внутренне состояние автора и его персональное отношение к данному моменту.

Речевой портрет экстраверт включает помимо сказуемых, больше, по сравнению с интровертами, обстоятельств места и времени, поскольку экстраверт делает основной акцент на информативности высказывания. У экстравертов также присутствуют эмпирические и оценочные характеристики, однако, они направлены на анализ происходящего, а не на оценку личностного восприятия [2, С. 115-116].

Опираясь на вышеизложенные суждения, можно выдвинуть предположение, что такой синтаксический прием как амплификация может служить характерной чертой экстравертированного речевого поведения автора, поскольку ее относят к языковым единицам высокой степени развернутости и используют для увеличения объема высказывания.

Амплификация представляет собой расширение текста, связанное с некоторой плеонастичностью или конкретизацией, т. е. такими оборотами, когда автор намеренно удлиняет речевую цепь, усложняя тем самым не только синтаксический рисунок, но и семантическую нагрузку отрывка [7, с. 120].

Данный прием можно рассмотреть на примере творчества англоязычного поэта У.Х. Одена. Многие исследователи характеризуют его творческий метод как объединяющий в себе позицию режиссера и сценариста, уделяющего особое внимание «точности изображаемых фрагментов» [3, С. 12].

Для создания подобного эффекта У.Х. Оден поэт использует сложные синтаксические конструкции с различными типами логико-грамматической связи компонентов, как, например, в отрывке из поэтического произведения «Памяти Зигмунда Фрейда» («*In memory of Sigmund Freud*»):

*If some traces of the autocratic pose,
the paternal strictness **he distrusted**, still
clung to his utterance and features,
it was a protective coloration*

*for **one who'd lived among enemies so long**:
if often he was wrong and, at times, absurd,
to us he is no more a person
now but a whole climate of opinion*

***under whom we conduct our different lives**:
Like weather he can only hinder or help,
the proud can still be proud but find it
a little harder, the tyrant tries to...*

В приведенном фрагменте наблюдается наращивание объема высказывания в каждой стихотворной строфы за счет придаточных определительных предложений (в первой строфе – *he distrusted*; во второй строфе – *one who'd lived among enemies so long*; в третьей – *under whom we conduct our different lives*), а также за счет двух условных придаточных предложений (в первой строфе – *If some traces of the autocratic pose*; во второй – *if often he was wrong and, at times, absurd, // to us*). Таким образом, с целью максимального углубления в мельчайшие детали описания личности Зигмунда Фрейда, а также подробного изображения сопутствующих обстоятельств У.Х. Оден увеличивает информационный потенциал высказывания, используя прием амплификации.

Таким образом, в свете всего вышеизложенного представляется возможным утверждать, что индивидуально-стилевые проявления творческой личности в создаваемых ею текстах могут изучаться с привлечением основных положений теории психологических типов К.Г. Юнга, а именно: его типологии личности, основанной на дихотомии, интроверсия / экстраверсия.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики / В.П. Белянин – Москва : Трикола, 2000. – 248 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://pedlib.ru/Books/3/0476/index.shtml> (дата обращения: 10.10.2017).
2. Гиль О.Г. Речевые проявления личности в устном рассказе нарративного типа: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2000. – 272 с.
3. Гребнев А.Н. Поэтические тексты У.Х. Одена в контексте филологической герменевтики: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2011. – 20 с.
4. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово / А.А. Залевская // Текст: Избранные труды. – Москва : Гнозис, 2005. – 543 с.
5. Павленко В.А. Когнитивно-стилевые и личностные особенности субъекта в интерпретации текстов: к теории и методологии проблемы / В.А. Павленко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2009. [Электронный ресурс]. URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-stilevye-i-lichnostnye-osobennosti-subekta-v-interpretatsii-tekstov-k-teorii-i-metodologii-problemy>] (дата обращения: 07.10.2016).
6. Петрова К.Ю. Картина мира в высказываниях человека и функции психики по К. Юнгу / К.Ю. Петрова // Модели мира. – Москва : Рос. Ассоциация искусственного интеллекта, 1997. – С. 197–214.
7. Семенова Т.В. Особенности языковой репрезентации индивидуально-авторской картины мира в поэтическом дискурсе (на материале свободного стиха У.Х. Одена): дис. ... канд. филол. наук. – Владикавказ, 2019. – 190 с.
8. Шендельс Е.И. Роль когерентности в грамматике текста / Е.И. Шендельс // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. – № 284. – Москва : Изд-во МГПИИЯ, 1987. – С. 86–92.
9. Якобсон Р.О. Избранные работы / Р.О. Якобсон – Москва : Прогресс, 1985. – 155 с.
10. Юнг К.Г. Психологические типы / К.Г. Юнг – Санкт-Петербург : Ювента; Москва : Прогресс-Универс, 1995. – 656 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Belyanin V.P. Osnovy psiholingvisticheskoy diagnostiki [Basics of psycholinguistic diagnostics]. / V.P. Belyanin – Moscow : Trivola publishing house, 2000. – 248 p. [Electronic resource]. URL: <http://pedlib.ru/Books/3/0476/index.shtml> (accessed: 10.10.2017). [in Russian]
2. Gil' O.G. Rechevye proyavleniya lichnosti v ustnom rasskaze narrativnogo tipa [Verbal manifestations of personality in narrative tale]: dis. for PhD in Philology. – Moscow, 2000. – 272 p. [in Russian]
3. Grebnev A.N. Poeticheskie teksty U.H. Odena v kontekste filologicheskoy germenevtiki [Poetic texts of W.H. Auden in the context of philological hermeneutics]: autoabstract for dis. for PhD in Philology. – Saint-Petersburg, 2011. – 20 p. [in Russian]
4. Zalevskaya A.A. Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy [Psychological research. Word. Text: selected works]. / A.A. Zalevskaya – Moscow : Gnozis publishing house, 2005. – 543 p. [in Russian]

5. Pavlenko V.A. Kognitivno-stilevye i lichnostnye osobennosti sub"ekta v interpretacii tekstov: k teorii i metodologii problemy [Cognitive-stylistic and personal features of subject in the interpretation of texts: on the theory and methodology of the problem] / V.A. Pavlenko // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psihologiya [Bulletin of Adyghe State University. Series 3: Pedagogy and psychology]. – 2009. [Electronic resource]. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-stilevye-i-lichnostnye-osobennosti-subekta-v-interpretatsii-tekstov-k-teorii-i-metodologii-problemy] (accessed: 07.10.2016). [in Russian]

6. Petrova K.Y. Kartina mira v vyskazyvaniyah cheloveka i funkcii psihiki po K. Yungu [Picture of the world in human statements and functions of the psyche according to C. Jung] / K.Y. Petrova // Modeli mira [World model]. – Moscow: Russian Association of artificial intelligence publishing house, 1997. – Pp. 197–214. [in Russian]

7. Semenova T.V. Osobennosti yazykovoj reprezentacii individual'no-avtorskoj kartiny mira v poeticheskom diskurse (na materiale svobodnogo stiha U.H. Odena) [Specifics of linguistic representation of individual author picture of the world in poetic discourse (on the material of W.H. Auden free verse)]: dis. for PhD in Philology. –Vladikavkaz, 2019. – 190 p. [in Russian]

8. SHendels E.I. Rol' kogerentnosti v grammatike teksta [The role of coherence in text grammar] / E.I. Shendels // YAzyk kak kommunikativnaya deyatel'nost' cheloveka [Language as a communicative human activity]. Collection of works of MSPIFL. – № 284. – Moscow : MSPIFL publishing house, 1987. – P. 86–92. [in Russian]

9. YAkobson R.O. Izbrannye raboty [Selected works]. / R.O. YAkobson – Moscow : Progress, 1985. – 155 p. [in Russian]

10. Jung C.G. Psihologicheskie tipy [Psychological Types]. / C.G. Jung – Saint-Petersburg : YUventa; Moscow : Progress-Univers publishing house, 1995. – 656 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.083>

ОСОБЕННОСТИ СКАЗОВОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПОВЕСТИ МИХАИЛА ЧЕРНОКОВА «ЖИТИЕ ВАСЬКИ ЗМИЕВА»

Научная статья

Тяпкина Н.А.*

ORCID: 0000-0003-1155-8643,

Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск, Россия

* Корреспондирующий автор (ntyapkova[at]gmail.com)

Аннотация

Статья посвящена повествовательным особенностям повести Михаила Чернокова «Житие Васьки Змиева». Предметом исследования является сказовое повествование первой трети XX века на примере частного случая Северного текста русской литературы. Научная новизна статьи связана с отсутствием в отечественной филологии исследований, посвященных своеобразию языка произведений северного писателя. Особенности сказового повествования связаны с общими тенденциями эпохи и литературного процесса, определяют своеобразие главного героя, сюжета, образной системы, языковых особенностей, взаимоотношений автора и читателя. Анализ статьи закладывает предпосылки для более глубокого прочтения литературного наследия Михаила Чернокова в целом. Работа дает представление об истоках художественного метода писателя и вносит определенный вклад в понимание литературного процесса на Русском Севере первой трети XX века. Иллюстративный материал работы позволяет аргументировать теоретические положения исследования.

Ключевые слова: сказ, повествование, Северный текст русской литературы, устная речь, Михаил Чернокоев

SPECIFIC SKAZ FEATURES IN THE MIKHAIL TCHERNOKOV'S NOVEL «THE LIFE OF VASKA ZMIEV»

Research article

Tiapkova N.A.*

ORCID: 0000-0003-1155-8643,

Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia

* Corresponding author (ntyapkova[at]gmail.com)

Abstract

The article presents the study of the narrative features of Mikhail Tchernokov's novel "The life of Vaska Zmiev". The object of the research is skaz narration dating back to the 1910-1930s, on the example of a particular Northern Russian literary text. The scientific significance of the article is in the lack of the research of the Northern Russian writers' unique language in the modern philology.

The specific traits of skaz narration are connected with general tendencies of the time and the literary process. They define the original quality of the main character, imagery system of the plot, language features and author-reader relationship. The analysis of the novel opens the way to a deeper research of Tchernokov's literary legacy. The work presents the idea of the author's creative sources, as well as makes an attempt to shed the light on the literary process in the Russian North in the 1910-1930s. The illustrative material of the work supports the theoretical positions of the research.

Keywords: skaz, narration, Northern text of the Russian literature, spoken language, Mikhail Tchernokov.

Introduction

Classical skaz tradition in the 19th century Russian literature resulted in the appearance of a number of prose phenomena in the 20th century, specifically in the works of A. Remisov, E. Zamyatin, M. Zoschenko, etc. Tale narration was developed further by the Northern writers, mainly in the works of Boris Shergin and Stepan Pisakhov.

There was a unique situation in the 1910-30s Russian literature: the «skaz» type of narration flourished and simultaneously became the focus of attention of the researchers of literary language. M. Bakhtin, V. Vinogradov, B. Eikhenbaum, Y. Tinyanov and others managed to specify the major features of the skaz. It must be noted that skaz is a multi-layered concept [3, P. 39]. Firstly, it is understood as a genre of national oral tradition, as a first-person narration of the events of the past and present which claims to be truthful. Secondly, the concept of skaz is connected to specific way of narration, such as, for example, Pavel Bazhov's skazes [6, P. 7]. Thirdly, skaz can be seen as a way of narration with a specific style of a storyteller's speech in his own unique manner. The skaz narration is characterized by the use of the colloquialisms, dialect words, spontaneity of speech, incomplete sentences.

The purpose of the article is to indicate the reversion of the 1920s literary tendencies in the works of the so-called «second-tier writer» – one of the authors who was not highly acclaimed by the critics or well-known by the public at the time – Mikhail Tchernokov. We attempt to analyze the specific features of his tale narration in the novel «The life of Vaska Zmiev».

Up to now, literary critics have not paid attention to skaz narration in the Northern Russian literature, the only exception being Pisakhov's and Shergin's novels. The significance of the article is in an attempt of bringing an interest of the research to Mikhail Tchernokov, including the research of skaz manner of narration in the author's works.

The first attempt to systematically analyze skaz as a way of narration and describe different types of tales was carried out by the formalists in the early 1920s. In his programme article «Leskov and the Contemporary Prose» (1925) B. Eikhenbaum defined «ornamental, styled» skaz. «This ornamental skaz has little in common with the oral narration and is becoming for a certain period of time a rather widely spread form of narration. It keeps track of the folklore basis and tale intonation» [10, P. 222].

M. Bakhtin and V. Vinogradov, also representing the formalists' school, point out another specific feature of the skaz – it

is its theatricality – in addition to the Eikhenbaum's description. Vinogradov considers a writer's right for the impersonation in his prose. The author changes different narration masks throughout his composition [2, P. 53]. Having analyzed skaz narration, the representatives of the formalist school start to distinguish the so-called «linguistic» and «plot» ornamentality, whereas M. Bakhtin identifies «reality event» and «narration event» [1, P.39].

Skaz researchers point out that it was not only the writers' desire to let a man from the people speak for himself that provided the rise of the genre. Skaz also flourished due to the determination to renew the language. Boris Eikhenbaum described the main problem of the 1920s prose as a shift of the attention from the plot to the words, the speech itself: «withdrawal from the written and print culture traditions and the return to the living spoken language, with no connection to which the existence and evolution of the narrative prose can only be contingent and temporary» [10, P. 214-215].

Contemporary researchers: V. Schmidt, E.G. Muschenko, V.P. Skobelev, L.E. Croichik, setting together formalists' (Vinogradov's and Bakhtin's) approaches, research skaz in terms of narratology. The specific features of the skaz are its narrative character (the accent on the storyteller as the source of the speech and his unique manner), oral quality, spontaneous, and its spoken, dialogical character. The narrator, at the same time, acts as a fictitious substitute of the author [5, P.23]. He is not just telling the story but improvising, recreating the events he witnessed or took part in his own words from his own point of view, his perception of the world and his cultural level. In his narratology, Wolf Schmidt defines two types of skaz:

1. typical skaz: motivated by the storyteller's image, whose point of view rules the whole narration.

2. ornamental skaz: reflects not the individual storyteller image, but the whole range of voices and characters, without referring to any personal narrative instance.

Only the first «classic» type can be accurately described, while the second one exists as a range of various deviations resulting from the imposition of the ornamental texture and the narration [9, P. 191].

To sum up, we can say that the tale was examined in the Soviet and Russian literature of the 20th century mostly in terms of narration, typology and relationship between the author and the narrator. At present, the researchers are focusing on the development of the skaz type of narration in regional literature: Northern, Siberian, Ural, etc.

Methods

Study design

The main objective of this article is to consider how the literary tendencies of the skaz narration prevailing in the 1920–1930s influenced the creative work of the “second-tier author” Northern writer Mikhail Tchernokov. For this purpose, we are planning to fulfil the following tasks:

- to analyze the author's biography to understand the context of his work and the level of his inclusion in the major literary process of the time;

- to undertake a philological review of the novel «The Life of Vaska Zmiev» being a vivid example of the skaz narration;

- to identify the signs of the formal tale in the Tchernokov's novel and to specify the author's unique traits in the text.

Material

The object of the research is a novel «The Life of Vaska Zmiev», written in 1931. It can certainly be seen as a response to the literary and social changes of that time. The language of the novel is very expressive, it combines the specific features of the Northern Russian speech and the author's unique manner. The novel depicts historic events that shocked the Russian North as well as the whole country: The Civil War and Foreign Intervention in the Arkhangelsk region. The main character, Vaska, becomes one of the most striking literary characters, such as the characters created by Nikolai Leskov, Mikhail Zoschenko, Boris Shergin, Charles De Coster, etc.

Research limitations

It must be noted that the philological concept of skaz has several meanings. Therefore, we should point out that this study shows specific features of the tale narration based on the example of one certain novel. Speaking of the Tchernokov's literary heritage, we must note that his text corpus is not that big: three novels and just over a dozen of short stories. Skaz narration is not the main feature of his poetics. To analyze and understand Tchernokov's poetics, one should pay attention to his other texts.

Results and Discussion

Biographical notes about Mikhail Tchernokov

Mikhail Tchernokov's name was brought back into the Russian and Soviet literature recently. Having observed the life of the writer and his works, one can note that a series of unfortunate circumstances led to him being forgotten in the literary world. Tchernokov's texts were frequently published in the 1930s, but later he was increasingly criticized that he had not sufficiently condemned the «bloody» pre-revolutionary and failed to include proper ideological evaluations to his works. The writer presumably died of hunger in Vologda, on his way to the Arkhangelsk region. He did not leave any heir who could have preserved and publish his works. It is very important to understand the historical and cultural significance of the «forgotten» pieces and the place they take in the literary process of their time. Tynyanov in his discussion on the history of the Russian literature warned us about the danger of studying only the «main, but stand-alone» artistic phenomena, the consequence of which is turning the history of literature into the «history of the generals» [7, P. 270].

Narrative specifics of the work «The life of Vaska Zmiev»

Tchernokov's novel «The life of Vaska Zmiev», written in 1931, can certainly be called a response to the country's literary and social change. But we cannot say that it is a result of the ostentatious innovation and deliberate theatricalization of the narration. Mikhail Tchernokov wrote in the line of the realistic tradition, but at the same time he felt the rhythm of the time and depicted it in his prose. The novel is written from the perspective of Vaska Zmiev, who tells the story of his life. The narrator is a young man, a son of a blacksmith from the Bolshie Luga («Large meadows») village, who graduated from the Kargopol district school. All Vaska's descriptions in the novel are given by himself. In chapter 3, Vaska, looking at himself in the mirror, draws his portrait: «I had a rather remarkable appearance: a long pale face with a small beard, big forehead and a severe look.

In short, it was not a thin face» [8, P. 121].

The narrator is from a Northern Russian village, he is a mischievous, vivid man soon turning 30. The main character of the novel embodies the traits of a certain social and historic type: a Northern peasant who took part in the First World War, freeing the Russian North from the invaders, and who relied on the new authorities. He is one of the many folklore and literary embodiment of the trickster archetype. Vaska stands in line with such characters as Ivan Flyagin, master Tychka, Shish of Moscow, Nazar Sinebryukhov, Till Ulenspiegel. Vaska Zmiev is close to the characters of the «soldier tales»: lucky, slicky, who is able to trick the devil, cook porridge of an axe, marry a princess etc. His motives are far from the motives of other Civil War heroes depicted by Serafimovich, Lavrenev, Ivanov. Love affairs, attraction to people, longing to understand the reasons of their doings, their personalities – this is Vaska's driving force to say it in his own words. Vaska does not dwell on one attachment, he flits from one woman to another, he gets along with people and easily leaves them behind. The character does not tend to suffer or reflect. In the first chapter he begins to mourn by recalling his friends, who had been killed, and at the same moment he focuses his attention on Ulyana, the girl that the locals propose to him as a bride. Despite his military biography, career at the factory and nomadic way of life, Vaska is really close to nature: he compares himself to a lark, a falcon, he is longing to walk in the forest, lay back in the moss, look at the sky.

According to the Wolf Schmidt's classification, we can refer «The Life Vaska Zmiev» to the first type of skaz, which results from the narrator's image. The character's point of view influences the whole story, the reader follows the teller through his narrative optics. Tchernokov's novel and its character are rather typical for the early Soviet literature. As Elena Galimova puts it in the opening article of the author's collection of selected works: «The writer endeavoured to show how people, the peasantry, conducted the search of the new life forms, social structure, ways of economic management. To show the vivid and creative character of this search» [4, P. 9].

The main hero of the work «The life of Vaska Zmiev»

As many of his literary and folklore predecessors, Vaska is on a constant journey, which sometimes turns into a flee. The narrator is moving through the vast territories of the Russian North, taking part in the real historical events: Arkhangelsk White Army Regiment's uprising on the December 11th 1918 and its cruel suppression following fighting on the Onega river. Following Vaska the reader is able to see not only the life of one village, but of a vast territory, the reader meets different people and all this gives an opportunity for various adventures. The plot of the novel is based on the journey's motive, a road trip, the character's instant movement. Unlike the fairy-tale characters, Vaska travels around his native land, Onega region, but not in the mysterious magic lands. However, taking into account the geographic and historical circumstances, we must admit that some villages are alien to our hero.

One more specific trait of the skaz plot is its theatrical quality: dressing-up motive, the main character's change of dress. From the very first scenes we observe a number of comic situations deriving from the Vaska's carnival wearing the priest's clothes, stealing the Bible and escaping the enemies. A light, adventurous shade of the narration emerges at that point. All this happening in spite of the fact that Vaska is escaping from the mortal danger after hearing the news about his friends' death. He himself was close to death: «the death tried to catch him, wove him to the earth» [8, P. 115].

At the beginning of the novel, the narrator declares that he is creating the story of his life, and he speaks to his reader. The language of the novel tends to recreate peculiarities of the language spoken by an ignorant, uneducated person. It seems as if there is no author, as if the character speaks directly to the reader (audience). The author steps back to the background, pushing the character forward. The novel starts with the main character's direct speech. The narrator defines the frame of the story: he decides where to start and where to end it, he does not have to respect the time sequence. The logic of the narrator defines the plot of the story. The author's aim is to depict the territory and the time period as it is perceived by a man from the people, one of the folk.

The narrator does not try to create his story in some special literary style or to look like a real professional writer. It looks like the author emphasizes the non-literary character of the narrator's language. The literary character of the narration in skaz is broken by the irregularities used to verify the linguistic reality. Those irregularities include colloquialisms, dialects, barbarisms – all those phenomena break the neutrality of the narration and make an impression that the story is being told by a certain person.

Tchernokov's novel, as well as many other skaz texts, to some extent blends folklore and Christian literature. «The Life of Vaska Zmiev» is written in a lively language, combining peculiarities both of the author's manner and of the Northern Russia language. The text seamlessly integrates small folklore forms. Each chapter is opened by an epigraph taken from the folk sayings: «You should bend something just to bend, not to break»; «Judge the flock by its priest» [8, P. 115-119]. Fairy-tales repeatedly appear in the text (men from the Kozhozero lake tell them to each other in the evenings) and magical images within the narration like a leshii (silvan) – a mythical forest creature; ceremonial songs are sung at the wedding, even though it is held «in a new way – without the church rituals» [8, P. 153].

Thus, having analyzed the narration poetics, we can conclude that «The Life of Vaska Zmiev» bears the quality of an individual type of skaz belonging to this specific author. The specific features of the Tchernokov's skaz narrative poetics define the general development of the literary process, as well as the author's creative traits.

Conclusion

Summarizing the results of the analysis of the poetics of skaz narration in the novel «The life of Vaska Zmiev», one can point out the following specific traits.

Mikhail Tchernokov's creative work in general and «The Life of Vaska Zmiev» in particular reflect the main narrative tendencies of the literature of that time. Firstly, it is the discourse of «the man of the people»- one of the folk – which is taking the most prominent place. Secondly, the voice of the character/storyteller sounds louder in the text than the author's presence. The main character, being the storyteller at the same time, continues the folkloric and literary traditions of the trickster characters. And thirdly, the reader sees the certain period of time, The Civil War and Intervention, through the eyes of the character. The study of Tchernokov's narrative poetics provides new opportunities for the analysis and the return of his works to the Northern text of the Russian literature.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бахтин М.М. Записи лекций по истории русской литературы / Бахтин М.М. // Собр. соч. – Т. 2. – Москва : Русские словари, 2000. – 783 с.
2. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы / В.В. Виноградов – Москва : Наука, 1980. – 360 с.
3. Галимова Е.Ш. – Поэтика повествования русской прозы XX века (1917-1985) / Е.Ш. Галимова. – Архангельск : ПГУ, 2002. – 232 с.
4. Галимова Е.Ш. Возвращение Михаила Черногова / Е.Ш. Галимова // Михаил Черногов. Избранные произведения. – Архангельск : Правда Севера, 2016. – С. 3-18.
5. Мущенко Е.Г. Поэтика сказа / Е.Г. Мущенко, В.П. Скобелев, Л.Е. Кройчик. – Воронеж : Изд-во Воронеж. Ун-та, 1978. – 288 с.
6. Рыбаков Н.И. Жанр сказа в послевоенной советской литературе: автореф. дис. канд филол. наук наук: 10.01.01. – Москва : МГПИ, 1973. – 19 с.
7. Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции / Ю.Н. Тынянов // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – Москва : Наука, 1977. – 574 с.
8. Черногов М.В. Избранные произведения / М.В. Черногов. – Архангельск : Правда Севера, 2016. – 429 с.
9. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
10. Эйхенбаум Б. Литература / Б. Эйхенбаум. – Ленинград : Прибой, 1927. – 303 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bakhtin M.M. Zapisi lekcij po istorii ruskoj literatury [Recordings of lectures on the history of Russian literature] / M.M. Bakhtin // Sobr. soch. [Bakhtin M.M. Collected Works]. – Vol. 2. – Moscow, 2000. – 783 p. [in Russian]
2. Vinogradov V.V. Izbrannye trudy: O jazyke hudozhestvennoj prozy [Selected works: On the language of artistic prose] / V.V. Vinogradov. – Moscow : Nauka, 1980. – 360 p. [in Russian]
3. Galimova E.S. Pojetika povestvovanija ruskoj prozy HH veka (1917-1985) [Poetics of narration of Russian prose of the XX century (1917-1985)] / E.S. Galimova. – Arkhangelsk : PSU, 2002. – 232 p. [in Russian]
4. Galimova E.S. Vozvrashhenie Mihaila Chernokova [Return of Mikhail Tchernokov] / E.S. Galimova // Mihail Chernokov. Izbrannye proizvedeniya [Mikhail Tchernokov. Selected works]. – Arkhangelsk : Pravda Severa, 2016. – P. 3-18. [in Russian]
5. Muschenko E.G. Pojetika skaza [Poetics of the skaz] / E.G. Muschenko, V.P. Skobelev, L.E. Kroichik. – Voronezh, 1978. – 288 p. [in Russian]
6. Rybakov N.I. Zhanr skaza v poslevoennoj sovetskoj literature: avtoref. dis. kand filol. nauk nauk [The tale genre in post-war Soviet literature: abstract. dis. PhD in Philology]. – Moscow : MGPI, 1973. – 19 p. [in Russian]
7. Tynyanov Yu.N. O literaturnoj jevoljucii [On literary evolution] / Yu.N. Tynyanov // Tynjanov Ju.N. Pojetika. Istorija literatury. Kino [Tynyanov Yu.N. Poetics. History of literature. Cinema]. – Moscow : Nauka, 1977. – 574 p. [in Russian]
8. Tchernokov M.V. Izbrannye proizvedeniya [Selected works] / M.V. Tchernokov. – Arkhangelsk : Pravda Severa, 2016. – 429 p. [in Russian]
9. Schmidt W. Narratologija [Narratology] / W. Schmidt. – Moscow : Languages of the Slavic culture, 2003. – 312 p. [in Russian]
10. Eikhenbaum B. Literatura [Literature] / B. Eikhenbaum. – Leningrad : Surf, 1927. – 303 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.084>

**РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ ЗООНИМАМИ «КОЗЁЛ И КОРОВА»,
ОТРАЖАЮЩИЕ ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА (НА ФОНЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА)**

Научная статья

Хефни Х.А.Х.*

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (khalafhefny2015[at]gmail.com)

Аннотация

Целью работы является определение лингвокультурной специфики в антропоморфной семантике русских фразеологических единиц (далее ФЕ) с компонентами-зоонимами (козёл и корова), характеризующих человека (на фоне арабского языка). Актуальность исследования заключается в проведении сравнительного изучения национальных культур русского и арабского народов и раскрытия их фразеологических картин мира, а также в анализе русских ФЕ с компонентами-зоонимами козёл и корова, отражающих внутренний мир человека (на фоне арабского языка). В работе рассматриваются различные ФЕ, что позволяет установить семасиологические универсалии – законы соотношения, порядка следования и эволюции значений в непохожих языках. Источниками материала для данного исследования послужили фразеологические словари русского и арабского языков. Научная новизна работы заключается в том, что исследования русских фразеологических единиц с компонентами-зоонимами на фоне арабского языка, по нашим данным, недостаточно представлены в научной литературе. Исследователи редко обращались к комплексному изучению различных аспектов функционирования зооморфизмов в обоих исследуемых языках. Настоящая работа призвана заполнить эту лауну. Также в статье собраны примеры, которые в дальнейшем могут быть использованы в лексикографических исследованиях, особенно если их тема и предмет тесно связаны с арабским миром. Практическая значимость работы видится в том, что её результаты могут быть использованы в педагогических целях в процессе преподавания русского языка как иностранного, в частности, в группах арабских обучающихся, и в курсах по лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, а также в учебной лексикографии. В результате исследования, описанного в статье, выявлены сопоставительные фразеологизмы с компонентами-зоонимами, отражающие внутренний мир человека (на фоне арабского языка).

Ключевые слова: фразеологизмы, компонент-зооним, козёл, корова, русский язык, арабский язык.

**RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ZOONYMICAL COMPONENTS «GOAT AND COW»,
REFLECTING THE HUMAN INNER WORLD (ON THE BASIS OF THE ARABIC LANGUAGE)**

Research article

Hefny K.A.H.*

Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

* Corresponding author (khalafhefny2015[at]gmail.com)

Abstract

The aim of the work is to determine the linguistic and cultural specifics in the anthropomorphic semantics of Russian phraseological units (hereinafter PU) with zoonym components (goat and cow) that characterize a person (on the basis of the Arabic language). Russian and Arab national culture is studied comparatively, and its phraseological worldviews are elaborated on, Russian PU with the zoonym components of goat and cow, reflecting the inner world (on the basis of the Arabic language) are analyzed. The paper studies various PU, which makes it possible to establish semasiological universals – the laws of correlation, sequence and evolution of meanings in dissimilar languages. The sources of the material for this study were phraseological dictionaries of Russian and Arabic languages. The scientific novelty of the work lies in the fact that studies of Russian phraseological units with zoonym components on the basis of the Arabic language, according to our data, are insufficiently represented in scientific literature. Researchers rarely turned to a comprehensive study of various aspects of the functioning of zoomorphisms in both languages. This work is meant to fill this gap. The article also contains examples that can later be used in lexicographic studies, especially if their topic and subject are closely connected to the Arab world. The practical significance of the work is in the fact that its results can be used for pedagogical purposes in teaching Russian as a foreign language, in particular, in groups of Arab students, and in courses on cultural linguistics, cognitive linguistics, as well as in educational lexicography. As a result of the research described in the article, comparative phraseological units with zoonym components reflecting the inner world (on the basis of the Arabic language) are revealed.

Keywords: phraseological units, zoonym-components, goat, cow, Russian, Arabic.

Русские и арабские фразеологизмы с компонентом-зоонимом рассмотрены в аспекте антропоморфной семантики (в нашем исследовании рассмотрение внутренних качеств человека) [5], [6].

В языке отражается все национально-культурное богатство, которое сохраняет человеческая община в процессе ее исторического развития, поэтому анализ отдельных групп лексики (в нашем исследовании: зоонимов) в составе фразеологизмов разных народов, особенно непохожих, позволяет определить аспекты сходства и различия, что помогает выявить, в частности, национальные стереотипы того или иного народа [10, С. 36]. Анализ отдельных групп лексики (в нашем исследовании: зоонимы) в составе фразеологизмов разных народов, особенно непохожих, позволяет определить аспекты сходства и различия, что помогает установить связи между языком и национальными стереотипами того или иного народа.

И в русском, и в арабском языках фразеологизмы богаты и разнообразны. Упоминание названий животных считается естественным и нормальным, поскольку животные, как и люди, имеют свои характерные повадки и черты; у

каждого из них свой образ жизни и уникальный тип поведения. Многие названия животных в настоящее время являются языковыми метафорами. В русском, как и в арабском, например, бык здоров, лисица хитрая, свинья грязная и так далее.

Стоит подчеркнуть, что подобны устойчивые выражения, отражают национальную языковую картину мира и ее различные компоненты, такие как отношение к труду, быту и культурной жизни людей [7, С. 8], [10], при этом они являются важной и неотъемлемой частью любого языка. Со временем они приобретают закреплённую языковую окраску, что позволяет глубоко осознать прошлое народов или познать культуру других стран.

В семантических особенностях фразеологизмов можно найти отражение процесса развития культуры народов, то есть они представляют собой коды культуры. По мнению В.Н. Телии фразеологический состав языка как «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание» [10, С. 9].

Зоонимы – это наименования животных. В соответствии с биологической таксономией к животным относят шесть систематических групп (классов): амфибии и рептилии, беспозвоночные, рыбы, птицы, млекопитающие, насекомые. Наименования этих групп и являются базой для метафор и фразеологических единиц, т.е. образных средств языка [2, С. 23].

Одна из особенностей семантической структуры зооморфизмов – описание антропоцентрического (антропоморфного) смыслового значения [12, С. 11].

Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом формируют огромный пласт фразеологизмов и являются одной из самых распространенных языковых форм и единиц, потому что именно через сравнение себя с животным человек постигает окружающую его реальность и, в определенной степени, осмысливает свое место в этой реальности [2, С. 310]. В этой связи фразеологические единицы с компонентом-зоонимом широко распространены и универсальны во многих культурах. Об этом свидетельствует тот факт, что в языках всего мира они широко используются как характеристика образа человека и обладают высоким коннотативным потенциалом.

Зооморфные образы часто используются в составе фразеологизмов. Такая востребованность изображений животных обусловлена тем, что прямые значения этих лексических единиц обладают большими возможностями для образования коннотаций. Компоненты зоонимов в русском и арабском мировоззрении отличаются особой ментальной природной ассоциацией, объединяющей людей с животным миром, в основе которой лежит глубокая связь между оценочной семантикой и биологическими признаками животных.

Во избежание спора о выборе определенных животных, исключении других и достижения цели исследования, подбираем для анализа ФЕ, отражающих внутренние качества человека два распространённых образа в обеих культурах – образ козла и образ коровы.

В Большом толковом словаре русского языка под ред. Кузнецова, образ козла в выражении «*козёл отпущения*» олицетворяет человека, который отвечает за ошибки и грех других [4, С. 1393]. В том же словаре Кузнецова в поговорке «*как от козла-ни шерсти, ни молока*» описывают человека козлом, когда он стал бесполезным в делах [4, С. 437], похожее описание тоже можно встретить в словаре русских поговорок. Выражение «*забивать, забить козла*» используется, когда человек занимается бесполезным делом и пустяками [8, С. 297].

Образ коровы в том же словаре характеризует внешние и внутренние качества человека [4, С. 297]. В Большом словаре русских поговорок под ред. Мокиенко образ козла воплощает упорство несмотря на то, что это качество приписывается ослу в менталитете русского народа. Поговорка «*Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала*» говорится человеку, который много говорит о чужих ошибках, когда у него достаточно и своих, с требованием перестать говорить, а в выражении «*пошёл к корове на хвост*» говорится в ситуации гневного общения с человеком. Выражение «*От черной коровы белый пузырь*» обозначает человека, который слишком ценит себя, тогда как выражение «*ползать на коровках*» означает несамостоятельного человека, неспособного сделать что-либо [8, С. 785,786].

Во фразеологическом словаре русского литературного русского языка А. И. Федорова отмечается, что ФЕ *колюбка корова* обозначает неприятного и ленивого человека, а ФЕ *Божья коровка* олицетворяет безобидного человека, не умеющего постоять за себя [11, С. 315].

В арабском языке тоже есть группы ФЕ с компонентами-зоонимами *козёл* и *корова*, которые отражают внутренние качества человека.

В словаре современного арабского языка А. М. Омара корова в выражении *بقرة حلب* (букв. *дойная корова*) обозначает человека, которого все используют в своих корыстных целях [9, С. 230]. ФЕ «*اتبس العنز*» (букв. *делать из козла козла*) говорят о человеке, перешедшем из состояния унижения в гордость [то же, с. 230]. Другое значение отражается в словаре арабского языка Аль-Мугам Аль-Васит во ФЕ «*تبس الفرس*» (букв. *делать из кобылы козла*), которое вспоминают тогда, когда человек обучает и подготавливает кобылу для езды [1, С. 91].

В Большом толковом словаре арабского языка Лисан ал-Араб образ коровы *بقرة* означает человека с большими знаниями в своем деле *بقار* 6, С. 325]. В том же словаре упоминается ФЕ *اتبس القول* (букв. *показать козла в его словах*). Его используют тогда, когда человек показал глупость слов другого [6, С. 460]. Во ФЕ *انما هو تيس* (букв. *просто он козёл*) уничижительно говорится о презренном мужчине [3, С. 187].

Рассмотренные зооморфные образы позволяют сделать нам несколько выводов. Во-первых, состав зооморфных образов, которые считаются компонентами фразеологических единиц, в значительной степени являются общими для обоих языков.

Зооморфизмы активно применяются в различных речевых и языковых ситуациях в повседневной жизни, где они несут прямые или косвенные экспрессивно-оценочные значения.

Зооморфные образы отражают в основном негативные внутренние качества человека. Образ козла – безответственность, глупость, бесполезность (в русском языке), покорность и презренность (в арабском языке), образ коровы – лень, гнев, гордыня, несамостоятельность (в русском языке). В арабском языке зооморфный образ коровы даёт положительную оценку, так как олицетворяет человека, который является источником благополучия для других.

Таким образом, нейтральность оценки внутренних качеств с помощью ФЕ с компонентами-зоонимами очень ограничена.

Примечательно, что, посчитав в русском и арабском языках ФЕ с компонентами-зоонимами *козел* и *корова*, отражающие внутренние качества человека, находим, что количество таких ФЕ в русском языке 8, а в арабском – 4. Это означает, что в русском языке рассмотренные зооморфные образы при описании внутренних качества человека употребляются чаще, чем в арабском.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. المعجم الوسيط مجمع علماء اللغة العربية. – القاهرة.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
3. الشَّراري أ.ح. أمثال في كتاب "الحيوان" للجاحظ: رسالة دكتوراة في اللغويات، م. 2015. – 194 ص.
4. Большой толковый словарь русского языка / под. ред. С. А. Кузнецова. – Санкт-Петербург : Норинт, 2003. – 1536 с.
5. Зайченко Н.Ф. Лексико-семантическая группа «Названия животных» и ее фразеобразующие возможности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Зайченко Неонила Федоровна. – Киев, 1983. – 16 с.
6. ابن منظور أبو الفضل. لسان العرب. ج 13. بيروت، دار الفكر، 1992، 566 ص.
7. Мокиенко В.М. Образы русской речи / В.М. Мокиенко. – Ленинград : издательство Ленинградского университета, 1986.
8. Мокиенко В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
9. عمر ، أ. قاموس اللغة العربية الحديثة. القاهرة ، دار الحديثة .
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 287 с.
11. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Федоров. – 3-е изд., испр. – Москва : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.
12. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – изд-е 8-е, стереотип. – Москва : Ленанд, 2019. 272 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Al-Mugham Al-Wasit. Almuejam Alwasit Mujamae Eulama' Allughat Alearabiati [House of Arabic Language Scholars]. – Cairo, 2004. [in Arabic]
2. Arutyunova N.D. Jazyk i mir cheloveka [Language and the human world] / N.D. Arutyunova – Moscow : Languages of Russian Culture, 1998. – 896 p. [in Russian]
3. Ash-Sharari A.H. Alshshrary 'A.Ha. 'Amthal Fi Kitab "Alhayawani" Liljahizi: Risalat Dukturat Fi Allughwyat, Ma [Proverbs in the book Al-Khalavan Jahiza: dis. ... of PhD in Philological Sciences]. – Moscow, 2015. – 194 p. [in Arabic]
4. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [The Great Interpretative Dictionary of the Russian Language] / ed. by S.A. Kuznetsov. – Saint-Petersburg : Norint, 2003. – 1536 p. [in Russian]
5. Zajchenko H.F. Leksiko-semanticheskaja gruppa «Nazvanija zhivotnyh» i ee frazeobrazujushhie vozmozhnosti v sovremennom russskom jazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Lexico-semantic group «Animal names» and its phrase-forming possibilities in modern Russian language: author's abstract. dis. ... of PhD in Philological Sciences] / Zaichenko Neonila Fedorovna. – Kyiv, 1983. – 16 p. [in Russian]
6. Ibn Manzur Abu Fadl. Abn Manzur 'Abu Alfadali. Lisan Alearabi. J Bayrut, Dar Alfikri, [For the Arabs]. – Beirut : Dar al-Fikr, 1992. – 566 p. [in Arabic]
7. Mokienko V.M. Obrazy russkoj rechi [Images of Russian speech] / V.M. Mokienko. – Leningrad : Publishing House of Leningrad University, 1986. [in Russian]
8. Mokienko V.M. Bol'shoj slovar' russkih pogovorok [A large dictionary of Russian proverbs] / V.M. Mokienko, T.G. Nikitina, E.K. Nikolaeva. – Moscow : OLMA Media Groups, 2007. – 784 p. [in Russian]
9. Omar A.M.A. Eumar , 'A. Qamus Allughat Alearabiat Alhadithati. Alqahirat , Dar Alhadithat [Dictionary of modern Arabic language] / A.M. Omar. – Cairo, 2008. [in Arabic]
10. Teliya V.N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects] / V.N. Teliya – Moscow : School of Languages of Russian Culture, 1996. – 287 p. [in Russian]
11. Fedorov A.I. Frazеологический slovar' russkogo literaturnogo jazyka [Phraseological dictionary of the Russian literary language] / A.I. Fedorov. – 3rd ed. – Moscow : Astrel : AST, 2008. – 878 p. [in Russian]
12. Shansky N.M. Frazеологija sovremennogo russkogo jazyka [Phraseology of modern Russian language] / N.M. Shansky. – 8th ed. – Moscow : Lenand, 2019. – 272 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.085>

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ИХ ИЗМЕНЕНИЯ В ГРАММАТИЧЕСКОМ СТРОЕ РЕЧИ

Научная статья

Легучая Е.А.*

ORCID: 0000-0002-4380-3941,

Санкт-Петербургский экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (estpisma[at]mail.ru)

Аннотация

В статье анализируются особенности формирования лексических единиц и их изменения в грамматическом строе речи. Рассмотрены причины возникновения некоторых исключений из нормативных правил образования, употребления и сочетаний лексических единиц в процессе устной речи и их взаимодействия. Приведены примеры подобных изменений в словах и конструкциях, употребляемых в современном китайском языке.

Сделаны выводы о том, что хотя зачастую процессы формирования и употребления лексических единиц и их грамматических форм противоречат нормативным правилам грамматики китайского языка, представляют сложность для их анализа, но так как они направлены на облегчение понимания и восприятия, то они воспринимаются как естественный процесс развития языка. Предложенный в статье метод анализа применим и к другим случаям отхождения от формальной грамматики китайского языка, сформированной в ходе живой разговорной речи.

Ключевые слова: словообразование, лексика, китайский язык, омонимия, полисемия, грамматический строй, устная речь, грамматика китайского языка.

PRINCIPALS OF FORMATION OF LEXICAL UNITS AND THEIR CHANGES IN GRAMMATICAL STRUCTURE OF SPEECH

Research article

Letuchaya Y.A.*

ORCID: 0000-0002-4380-3941,

Saint Petersburg State University Of Economics, Saint-Petersburg, Russia

* Corresponding author (estpisma[at]mail.ru)

Abstract

The article analyzes the principles of lexical units formation and their changes in the grammatical structure of speech. The reasons for exceptions to the normative rules of formation, use and combinations of lexical units in the process of oral speech and their interaction are studied. Examples of such changes in words and words constructions used in modern Chinese are given.

It has been established that, although the processes of formation and use of lexical units and their grammatical forms often contradict the normative rules of Chinese grammar, they are difficult to analyze, but, since they are aimed at understanding and perception, they are considered to be a natural process of language development. The method of analysis proposed in the article is applicable to other cases of separation from the formal grammar of the Chinese language, formed in colloquial speech.

Keywords: word formation, lexis, Chinese, homonymy, polysemy, grammatical structure, oral speech, Chinese grammar.

Введение

На сегодняшний день все больше возрастает интерес к изучению китайского языка как средства общения. Такая ситуация ставит перед исследователями в области изучения языка целый ряд задач, одной из которых является систематизация закономерностей образования лексических единиц и их употребления в китайском языке. Особое внимание уделяется проблемам, связанным с восприятием устной речи на слух, так как восприятие речи на слух (особенно иноязычной) считается одним из сложнейших видов речевой деятельности [1, С. 104].

В соответствии с общепринятой в современной стилистике системой классификации функциональных стилей речи разговорному стилю, как разновидности литературного языка, объективно приписывается обслуживание широкой сферы бытового общения в процессе повседневной деятельности людей, и поэтому основной формой реализации разговорного стиля традиционно считается устная речь [2, С. 53].

Наличие множественных форм омонимии и полисемии в китайском языке, а также отсутствие чётких границ слова, учитывая специфику словообразования в китайском языке, затрудняют восприятие устной речи, что приводит к различным формированиям в виде исключений из общих правил, особенностям употребления и сочетания лексических единиц, направленных на облегчение ее восприятия.

Данная проблема интересует не только специалистов в изучении китайского языка, но и самих носителей языка, учитывая тот факт, что она влияет на повседневную жизнь китайцев, и даже просмотр фильмов и других телевизионных передач сопровождается чтением субтитров ввиду множества одинаково звучащих фраз в потоке речи для облегчения понимания смысла и во избежание двоякого толкования. Таким образом, выбранная тема исследования затрагивает не только теоретические вопросы, относящиеся к формированию лексических единиц в китайском языке, но и отвечает практическим запросам повседневной коммуникации в процессе устной речи.

Основные результаты

В китайском языке из-за ограниченности фонетической системы, большая часть неологизмов – производные слова, гораздо легче использовать уже имеющиеся модели и элементы, чем создавать новый фонетический комплекс. Этим и объясняется наличие множественных форм омонимии и полисемии в китайском языке.

Омонимия и полисемия – это довольно распространенные явления, которые встречаются практически во всех языках. Они затрудняют перевод и даже общение между носителями одного языка [3, С. 262].

Среди способов образования новых слов можно выделить так называемые семантические инновации или переосмысление, когда новое значение обозначается формой, уже имевшейся в языке. Таким образом в 2017 году возник модный термин в современном китайском языке – 吸猫 xī māo «держать кошку». История появления данного термина заключается в том, что был один такой любитель кошек, который каждый день после работы любил играть со своей кошкой. И постепенно это развлечение у него превратилось практически в зависимость. Интересно, что 吸 xī в оригинале имел перевод «вдыхать, втягивать; затягиваться (напр. дымом), курить», то есть данный глагол изначально предполагал наличие зависимости, а именно 吸烟 xī yān – «курить», а впоследствии у слова 吸 xī появились такие значения как «притягивать; привлекать; втягивать, вовлекать», отсюда 吸猫 xī māo «держать кошку» [7]. Этим также объясняется и тот факт, что в большая часть глаголов в китайском языке являются переходными, без существительного, с которым он употребляется, может быть не понятно, в каком значении он употребляется в отдельно взятом случае: 看书 kàn shū «читать книгу», где 看 kàn читать, 书 shū книга, а 看人 kàn rén разбираться в людях, где 看 kàn смотреть, а 人 rén человек.

В ходе более подробного анализа данной проблемы были выявлены примеры в структуре образования лексических единиц, сочетания их в грамматических формах и употребления некоторых конструкций, которые явно указывают на то, что все эти отхождения от общих правил были сформированы не случайно, а в основном направлены на облегчение восприятия и понимания в потоке китайской речи. Для анализа были использованы учебные пособия, соответствующие уровню 1-4 HSK (汉语考试水平) на английском языке, учебное пособие практический курс китайского языка, изданное на русском языке, а также был использован материал «живой» разговорной речи с носителями языка для сравнения разговорных форм употребления слов и конструкций с общими грамматическими правилами.

Таким образом, можно выделить примеры образования некоторых слов, которые, вероятно, ранее сформировались в устной речи носителями языка во избежание созвучий, затем прочно в ней закрепились и стали общеупотребительными, так например, дни недели по-китайски не имеют названий, а образованы как номер дня недели по порядку: 星期 xīngqī это «неделя», а 星期一 xīngqīyī это «понедельник», по аналогии образованы остальные дни недели, вторник – 星期二 xīngqīèr, среда – 星期三 xīngqīsān, и т.п., по логике воскресенье, как седьмой день недели, должно было бы быть образовано также путем сложения слова 星期 xīngqī и цифры 七 qī «семь», а именно 星期七 xīngqīqī. Но день недели «воскресенье» обозначается как – 星期日 xīngqīrì или 星期天 xīngqītīān. Так как цифра 一 yī «один» созвучна с цифрой 七 qī «семь», то цифру 七 qī «семь» заменили слова 天 tiān и 日 rì, имеющих значение «день». Слово 星期七 xīngqīqī в словаре определяется как «седьмой день недели, воскресенье», в настоящее время используется в шуточной форме [7].

Кроме того, цифра 一 yī «один», ввиду ее созвучия с цифрой 七 qī «семь», в составе последовательности цифр (например, в номере телефона) чаще всего заменяется на 幺 yāo, что позволяет более четко и ясно воспринимать эту цифру на слух [6, С. 129]. Поэтому мобильный номер: 1314563477 будет звучать как «yāo sān yāo sì wǔ liù sān sì qī qī», а не yī sān yī sì wǔ liù sān sì qī qī».

Известно, что многие слова в китайском языке образованы путем словосложения, которое представляет из себя сложение двух слов или их основ для образования нового сложного слова [4, С. 494]. Поэтому на формирование лексических единиц оказывают влияние и проблема определения границы китайского слова, которая также осложняется отсутствием в иероглифическом тексте пробелов между соседними иероглифами [5, С. 92].

Так, например, глаголы 上、下、进、出、回、过 и 起 с простым направленным дополнением 去 и 来 образуют сложное направленное дополнение: 上去 / 上来、下去 / 下来、进去 / 进来、出去 / 出来、回去 / 回来、过去 / 过来, кроме глагола 起 [10, С. 91].

Глагол 起 qǐ может образовывать сложное дополнение с простым направленным дополнением 来 lái, но не употребляется с простым направленным дополнением 去 qù, так как сочетание 起去 qǐqù может в предложении употребляться в другом сочетании с другим значением, сравните:

我还是希望能挤出一个礼拜左右, 和我的家人一起去那里度个假。 «Я все еще надеюсь выкроить недельку или около того, чтобы поехать куда-нибудь в отпуск с семьей», в сочетании [一起去] 那里度个假, 一起 yī qǐ – это наречие «вместе», а 去 qù в связке с последующим глаголом образует грамматическую конструкцию сопряженных действий: 去度假 qù dù jià «поехать в отпуск» [8, С. 102].

Наличие схожих сочетаний в разных значениях также может вызывать трудности при восприятии речи на слух, поэтому глагол 起 qǐ не сочетается с 去 qù для образования сложного дополнения.

По причине многозначности в словах, а также во избежание двоякого толкования фраз, употребление некоторых результативных глаголов в китайском языке также имеет примеры исключений. Так, например, глагол 到 dào, используется в качестве результативного дополнения и употребляясь с другими глаголами, может указывать на достижение результата, а именно с глаголами движения означает «достигнуть, прийти»; достижение определенного момента; может также означать, что результат был достигнут какими-то усилиями, например:

我在办公室看到王老师了。《Я видел учителя Вана в аудитории», – здесь 到 dào употребляется в значении достижения результата и с глаголом 看 kàn «смотреть» образует результативный глагол 看到 kàndào, который в данном примере имеет значение «видел».

雨一直下到晚上才停。《Дождь не прекращался до ночи», здесь 到 dào употребляется в значении «достижение определенного момента» с глаголом 下 xià «идти, капать (о дожде)» образует результативный глагол 下到, который в данном примере имеет значение «шел до...» [9, С. 110].

Однако с глаголом 睡 shuì «спать» для выражения значения достижения результата используется результативное дополнение 着 zháo, образующий результативную форму глаголов, и указывающий на благоприятный или ожидаемый результат действия, а не 到 dào в том же значении. Употребляясь с глаголом 睡 shuì «спать» 到 dào, как результативное дополнение, указывает на другое значение, а именно достижение определенного момента, сравните:

早上通常会睡到自然醒, 看看喜欢的书籍。《Утром я обычно сплю, пока не проснусь естественным образом и не почитаю любимую книгу», – здесь результативное дополнение 到 dào указывает на достижение определенного момента, а именно 睡到自然醒 «спать до естественного пробуждения».

你小时候, 我必须一遍又一遍地读着同样的故事, 直到你静静睡着……《Когда ты был маленьким, мне приходилось перечитывать одни и те же истории снова и снова, пока ты не засыпал спокойно...», – здесь результативное дополнение 着 zháo указывает на благоприятный и ожидаемый результат, а именно 睡着 «заснуть».

Еще один пример касается конструкции «除了……(以外), 还 / 都……» chūleyǐwài, hái/ dōu……, переводимой на русский язык как «кроме..., ещё / все», где и 除了 chūle и 以外 yǐwài имеет значение «кроме». Для многих конструкций китайского языка свойственно опущение какой-либо части конструкции. В данной конструкции можно, например, опустить 以外 yǐwài: 除了你们几位以外, 其他人都还不知道这些 «Кроме вас, никто не знает об этом». И тот же пример без 以外 yǐwài: 除了你们几位, 其他人都还不知道这些 «Кроме вас, никто не знает об этом». Если опустить 以外 yǐwài в данном примере, смысл предложения не изменится [10, С. 164]. Но, так как слово 以外 yǐwài после существительного места может также употребляться в значении «вне, за пределами», то в значении «кроме» оно всегда должно употребляться совместно со словом 除了 chūle «кроме», сравните:

我参观了许多地方, 除了长城以外。《Я побывал во многих местах помимо Великой Китайской стены», 以外 yǐwài в значении: «кроме», 除了 chūle не может быть опущен.

她曾听说在长城以外, 无信仰的蛮荒之地仍然可以找到巨人。《Она слышала, что в безбожной дикой местности за великой Стеной все еще можно найти великанов», 以外 yǐwài употребляется в значении: «вне, за пределами».

Как известно, разговорный китайский язык на протяжении существенного периода времени по причине специфики общественно-экономического устройства китайского общества и традиционного уклада жизни развивался в определённой степени изолированно от письменного языка [2, С. 54]. В настоящее время наблюдается множество примеров их взаимодействия, многие формы, присущие разговорному стилю, используются в письменной речи и наоборот. Так, например, в разговорной речи модальный глагол 要 yào в значении «надо, нужно» заменяется на слово 得 děi со схожим значением «нужно, должно, вынужден»:

我得去趟银行换钱。《Мне нужно пойти в банк поменять деньги». Глагол 得 děi в разговорной речи взаимозаменяем с глаголом 要 yào в значении «надо, нужно».

Как уже отмечалось в статье ранее, замены слов синонимичными формами в разговорном языке также связаны с трудностями восприятия устной речи на слух, и то, что было в разговорной речи заменено другими формами выражения, зачастую впоследствии используется в письменном языке и в дальнейшем становится общепотребительным, а также взаимозаменяемым в устной и письменной речи.

Эти и многие другие примеры свидетельствуют о таких закономерностях формирования лексических единиц, их изменений и правил употребления, которые напрямую связаны в первую очередь с процессами, происходящими в потоке китайской речи. Чрезвычайно трудно воспринимать на слух множество одинаково звучащих слов, а продуктивность китайских иероглифов и ограниченность фонетической системы приводит к возникновению форм полисемии. Кроме того, отсутствие четких границ слова также вызывают сложности не только при восприятии устной речи на слух, но и даже в письменном языке.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что многие отхождения от правил сочетания и употребления лексических единиц, а также использование некоторых грамматических конструкций, сформированных в ходе развития языка, направлены на то, чтобы облегчить коммуникативное общение, в частности, облегчить восприятие устной речи на слух, а именно нейтрализовать полисемию, избежать двоякое толкование фраз. Зачастую эти процессы противоречат нормативным правилам образования лексических единиц и их изменений в грамматическом строе, но, так как они направлены на облегчение понимания и восприятия, то воспринимаются как естественный процесс развития языка. Ко всем другим подобным грамматическим изменениям и исключениям также можно применить данный метода анализа, и расценить их как исключительные случаи из формальной грамматики с целью облегчить восприятие устной речи, так как именно трудности при восприятии влекут за собой большую часть подобных изменений в процессе устной речи.

И несмотря на сложности анализа подобных явлений, данный вопрос заслуживает внимания и вызывает научных интерес с позиций практического применения результатов исследования. Понимание и анализ структуры языка, в частности формообразования и употребления отдельных лексических единиц, повышает эффективность изучения языка, не ограничиваясь знаниями общих правил грамматики китайского языка, а также способствует коммуникации.

Кроме того, результаты исследования свидетельствуют о том, что в процессе изучения языка недостаточно ограничиваться учебными пособиями, необходимо расширять познания языка в ходе живого общения с носителями языка. Таким образом, теоретические знания совмещаются с практическим применением языка в повседневной коммуникации.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ганзеева А.О. К вопросу о проблеме восприятия и понимания устной речи на слух. / А.О. Ганзеева // Научное и образовательное пространство: перспективы развития : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 9 апр. 2018 г.). – Чебоксары : Интерактив плюс, 2018. – С. 103–104.
2. Хабаров А.А. Новые подходы к исследованию современного разговорного языка. / А.А. Хабаров // Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме. – Москва, 2014. – С. 53–62.
3. Антипина А.И. К вопросу об омонимии в китайском языке. / А.И. Антипина, С.В. Оленев // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания / под ред. Трофимова У.М. – Бийск : Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, 2014.
4. Плешакова В.В. Основные способы словообразования в современном китайском языке / В.В. Плешакова // ScienceJuice2019: сборник статей и тезисов / под ред. Симонова С.А. – Москва : ПАРАДИГМА, 2020.
5. Плешакова В.В. Роль антонимичных морфем в словообразовании современного китайского языка. / В.В. Плешакова, С.А. Симатова // Вестник российского нового университета. Серия: человек в современном мире. – 2020. – № 3. – С. 91–99.
6. Кондрашевский А.Ф. Практический курс китайского языка: в 2 т. Т. 1. / А.Ф. Кондрашевский, М.В. Румянцева – Москва : Издательство ВКН, 2016. – 768 с.
7. Большой китайско-русский словарь. // БКРС онлайн словарь . – 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://bkrs.info>. (дата обращения: 18.04.22)
8. 邱军 - 成功之路:起步篇 1 邱军 - 北京: 北京语言大学出版社
9. 张莉 - 成功之路:顺利篇 1 张莉 - 北京: 成功之路:顺利篇
10. 沈红丹 - 成功之路:顺利篇 2 沈红丹 - 北京: 北京语言大学出版社

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ganzeeva A.O. K voprosu o probleme vospriyatiya i ponimaniya ustnoj rechi na slux [To the question of the problem of perception and understanding of oral speech by ear] / A.O. Ganzeeva // Scientific Cooperation Center "Interactive plus"; – Cheboksary': Interaktiv plyus, 2018. – Pp. 103–104. [in Russian]
2. Xabarov A.A. Novy'e podxody' k issledovaniyu sovremennogo razgovornogo yazy'ka. [New Approaches To Research Of The Colloquial Modern Chinese Language] / A.A. Xabarov // Language And Communication In Modern Polycultural Society. – Moscow, 2014. – Pp. 53–62. [in Russian]
3. Antipina A.I. K voprosu ob omonimii v kitajskom yazy'ke [To The Homonymy Problem In Chinese]. / A.I. Antipina, S.V. Olenev // General Theoretical And Typological Problems Of Linguistics / edited by U.M. Trofimov – Bijsk : Altai State Humanitarian Pedagogical University named after V.M. Shukshin, 2014. [in Russian]
4. Pleshakova V.V. Osnovnye sposoby' slovoobrazovaniya v sovremennom kitajskom yazy'ke [Main Ways Of Word Formation In Modern Chinese]. / V.V. Pleshakova // ScienceJuice2019: collection of articles and abstracts / edited by S.A. Simonov – Moscow : PARADIGMA, 2020. [in Russian]
5. Pleshakova V.V. Rol' antonimichny'x morfem v slovoobrazovanii sovremennogo kitajskogo yazy'ka [The Role Of Antonymous Morphemes In Word Formation Of The Modern Chinese Language]. / V.V. Pleshakova, S.A. Simatova // Vestnik rossijskogo novogo universiteta. Seriya: chelovek v sovremennom mire [Bulletin Of The Russian New University. Series: Man In The Modern World]. – 2020. – № 3. – Pp. 91–99. [in Russian]
6. Kondrashevskij A.F. Prakticheskij kurs kitajskogo yazy'ka: v 2 t. T. 1. [Practical course of the Chinese language: in 2 volumes. Vol. 1.] / A.F. Kondrashevskij, M.V. Rummyanceva – Moscow : VKN publishing house, 2016. – 768 p. [in Russian]
7. Bol'shoj kitajsko-russkij slovar'. [Big Chinese-Russian Dictionary.] // BKRS online dictionary. – 2017. [Electronic source] URL: <http://bkrs.info>. (accessed: 18.04.22) [in Russian]
8. Road to Success: Lower Elementary vol.1. / Beijing Language And Culture University Press, 2018. – 132 p. [in Chinese]
9. Road to Success: Elementary vol.1. / Beijing Language And Culture University Press, 2018. – 186 p. [in Chinese]
10. Road to Success: Elementary vol.2 / Beijing Language And Culture University Press, 2018. – 180 p. [in Chinese]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.086>

МОДЕЛИ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И СОЦИАЛИЗАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Научная статья

Жижилева Л.*

ORCID: 0000-0001-7725-2159,

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (larzhi73[at]yandex.ru)

Аннотация

В условиях глобализации мира увеличиваются вызовы, влияющие на жизнь человека и сообществ. Еще традиционное государство ставило социализацию своих поданных в зависимость от его военных задач. В некоторых случаях связь с Высшей Реальностью рассматривалась человеком как более значимая задача, особенно в ситуации трансформирующих сознание практик (например, даосизм, стоицизм). Новоевропейское национальное государство создавало условия для универсальной (школьно-вузовской) социализации мужчин, забота о которых ложилась на плечи их жен, продолжающих жить предыдущей парадигмой социализации. Сегодня универсальная социализация присуща и мужчинам и женщинам, однако, она препятствует индивидуальному развитию современного человека, его гибкому приспособлению к многочисленным вызовам глобального мира.

Ключевые слова: социализация, идентификация, мужчины, женщины, «забота о себе».

MALE AND FEMALE IDENTITY AND SOCIALIZATION MODELS: CERTAIN ASPECTS

Research article

Zhizhileva L.*

ORCID: 0000-0001-7725-2159,

Saint-Petersburg University Of Management Technologies And Economics, Saint-Petersburg, Russia

* Corresponding author (larzhi73[at]yandex.ru)

Abstract

In a globalized world, the challenges that affect individuals and communities are increasing. Even the traditional state had been making socialization of its subjects dependent on its military tasks. In some cases, the connection with the Higher Reality was perceived as a more meaningful task, especially in situations of consciousness-altering practices (for example, Taoism, Stoicism). The new European nation-state had created conditions for universal (school-university) socialization of men, whose well-being fell on the shoulders of their wives, who continued to live in the previous social paradigm. Today, universal socialization is inherent to both men and women, but it hinders the individual development of a modern person, their ability to adapt to many challenges of the global world.

Keywords: socialization, identification, men, women, «self-care».

Введение

Проблема того, каков человек и каким ему необходимо быть, волновала человечество с давних пор. Древнейшие традиции указывали: простого факта рождения недостаточно для того, чтобы стать человеком, – следует проделать некоторые шаги к достижению данной цели, которая, как правило, уже задана культурой или отдельными ее проявлениями. Традиционное и современное общества предлагают определенные условия социализации человека, показывают варианты идентификации (отождествление или самоидентификация). Осмысление их современной личностью открывает возможности как в аспекте обретения устойчивости в окружающем мире, так и реализации своих смыслов, интересов и потребностей.

Методы и принципы исследования

Исследование социализации и идентификации человека может строиться на использовании сравнительно-исторического метода. Он позволяет изучать и сопоставлять интересующие нас аспекты, например, воспитание, образование, индивидуальное развитие в отстающих друг от друга по времени общностях, разных социальных стратах, среди мужчин и женщин. Кроме того, анализ интересующих нас вопросов требует опоры на личные биографические данные, важным источником которых могут быть дневниковые записи.

Основные результаты

В сравнении с традиционным обществом, формирование современного человека ориентировано, скорее, на складывание индивидуальных, нежели типичных черт, что способствует большей устойчивости его в мире. Об этом свидетельствуют и современные исследования, которые указывают на появление нового типа социализации, который позволяет человеку, независимо от пола, сохранить способность понимания собственных потребностей и интересов, оформившихся в детстве, и соединить ее с ответственностью взрослого человека, что делает индивидуальное развитие личности возможным [1], [12]. Необходимо заметить, что возможности для индивидуального развития личности появляются постепенно, когда жизнь человека не связана исключительно с решением насущных задач. Кроме того, в процессе его воспитания внимание не должно акцентироваться только на рациональной сфере в ущерб чувственно-эмоциональной.

Обсуждение

В традиционном обществе, в котором человек сталкивался со сложными условиями выживания, отождествление со своей социальной группой было преимуществом перед самоидентификацией или личностным развитием. Кроме того, обретение устойчивости в окружающем мире могло быть достигнуто некоторыми практиками прижизненной подготовки души (души и тела) к отождествлению с Высшей Реальностью, как бы она ни называлась. В стоицизме, например, понимание закона мироздания и согласие с ним ведет к принятию человеком разных, в том числе и негативных обстоятельств жизни, что позволяет ему быть устойчивым несмотря на то, что происходит в социуме. Следование пути Дао также дает возможность отыскать гармонию следующему за ним адепту, в социуме которого довольно много жестких условий. Такая трансформация требовала понимания себя, своих внутренних процессов и «заботы о себе», на что указывал еще Платон [3]. Таким образом, можно было сказать, что знание истины преобразовывало человека, готового к таким практикам, делало его более устойчивым и гармоничным в сложных условиях жизни.

Социализация человека традиционного общества, как правило, происходила в строгом соответствии с требованиями своей социальной группы, пола, хотя в ряде духовных практик, например, в буддизме, это не имело значения. Становление гражданина в этом обществе связывалось скорее с формированием типичных черт, чем проявлений индивидуальности. Например, в античном обществе, социализация мужчин-граждан предполагала их универсализацию, связанную с их активным участием в экономической, политической жизни полиса, что не относилось к рабам и иностранцам. Помимо семейных, имели место и внесемейные формы воспитания и обучения. В это время, цель существования большинства женщин, в том числе жен граждан, долгое время связывалась с рождением и воспитанием детей, и их социализация в афинском полисе проходила внутри семьи, закрыто.

Модели мужского и женского поведения в христианской средневековой культуре устанавливались Церковью, толковавшей определенным образом Священное писание. Обе модели реализовывались в рамках традиционной патриархальной семьи (как представителей элиты, так и крестьянской), где женщине отводилась второстепенная роль в силу ее экономической и юридической зависимости. Муж рассматривался в качестве опекуна своих детей и жены, которая была отрезана от любой формы производства, кроме заботы о доме. Жесткая репрессивная система опеки применялась женой по отношению к своим дочерям ради сохранения их целомудрия [4, С. 123–129].

Длительное время патриархальное устройство жизни и быта присутствовало в крестьянских семьях, сохранивших свой уклад до XX века. Это было связано с тем, что вплоть до революционных событий 1917 года в России просуществовала экономическая система военно-служилого управления, позволявшая дворянам получать с крестьянской общины доходы в свою пользу и в пользу государства. Изучение статусных ролей жителей северорусских деревень 1900–1960 гг. рождения, позволило доктору филологических наук С.Б. Адоньевой раскрыть их роль в структуре деревни XX века [5, С. 25–30]. В частности, исследовательница показала, что в общине вплоть до усиления роли партии в деревне, осуществления процессов раскулачивания, крестьянским хозяйством и семьей управляли главы крестьянских дворов или большаки. Мужчина, не будучи самостоятельным, считался парнем и становился большаком после женитьбы и выделения ему отдельного хозяйства. Женщины не были экономически самостоятельными, сначала находясь в зависимости от семейства отца, затем от мужа. Особое положение могла иметь лишь большуха, – старшая женщина (чаще жена большака). На ней были многие хозяйственные вопросы и вопросы поведения членов семьи, проведение ритуалов. В советское время произошло переподчинение мужчин партии, а социальный статус их снизился до положения парней, имеющих внесемейные ценности. Женский же статус вырос, как внутри семьи, так и в обществе, и это обстоятельство обрекло их на переработки и бесконечную усталость от выполнения нескольких ролей.

Таким образом, в традиционной культуре социализация мужчин и женщин разных социальных слоев связывалась преимущественно с семьей, в которой ребенка можно было научить необходимым знаниям, умениям и навыкам, требующимся для его группы. Огромное влияние на социализацию человека оказывало военно-иерархическое устройство государства, а также религиозные представления, закреплявшие патриархальные отношения. Большее значение в структуре идентификации имело отождествление со своей группой, позволявшее человеку быть более устойчивым в обществе. Длительное время и после распада традиционного общества семейный тип социализации мог сохраняться среди социальных низов, что видно на примере российского общества.

Новоевропейский субъект познания живет с большей верой в свой разум, чем в Высшую Реальность. В его картине мира оказывается бесконечная материальная Вселенная, где он видит себя словно заброшенным на необитаемую землю, как Робинзон Крузо. Опасности, которые подстерегают его на каждом шагу, заставляют осваивать этот мир, приспосабливать его к своим нуждам. Для человека Нового времени земное оказалось важнее, чем небесное, а интересы внешнего мира более значимы, чем связанные с внутренней трансформацией. Наблюдается активный расцвет науки, который предлагает решить многие проблемы человечества. Участие в каком-либо социальном проекте может рассматриваться как возможность реализации человека, идентифицирующего себя с определенной социальной ролью. На место Высшей Реальности приходит обычное земное национальное государство, правила которого определяют жизнь человека. Ощущение опасности, которое сопровождает гоббсовского человека, заставляет его искать безопасное пространство, которым и становится государство со своей огромной властью и практиками контроля. Приемлемая среда здесь – это территория понятности, рациональности, которая строится на базовых утверждениях науки (истина или ложь) и морали (добро или зло), что приводит к формированию социализации, основанной на универсальном школьно-вузовском воспитании и обучении. Те же элементы социального пространства, которые кажутся неразумными (например, радушие и хлебосольство, распространенное среди дворян; чувствительность и эмпатия более характерные для женщин), могут не только осуждаться, но некоторые их носители также подвергаться изоляции (например, преступники или психически больные люди). Французский мыслитель М. Фуко [6] довольно подробно исследует механизм такой изоляции в классическую эпоху. Более того, за долгий период формирования субъекта познания система контроля и управления, поименованная как

диспозитив [7], утверждается в нем как внутренний компас, по которому человек непроизвольно сверяет свои поступки, контролирует себя. В конечном итоге, возникает ситуация, при которой поиск истины не меняет человека, как утверждает М. Фуко [8]. Человек может стать некоторым социальным проектом, для которого «забота о себе» перестает иметь значение.

Что же тогда имеет значение? Прежде всего, в новоевропейском обществе ценятся интеллектуалы, которые готовы хорошо выполнять профессиональные функции в условиях, когда забота о них ложится на плечи других людей. Развитие умственных способностей, соответствие нравственным устоям общества, подавление страстей и желаний является программой декартовского человека, с которой должен, прежде всего, справиться мужчина, как активный участник общественного производства. Социализация женщин, как и наделение их правами, длительное время проходила по иному сценарию, на что далее и необходимо обратить внимание.

В новоевропейской культуре мужчины разных социальных групп через организованную в обществе систему образования, имели возможность социализации в разных ее структурах, прежде всего, в государственных. В это же время женщина продолжает оставаться в системе семейно-религиозных ценностей, заботы о муже и семье. Мужчину готовят к принятию рациональных и взвешенных решений в различных сферах жизни общества. Система воспитания мужчины ориентирована на формирование в нем моральной устойчивости, а также ограничений в чувственно-эмоциональной сфере. От женщины же скорее не требуется принятия рациональных решений, но целью и смыслом ее существования предполагается соблюдение интересов мужа и детей, забота о них. Свидетельства собственной жизни представителей элиты являются хорошим источником, дающим возможность увидеть, насколько в разных культурных срезах оказывались мужчины и женщины. Так, дневниковые записи четы Толстых показывают, что эти люди имели очень разные типы мировоззрения. Софья Толстая заботилась о воспитании и образовании своих детей, устраивала хозяйство, переписывала рукописи своего мужа, отдавая всю свою энергию вовне, в ущерб себе. Ее муж был далек от многих хозяйственных дел, а воспитанием детей практически не занимался [9]. Однако, Л. Толстой примерно к пятидесяти своим годам, при любящей жене и детях, хорошем здоровье и признании на литературном поприще, имел устойчивые мысли о самоубийстве, бесцельности своего существования, о чем он пишет в своей «Исповеди» [10]. Таким образом, при разнице системы социализации для мужчин и женщин оба члена семьи не реализовывали свои истинные возможности и планы, находясь в рамках социальной необходимости, стандартов, требовавших от них внешней, а не внутренней работы.

Итак, как в европейском, так и российском обществах наличие внесемейного образования для мужчин открывало для них большие возможности для реализации в разных сферах общества. В это же время, отсутствие такой возможности, что было характерно как для женщин, так и представителей социальных низов, сближало их с ценностями традиционной культуры. Но оба эти варианта социализации, акцентировали внимание на типичном, универсальном, ограничивали возможности для индивидуального развития личности.

В конце XIX–начале XX века, когда некоторые женщины начинают получать университетское образование, работать, заниматься иными видами деятельности, исторически принадлежащими мужчинам. И сегодня новоевропейская модель воспитания и образования играет огромную роль в социализации современного человека, независимо от пола, особенно если его деятельность связана с встраиванием в иерархическую систему. Создано множество технических возможностей, при которых организация домашнего хозяйства не носит столь обременительного характера. Хорошим функционером может стать как женщина, так и мужчина, а забота о них ложится на разветвленные сети различных социальных учреждений (медицинские заведения, социальные службы, рестораны, кафе и др.). Однако, таким образом социализированный человек по-прежнему может стать прекрасно функционирующей машиной, лишившись при этом самоцельной жизни.

Заключение

Таким образом, в условиях глобализации, роста объемов информации, универсальные проекты социализации все активнее истощают человека. Система школьно-вузовского обучения ориентирует его более на общественные, нежели собственные потребности, вызывая у человека к пожилому возрасту ощущение непрожитости жизни. Можно говорить о том, для формирования более устойчивой и гармоничной личности необходимы исторические примеры практик, которые успешно использовались ранее. Одной из таких практик может стать, например, стоицизм, позволяющий принимать какие-то факты реальности как часть общего мирового порядка и выработать осмысленную систему реагирования на них, «заботу о себе». Вместе с тем, социализация современного человека должна учитывать и его потребности, склонности, интересы, способствующие его самоидентификации, более свободной реализации, позволяющей проживать собственный смысл жизни. На практике такому развитию содействует адекватное родительское воспитание, личностно-ориентированный подход в учебных заведениях, индивидуальные формы обучения, помощь психолога и другие способы.

Благодарности

Признательна за идеи и размышления, которые использованы в тексте статьи, помощь в ее подготовке, моим собеседникам, в том числе, Алене Рыжовой (Москва), Маргарите Татарченко (Израиль), участникам книжного клуба организации «Ребра Евы» (г. Санкт-Петербург).

Acknowledgement

I am grateful for the ideas and thoughts that were used in the article, assistance in its preparation, my companions, including Alyona Ryzhkova (Moscow), Margarita Tatarchenko (Israel), participants of the book club of the «Eve's Ribs» organization (Saint Petersburg).

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Платон. Алкивиад 1 / Платон. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1450080000> (дата обращения 31.03.22).
2. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 1997. – 576 с.
3. Агамбен Дж. Что современно? / Дж. Агамбен – Киев : ДУХ І ЛІТЕРА, 2012. – 78 с.
4. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 г. / М. Фуко. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 676 с.
5. Веккью С. Хорошая жена / С. Веккью // История женщин на Западе в 5 томах. Т.2: Молчание Средних веков – Санкт-Петербург : Алетейя, 2009. – С. 123-129.
6. Адоньева С.Б. Половозрастные статусы и в устной речи и социальной практике / С.Б.Адоньева // Коммуникативные конвенции и социальные сценарии. – Санкт-Петербург : Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры, 2014. – С. 25–30.
7. Толстая С.А. Дневники в 2 томах. Т. 1. 1862–1900 / С.А. Толстая – Москва : Художественная литература, 1978. – 606 с.
8. Толстой Л.Н. Исповедь. Избранное / Л.Н. Толстой – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 544 с.
9. Горалик Л. Маленький принц и большие ожидания. Новая зрелость в современном обществе / Л.Горалик // Теория моды. – 2008. – №8. [Электронный ресурс]. URL: https://linorgoralik.com/little_prince.htm (дата обращения 5.12.2021).
10. Жижилева Л.И. «Новые взрослые» и изменение требований к структурам власти / Л.И.Жижилева // Органы государственной власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе: Сборник научных трудов V Национальной научно-практической конференции 20 декабря 2021 г. — Санкт-Петербург: Изд-во СПбУТУиЭ, 2022. – С. 254–260.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Platon. Alkiviad 1. [Alcibiades] / Platon. [Electronic resource]. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1450080000> (accessed 31.03.22) [in Russian]
2. Fuko M. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epohu [History of madness in the classical era] / M. Fuko – Saint-Petersburg : Universitetskaya kniga, 1997 – 576 p. [in Russian]
3. Agamben Dzh. Chto sovremenno? [What is modern?] / Dzh. Agamben – Kyiv : Duh i litera, 2012 – 78 p. [in Russian]
4. Fuko M. Germenevтика sub"ekta: kurs lekciy, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1981-1982 g. [Hermeneutics of the subject: a course of lectures delivered at the College de France in 1981-1982.] / M. Fuko – Saint-Petersburg : Nauka, 2007 – 676 p. [in Russian]
5. Vekk'yu S. Horoshaya zhenya [Good wife] / S. Vekk'yu // Istoriya zhenshchin na Zapade v 5 tomah. T.2: Molchanie Srednih vekov [The History of Women in the West in 5 volumes. Vol. 2: The Silence of the Middle Ages]. – Saint-Petersburg : Aletejya, 2009. – Pp. 123–129 [in Russian]
6. Adon'eva S.B. Polovozrastnye statusy i v ustnoj rechi i social'noj praktike [Gender and age statuses in oral speech and social practice] / SB Adon'eva // Kommunikativnye konvencii i social'nye scenarii [Communicative conventions and social scenarios] – Saint-Petersburg : Proppovskij centr: gumanitarnye issledovaniya v oblasti tradicionnoj kul'tury, 2014. – Pp. 25–30 [in Russian]
7. Tolstaya S.A. Dnevniky v 2 tomah. T. 1. 1862 [Diaries in 2 volumes. Vol. 1. 1862–1900]. – Moscow : Hudozhestvennaya literatura, 1978. – 606 p. [in Russian]
8. Tolstoj L.N. Ispoved'. Izbrannoe [Confession. Favourites] / L.N Tolstoj. – Rostov-na-Donu : Feniks, 1998. – 544 p. [in Russian]
9. Goralik L. Malen'kij princ i bol'shie ozhidaniya. Novaya zrelost' v sovremennom obshchestve [The Little Prince and Big Expectations. New maturity in modern society] / L.Goralik // Teoriya mody [Fashion theory]. – 2008. – № 8. [Electronic resource]. URL: https://linorgoralik.com/little_prince.htm (accessed 5.12.2021) [in Russian]
10. Zhizhileva L.I. «Novye vzroslye» i izmenenie trebovanij k strukturam vlasti ["New adults" and changing requirements for power structures] / L.I. Zhizhileva // Organy gosudarstvennoj vlasti v sisteme pravozashchitnoj deyatel'nosti na sovremennom etape: Sbornik nauchnyh trudov V Nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii 20 dekabrya 2021 g. [State authorities in the system of human rights activities at the present stage: Collection of scientific papers of the V National Scientific and Practical Conference on December 20, 2021]. – Saint-Petersburg : SPbUTUie Publishing house, 2022. – P. 254-260. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.087>**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОСТИ БЫТИЯ ИНДИВИДА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ**

Научная статья

Попов В.В.^{1,*}, Музыка О.А.², Дзюба Л.М.³¹ ORCID: 0000-0001-5773-4839;² ORCID: 0000-0002-3786-2590;³ ORCID: 0000-0002-3786-2692;^{1, 2, 3} Ростовский государственный экономический университет, Таганрог, Россия

* Копирующий автор (vitl_2002[at]list.ru)

Аннотация

В статье выявляется многообразие теоретических и практических подходов к изучению специфики инклюзивного образования и вхождения индивидов с ограниченными возможностями (ОВ) в структуру включающего общества. Осуществляется систематизация теоретических и проективно-практических подходов, которые описывают особенности реализации инклюзии в современной образовательной среде. Акцент делается на интегральном представлении особенностей образовательного пространства и механизмов функционирования включающего общества и жизнедеятельности индивидов с ОВ в этом обществе. Образовательная интерсубъективность в понимании интерпретации индивидуального бытия человека позволяет определить и спрогнозировать эффективные сценарии «выхода» из обычного социума и «вхождения» в общество включающее. Показывается, что индивиды с ограниченными возможностями весьма сложно и достаточно долго входят в стандартное образовательное поле, в мир повседневности включающего общества; это особенно проявляется в принятии обучаемыми правил и стереотипов индивидуального поведения. Целью работы является систематизация теоретических и проективно-практических подходов, которые описывают особенности реализации инклюзии в современной образовательной среде, представление интегрального моделирования особенностей образовательного пространства и механизмов функционирования включающего общества и жизнедеятельности индивидов с ОВ в этом обществе. Научная новизна связана с демонстрацией путей и «сценариев» вовлечения индивидов с ограниченными возможностями в стандартное образовательное поле, в мир повседневности включающего общества, что особенно проявляется в принятии обучаемыми правил и стереотипов индивидуального поведения.

Ключевые слова: ограниченные возможности, инклюзивное образование, включающее общество, феноменология, методология инклюзии, теоретические и практические подходы, образовательная интерсубъективность, индивидуальное бытие.

**EDUCATIONAL INTERSUBJECTIVITY IN THE INTERPRETATION OF THE SOCIETAL STATE FORMING
OF A DISABLED INDIVIDUAL**

Research article

Popov V.V.^{1,*}, Muzika O.A.², Dzyuba L.M.³¹ ORCID: 0000-0001-5773-4839;² ORCID: 0000-0002-3786-2590;³ ORCID: 0000-0002-3786-2692;^{1, 2, 3} Rostov State University of Economics, Taganrog, Russia

* Corresponding author (vitl_2002[at]list.ru)

Abstract

The article identifies a variety of theoretical and practical approaches to the study of inclusive education specifics and the introduction of disabled individuals (DI) into the structure of inclusive society. It systematizes theoretical and projective-practical approaches, which describe the specifics of implementation of inclusion in the modern educational environment. The emphasis is placed on the integral presentation of the features of the educational space and the mechanisms of societal functioning and life activities of disabled individuals in this society. Educational intersubjectivity in the understanding of the interpretation of individual state allows determining and predicting effective scenarios of «exit» from a conventional society and «entry» into an inclusive one. It is shown that disabled individuals face difficulties in entering the standard educational field, the world of everyday life of the inclusive society; this is especially evident in the students' acceptance of individual behavior rules and stereotypes. The aim of the work is to systematize theoretical and projective-practical approaches that describe the specifics of the implementation of inclusion in the modern educational environment, presentation of integral modeling of educational space and mechanisms features of societal functioning and life activity of disabled individuals in this society. Scientific novelty lies in the demonstration of ways and «scenarios» of involving disabled individuals in the standard educational field, in the world of everyday life including life, which is especially manifested in the students' acceptance of rules and stereotypes of individual behavior.

Keywords: disability, inclusive education, inclusive society, phenomenology, inclusion methodology, theoretical and practical approaches, educational intersubjectivity, individual state.

Введение

В современной философской литературе возник интерес к рассмотрению различных аспектов становления индивидуального бытия человека с ограниченными возможностями в период социальных трансформаций. В настоящее время идет активное обсуждение специфики инклюзивного образования с выходом на различные

аспекты жизнедеятельности индивидов с ограниченными возможностями (ОВ) [3], [8], [9], [13]. Социальная философия предлагает теоретические основания инклюзии. В этом направлении авторы статьи представили свое видение относительно различных аспектов инклюзии, постулируя, что эффективность исследования общества инклюзии и инклюзивного образования непосредственно зависит от синтеза философского и педагогического аспектов. Целью работы является систематизация теоретических и проективно-практических подходов, которые описывают особенности реализации инклюзии в современной образовательной среде, представление интегрального моделирования особенностей образовательного пространства и механизмов функционирования включающего общества и жизнедеятельности индивидов с ОВ в этом обществе. Научная новизна связана с демонстрацией путей и «сценариев» вовлечения индивидов с ограниченными возможностями в стандартное образовательное поле, в мир повседневности включающего общества, что особенно проявляется в принятии обучаемыми правил и стереотипов индивидуального поведения.

Методы и принципы исследования

Методологической основой исследования являются современные философские, педагогические и теоретические источники, а также результаты фундаментальных социально-философских, отечественных и зарубежных работ, связанных с интерпретацией и осмыслением теории инклюзии [2], [7], [11], [12]. Методология работы базируется на философских, исторических и междисциплинарных комплексах, принимающих постулаты релевантности и комплементарности, позволяющих выявить динамические и структурно-функциональные параметры социального бытия индивида с ограниченными возможностями во включающем обществе. Для корректного определения приоритетных направлений и тенденций развития и совершенствования образовательного пространства включающего общества с позиции феноменологического подхода использовались методы феноменологической установки, очевидности и созерцания, интроспекции, сравнительного анализа, метод экспертных оценок, методы классификации и структурирования информации, интерпретативные методы.

Основные результаты

- Индивиды с ограниченными возможностями весьма сложно и достаточно долго входят в стандартное образовательное поле, в мир повседневности включающего общества, это особенно проявляется в принятии обучаемыми правил и стереотипов индивидуального поведения. Использование феноменологического концепта образовательной intersубъективности в качестве особой сферы человеческого сознания дает возможность индивидам с ОВ в пределах собственных ментальных образов и индивидуального опыта представить и синтезировать свои взгляды, мнения, ценности, которые значимы в системе образования социума. Взаимодействие индивидов в образовательном пространстве демонстрирует факт своеобразного перенесения внутренне присущих индивиду с ограниченными возможностями особенностей и характеристик (касающихся его мировоззренческих установок) во внешние его проявления, в сферу социальной реальности.

- Исходно жизненные и образовательные установки индивидов с ОВ имеют естественный характер специфики духовной жизнедеятельности человека в современном ему социуме. Во включающем обществе общение в схеме «Я-Другой» осуществляется посредством постепенного осознания индивидами с ОВ иных реалий собственного индивидуального бытия. Человеческое воображение конструирует процесс внутреннего диалога в схеме «Я-Другой», представляя свое индивидуальное бытие одновременно находящимся в обычном обществе и обществе включающем. Образовательная intersубъективность в понимании интерпретации индивидуального бытия человека позволяет определить и спрогнозировать эффективные сценарии «выхода» из обычного социума и «вхождения» в общество включающее. Индивид с ограниченными возможностями в пределах внутреннего общения в схеме «Я-Другой» воспринимает и приобретает приоритетные ценности локальной социальной группы.

- В рамках теории и практики инклюзивного образования актуальной проблематикой становится попытка систематизировать существующие подходы с двух сторон: с одной стороны, анализируется уже реализованный опыт и практика организации таких форм обучения. С другой стороны – производится попытка описать и охарактеризовать сложившуюся ситуацию в теоретическом ключе, а единообразие всех подходов позволить продуктивно реализовать инклюзивную практику. Проективно-практический аспект проблемы касается систематизации различных подходов, которые определяют место и специфику реализации инклюзии и приводит к следующим выводам:

- во-первых, все современные подходы достаточно разрознены и, как правило, направлены на оценку какого-то одного аспекта реализации образования для индивидов с ОВ;

- во-вторых, теоретические, практические и методические разработки, подходы, исследования не связаны между собой, не всегда имеют достаточное количество обоснований и подтверждений;

- в-третьих, в рамках современной отечественной науки и практики достаточно много противоречивых данных об успешной или неуспешной реализации инклюзии в образовательных организациях;

- необходимо систематизировать теоретические и проективно-практические подходы, которые описывают особенности реализации инклюзии в современной образовательной среде.

По итогам анализа ряда исследовательских работ теоретические подходы в рамках анализа и содержания инклюзивного образования в современном обществе можно разделить по содержанию:

- 1) Антропоцентрический подход, в основе – положение, что индивид с ОВ, его самочувствие и здоровье – это центральные объекты любого педагогического процесса. Цель образования – человек с ОВ как интегральная индивидуальность.

- 2) Гуманистический подход, в основе – положение о том, что необходимо проводить обязательный учет индивидуально-психологических особенностей субъекта.

- 3) Акме-синергетический подход подразумевает обеспечение раскрытия творческого потенциала индивида с ОВ в едином контексте образования, продуктивной саморегуляции психической устойчивости и здорового образа жизни. С

акмеологической точки зрения, в рамках этого подхода обучение и инклюзия осуществляются в следующих направлениях: моделирование обучения с опорой на максимальную реализацию потенциала, актуализация саморегуляции субъектов с ОВ, повышения их психической устойчивости именно в рамках развития [1], [5], [6].

4) Системный подход рассматривает индивидов с ОВ с позиции их взаимодействия в определении возможных сценариев их вхождения в образовательное пространство социума.

5) Социокультурный подход ориентирован на разработку алгоритма подготовки индивида с ОВ, при которой он адаптирован к обществу, может гибко реагировать на его трансформации и потребности.

6) Компетентностный подход для реализации образования для индивидов с ОВ представляет собой систему принципов образования, которые направлены на: определение его целей, отбора его качественного содержания, организации реализации его процесса и оценки всех полученных результатов.

Обсуждение

Рассмотрим наиболее интересные и значимые подходы с позиции авторского видения проблемы. Например, представители конструктивно-интегративной концепции считают значимым проведение разновекторной коррекции коммуникации индивидов с ограниченными возможностями (ОВ), приоритетно в сегментах социальной адаптации и образования. Концепция социального взаимодействия и действия формирует позицию Р.Сли в сфере теории инклюзии [13]. Адекватная модельная конструкция показывает формирование социальной группы индивидов с ОВ, свободной от возможных дискриминационных аспектов. Основные концепты подобной модельной конструкции: «нарушение» и «неспособность». При этом «неспособность» связана с конструированием социальной модели идентификации индивидов с ОВ, а «нарушение» – отражает отрицательные физиологические или психологические характеристики индивидов. Кстати, во включающем социуме отсутствует конфликт относительно контентов подобных понятий. Поэтому в данном направлении существуют исследования, касающиеся специфики индивидуального наличного бытия человека во включающем обществе. Однако базисные параметры подобного бытия в явном виде не рассматривались, ослабляя проводимый дискурс относительно комплекса ценностных аспектов и сценариев включения человека в особую социальную группу. Весьма интенсивное обсуждение в научной и социально-философской литературе имеет проблема корреляции включающего общества и интегрированного общества. Так интегрированное общество рассматривается в качестве результата определенной социальной коммуникации и ассимиляции с обозначением доминирующего сегмента культуры. Проводимые исследования в данном направлении не только расширяют область интерпретации включающего общества, но и обозначают его своеобразные духовные ориентиры. Весьма актуальные в методологическом плане идеи, касающиеся конструктивистского подхода, обозначает С. Грин [10]. Приоритет отдан пониманию культуры и специфики образования особой социальной группы, причем особенности и пути формирования этой культуры в контексте социального взаимодействия представляется автором в динамической аккумуляции ее базисных принципов, характерных для людей с ОВ. Конечно, сама культура рассматривается как инструмент социально-ориентированного доминирования, что способствует формированию диалога «Я-Другой», отражающего идеи об иерархии и многоуровневости особых групп индивидов. Сущность данного подхода состоит в таком конструировании и представлении включающего общества, когда в нем переплетены социокультурные и иные традиции всех социальных групп, в том числе групп индивидов с ОВ. Г. Иттерстад обозначила ряд актуальных вопросов «приспособленного» вида образования в корреляции с интегрированными образовательными технологиями. Сами методы интегрированного образования формировались, исходя из реальной помощи людям с ОВ эффективно освоить и реализовать имеющиеся образовательные ценности, перевести обучаемых индивидов с ОВ в образовательную сферу коммуникации, не меняя особенностей их жизнедеятельности. Следовательно, теоретико-концептуальные аспекты инклюзии рассматриваются в качестве стратегической и педагогической платформы, а не просто как одна из локальных образовательных практик [4]. Констатируем наличие противоречий в интерпретации концепции инклюзии в контексте образовательных технологий и практик.

Заключение

Неоднозначность и сложность проблем, касающихся формирования образовательного пространства индивидов с ОВ, инициирует междисциплинарность концептуальных оснований, синтезирующих различные научные области. Для комплексного и всестороннего исследования специфики образования индивидов с ограниченными возможностями необходимо систематизировать теоретические и проективно-практические подходы, которые описывают особенности реализации инклюзии в современной образовательной среде. Использование феноменологического концепта образовательной интересубъективности в качестве особой сферы человеческого сознания дает возможность индивидам с ОВ в пределах собственных ментальных образов и индивидуального опыта представить и интегрировать свои взгляды, мнения, ценности, которые значимы в социуме.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00515, <https://rscf.ru/project/22-28-00515/>.

Funding

The study was funded by the grant of the Russian scientific fund № 22-28-00515.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00515, <https://rscf.ru/project/22-28-00515/>, в рамках научно-исследовательского проекта «Субъективное время индивидов с ограниченными возможностями во включающем обществе» (Руководитель: профессор В.В. Попов).

Acknowledgement

The study was funded by the grant of the Russian scientific fund № 22-28-00515, <https://rscf.ru/project/22-28-00515/>, as a part of the research and development project «Subjective time of disabled people in inclusive society» (Led by professor V.V. Popov).

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бранский В.П. Социальная синергетика и теория наций. Основы этнологической акмеологии / В.П. Бранский. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургской Акмеологической академии, 2000. – 108 с.
2. Вачков И.В. Полисубъектный подход к инклюзивному пространству / И.В. Вачков // Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность. – Москва : МГППУ, 2019. – С. 16-20.
3. Егоров П.Р. Теоретические подходы к инклюзивному образованию людей с особыми образовательными потребностями / П.Р. Егоров // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 3. – С. 107–112.
4. Иттерстад Г. Инклюзия – что означает это понятие и с какими проблемами сталкивается норвежская школа, претворяя его в жизнь? / Г. Иттерстад // Психологическая наука и образование. – 2011. – № 3. – С. 41–49.
5. Музыка О.А. Социальная синергетика: Методология. Семантика. Аксиология / О.А. Музыка. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2010. – 288 с.
6. Музыка О.А. Время и социальная синергетика / О.А. Музыка, В.В. Попов. – Ростов на Дону : ЮФУ, 2007. – 256 с.
7. Паутова Л.Е. Акме-синергетический подход к позиционированию успеха в системе инклюзивного образования / Л.Е. Паутова // Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность. – Москва : МГППУ, 2019. – С. 76–83.
8. Попов В.В. Психологическое время в контексте интерпретации включающего общества: феноменологический аспект / В.В. Попов // Социология. – 2020. – № 2. – С. 376–380.
9. Шеманов А.Ю. Психолого-педагогические основы инклюзивного образования / А.Ю. Шеманов – Москва : МГППУ, 2013. – 315 с.
10. Greene S. The Nature of Immobility in Russian Society / S. Greene // Pro et contra. – 2011. – № 2 (1). – Pp. 6–19.
11. Hall J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? / J.P. Hall // Journal of Disability Policy Studies. – 2002. – № 13 (3). – Pp.144–152.
12. Jenkinson J. Who Shall Decide? The Relevance of Theory and Research to Decision-making by People with an Intellectual Disability/ J. Jenkinson // Disability, Handicap and Society. – 1999. – № 8(4). – Pp.361–375.
13. Slee R. Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda. / R. Slee // International Studies in Sociology of Education. – 2008. – № 18(2). – Pp. 99–116.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Branskij V.P. Social'naja sinergetika i teorija nacij. Osnovy jetnologicheskoy akmeologii [Social synergetics and the theory of nations. Fundamentals of ethnological acmeology]. / V.P. Branskij. – Saint-Petersburg : Publishing House of the St. Petersburg Acmeological Academy, 2000. – 108 p. [in Russian]
2. Vachkov I.V. Polissub'ektnyj podhod k inkljuzivnomu prostranstvu [A polysubject approach to inclusive space] // Inkljuzivnoe obrazovanie: nepreryvnost' i preemstvennost' [Inclusive education: continuity and continuity] / I.V. Vachkov. – Moscow : MGPPU, 2019. – Pp.16–20. [in Russian]
3. Egorov P.R. Teoreticheskie podhody k inkljuzivnomu obrazovaniju ljudej s osobymi obrazovatel'nymi potrebnostrami [Theoretical approaches to inclusive education of people with special educational needs] / P.R. Egorov // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija [Theory and practice of social development]. – 2012. – № 3. – Pp.107–112. [in Russian]
4. Itterstad G. Inkljuzija – chto oznachaet jeto ponjatie i s kakimi problemami stalkivaetsja norvezhszkaja shkola, pretvorjaja ego v zhizn'? [Inclusion – what does this concept mean and what problems does the Norwegian school face when implementing it?] / G. Itterstad // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological science and education]. – 2011. – № 3. – Pp.41–49. [in Russian]
5. Muzyka O.A. Social'naja sinergetika: Metodologija. Semantika. Aksiologija [Social synergetics: Methodology. Semantics. Axiology] / O.A. Muzyka. – Rostov-na-Donu : JuFU, 2010. – 288 p. [in Russian]
6. Muzyka O.A. Vremja i social'naja sinergetika [Time and social synergy] / O.A. Muzyka, V.V. Popov. – Rostov-na-Donu : JuFU, 2007. – 256 p. [in Russian]
7. Pautova L.E. Akme-sinergeticheskij podhod k pozicionirovaniju uspeha v sisteme inkljuzivnogo obrazovanija [Akmesinergetic approach to positioning success in the inclusive education system] / L.E. Pautova // Inkljuzivnoe obrazovanie: nepreryvnost' i preemstvennost' [Inclusive education: continuity and continuity]. – Moscow : MGPPU, 2019. – Pp.76–83. [in Russian]
8. Popov V.V. Psihologicheskoe vremja v kontekste interpretacii vkljuchajushhego obshhestva: fenomenologicheskij aspekt [Psychological time in the context of the interpretation of inclusive society: a phenomenological aspect] / V.V. Popov // Sociologija [Sociology]. – 2020. – № 2. – Pp.376–380. [in Russian]
9. Shemanov A.Ju. Psihologo-pedagogicheskie osnovy inkljuzivnogo obrazovanija [Psychological and pedagogical foundations of inclusive education] / A.Ju. Shemanov. – Moscow : MGPPU, 2013. – 315 p. [in Russian]
10. Greene S. The Nature of Immobility in Russian Society / S. Greene // Pro et contra. – 2011. – № 2 (1). – Pp. 6–19.
11. Hall J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? / J.P. Hall // Journal of Disability Policy Studies. – 2002. – № 13 (3). – Pp.144–152.
12. Jenkinson J. Who Shall Decide? The Relevance of Theory and Research to Decision-making by People with an Intellectual Disability/ J. Jenkinson // Disability, Handicap and Society. – 1999. – № 8(4). – Pp.361–375.
13. Slee R. Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda. / R. Slee // International Studies in Sociology of Education. – 2008. – № 18(2). – Pp. 99–116.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.088>**АДЫГСКИЙ КНЯЖЕСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР И КОТУРНЫ ИЗ ГАРДЕРОБА ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ**

Обзорная статья

Каноква Ф.Ю.^{1,*}, Кабардова А.², Мурзаканова Р.М.³¹ ORCID: 0000-0001-5360-3428;² ORCID: 0000-0001-9950-0002;³ ORCID: 0000-0001-9242-0368;^{1,2,3} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

* Корреспондирующий автор (f.kanokova[at]mail.ru)

Аннотация

В статье дается краткий обзор предметов, поднесенных кабардинской депутацией семье российского императора Александра III, во время его путешествия по Кавказу в 1888 г.

Особое внимание уделяется описанию коллекции адыгской одежды, головных уборов и обуви из личного гардероба императрицы Марии Федоровны (коллекция № 4453 Российского этнографического музея). Выделяются два, наиболее значимых атрибута в костюмном комплексе «фащэ» – высокий женский конусовидный княжеский головной убор «дышэ пылэ» и пара деревянных подставок под обувь – котурны «пхэвакэ», ношение которых, в адыгском обществе было строго регламентировано. Впервые, предпринята попытка показать социальную и физическую значимость рассматриваемых предметов, раскрыть их символическое значение, выявить традиционные особенности художественного оформления.

Ключевые слова: адыги, императрица Мария Федоровна, княжеский головной убор, котурны, золотное шитье, плетение галунов.

ADYGEI PRINCELY HEADDRESS AND BUSKINS FROM EMPRESS MARIA FEDOROVNA'S WARDROBE

Review article

Kanokova F.Y.^{1,*}, Kabardova A.², Murzakanova R.M.³¹ ORCID: 0000-0001-5360-3428;² ORCID: 0000-0001-9950-0002;³ ORCID: 0000-0001-9242-0368;^{1,2,3} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

* Corresponding author (f.kanokova[at]mail.ru)

Abstract

The article gives a brief overview of objects given by the Kabardian deputation to the family of the Russian Emperor Alexander III, during his trip to the Caucasus in 1888.

Special attention is paid to the description of the collection of Adygei clothes, hats and shoes from the personal wardrobe of Empress Maria Fyodorovna (collection №4453 of the Russian Ethnographic Museum). Two most significant attributes in the costume complex are highlighted: «fashche» – high female cone-shaped princely headdress «dyshche pylé», and a pair of wooden footrests – buskins «ph"evak"e», the wearing of which was strictly regulated in the Adygei society. For the first time, an attempt was made to show the social and physical significance of the objects studied, to reveal their symbolic value, to identify the traditional features of artistic design.

Keywords: adyge, empress Maria Fedorovna, princely headdress, buskins, gold embroidery, chevron plaiting.

Введение

В культурных традициях народов Северного Кавказа на протяжении многих веков были сформированы различные институты – институт аталычества, наездничества, куначества, «джэгуаклэ», кровной мести, дарения и др. Последний, являясь одним из важных пластов адыгской культуры, представлял собой строго регламентированную систему дарения между равными, выше и нижестоящими людьми определенного социального статуса.

Ярким примером традиций института дарения выступают подарки кабардинской депутации, поднесенные семье российского императора Александра III во время его путешествия по Кавказу в 1888 г. «Кабардинцы приносят Государю Императору хлеб-соль на круглом низеньком кабардинском столике... покрытым серебром и золотом; солонка на нем имеет форму кабардинской чашки... Кроме того, кабардинцы подводят Его Величеству двух коней: белого – завода Шалаха и серого – завода Хакул; один из этих коней оседлан черкесским седлом с богачейшею золотою насечкой по слоновой кости. Государыне Императрице – полный костюм черкесской женщины, роскошно вышитый по бархату серебром и золотом. Царевичу – шашку, клинок очень древний, принадлежавший в Кабарде фамилии Атажукиных; кинжал, пояс с прибором, натруска и пистолет кремневый, какой обыкновенно носили за поясом в те времена, когда, употребляли колчаны, стрелы; кинжальный клинок замечательной древности... Великому Князю Георгию Александровичу – древняя дворянская сабля, булатная, принадлежавшая фамилии Кундетовых...» – так описывается церемония вручения подарков в статье «Пребывание их императорских Величеств на Кавказе» в газете «Кавказ», за 28 сентября 1888г. [7, С. 1-2]. Аналогичные сведения встречаем и у В.А. Потто в издании «Царская семья на Кавказе: 18 сентября – 14 октября 1888 года», автор отмечает, что «...Император позволил принять кабардинское серебряное седло с чернью, императрица – богатый кабардинский костюм с шапкой-коронай, Николай –

реликвии знатных кабардинских родов: фамильную шашку князей Атажукиных, пистолет от узденей (дворян) Кундетовых и древний арабский кинжал» [6, С. 47].

Необходимо отметить, что все подношения имели глубокий символический смысл, к примеру, оружие – четкую стратификацию по рангу и возрасту одаряемого; бурка белого (статусного) цвета и башлык с вышитым вензелем императрицы (Рисунок 1) были «актом признания не только ее высокого положения, но и факта ее нахождения «в походе», так как во время путешествия на Кавказ императорской семьи императрицей проявлялась не женская активность во встречах и переговорах» [8, С. 38]; пара котурнов и конусообразный княжеский головной убор придавали статусу императрицы еще большую «высоту», физически и социально возвышая ее над всеми женщинами страны. Дары получили высокую оценку и, по традиции, кабардинская депутация получила ответные подарки и вознаграждения.

Рис. 1 – Женский башлык «шхэрпхъуэн», изготовленный адыгскими мастерами
Примечание: из личного гардероба императрицы Марии Федоровны [8, С. 267]

Большинство из полученных Императорской семьей предметов, впоследствии, стали самым ранним пластом собрания по адыгской культуре Российского этнографического музея. Сегодня, эти предметы представлены в нем двумя комплексами – «набором вооружения адыгского витязя, подаренного царевичу Александру Николаевичу (коллекция 4473), и набором одежды для Марии Федоровны (ядро коллекции 4453)» [8, С. 38].

Помимо своей исторической ценности, комплексы интересны и тем, что все, составляющие их предметы, исполнены в лучших традициях декоративно-прикладного искусства адыгов. Каждое изделие как показатель высокого уровня мастерства местных кузнецов, шорников, ювелиров и золотошвеек, заслуживает особого внимания и, в свою очередь, ряда отдельных исследований.

Одним из первых, в этом ряду может выступать настоящая статья. В качестве предмета исследования выбран комплекс одежды Марии Федоровны, а объектом исследования – конусообразный головной убор «дыщэ пылэ» (Рисунок 2, а) деревянные ходули – котурны «пхъэвакьэ» (кабардинцы) или «пхъэцуакьэ» (адыгейцы) (Рисунок 2, б).

а

б

Рис. 2 – Предметы из личного гардероба императрицы Марии Федоровны, изготовленные адыгскими мастерами:
а – конусообразный головной убор «дыщэ пылэ»; б. – деревянные ходули – котурны «пхъэвакьэ» (кабардинцы) или «пхъэцуакьэ» (адыгейцы) [8, С. 235,251]

Основные результаты

Рассматриваемые изделия считались неотъемлемыми компонентами адыгского женского княжеского костюма и их ношение было строго регламентировано [10, С. 71], [5, С. 123]. «Пхъэвакэ... бытовали в феодальной среде, что объяснялось не столько их стоимостью, сколько социальным смыслом. Высокие ходули, высокая шапочка, пышный наряд выделяли женщину, физически поднимали ее над толпой, делали «высокопоставленным лицом». У кабардинцев существовал запрет на ношение шапочек лицами, не принадлежавшими к высшим сословиям...» – отмечает исследователь одежды народов Северного Кавказа Е.Н. Студенецкая [9, С. 111, 92]. Котурны выступали символом богатой жизни в адыгском фольклоре. Взятая в плен княгиня плачет: «Всю жизнь ходила я на ходулях, а теперь у ножек кровати кровавые слезы роняю...» [2, С. 367].

Помимо своей социальной и физической значимости, котурны и высокая шапочка, играли в костюме важную эстетическую роль. Являясь завершением композиции многопредметного княжеского комплекса, они несли наибольшую художественную нагрузку. Каждое изделие было исполнено в лучших традициях декоративно-прикладного искусства адыгов.

Шапочка, подаренная императрице Марии Федоровне, имела форму, характерную для женских княжеских головных уборов XIX – начала XX вв. К примеру, на фотоснимке на Рисунке 3 изображена знатная семья Баташевых, где на обеих девочках надеты подобные шапочки (Рисунок 3).

Рис. 3 – Кабардинки из семьи князей Баташевых. Адыги. XIX век

Семантически, форма княжеской шапочки напоминает шлем – она состоит из высокого цилиндрического околыша (11 см) и конического верха (13 см). Основа каркаса шапочки изготовлена из плотного картона, внутренняя часть закрыта атласной подкладкой синего цвета, а наружная обтянута бархатом темно-красного цвета.

Анализируя принципы художественного оформления шапочки, можно сказать, что она относится к типу шапочек, известных у адыгов под названием «дышэ тылэ» (кабардинцы) или «дышэ пэло» (адыгейцы), что в переводе означает «золотая шапочка». В декоре шапочек подобного типа использовали галуны «цагъэ», золотое шитье в технике «вприкреп» «дышэ идэ» и басонные плетения «дэпльэч». Околыш рассматриваемой шапочки украшен галунами – восемь чередующихся полос золотого и серебряного цвета. Галуны сотканы вручную при помощи дощечек «цагъэ пхъэбгъу» и вылощены кабаньим клыком. Необходимо отметить, что семь верхних полос галунов не имеют рисунка и, только в плетении нижнего галуна, используются мелкие квадратики – это имеет особую, обереговую функцию. «В головных уборах, как и в одежде, все «входы» (т.е. края) были закрыты, что, по древним верованиям адыгов, препятствовало «входу» в эту область злосамытных сил» [3, С. 342]. Обереговая функция «усилена» и рядом латунных бусин, нашитых на верхний край полоски нижнего галуна. Верхний край околыша, также, по кругу декорирован воздушными петлями и круглыми, сплетенными из трехлепестковой розетки басонными шариками.

Донышко шапочки, по вертикали, образовано четырьмя клиньями, по горизонтали, визуально разделено на две равные части – нижнюю и верхнюю. В декоре нижней части акцент сделан на своего рода «окошки» стрельчатой

формы, внутреннее пространство которых заполнено вертикальной полосой, сплошь покрытой настилом геометрической разбивки вышивки «дыцэ идэ». Ранее, при изучении художественного оформления княжеских головных уборов, нами было отмечено, что «золотое шитье в технике «вприкреп» считалось наиболее древним видом вышивки у адыгов. Его отличало использование трафарета только для контура узора, который заполнялся на ткани шелковыми счетными нитями, а поперек, настилом, выкладывались золотые или серебряные нити» [3, С. 342]. Полоса вышивки окантована с двух сторон двумя галунами золотого и серебряного цвета, декорированных по внешнему краю воздушными петлями. Окантовано по краю полосой галуна серебряного цвета и «окошко». Нижний край галуна также декорирован воздушными петлями и тремя басонными шариками. От вершины «окошка» к вершине околыша устремляются полосы галунов серебряного цвета. Форма, образованная между «окошками» и вертикальными полосками галунов, сплошь покрыта геометрическим настилом из нитей золотого цвета, вышивкой в технике «вприкреп». Вершину шапочки венчает басонный шарик «дэнльэч», который, по утверждению исследователя адыгского орнамента Л.А. Аслановой-Ханфеновой, считался «символом Вселенной, солнца, света и жизни» [1, С. 31].

В общей стилистике, с рассмотренным выше головным убором, были выполнены котурны, подаренные императрице Марии Федоровне. Высокие (16 см), деревянные подставки под обувь, конструктивно состояли из фигурной колодки с плоской поверхностью в виде ступни (25 см × 15,3 см), переходящей в две подставки (расположенные под носком и пяткой) полуовальной формы. Основа котурнов выточена из цельного куска древесины, обтянута бархатом темно-красного цвета и декорирована ажурными серебряными пластинами. Части пластин смонтированы при помощи серебряных гвоздиков. На передней части подставок – сверху – орнамент в виде сердца, обращенного вершиной вниз. В нижней части вся орнаментальная композиция заключена в полуовал. Образованной формой подставки бордюра полуовала заполнен растительным орнаментом (двулистник с завитком). От бордюра, симметрично отходят завитки, в центре расположен орнамент в виде сердца, а во внутреннее пространство вписан трилистник. Традиционно, у адыгов, трилистник и сердце, считались женским знаком, при этом «женские знаки применялись не для конкретного обозначения чрева, а для обобщения образа женщины-матери, прародительницы коллектива» [1, С. 102]. На внутренней стороне подставки – ажурный орнамент – сердце с расходящимися от него рогообразными завитками.

Подошва сплошь покрыта позолоченной пластиной. В орнаментальном оформлении, на пятке расположено три круга, где центральный круг выгравирован в виде спирали. От носка до пятки выгравирован растительный орнамент, по контуру подошва окантована бордюром, заполненным растительным орнаментом

В месте соединения наружных боковых частей передних подставок с подошвой припаяны «ушки» для крепления верхней части. Верхняя часть представляет собой фиксатор для ноги, вырезанный в виде широкой полосы. Конструктивно, он состоит из двух частей – внутренней и наружной. На наружной стороне нашиты по три полосы галуна (по краям, чередуются галуны серебряного и золотого цвета), между галунами – полоса, сплошь вышитая настилом. Рисунок и цвет разбивки аналогичен вышивке на клиньях доньшка шапочки. Концы фиксатора окантованы мелкими петельками. Нижние края фиксатора закреплены по бокам на подошве при помощи фигурной пластинки.

Заключение

Завершая обзор изделий, рассмотренных в рамках настоящей статьи необходимо еще раз подчеркнуть, что они были исполнены в лучших традициях адыгского декоративно-прикладного искусства – каждая деталь была отточена до совершенства.

В используемых техниках декорирования, форме изделий, стежках, рисунке разбивок, цветовых сочетаниях, орнаментике и даже в каждом витке шнура не было случайностей – все было наполнено глубоким смыслом и отражало сформированную на протяжении многих веков философию адыгского этноса.

Исследование не считается завершенным. Изучение предметов, вошедших в список дарений от кабардинской депутации, поднесенных семье российского императора Александра III во время его путешествия по Кавказу в 1888 г. продолжается.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Асланова-Ханфенова Л.А. Черкесский орнамент: сакрально-культурные основы формирования / Л.А. Асланова-Ханфенова. – Черкесск : Изд-во КЧИГИ, 2013. – 159 с.
2. Кабардинский фольклор / под общ. ред. Г.И. Бройдо. – Москва. – Ленинград : ACADEMIA, 1936. – 652 с.
3. Канокова Ф.Ю. Художественно-конструктивные и технологические особенности традиционных адыгских женских головных уборов XIX начала XX вв. / Ф.Ю. Канокова, А.А. Кабардова // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. – 2021. – №4. – Часть 1. – С. 338–351.
4. Мальбахов. Б.Х. Черкесское (адыгское) декоративно-прикладное искусство / Б.Х. Мальбахов. – Нальчик : Тетраграф, 2012. – 333 с.
5. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев / Г.Х. Мамбетов. – Нальчик : Эльбрус, 2011. – 349 с.
6. Потто В.А. Царская семья на Кавказе. 18 сентября – 14 октября 1888г. / В.А. Потто. – Санкт-Петербург : Типография Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1889. – 236 с.
7. Пребывание ихъ императорскихъ Величествъ на Кавказе // Газета «Кавказъ» – 18 сентября 1888 г. – № 256. – 4 с.
8. Предметы культуры адыгов в собрании Российского этнографического музея. Каталог / под ред. О.А. Федосеенко. – Санкт-Петербург : Славия, 2016. – 267 с.

9. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв. / Е.Н. Студенецкая. – Москва : Наука, 1989. – 288 с.

10. Унежев К.Х. Культура адыгов (черкесов и балкарцев) / К.Х. Унежев. – Нальчик : Издательский центр «Эль-Фа», 2003. – 511 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aslanova-Khanfenova L.A. Cherkesskiy ornament: sakral'no-kul'tovyye osnovy formirovaniya [Circassian ornament: sacred and cult foundations of formation] / L.A. Aslanova-Khanfenova. – Cherkessk : KCHIGI publishing house, 2013. – 159 p. [in Russian]

2. Kabardinskiy fol'klor [Kabardian folklore] / ed. by G.I. Broydo. – Moscow. – Leningrad : ACADEMIA, 1936. – 652 p. [in Russian]

3. Kanokova F.Y. Khudozhestvenno-konstruktivnyye i tekhnologicheskiye osobennosti traditsionnykh adygskikh zhenskikh glavnykh uborov XIX nachala XX vv. [Artistic, constructive and technological features of traditional Adyghe women's headdresses of the 19th and early 20th centuries] / F.Y. Kanokova, A.A. Kabardova // Dekorativnoye iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGKHPA [Decorative art and the subject-spatial environment. Bulletin of the MGHPA]. – 2021. – №4. – Part 1. – Pp. 338–351. [in Russian]

4. Mal'bakhov. B.K. Cherkesskoye (adygskoye) dekorativno-prikladnoye iskusstvo [Circassian (Adyghe) arts and crafts] / B.K. Mal'bakhov. – Nal'chik : Tetragraf, 2012. – 333 p. [in Russian]

5. Mambetov G.K. Traditsionnaya kul'tura kabardintsev i balkartsev [Traditional culture of Kabardians and Balkars] / G.K. Mambetov. – Nal'chik : El'brus, 2011. – 349 p. [in Russian]

6. Potto V.A. Tsarskaya sem'ya na Kavkaze. 18 sentyabrya – 14 oktyabrya 1888g. [The royal family in the Caucasus. September 18 – October 14, 1888] / V.A. Potto. – Saint-Petersburg : Tipografiya Okruzhnogo Shtaba Kavkazskogo voyennogo okruga, 1889. – 236 p. [in Russian]

7. Prebyvaniye Ikh" Imperatorskikh" Velichestv" na Kavkaze [Stay of Their Imperial Majesties in the Caucasus] // Gazeta «Kavkaz» [Newspaper «Kavkaz»] – 18 september 1888. – № 256. – 4 p. [in Russian]

8. Predmety kul'tury adygov v sobranii Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya. Katalog [Circassian cultural objects in the collection of the Russian Ethnographic Museum. Catalog] / ed. by O.A. Fedoseyenko. – Saint-Petersburg : Slaviya, 2016. – 267 p. [in Russian]

9. Studenetskaya Y.N. Odezhda narodov Severnogo Kavkaza XVIII-XX vv. [Clothing of the peoples of the North Caucasus in the 18th-20th centuries] / Y.N. Studenetskaya. – Moscow : Nauka, 1989. – 288 p. [in Russian]

10. Unezhev K.K. Kul'tura adygov (cherkesov i balkartsev) [Culture of the Circassians (Circassians and Balkars)] / K.K. Unezhev. – Nal'chik : El'-Fa, 2003. – 511 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.089>

КОТУРНЫ КАК АТРИБУТ АДЫГСКОГО ЖЕНСКОГО КНЯЖЕСКОГО КОСТЮМА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.

Научная статья

Каноква Ф.Ю.^{1,*}, Кабардова А.², Мурзаканова Р.М.³

¹ ORCID: 0000-0001-5360-3428;

² ORCID: 0000-0001-9950-0002;

³ ORCID: 0000-0001-9242-0368;

^{1,2,3} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

* Корреспондирующий автор (f.kanokova[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматривается один из наиболее ярких атрибутов адыгского женского княжеского костюма XVIII-XX вв. – деревянная обувь на высоких подставках – котурны. Изучается история возникновения рассматриваемого вида обуви, прослеживаются пути появления котурнов у адыгов. Проводится сравнительный анализ с аналогичными изделиями, бытовавшими у сопредельных этносов.

На основе обширной источниковой базы, представленной сведениями путешественников и исследователей материальной культуры адыгов, аннотированными изобразительными источниками и атрибутированными музейными экспонатами, впервые, с позиции искусствоведческой науки, выявляются конструктивно-технологические особенности изготовления и художественного оформления котурнов.

Особое внимание уделяется описанию принципов построения композиции орнаментального строя котурнов, техникам декоративной отделки – золотой вышивке, ручному тканью галунов, плетению басонных изделий, гравировке, выпилке и чеканке, исполненным в лучших традициях декоративно-прикладного искусства адыгов.

Ключевые слова: адыги, котурны, женский княжеский костюм, золотное шитье, ручное тканье галунов.

BUSKINS AS ATTRIBUTE OF ADIGHE FEMALE PRINCELY CLOTHES AT THE END OF THE XVIII – BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Research article

Kanokova F.Y.^{1,*}, Kabardova A.², Murzakanova R.M.³

¹ ORCID: 0000-0001-5360-3428;

² ORCID: 0000-0001-9950-0002;

³ ORCID: 0000-0001-9242-0368;

^{1,2,3} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

* Corresponding author (f.kanokova[at]mail.ru)

Abstract

The article analyzes one of the most striking attributes of the Adighe princely women's clothes of the XVIII-XX centuries, wooden shoes on high platforms – buskins. The history of the origin of this type of shoes is studied, its way to the Adighe culture is traced. Comparative analysis is carried out of similar craftwork from neighboring ethnic groups.

Constructive and technological specifics of making and decorating buskins are identified for the first time, based on the extensive source base provided by travelers and researchers of the material culture of the Adyghe, annotated visual sources and attributed museum exhibits.

Special attention is paid to the description of the design principles of the ornamental structure of buskins, their decorative finishing techniques – gold embroidery, hand-woven laces, weaving of braiding, engraving, sawing and embossing, executed in the best traditions of decorative and applied arts of the Adyghe.

Keywords: adyghe, buskins, female princely clothes, gold embroidery, handmade weaving of braiding.

Введение

Адыги (адыге) – самоназвание кабардинцев, черкесов и адыгейцев, издавна населяющих центральные и западные области Северного Кавказа. По языку, быту, обычаям и культуре они представляют одну общую этническую группу [7, С. 1]. Высокий эстетический уровень материальной культуры, в том числе и одежды, позволил адыгам стать законодателями моды на Кавказе.

Среди разнообразных костюмных комплексов, особой изысканностью и многослойностью выделялся женский княжеский костюм конца XVIII – начала XX вв. Являясь показателем высокого статуса и благосостояния семьи владелицы, он состоял из ряда маркирующих атрибутов:

- митрообразного и конусообразного головного убора, декорированного золотной вышивкой и галунами ручного плетения [4, С. 344];

- богато орнаментированных нарукавных подвесок-лопастей;
- ювелирных украшений, инкрустированных драгоценными камнями;
- мягких сафьяновых башмачков красного цвета;
- деревянной обуви на высоких подставках – котурнов.

Принципы художественного оформления, форма, цвет и способы ношения перечисленных атрибутов в княжеских костюмных комплексах были строго регламентированы – их могли носить только девушки или женщины высоких сословий. Особую роль в выделении статуса владелицы костюма в социальном и физическом плане играла деревянная

обувь – котурны. У западных черкесов они известны под названием «пхъэцуакъэ», а у восточных черкесов и кабардинцев как «пхъэвакъэ». Исследователь одежды народов Северного Кавказа Е.Н. Студенецкая отмечала, что котурны «поднимали девушку над толпой, делали «высокопоставленным» лицом... Как мечеть над домами, княгиня над другими женщинами поднималась» [10, С. 111].

Анализ источниковой базы

Котурны неоднократно выступали символом пышной и богатой жизни в адыгском фольклоре [2, С. 367,376]. Иностранцы и русские путешественники, исследователи, посетившие регионы компактного проживания адыгов в XVIII-XIX вв., при описании одежды женщин из княжеских родов, акцентировали внимание на деревянной обуви на высоких подставках. К примеру, И.Ф. Бламберг, при описании одежды адыгов, упомянул об «элегантных красных туфлях с очень высокими каблуками» [1, С. 362, 600].

С фотографической точностью котурны изображали художники и гравёры конца XVIII – начала XIX вв. Среди многочисленных работ можно выделить аннотированную акватинту Х.Г. Гейслера «Черкешенка-княгиня и знатный черкес» и гравюру Е.М. Корнеева «Черкешенки» (Рисунок 1, а, б).

а

б

Рис. 1 – Гравюры конца XVIII – начала XIX вв.:
а – Х.Г. Гейслер «Черкешенка-княгиня и знатный черкес»; б – Е.М. Корнеев «Черкешенки»

Анализ изображений позволяет отметить внешнее сходство котурнов адыгских женщин с котурнами древних греков (Рисунок 2, а), итальянскими цокколи (Рисунок 2, б) и восточными кабкабы (Рисунок 2, в).

а

б

в

Рис. 2 – Обувь на высоких подставках:
а. – котурны; б. – цокколи; в. – кабкабы

Особенно важно подчеркнуть сходство с высокими деревянными ходулями с ремешком для ноги – налын, которые носили представительницы феодальной верхушки крымских татар (Рисунок 3).

Рис. 3 – Обувь на высоких подставках «налын»

Адыги имели тесные политические и торговые связи с Крымом, откуда, возможно, и были завезены котурны. Такого же мнения придерживается и Е.Н. Студенецкая. Она предполагает, что котурны «не являются древним видом адыгской обуви..., а заимствованы у феодальной верхушки крымских татар, с которыми были связаны знатные семьи адыгских народов» [10, С. 111]. Автор указывает и на пути дальнейшего проникновения котурнов через адыгов к карачаевцам и балкарцам.

Деревянная обувь на высоких подставках бытовала и у других сопредельных народов. К примеру, у ногайцев «ходульными колодками «тавалдырыкъ» пользовались только девушки знатного происхождения. Обувь, изначально не функциональная и, существующая исключительно в роли сословного атрибута» [3, С. 27] (Рисунок 4).

Рис. 4 – Гравюра конца XVIII – начала XIX вв. Х.Г. Гейслер «Ногайская княжна и дамы из ее окружения»

Несмотря на большую информативную ценность рассмотренных письменных и изобразительных источников, выявить самобытные особенности котурнов, функционирующих в системе «Традиционный адыгский женский княжеский костюм XVIII-XIX вв.», возможно только при включении в исследовательскую базу вещественных источников. Сегодня, они представлены лучшими образцами котурнов в коллекциях Российского этнографического музея, Национального музея Республики Адыгея (Рисунок 5, а), Национального музея Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника (Рисунок 5, б).

a

б

Рис. 5 – Котурны в музейных коллекциях:

a. – котурны из коллекции Национального музея Республики Адыгея, адыги (адыгейцы), конец XIX в.; *б.* – котурны из коллекции Карачаево-Черкесского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника, адыги (черкесы), XIX в.

Методы и принципы исследования

Наличие разнообразных аутентичных, атрибутированных музейных образцов котурнов дает возможность рассматривать их не только с позиции этнографической науки, но и с позиции искусствоведения – в контексте декоративно-прикладного искусства адыгов. Необходимо отметить, что в этом контексте, котурны исследуются впервые.

Хронологические рамки исследования очерчены концом XVIII – началом XX вв., а границы – местами компактного проживания адыгов (Республика Адыгея, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкессия) и сопредельными территориями.

Для более полного раскрытия темы статьи, используются общие и частные методы искусствоведческого исследования. Доступные образцы рассматриваются по следующей схеме (Рисунок 6).

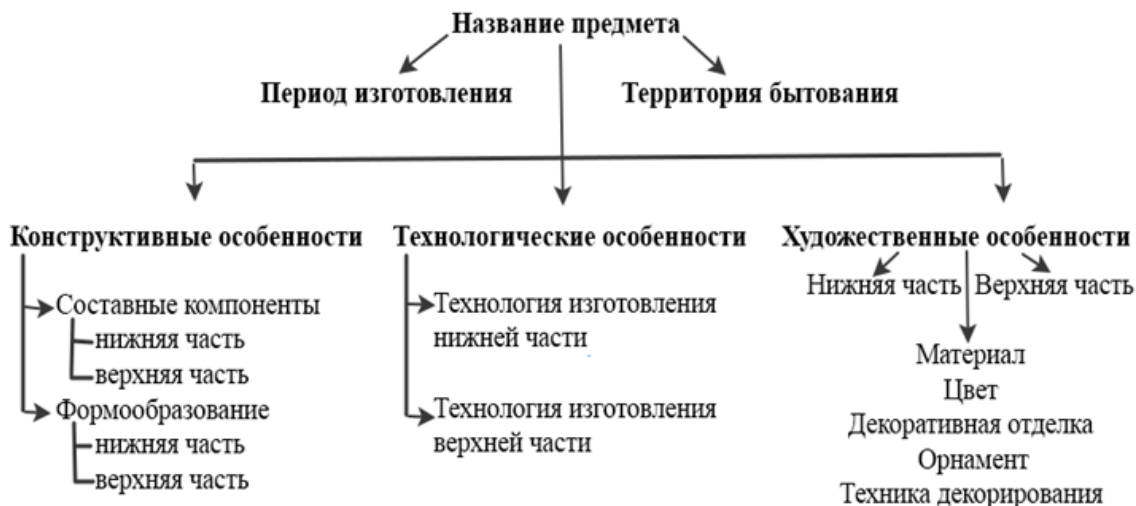

Рис. 6 – Алгоритм изучения образцов адыгских женских котурнов

Основные результаты

В соответствии с составленной схемой было рассмотрено 5 образцов котурнов. Три образца из коллекции Российского этнографического музея, один образец из коллекции Национального музея Республики Адыгея и один образец из коллекции Карачаево-Черкесского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника. Полученные результаты были внесены в таблицы (Таблицы 1-5).

Таблица 1 – Анализ образца № 1

Коллекция Российского этнографического музея				
№п/п	Фото		Название предмета	
1			Котурны женские, пара	
			Период изготовления	
			Конец XIX – начало XX вв.	
			Территория бытования	
			Карачаево-Черкессия (черкесы)	
Конструктивные особенности				
Составные компоненты				
Нижняя часть			колодка и подошва	
Верхняя часть			отсутствует	
Формообразование				
Нижняя часть			Фигурная колодка, выточена в верхней части в форме ступни. От пятки и носка вниз спускаются две широкие подставки в форме полуовала. Для устойчивости подставок, вершины полуовала соединены параллельно подошве металлическим стержнем.	
Верхняя часть			отсутствует	
Технологические особенности				
Технология изготовления нижней части				
<p>Колодка выточена из цельного куска древесины. Поверх окована латунными пластинами – целиком по подошве, боковым и внутренним сторонам; частично по передней части подставок (от подошвы вниз целно, от вершины полуовала вырезан орнамент, под орнаментом имеется подложка из бархата). Части пластин смонтированы при помощи латунных гвоздиков.</p> <p>Для устойчивости подставок, вершины полуовала соединены параллельно подошве металлическим стержнем. На стержень нанизаны металлические колечки, к которым, возможно, по аналогии с крымскими «налын» и ногайскими «тавалдырыкъ» прикреплялись звенящие подвески.</p> <p>В месте соединения наружных боковых частей передних подставок с подошвой припаяны ушки для крепления верхней части.</p>				
Технология изготовления верхней части				
отсутствует				
Художественные особенности				
Нижняя часть			Верхняя часть	
Материал	мягкий	твердый	Материал	отсутствует
	бархат	дерево, латунь		
Цвет	коричневый	золотой	Цвет	отсутствует
Орнамент	отсутствует	симметричный зооморфный (два мелких рогообразных завитка в верхней части обращены вниз, два крупных рогообразных завитка в нижней части обращены вверх)	Орнамент	отсутствует
Техника декорирования	подложка под орнамент	оковка выпиловка монтаж	Техника декорирования	отсутствует

Таблица 2 – Анализ образца № 2

Коллекция Российского этнографического музея			
№п/п	Фото	Название предмета	
2		Котурны женские, пара	
		Период изготовления	
		Конец XIX – начало XX вв.	
		Территория бытования	
		Не известно (адыги)	
Конструктивные особенности			
Составные компоненты			
Нижняя часть		колодка и подошва	
Верхняя часть		отсутствует	
Формообразование			
Нижняя часть		Фигурная колодка, выточена в верхней части в форме ступни. От пятки и носка вниз спускаются две широкие подставки в форме полуовала. Для устойчивости подставок, вершины полуовала соединены параллельно подошве металлическим стержнем.	
Верхняя часть		отсутствует	
Технологические особенности			
Технология изготовления нижней части			
Колодка выточена из цельного куска древесины. Поверх окована жестяными пластинами. Части пластин смонтированы при помощи гвоздиков. В месте соединения наружных боковых частей передних подставок с подошвой припаяны ушки для крепления верхней части.			
Технология изготовления верхней части			
отсутствует			
Художественные особенности			
Нижняя часть		Верхняя часть	
Материал	Дерево, листовая жесь	Материал	отсутствует
Цвет	состаренное золото	Цвет	отсутствует
Орнамент	симметричный геометрический (на передней части подставок вычеканены три окружности одного диаметра – две по краям внизу и одна – сверху по центру. В центре окружностей и между ними вычеканены одиночные точки, а по осям – по четыре точки, скомпонованные в ромб. На верхней части подошвы – на носке, подошве и между ними вычеканены три окружности. В центре каждой окружности пять точек, скомпонованных в ромб с точкой в центре).	Орнамент	отсутствует
Техника декорирования	выпиловка монтаж чеканка дражировка	Техника декорирования	отсутствует

Таблица 3 – Анализ образца № 3

Коллекция Российского этнографического музея				
№п/п	Фото		Название предмета	
3			Котурны женские, пара	
			Период изготовления	
			Конец XIX в.	
			Территория бытования	
			Кабардино-Балкария (кабардинцы)	
Конструктивные особенности				
Составные компоненты				
Нижняя часть			колодка и подошва	
Верхняя часть			фиксатор	
Формообразование				
Нижняя часть			Фигурная колодка, выточена в верхней части в форме ступни. От пятки и носка вниз спускаются две широкие подставки в форме полуовала.	
Верхняя часть			Фиксатор для ноги вырезан в форме широкой полоски.	
Технологические особенности				
Технология изготовления нижней части				
Колодка выточена из древесины. Вся форма обтянута бархатом, и декорирована ажурными серебряными пластинами. Части пластин смонтированы при помощи серебряных гвоздиков. В месте соединения наружных боковых частей передних подставок с подошвой припаяны «ушки» для крепления верхней части.				
Технология изготовления верхней части				
Фиксатор вырезан в виде широкой полоски. Состоит из двух частей: внутренней и наружной. На наружной стороне нашиты по три полоски галуна (по краям, чередуются серебряный и золотой галуны), между галунами – вышитая полоса. Концы фиксатора окантованы мелкими петельками. Фиксатор закреплен по боковым частям подошвы при помощи фигурной пластинки.				
Художественные особенности				
Нижняя часть			Верхняя часть	
Материал	мягкий	твердый	Материал	бархат, золотые (металлизированные) нити
	бархат	дерево, серебро		
Цвет	красный	золотой черный серебряный	Цвет	красный золотой серебряный

Окончание таблицы 3 – Анализ образца № 3

Коллекция Российского этнографического музея				
Орнамент	-	на передней части подставок – в верхней части – орнамент в виде сердца, обращенного вершиной вниз в нижней части вся орнаментальная композиция заклучена в полуовал образованный бордюром полуовала заполнен растительным орнаментом (двулистник с завитком) от бордюра, симметрично отходят завитки в центре расположен орнамент в виде сердца во внутреннее пространство вписан трилистник. На внутренней стороне подставки – ажурный орнамент – сердце с расходящимися от него рогообразными завитками. На подошве – на пятке – три круга, центральный круг выгравирован в виде спирали от носка до пятки выгравирован растительный орнамент по контуру подошва окантована бордюром, заполненным растительным орнаментом	Орнамент	геометрический разбивка на ромбы сплошное покрытие всей поверхности фиксатора
Техника декорирования	-	оковка монтаж выпиловка гравировка чернение пайка	Техника декорирования	ручное тканье галунов вышивка вприкреп по настилу обмотка петель

Таблица 4 – Анализ образца № 4

Коллекция Карачаево-Черкесского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника		
№п/п	Фото	Название предмета
4		Котурны женские, пара
		Период изготовления
		Начало XX вв.
		Территория бытования
		Карачаево-Черкесия (черкесы)
Конструктивные особенности		
Составные компоненты		
Нижняя часть		колодка и подошва
Верхняя часть		фиксатор
Формообразование		
Нижняя часть		Фигурная колодка, выточена в верхней части в форме ступни. От пятки и носка вниз спускаются две широкие подставки в форме полуовала.

Окончание таблицы 4 – Анализ образца № 4

Коллекция Карачаево-Черкесского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника			
Верхняя часть		Фиксатор для ноги вырезан в форме широкой полоски. Поверх полоски нашиты полосы галунов.	
Технологические особенности			
Технология изготовления нижней части			
Колодка выточена из цельного куска древесины. Поверх окована латунными пластинами. Части пластин смонтированы при помощи гвоздиков. Для устойчивости подставок, вершины полуовала соединены параллельно подошве металлическим стержнем. В месте соединения наружных боковых частей передних подставок с подошвой припаяны «ушки» для крепления верхней части.			
Технология изготовления верхней части			
Фиксатор вырезан в виде широкой полосы. Состоит из двух частей: внутренней – кожаной, наружной – бархатной. На наружной стороне нашиты полосы галуна (по краям и сбоку). Фиксатор закреплен по боковым частям подошвы при помощи пластинки, продетой в «ушки».			
Художественные особенности			
Нижняя часть		Верхняя часть	
Материал	дерево, латунь	Материал	кожа, бархат, золотые, (металлизированные) нити
Цвет	золотой	Цвет	коричневый, горчичный, золотой, серебряный
Орнамент	на передней части подставок – симметричный зооморфный (два крупных рогообразных завитка в верхней части обращены вниз) на подошве – симметричный солярные и геометрические символы	Орнамент	отсутствует
Техника декорирования	оковка выпиловка монтаж чеканка дражировка	Техника декорирования	ручное ткање галунов

Таблица 5 – Анализ образца № 5

Коллекция Национального музея Республики Адыгея		
№п/п	Фото	
5		Название предмета
		Котурны женские, пара
		Период изготовления
		Конец XIX в.
		Территория бытования
Республика Адыгея (адыгейцы)		
Конструктивные особенности		
Составные компоненты		
Нижняя часть	колодка и подошва	
Верхняя часть	фиксатор	
Формообразование		
Нижняя часть	Фигурная колодка, выточена в верхней части в форме ступни. От пятки и носка вниз спускаются две широкие подставки в форме полуовала. Для устойчивости подставок, вершины полуовала соединены параллельно подошве металлическим стержнем.	

Окончание таблицы 5 – Анализ образца № 5

Коллекция Национального музея Республики Адыгея			
Формообразование			
Верхняя часть		Фиксатор для ноги вырезан в форме широкой полоски. Поверх полоски нашиты три узкие полосы галунов.	
Технологические особенности			
Технология изготовления нижней части			
Колодка выточена из цельного куска древесины (пихты). Поверх окована оловянными пластинами. Части пластин смонтированы при помощи гвоздиков. Для устойчивости подставок, вершины полуовала соединены параллельно подошве металлическим стержнем. В месте соединения наружных боковых частей передних подставок с подошвой припаяны «ушки» для крепления верхней части.			
Технология изготовления верхней части			
Фиксатор вырезан в виде широкой полосы. Состоит из двух частей: внутренней – кожаной, наружной – бархатной. На наружной стороне нашиты три полоски галуна (по краям и в центре, с небольшим расстоянием между полосками). Фиксатор закреплен по боковым частям подошвы при помощи пластинки, продетой в «ушки».			
Художественные особенности			
Нижняя часть		Верхняя часть	
Материал	дерево, жость	Материал	кожа, бархат, золотые (металлизированные) нити
Цвет	серебряный	Цвет	коричневый, горчичный, золотой, серебряный
Орнамент	на передней части подставок – симметричный, зооморфный (два крупных рогообразных завитка в верхней части обращены вниз) на подошве – симметричный солярные и геометрические символы	Орнамент	-
Техника декорирования	оковка выпиловка монтаж чеканка дражировка	Техника декорирования	ручное тканье галунов

Анализ данных, приведенных в таблицах, показал, что рассмотренные образцы котурнов бытовали на всех территориях проживания адыгов – в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее.

Все образцы имеют общие конструктивные элементы – состоят из нижней части (деревянной колодки) и верхней части (фиксатора). Котурны изготовлены по единой технологии – нижняя часть выточена из цельного куска древесины и окована металлом, а верхняя часть из кожи и покрыта галунами и вышивкой (Таблица 6).

Таблица 6 – Общий анализ конструктивных и технологических особенностей

№ образца	конструктивные особенности				технологические особенности	
	составные компоненты		формообразование		технология изготовления нижней части	технология изготовления верхней части
	нижняя часть	верхняя часть	нижняя часть	верхняя часть	Колодка выточена из цельного куска древесины и окована пластинами. Части пластин смонтированы при помощи гвоздиков. По бокам припаяны «ушки» для крепления верхней части.	Фиксатор вырезан в виде широкой полоски. Состоит из двух частей: внутренней и наружной. Фиксатор закреплен при помощи пластинки, продетой в «ушки».
	колодка и подошва	фиксатор	колодка в виде двух подставок в форме полуовала, подошва повторяет форму ступни	полоска а		
1	+	-	+	-	+	-
2	+	-	+	-	+	-
3	+	+	+	+	+	+
4	+	+	+	+	+	+
5	+	+	+	+	+	+

Несмотря на общие принципы композиции и технологию изготовления котурнов у адыгов, есть и ряд различий, которые проявляются в художественном оформлении изделий (Таблица 7).

Таблица 7 – Общий анализ художественных особенностей

№ образца	Материал		Цвет		Орнамент		Техника декорирования	
	мягкий	твердый	мягкий	твердый	мягкий	твердый	мягкий	твердый
1	бархат	дерево латунь	коричневый	- золотой	-	зооморфный	подложка под орнамент	оковка выпиловка монтаж
2	-	дерево листовая жесьь	-	состаренное золото	-	геометрический	-	оковка выпиловка монтаж чеканка дражировка
3	бархат	дерево серебро	красный	золотой черный серебряный	геометрический	орнамент в виде сердца завиток двулистник трилистник геометрический	ручное тканье галунов вышивка вприкреп по настилу обмотка петель	оковка монтаж выпиловка гравировка чернение пайка
4	кожа бархат золотые (металлизированные нити)	дерево латунь	коричневый горчичный золотой серебряный	золотой	-	зооморфный геометрический	ручное тканье галунов	оковка выпиловка монтаж чеканка дражировка
5	кожа бархат золотые (металлизированные нити)	дерево жесьь	коричневый горчичный золотой серебряный	серебряный	-	зооморфный	ручное тканье галунов	оковка выпиловка монтаж чеканка дражировка

Как видно из данных, приведенных в таблице – все рассмотренные образцы отличаются используемым материалом, цветом, орнаментом и техниками декорирования. Это говорит о том, что каждый мастер изготавливал не просто тиражируемый утилитарный предмет, а создавал высокохудожественное авторское произведение декоративно-прикладного искусства. Особенно, высокий уровень мастерства в работе ювелиров и золотошвеек, замечен на образце 3. Рассматриваемые котурны были изготовлены кабардинскими мастерами для подношения императрице Марии Федоровне и подарены во время путешествия семьи российского императора Александра III на Кавказ [8, С. 17-43].

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать ряд заключений:

1. Котурны адыгских женщин имеют древнюю историю. Являясь важным атрибутом в женском княжеском костюме конца XVIII – начала XX вв. они несут как утилитарную, так и знаковую функцию;
2. Несмотря на территорию бытования, принципы композиционного построения и технологии изготовления котурнов едины у всех представителей этноса, что, в свою очередь, говорит о выработке самобытной технологии;
3. Высокий уровень мастерства достигли адыгские ювелиры и золотошвеи. Каждая пара котурнов – это не только высокохудожественное изделие, выполненное в лучших традициях ювелирного, золотошвейного и орнаментального искусства адыгов, но и вклад в российское, а соответственно, и в мировое декоративно-прикладное искусство.

Исследование не является завершённым. Изучение и раскрытие рассматриваемых в статье вопросов продолжается.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. – Нальчик : Эльбрус, 1974. – 636 с.
2. Кабардинский фольклор / под общ. ред. Г.И. Бройдо. – Москва. – Ленинград : ACADEMIA, 1936. – 652 с.
3. Канокова Ф.Ю. Декоративно-прикладное искусство ногайцев. Одежда. Ювелирные украшения / Ф.Ю. Канокова. – Нальчик : Принт Центр, 2018. – 144 с.
4. Канокова Ф.Ю. Художественно-конструктивные и технологические особенности традиционных адыгских женских головных уборов XIX начала XX вв. / Ф.Ю. Канокова, А.А. Кабардова // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. – 2021. – № 4. – Часть 1. – С. 338–351.
5. Мальбахов. Б.Х. Черкесское (адыгское) декоративно-прикладное искусство / Б.Х. Мальбахов. – Нальчик : Тетраграф, 2012. – 333 с.
6. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев / Г.Х. Мамбетов. – Нальчик : Эльбрус, 2011. – 349 с.
7. Народное творчество адыго-кабардино-черкесов. Орнамент / сост. П.Г. Акритас, А.А. Дадов и др. – Москва. – Нальчик, 1957. – Вып 1. – 50 с.
8. Потто В.А. Царская семья на Кавказе. 18 сентября – 14 октября 1888г. / В.А. Потто. – Санкт-Петербург : Типография Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1889. – 236 с.
9. Предметы культуры адыгов в собрании Российского этнографического музея. Каталог / под ред. О.А. Федосенко. – Санкт-Петербург : Славия, 2016. – 267 с.
10. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв. / Е.Н. Студенецкая. – Москва : Наука, 1989. – 288 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Adygi, balkartsy, karachayevtsy v izvestiyakh yevropeyskikh avtorov XIII-XIX vv. [Adygs, Balkars, Karachays in the news of European authors of the 13th-20th centuries. Yusch] / comp. by V.K. Gardanov. – Nal'chik : El'brus, 1974. – 636 p. [in Russian]
2. Kabardinskiy folklor [Kabardian folklore] / ed. By G.I. Broydo. – Moscow. – Leningrad : ACADEMIA, 1936. – 652 p. [in Russian]
3. Kanokova F.Y. Dekorativno-prikladnoye iskusstvo nogaytsev. Odezhda. Yuvelirnyye ukrasheniya [Decorative and applied art of the Nogais. Clothing. Jewelry] / F.Y. Kanokova. – Nal'chik : PrintTsentr, 2018. – 144 p. [in Russian]
4. Kanokova F.Y. Khudozhestvenno-konstruktivnyye i tekhnologicheskiye osobennosti traditsionnykh adygsikh zhenskikh golovnykh uborov XIX nachala XX vv. [Artistic, constructive and technological features of traditional Adyghe women's headdresses of the 19th and early 20th centuries] / F.Y. Kanokova, A.A. Kabardova // Dekorativnoye iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGKHPA [Decorative art and the subject-spatial environment. Bulletin of the MGHPA]. – 2021. – № 4. – Part 1. – Pp. 338–351. [in Russian]
5. Mal'bakhov. B.K. Cherkesskoye (adygskoye) dekorativno-prikladnoye iskusstvo [Circassian (Adyghe) arts and crafts] / B.K. Mal'bakhov. – Nal'chik : Tetragraf, 2012. – 333 p. [in Russian]
6. Mambetov G.K. Traditsionnaya kul'tura kabardintsev i balkartsev [Traditional culture of Kabardians and Balkars] / G.K. Mambetov. – Nal'chik : El'brus, 2011. – 349 p. [in Russian]
7. Narodnoye tvorchestvo adygo-kabardino-cherkesov. Ornament [Folk art of the Adyghe-Kabardino-Circassians. Ornament] / comp. by P.G. Akritas, A.A. Dadov et al. – Moscow. – Nal'chik, 1957. – Iss. 1. – 50 p. [in Russian]
8. Potto V.A. Tsarskaya sem'ya na Kavkaze. 18 sentyabrya – 14 oktyabrya 1888g. [The royal family in the Caucasus. September 18 – October 14, 1888] / V.A. Potto. – Saint-Petersburg : Printing House of the District Headquarters of the Caucasian Military District, 1889. – 236 p. [in Russian]
9. Predmety kul'tury adygov v sobranii Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya. Katalog [Circassian cultural objects in the collection of the Russian Ethnographic Museum. Catalog] / ed. by O.A. Fedoseyenko. – Saint-Petersburg : Slaviya, 2016. – 267 p. [in Russian]
10. Studenetskaya Y.N. Odezhda narodov Severnogo Kavkaza XVIII-XX vv. [Clothing of the peoples of the North Caucasus in the 18th-20th centuries] / Y.N. Studenetskaya. – Moscow : Nauka, 1989. – 288 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.090>

ЭВОЛЮЦИЯ ПОРТРЕТНЫХ ОБРАЗОВ К.Ф. ЮОНА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ИСКУССТВА I ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Научная статья

Дроздова М.А.*

ORCID: 0000-0001-9691-0575,

Петербургский государственный университет сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (maria_drozdova[at]hotmail.com)

Аннотация

В статье рассматривается эволюция портретной живописи К.Ф. Юона на примере работ разных периодов творчества. В искусствоведческой литературе художник традиционно рассматривается как мастер пейзажного жанра, значительное количество исследований его произведений посвящено лирическим архитектурным пейзажам и образам русской провинции. При этом портретное творчество мастера оставлено искусствоведами практически без внимания, несмотря на то, что на протяжении всего художественного пути длиной более чем в половину века, Юон неоднократно обращался к изображению как образов героев эпохи, так и создавал глубокие, наполненные психологизмом яркие образы простого человека. В послереволюционный период значительное внимание художник уделял женским образам, подчеркивая изменение роли женщины в новом государстве и исследуя появление «советской женщины» – равноправной участницы общественной жизни. Представляется интересным проследить эволюцию портретных образов К.Ф. Юона в контексте развития русского искусства I половины XX века.

Ключевые слова: Юон, русская живопись, портрет, женский портрет, соцреализм, модерн, реализм.

EVOLUTION OF PORTRAIT IMAGES OF K.F. YUON IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN ART IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY.

Research article

Drozdova M.A.*

ORCID: 0000-0001-9691-0575,

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Saint-Petersburg, Russia

* Corresponding author (maria_drozdova[at]hotmail.com)

Abstract

The article analyzes the evolution of K.F. Yuon's portrait painting on the example of works of different creative periods. In art literature, the artist is traditionally regarded as a master of landscape genre, a sufficient amount of research of his work is devoted to lyric architectural landscapes and images of the Russian province. At the same time, the portrait work of the artist was mostly disregarded by critics, despite the fact that throughout the artistic journey of more than half a century, Yuon was repeatedly turning to the image of both heroes of the era and deep, psychological portraits of the common man. In the post-revolutionary period, the artist paid considerable attention to female images, emphasizing the changing role of women of the new state and exploring the emergence of a «Soviet woman» – an equal participant of public life. It is of interest to trace the evolution of portrait images of K.F. Yuon in the context of the development of Russian art in the first half of the 20th century.

Keywords: Yuon, Russian art, portrait, female portrait, socialist realism, modern, realism.

Введение

К.Ф. Юон прожил длинную творческую жизнь, захватив период расцвета русской реалистической традиции во второй половине XIX века, в значительной степени повлиявшей на сложение его художественных принципов, период вхождения русского искусства в европейский художественный контекст в начале XX века и эпоху формирования главного советского художественного стиля – соцреализма. Его визитной карточкой стали лирические архитектурные пейзажи старинных русских городов и полотна о новом мире 1920-х гг., развивающие тему строительства нового мира. При этом в своем творчестве мастер нередко обращался к портретному жанру, в частности, создавал уникальные женские образы, соединяющие как типические черты, так и уникальную психологическую характеристику героини. Однако, в исследовательской литературе этому направлению творчества К.Ф. Юона практически не уделялось внимания [1], [6], [8], [10]. Представляется интересным проследить изменения в подходе к изображению женских образов в творчестве мастера, сумевшего на отдельных этапах своего пути выразить в своих полотнах главные художественные идеи времени.

Методы и принципы исследования

Целью настоящего исследования является изучение эволюции развития портретного жанра в работах К.Ф. Юона на разных этапах его творчества. Для этого интересно было бы поставить задачу рассмотреть наиболее «симптоматичные» произведения мастера, в которых проявляются изменения в подходе к созданию портрета в контексте развития русского искусства I половины XX века. В работе художественно-стилистический и сравнительный анализ произведений сочетается с системным изучением художественного процесса и историко-культурного и художественного контекста первой половины XX века.

Основные результаты

Портретный жанр в творчестве К.Юона получил значительное развитие в 20-50-х гг. XX века. После революции 1917 года образ человека и его роль на полотнах мастера меняется. Человеческие образы наполняются личными и

типическим чертами, художник создает галерею образов эпохи. В его творчестве появляются портреты, призванные запечатлеть новых героев новой страны. Неизменными остаются только тональность и стиль в портретах жены и сына – как до, так и после революции их изображения проникнуты теплом и светом. Очевидно, что семейная жизнь художника стала той константой, на которую не влияют политические события и культурный контекст эпохи. Близких друзей художник также изображает, выделяя не столько типические характеристики, сколько индивидуальные черты. Таким образом, портретная живопись художника развивается в двух направлениях – парадного портрета героя эпохи и более интимного изображения личности, основанного на принципах психологизма и внимания к индивидуальности персонажа.

Обсуждение

Юону повезло учиться в Московском училище живописи, ваяния и зодчества в середине 1890-х гг., когда там преподавали такие масштабные творческие личности, как В. Серов, И. Левитан, А. Архипов, Л. Пастернак и другие [4]. В ранних работах мастера сочетаются реалистические принципы передачи окружающей действительности, тщательное штурдирование натуры, психологизм в сложении образа героя, увлечение ар-нуво и другими популярными в конце XIX – начале XX века европейскими течениями в живописи.

Одним из первых ярких и удачных портретных образов, созданных художником, стал женский портрет З. Перцовой (1899). В нем ощущается влияние творчества его учителя В. Серова. Полотно является продолжением «салонной» линии живописных портретов русского модерна. На рубеже веков был распространен такой репрезентативный, создающий "стильный" образ современной светской дамы, отвечающий вкусам заказчиков. Портрет Зинаиды Перцовой – жены железнодорожного магната и мецената Павла Перцова, покровительницы искусства, выполнен Юоном в модной в ту пору стилистике модерна [9], а сам заказ указывает на популярность мастера в кругу московских ценителей живописи рубежа веков.

Декоративность зеленой листвы и белое однотонное платье героини на фоне кресла создают композиционный контраст, деля полотно по диагонали, придавая ему динамичность и ощущение движения жизни. Импрессионистические тенденции проявляются в стремлении к пленэру и желании зафиксировать момент ускользающей жизни. Поза героини, как будто внезапно застигнутой художником за своим привычным занятием, показывает нам эпизод из жизни образованной хозяйки московского дома, принадлежащей к высшему обществу того времени. И хотя Юон не являлся в начале века «хрестоматийным» представителем русской модерна, в этой работе влияние ар-нуво проявляется наиболее полно. Флоральные мотивы, плоскостность композиции и декоративный эстетизм образа, характерные для модерна, говорят об увлечении художника его стилистикой. При этом мастер удачно вписывает пейзажный мотив вместо обычной для такого типа портрета салонной обстановки. Композиция полотна живая, почти импрессионистически непосредственная, что роднит его работу с ранними произведениями В. Серова [3]. При этом в портрете Юона нет серовской социально-психологической остроты и драматизма. В юоновском «русском» изложении зелень веселая, звонкая, радостная. Ее «подвижность» распространяется в сознании и восприятии зрителя и на образ З. Перцовой. Героиня художника кажется живой, молодой и непосредственной. Её поза – зафиксированное остановившееся движение. А белый монохром фигуры силуэтно выделяется на ковровой зелени листвы.

Исключительное чувство времени, присущее художнику на протяжении всего его творческого пути, помогло создать живой и интересный образ современницы, соединивший в себе все актуальные в тот период тенденции портретной живописи. Композиционные и стилистические приёмы позволяют сравнить портрет с работами Л. Бакста, В. Серова, А. Головина.

Работа «Ночной час. Портрет жены художника» была написана Юоном в 1911 году. Портрет жены – произведение камерное, Клавдия Алексеевна Юон запечатлена в домашней обстановке, готовящейся отойти ко сну. В этом полотне мастер решает задачу передачи ночного освещения и создания атмосферы вечернего настроения. В ней ощущается влияние караваджистов, Геррита ван Хонтхорста. В созданном мастером образе его супруга представляется скорее мадонной эпохи барокко, нежели стильной утонченной горожанкой – модного типажа того времени.

Автопортрет художника, написанный в 1912 году, развивает лучшие традиции русской реалистической живописи. В нем мастер создает образец психологического портрета, передающего индивидуальную характеристику героя. Деление композиции на две части придает композиции глубину, вертикаль, приближенная к первому плану фигуры, утверждает ее значительность. В центре полотна изображен сам мастер. Перед зрителем он предстает в расцвете творческих сил, опытный и знающий. В это время к художнику уже пришел успех, он открыл свою московскую «Студию Константина Юона», которая пользовалась большой популярностью среди начинающих художников. Справа за фигурой мастера как будто приоткрыт проход в мир художника, где зритель видит холсты и рамы. Уверенный, приглашающий взгляд, разворот в три четверти, открывающийся взору проход – все указывает на то, что рассказывает главное о герое. Здесь Юон – наш проводник в художественный мир. Торжественный контраст белой парадной рубашки как будто выводит фигуру мастера из тьмы в просвет мастерской.

В «Портрете жены художника» (1924) Юон создает собирательный образ жены живописца. Клавдия Алексеевна изображена на фоне гипсовой скульптуры и гитары, говорящих об увлечении семьей и окружения искусством. Образ зрелой, сильной женщины, думающей и хорошо знающей жизнь, соратницы своего супруга, соединяет одновременно и типические, и индивидуальные черты. Перед зрителем предстает подруга мастера, познавшая вместе с ним и трудности профессии и радости реализации задуманного. Художник уделяет большое внимание психологической характеристике модели. В его работе ощущаются интимность образа и психологизм, которые были свойственны работам его учителя В. Серова, и на смену которым в советском искусстве придут типизация и героизация образа.

Продолжая работать в этом жанре и в 1920-х гг. и позже автор создает карандашный портрет А.А. Бахрушина (1920), Е. А. Крыловой (1950), Э.В. Брагинского (1948). В них зритель видит не «типичный образ эпохи» или «советского общественного деятеля», а сложные личности, наполненные уникальными переживаниями и

размышлениями. Драматурга и сценариста Э.В. Брагинского К. Юон изображает задумчиво смотрящим в даль, как будто поглощенным какими-то новыми образами, рожденными в голове героя. Кажется, что он обдумывает новую идею или сюжет своего будущего произведения. Карандашный портрет Брагинского создан с большой виртуозностью. Художник легко и точно лепит объемы лица своего героя, благодаря светотеневой тонировке придавая живость и наполненность задумчивой энергией чертам.

А.А. Бахрушин, известный меценат, коллекционер и создатель театрального музея [2], в юности посещавший уроки К. Юона, представлен художником человеком думающим и открыто смотрящим на мир. Его рубашка напоминает русские крестьянские одежды, которые он коллекционировал, весь образ готовит не об аристократичности или образованности, а, скорее, об увлечении стариной, отсылает к народному, национальному, нежели представляет развитого современного интеллигента из зажиточной семьи. Таким образом художник старался выразить увлеченность своего героя русской культурой и историей. В портретной зарисовке поражает точность и уверенность линии К. Юона, его умение передать объем одним лишь изгибом контура, а фактуру штриховкой и светотеневой тонировкой. Взгляд героя полон живого интереса и работы мысли.

При изучении работ мастера начала XX века заметно незначительное внимание к образу женщины в его работах. Так, например, на полотне «Красный товар» (1905) женские фигуры, хотя и придающие колористическую напряженность, декоративность и выразительность полотну, фактически служат лишь стаффажем для композиции. Их лица неразличимы, они, представляя собирательные образы эпохи, играют второстепенную роль в работе.

В 20-е гг. прошлого века творчество К. Юона обогащается еще одной сюжетной линией – он создает интересную галерею женских типажей, таких как «Комсомолки. Подмосковный молодежь» (1926), «Первые колхозницы. В лучах солнца» (1928), «Возвращение с работы» (1930), которые в будущем повлияют на сложение иконографии женского социалистического портрета современной трудящейся работницы. Юон изображает своих героинь подчеркнуто сильными, крепкими здоровыми – именно такой образ подходит социалистическому государству, требующему создания женщины нового типа – труженицы и спортсменки. Обращает на себя внимание тот факт, что Юон выбирает жанр группового портрета показывая тем самым коллективность нового образа жизни, в котором нет места уникальной личности, имеющей свои неповторимые мир и ценности. Женские типажи Юона носят в себе обобщенный образ труженицы-крестьянки, живущей общей жизнью со своими товарками. В этих работах ощущается новый художественный язык автора – живопись его становится более корпусной, из работ пропадает воздух и свет, центральную роль играет здоровое крепкое женское тело. В этот период в его образной системе появляется несвойственная художнику ранее телесность, приземленность трактовки. В «Комсомолках» изображение девушек занимает фактически все полотно. Они как будто смело выходят из рамы, где им, очевидно, тесно. Представляется, что в этом заключается метафора получения женщинами равноправия и их выхода с периферии жизненных событий на передний план. Этот типический образ крупной, крепкой, сильной, решительной женщины, играющей главную роль в своей жизни, затем будет широко использован художниками последующих поколений.

Работа мастера «Подмосковная молодежь» (1926) также создает типический образ советской женщины. От многих сухих и идеализированных изображений нового типа труженицы или матери в искусстве того времени героинь Юона отличает лиризм и живость. Так, еще советские исследователи правильно отмечали художественные достоинства работы: «Подмосковная молодежь (1926) – одно из прониновеннейших созданий живописи тех лет... (в работе) есть внутреннее единство. Оно – в новизне типажа, и в особой слитности, компактности группы, как бы подчеркивающей крепкую товарищескую спайку девушек, и в светлом «упругом» колорите, придающем картине бодрящую свежесть... Он (Юон) сумел представить в группе четко индивидуализированных лиц некий обобщенный образ новой сельской молодежи [5]. Композиция полотна, построенная не симметрично, где почти выходящие из рамы картины сельские девушки, списанные, по признанию автора, с реальных героинь, полна динамики и разнонаправленного движения. Этому способствуют разворот вбок второй справа и опущенный вниз взгляд крайней справа девушек. А смотрящая как будто прямо в глаза зрителю настойчиво, решительно и открыто центральная фигура придает композиции устойчивости, ее красный платок также способствует акцентированию взгляда на героине. Кажется, что мастер хотел именно в ней представить сконцентрированный обобщенный образ советской женщины.

В «Автопортрете» (1953) художник как будто подводит итог своего творческого пути. Мастер создает образ живописца в классическом стиле. Одежда художника, палитра, портрет А.С. Пушкина отсылают не столько к соцреалистической традиции, сколько к классической. Интерьер комнаты придает портрету интимности, в то время как поза и атрибуты профессии отсылают к парадному портрету. Этот диссонанс придает полотну живость и добавляет личности героя объема. Тщательно выписанные руки и кисточки акцентируют внимание на том, что является важнейшей составляющей личности Юона. На автопортрете художник предстает перед зрителем хранителем и продолжателем классической традиции, независимым от быстропроходящих веяний в искусстве. Несмотря на то, что к моменту написания работы автор являлся значимой фигурой в советском искусстве (в 1957 году Юон получил пост первого секретаря правления Союза Художников СССР), здесь он предстает не руководителем или общественным деятелем, а живописцем, посвятившим свою жизнь искусству. Композиция и колорит автопортрета отсылают зрителя не к завоеваниям советской живописи, а, скорее, к теме поиска и, видимо, обретения художником образа культурной идентичности, в границах которой он нашел свое место.

Заключение

Верно определив потребности эпохи и найдя соответствующий художественный язык, К. Юон в своем портретном творчестве 20-50-х гг., соединив классические основы фигуративной живописи с новыми мотивами, настроениями, образами и живописными приемами, сыграл значительную роль в сложении советской станковой живописи.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Грабарь И.Э. Валентин Александрович Серов, 1865-1911: жизнь и творчество / И.Э. Грабарь – Москва : Искусство, 1980. – 547 с.
2. Бахрушин Ю.А. Воспоминания / Ю.А. Бахрушин – Москва : Художественная литература, 1994. – 700 с.
3. Осмоловский Ю.Э. Константин Федорович Юон / Ю.Э. Осмоловский – Москва : Советский художник, 1982. – 248 с.
4. Ростовцева И.Т. Константин Федорович Юон / И.Т. Ростовцева – Ленинград : Художник РСФСР, 1964. – 42 с.
5. Третьяков Н.Н. Константин Федорович Юон / Н.Н. Третьяков – Москва : Искусство, 1957. – 220 с.
6. Апушкин А.Я. Константин Федорович Юон / А.Я. Апушкин – Москва : Всекохудожник, 1936. – 115 с.
7. Дмитриева Н.А. Московское училище живописи, ваяния и зодчества / Н.А. Дмитриева – Москва : Искусство, 1951. – 172 с.
8. Ростовцев Н.Н. Очерки по истории методов преподавания рисунка / Н.Н. Ростовцев – Ленинград : Художник РСФСР, 1983. – 288 с.
9. Зингер Л.С. Советская портретная живопись 1917 – начала 1930-х годов / Л.С. Зингер – Москва : Изобразительное искусство, 1978. – 111 с.
10. Сарабьянов Д.В. Стиль модерн: Истоки. История. Проблемы / Д.В. Сарабьянов – Москва : Искусство, 1989. – 293 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Grabar' I.E'. Valentin Aleksandrovich Serov, 1865-1911: zhizn' i tvorchestvo [Valentin Aleksandrovich Serov, 1865-1911: life and art] / I.E'. Grabar' – Moscow : Iskusstvo, 1980. – 547 p. [in Russian]
2. Baxrushin Yu.A. Vospominaniya [Memories] / Yu.A. Baxrushin – Moscow : Xudozhestvennaya literatura, 1994. – 700 p. [in Russian]
3. Osmolovskij Yu.E'. Konstantin Fedorovich Yuon [Konstantin Fedorovich Juon] / Yu.E'. Osmolovskij – Moscow : Sovetskij xudozhnik, 1982. – 248 p. [in Russian]
4. Rostovceva I.T. Konstantin Fedorovich Yuon [Konstantin Fedorovich Juon] / I.T. Rostovceva – Leningrad : Xudozhnik RSFSR, 1964. – 42 p. [in Russian]
5. Tret'yakov N.N. Konstantin Fedorovich Yuon [Konstantin Fedorovich Juon] / N.N. Tret'yakov – Moscow : Iskusstvo, 1957. – 220 p. [in Russian]
6. Apushkin A.Ya. Konstantin Fedorovich Yuon [Konstantin Fedorovich Juon] / A.Ya. Apushkin – Moscow : Vsekoхудожник, 1936. – 115 p. [in Russian]
7. Dmitrieva N.A. Moskovskoe uchilishhe zhivopisi, vayaniya i zodchestva [Moscow School of Painting, Sculpture and Architecture] / N.A. Dmitrieva – Moscow : Iskusstvo, 1951. – 172 p. [in Russian]
8. Rostovcev N.N. Ocherki po istorii metodov prepodavaniya risunka [Essays on the History of Methods of Teaching Drawing] / N.N. Rostovcev – Leningrad : Xudozhnik RSFSR, 1983. – 288 p. [in Russian]
9. Zinger L.S. Sovetskaya portretnaya zhivopis' 1917 – nachala 1930-x godov [Soviet portrait painting from 1917 to the early 1930s] / L.S. Zinger – Moscow : Izobrazitel'noe iskusstvo, 1978. – 111 p. [in Russian]
10. Sarab'yanov D.V. Stil' modern: Istoki. Istoriya. Problemy' [Art Nouveau Style: Origins. History. Problems] / D.V. Sarab'yanov – Moscow : Iskusstvo, 1989. – 293 p. [in Russian]

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.091>

**ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И БРЕНДИНГ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
ДАГЕСТАНА XX В.**

Научная статья

Гаджалова Ф.А.*

ORCID: 0000-0002-3862-4316,

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

* Корреспондирующий автор (f-gadzhhalova[at]mail.ru)

Аннотация

Дагестан на Кавказе и в России еще с начала XX в. был широко известен разнообразными видами традиционных художественных промыслов и ремесел, музыкальной культурой. Отсюда, ставшие уже тогда широко известными дагестанское оружие, серебряные украшения, ворсовые, войлочные ковры, гончарные изделия, знаменитая хореографическая культура. Популяризации брендов дагестанской художественной культуры способствовало отходничество ювелиров, медников, гончаров, вывоз дагестанских ковров за границу. Значительно выросло число факторов для брендинга культурных явлений края в советское время. Среди таких факторов были организация артелей и госпредприятий в центрах народного искусства, создание профессиональных и фольклорных коллективов песни и танца народов Дагестана. Сегодня брендинг становится актуальным в связи с активным развитием сферы туризма в регионе.

Ключевые слова: этнокультура, народные художественные промыслы, хореографическая культура, песенная культура, брендинг, туризм.

**THE POTENTIAL OF HISTORICAL HERITAGE AND BRANDING OF ARTISTIC CULTURE OF DAGESTAN IN
XX CENTURY**

Research article

Gadzhhalova F.A.*

ORCID: 0000-0002-3862-4316,

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia

* Corresponding author (f-gadzhhalova[at]mail.ru)

Abstract

Since the beginning of the XX century, in the Caucasus and in Russia, Dagestan was widely known for various types of traditional arts and crafts, music culture. Hence, Dagestan weapons, silver jewelry, pile and felt carpets, pottery, famous choreographic culture became well known already since then. The popularization of the brands of Dagestan artistic culture was promoted by migration of jewelers, coppers, potters, as well as export of Dagestan carpets abroad. The number of factors for branding local cultural phenomena in the Soviet era significantly increased. Among such factors were the organization of work associations and state enterprises in the centers of folk art, the creation of professional and folklore groups of song and dance of the peoples of Dagestan. Today, branding becomes relevant due to the active development of the tourism industry in the region.

Keywords: ethno culture, folk creative art, choreographic culture, song culture, branding, tourism.

Введение

Известно, какую важную роль играет историческое наследие в современной жизни, ее культурных проявлениях. Интерес к ней возрастает, так как появилось новое направление исследований – брендинг культуры [1]. Важной составляющей этого направления становится изучение исторического наследия, углубления наших представлений о прошлом края, использовании его в развитии современной культуры, в повышении ее знаковости. Этапы развития и этнические особенности художественной культуры народов Дагестана, являющейся одной из важных составляющих историко-культурного и общественно-политического развития этносов, освещены во многих диссертационных исследованиях [2], [3], [5], [6]. На анализе этих и других научных трудов важно выявить наиболее значимые и локальные составляющие национального наследия Дагестана, что является одной из новых, современных задач специалистов самых разных гуманитарных дисциплин: историков, этнографов, культурологов, искусствоведов и др.

Многовековые традиции народа, его культура и история могут сегодня использоваться с целью брендинга в контексте поиска единых ценностных ориентиров региона в мировом социокультурном пространстве. На основе знаний можно сформулировать и воспроизвести смыслы, тексты, практики, показывающие Дагестан как уникальный регион, представляющий интерес для развития туризма, значимость которого в настоящее время повышается с каждым годом.

Кроме важности брендинга культуры для внутреннего развития страны или региона, как пишут исследователи, сегодня «брендинг» культурного и исторического наследия все чаще используются в качестве эффективного инструмента утверждения лидерства, той самой «мягкой силы», которая необходима для продвижения национальных интересов на международной арене [7]. Важная проблема темы – это брендинг территории [8]. Не случайно, что исторический памятник архитектуры города Дербента, цитадель-крепость Нарын-Кала стала своеобразным брендом всего Дагестана. Брендинг выполняет значимую роль для успешного развития внутреннего туризма, оно помогает формированию «узнаваемой» территории в широком социально-культурном пространстве. Развитие туристической

отрасли сегодня может стать одной из главных составляющих экономики региона, сыграть важную роль в устойчивом развитии территорий.

В дагестанской этнографической литературе тема брендинга еще не получила всестороннего освещения, есть лишь отдельные публикации, затрагивающие эту тему [9], [10]. Очевидно, что брендинг современной культуры требует глубокого изучения исторического наследия Дагестана и эта работа должна быть проведена компетентно и взвешенно.

При рассмотрении данного вопроса были использованы принцип историзма, комплексный подход к изучению художественной культуры Дагестана, а также сравнительно-исторический метод.

Основная часть

Дагестан на Кавказе и в России еще в начале XX в. стал известным регионом России с разнообразными видами традиционных художественных промыслов и ремесел, танцевальной культурой и т.д. Отсюда, ставшие уже тогда широко известными дагестанские конские сбруи, оружие (богато украшенные пистолеты сувенирного типа), кинжалы, шашки кубачинских и лакских мастеров, водоносные кувшины медников сел Гочатль, Ичичали, ковры мастериц Южного Дагестана, арбабаши (войлочные ковры) Северного Дагестана, гончарные изделия селений Балхар, Сулевкент, «кайтагские» вышивки, народный танец «лезгинка» и др. [11], [12], [13]. Изделия дагестанской художественной культуры стали популярны во многом благодаря отходничеству дагестанских мастеров-ювелиров, медников, торговле высококачественными шерстяными сукнами, вывозу дагестанских ковровых изделий в Закавказье, Турцию, в Европу, поступлению в центральные музеи дагестанских изделий художественных ремесел. Такие изделия мастеров Дагестана превратились в яркие знаки народной культуры региона, способствовавшие как рекламе продукции ремесленников, так и мастерского образа края. Особую популярность получили ювелирные украшения из серебра, среди которых женские и мужские пояса, газыри, а также художественно отделанная конская сбруя, кинжалы, украшенные ажурной филигранью, чернью, насечкой золотом.

В дореволюционное время в практике народных промыслов получили развитие необычные формы, несвойственные более раннему периоду. Так, в начале XX в. мастера перестали изготавливать ряд видов изделий (украшенные серебром ружья с кремневым замком и др.) [14, С. 112]. Строительство железной дороги через Дагестан усилило связи жителей края с центральными регионами России, увеличило поступление сырья и материалов в Дагестан.

В советский период истории понятия «бренд» как такового не существовало, но вопросами позиционирования торговых марок уже тогда занимались для внешнего рынка. Важную роль в этом стали играть средства массовой информации (СМИ). В советском Дагестане еще в первые десятилетия значительно возросло число газет, появилось радио. Еще в 1927 г. в республике вступила в строй широкоэмиттерная радиостанция. К концу первой пятилетки в республике было 13 радиоузлов, а число радиоточек достигло 3165 единиц. Число газет при этом (1932 г.) увеличилось до 22, а разовый их тираж достиг 111 тыс. экземпляров. Позже стало развиваться телевидение, росло число газет. В 1970 г. в Дагестане телевизионным вещанием было охвачено уже до 75 % населения республики. А общий тираж газет достиг 305 тыс. экз. [15, с. 171, 424].

Советская власть, большевики признавали художественные промыслы и ремесла как важное историческое наследие и старались использовать его для строительства нового общества. Вместе с тем они относились к ним с идеологической меркой – частное производство порождает чуть ли не «ежечасно» капитализм, и потому надо объединять мастеров в артели, создавать цеха для коллективного (цехового) производства, подсказывая при этом мастерам, что актуально в искусстве, а что неактуально. Одновременно с этим власть запретила частную практику и предпринимательство в традиционных промыслах (с 1930-х годов была запрещена обработка цветных и драгметаллов в частной сфере, а в 1960-е годы появились другие ограничения). Все это сузило потенциал развития дагестанского мастерства и перспективы его брендинга. Такие ограничения сохранялись до начала 1990-х годов.

Особое значение для трансформаций традиционной ремесленной культуры кроме СМИ имели развитие школьного образования, рост грамотности и развитие кругозора мастеров. С такими новациями появляются и новые шаги в художественной практике. Обучение навыкам чтения, письму, навыкам карандашного рисунка у взрослого населения, развитие школьного образования детей и юношества привело к формированию профессиональных традиций художников прикладного искусства, для которых кабинетная работа с карандашом, тушью, красками были новыми практиками. Они способствовали свежести восприятия традиций народного искусства. Свообразным «брендом» новой художественной культуры для мастера стало слово «эскиз». Эти и другие новации, связанные с художественным творчеством, способствовали появлению в народной культуре также слов – «художник», «художественный совет», появились такие понятия как «высокохудожественное», «подарочное» изделие. Этому способствовала творческая практика ведущих мастеров по разработке изделий для экспонирования на выставках, конкурсах, для передачи в музейные фонды, органам власти, если они были заказаны к различным знаменательным юбилеям.

В послевоенные годы Дагестан стал хорошо узнаваем и на прилавках московских и других крупных центральных магазинов (ГУМы, ЦУМы). Важную роль играла при этом политика власти по кооперированию мастеров, создание научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП), развитие музейного дела. Народные мастера стали ездить на творческую учебу в Москву, активно перерабатывать достижения из художественной практики других промыслов. Через массовую продукцию художественных артелей, комбинатов постепенно стали формироваться названия типа «дагестанский сумах», «дагестанские ковры», «дагестанское серебро», «дагестанская керамика», «унцукульские изделия» и др. Брендами становились и названия известных центров художественных промыслов и народного искусства Дагестана: «Кубачи», «Дербент», «Гочатль», «Унцукуль», «Балхар» и др.

Формированию своеобразных торговых марок изделий народно-художественных промыслов (НХП) с устоявшейся положительной репутацией, повсеместной известностью и глубокой укорененностью в массовом сознании активно способствовали СМИ. Все достижения мастеров артелей широко пропагандировались. В условиях, когда власть не поощряла индивидуальное творчество и предпринимательство Дагестан (артели и комбинаты НХП), как и русские

художественные промыслы, был в зоне внимания. А после войны, когда во многих регионах страны стали восстанавливаться народные ремесла, часто угасшие во время коллективизации 1930-х годов, создавались различные производственные объединения. В это время Кубачинский художественный комбинат оказался в числе лидеров такого возрождения.

Узнаваемыми брендами стала не только продукция предприятий народных промыслов, но и продукция частного производства ювелиров, ковровщиц. Несмотря на запреты в 1970-е и особенно в 1980-е годы в магазинах (часто такие изделия продавались с рук, через знакомых) Махачкалы можно было найти ювелирные украшения из серебра с различными вставками. Популярной стала техника ювелирной филигрании: в такой технике изделия изготавливали обычно выпускники Дагестанского художественного училища им. М. Джемала, художественно-графического факультета Дагпединститута. На еженедельно проходящем ковровом базаре у стен Дербентской крепости можно было легко купить ворсовые ковры, сумахи южнодагестанских мастериц. Своеобразным брендом художественных товаров из Дагестана стали бокалы-роги, оправленные в серебряную, мельхиоровую или латунную окантовку.

Вместе с тем запрещение властью частной практики и предпринимательства мастеров (с 1930-х годов была запрещена обработка цветных и драгметаллов в частной сфере, ряд других ограничений появилось в 1960-е годы) суживало потенциал развития дагестанского мастерства и перспективы его брендинга. Слово «частник» под влиянием идеологии стало чем-то вроде производителя некачественной продукции. Такие ограничения сохранялись до начала 1990-х годов.

Брендинг культурных традиций Дагестана в советское время шел и в области музыкальной фольклорной культуры. Так, в 1935 году в Дагестане был создан Государственный ансамбль песни и танца «Дагестан», в 1958 г. – Государственный академический ансамбль «Лезгинка», в последующие десятилетия был организован ряд фольклорных музыкально-хореографических коллективов. Эти коллективы, как и продукция народных промыслов, со своими брендами сегодня формируют представления об особенностях дагестанской художественной культуры у зрителей.

Заключение

Брендинг современной культуры требует глубокого изучения исторического наследия Дагестана. Брендирование культурного наследия в дореволюционное время было значительно затруднено. Оно протекало во многом стихийно. Главным фактором его была торговля, работа отходников, участие ведущих мастеров в различных выставках. В практике народных промыслов получили развитие и необычные формы, несвойственные более раннему периоду. Вместо них мастера разрабатывают посудные формы, шкатулки, сувениры, предназначенные для горожан или высокопоставленных особ.

В советское время благодаря политике власти, поддерживавшее развитие национальных окраин, появлению различных СМИ брендирование дагестанской культуры возросло. Уже в первые десятилетия здесь значительно возросло число газет, появились радио, телевидение, усилились экономические и культурные связи со столичными центрами СССР.

В послевоенный период дагестанские промыслы были представлены не только на различных выставках, но и на прилавках магазинов. Изделия мастеров Дагестана были хорошо узнаваемы в московских и других крупных центральных магазинах. Народные мастера стали ездить на творческую учебу в Москву, активно перерабатывать достижения из художественной практики других промыслов. В массовом сознании стали формироваться брендовые названия «дагестанские ковры», «дагестанское серебро», «дагестанская керамика», «унцукульские изделия» и др.

Вместе с тем запрещение властью частной практики и предпринимательства для мастеров суживало потенциал развития дагестанского мастерства и перспективы его брендинга.

В советское время была брендирована и музыкально – хореографическая культура. Были созданы два ансамбля («Дагестан», «Лезгинка»). Благодаря статусу Дербентской крепости (памятник ЮНЕСКО) был брендирован Дагестан и как территория.

Сегодня имеются все условия для брендинга современной культуры Дагестана, используя для этого историческое и этнокультурное наследие недавнего прошлого народов республики. Задача заключается в использовании для этого не только художественной культуры, но и всего пласта культуры республики (природные заповедники, объекты культурного и исторического наследия, национальная кухня, традиционные праздники и др.).

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Салманова А.К. Дагестанское оружие в XIX – начале XX вв. дис. ...канд. ист. наук : 07.00.02 : защищена 2000.02.15 : утв. 2000.12.21 / А.К. Салманова – Махачкала, 2000. – 206 с.
2. Гусейнов К.М. Промыслы и ремесла Дагестана по обработке шерсти в XIX – начале XX века: развитие и место в экономике края дис. ...д-ра ист. наук : 07.00.07 : защищена 2010.02.17 : утв. 2011.05.22 / К.М. Гусейнов – Махачкала, 2010. – 415 с.
3. Булейко Н.А. Развитие художественной культуры народов Дагестана в 20-30 годы XX века дис. ...канд. ист. наук : 07.00.02 : защищена 2000.03.31 : утв. 2000.05.22 / Н.А. Булейко – Махачкала, 2000. – 191 с.
4. Гаджалова Ф.А. Традиционная вышивка народов Дагестана во второй половине XIX-XX вв.: этническая специфика, историко-культурные влияния дис. ...канд. ист. наук : 07.00.07 : защищена 2010.12.10 : утв. 2011.05.11 / Ф.А. Гаджалова – Махачкала, 2010. – 225 с.
5. Магомедов А.Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана. XIX-XX вв.: история, современные проблемы дис. ...д-ра ист. наук : 07.00.02 : защищена 1999.10.04 : утв. 2000.01.28 / А.Дж. Магомедов – Махачкала, 1999. – 434 с.
6. Магомедов А.Дж. Традиционное художественное ремесло Дагестана (XIX- начало XX в.) / А.Дж. Магомедов – Махачкала : ДНЦ РАН, 1999. – 204 с.

7. Сяошо Г. Исследование брендинга китайских товаров на российском рынке. / Г. Сяошо // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2015. – № 1. – С. 70–75.

8. Гуцалов А.А. Культурный бренд и брендинг территории. / А.А. Гуцалов // Культурное наследие России. – 2018. – № 3. – С. 84–91.

9. Магомедов А.Дж. О.В. Маркграф как исследователь народных промыслов Северного Кавказа и общественный деятель. / А.Дж. Магомедов // Вестник Северо-осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. – 2020. – № 3. – С. 45–53.

10. Штанько Е.С. Региональные культурные бренды как способ продвижения и социально-культурного развития территорий. / Е.С. Штанько, Н.Н. Калашникова, Н.В. Ефремова // Современные наукоемкие технологии. – 2019. – № 10. – С. 381–386.

11. Муртузалиев С.И. Художественные промыслы Дагестана: поиск брендов. / С.И. Муртузалиев // Наследие веков. – 2018. – № 4. – С. 62–72.

12. Гаджалова Ф.А. Дагестанские бренды художественных ремесел и развитие туризма в регионе. / Ф.А. Гаджалова // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия; под ред. И.И. Горлова – Москва : Институт наследия, 2021. – С. 144–149.

13. Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа / А.С. Пиралов // Весь Кавказ. – Баку, 1914. – С. 199.

14. Каймаразов Г.Ш. Культура / Г.Ш. Каймаразов // Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. – Москва : Наука, 2002. – С. 106–112.

15. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В двух томах. Т. 2. XX век. – Махачкала : Юпитер, 2005. – 658 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Salmanova A.K. Dagestanskoe oruzhie v XIX – nachale XX vv. [Dagestan weapons in the XIX – early XX centuries] dis...of PhD in Social and human sciences: 07.00.02 : defense of the thesis 2000-02-15 : approved 2000-12-21 / A.K. Salmanova – Махачкала : 2000. – 206 p. [in Russian]

2. Gusejnov K.M. Promy'sly' i remesla Dagestana po obrabotke shersti v XIX – nachale XX veka: razvitie i mesto v e'konomike kraja [Crafts and crafts of Dagestan for processing wool in the XIX – early XX century: development and place in the economy of the region] dis...of PhD in Social and human sciences: 07.00.07 : defense of the thesis 2010-02-17 : approved 2011-05-22 / K.M. Gusejnov – Махачкала : 2010. – 415 p. [in Russian]

3. Bulejko N.A. Razvitie xudozhestvennoj kul'tury' narodov Dagestana v 20-30 gody' XX veka [The development of the artistic culture of the peoples of Dagestan in the 20-30 years of the twentieth century] dis...of PhD in Social and human sciences: 07.00.02 : defense of the thesis 2000-03-31 : approved 2000-05-22 / N.A. Bulejko – Махачкала : 2000. – 191 p. [in Russian]

4. Gadzhalova F.A. Tradicionnaya vy'shivka narodov Dagestana vo vtoroj polovine XIX-XX vv.: etnicheskaya specifika, istoriko-kul'turny'e vliyaniya [Traditional embroidery of the peoples of Dagestan in the second half of the XIX-XX centuries: ethnic specifics, historical and cultural influences] dis...of PhD in Social and human sciences: 07.00.07 : defense of the thesis 2010-12-10 : approved 2011-05-11 / F.A. Gadzhalova – Махачкала : 2010. – 225 p. [in Russian]

5. Magomedov A.Dzh. Tradicionnoe xudozhestvennoe remeslo Dagestana. XIX-XX vv.: istoriya, sovremennye problemy' [The traditional artistic craft of Dagestan. XIX-XX centuries: history, modern problems.] dis...of PhD in Social and human sciences: 07.00.02 : defense of the thesis 1999-10-04 : approved 2000-01-28 / A.Dzh. Magomedov – Махачкала : 1999. – 434 p. [in Russian]

6. Magomedov A.Dzh. Tradicionnoe xudozhestvennoe remeslo Dagestana (XIX- nachalo XX v.) [Traditional artistic craft of Dagestan (XIX – early XX century)] / A.Dzh. Magomedov – Махачкала : DNCZ RAN, 1999. – 204 p. [in Russian]

7. Syaosho G. Issledovanie brendinga kitajskix tovarov na rossijskom ry'nke [Research of branding of Chinese goods in the Russian market]. / G. Syaosho // E'konomika i upravlenie: problemy', resheniya [Economics and management: problems, solutions]. – 2015. – № 1. – Pp. 70-75. [in Russian]

8. Guzalov A.A. Kul'turny'j brend i brending territorii [Cultural brand and branding of the territory]. / A.A. Guzalov // Kul'turnoe nasledie Rossii [Cultural heritage of Russia]. – 2018. – № 3. – Pp. 84-91. [in Russian]

9. Magomedov A.Dzh. O.V. Markgraf kak issledovatel' narodny'x promy'slov Severnogo Kavkaza i obshhestvenny'j deyatel' [Margrave as a researcher of folk crafts of the North Caucasus and a public figure]. / A.Dzh. Magomedov // Vestnik Severo-ose'tinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Xetagurova [Bulletin of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University]. – 2020. – № 3. – Pp. 45-53. [in Russian]

10. Shtan'ko E.S. Regional'ny'e kul'turny'e brendy' kak sposob prodvizheniya i social'no-kul'turnogo razvitiya territorij [Regional cultural brands as a way to promote and socio-cultural development of territories]. / E.S. Shtan'ko, N.N. Kalashnikova, N.V. Efremova // Sovremennye naukoemkie tehnologii [Modern high-tech technologies]. – 2019. – № 10 (part 2). – Pp. 381-386. [in Russian]

11. Murtuzaliev S.I. Xudozhestvenny'e promy'sly' Dagestana: poisk brendov [Arts and crafts of Dagestan: search for brands]. / S.I. Murtuzaliev // Nasledie vekov [Heritage of centuries]. – 2018. – № 4. – Pp. 62–72. [in Russian]

12. Gadzhalova F.A. Dagestanskije brendy' xudozhestvenny'x remesel i razvitie turizma v regione [Dagestan brands of art crafts and development of tourism in the region]. / F.A. Gadzhalova // Cultural heritage of the North Caucasus as a resource for interethnic harmony; edited by I. I. Gorlova – Moscow : Institut naslediya, 2021. – Pp. 144-149. [in Russian]

13. Piralov A.S. A brief sketch of the handicrafts of the Caucasus / A.S. Piralov // The Whole Caucasus]. – Baku, 1914. – P. 199. [in Russian].

14. Kajmarazov G.Sh. Kul'tura / G.Sh. Kajmarazov // Narody Dagestana [Culture // Peoples of Dagestan]. / ed. by. S.A. Arutjunov, A.I. Osmanov, G.A. Sergeeva. – Moscow : Nauka, 2002. – Pp. 106–112. [in Russian].

15. The history of Dagestan from ancient times to the present day. In two volumes. Vol. 2. XX. – Махачкала : Jupiter, 2005. – 658 p.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.092>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ РОЛИ ЖЕНЩИНЫ-МУСУЛЬМАНКИ В СЕМЕЙНОМ СОЮЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ТРУДА Р.ФАХРЕДИНА «СЕМЬЯ»)

Научная статья

Кадымова Р.Р.*

ORCID: 0000-0001-6353-773X,

Многопрофильный лицей №188, Казань, Россия

* Корреспондирующий автор (kadumova-r[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматривается социально-правовой статус женщины-татарки в традиционной мусульманской семье на основе анализа работы «Семья» (Гаиля) татарского ученого, историка и богослова Ризаэдина Фахредина. Представлена мировоззренческая позиция автора о статусной идентификации женщины-мусульманки в конце XIX – начале XX вв. Выявлены факторы влияния на её статус в семейном союзе: исламская мораль, ролевые отношения, нормы нравственности. Охарактеризованы взаимоотношения жены и мужа, матери и детей, четко определены конфессиональные и социально-правовые составляющие семейной жизни. Систематично анализируются вопросы выбора супруги, брака по принуждению, семейного быта, определяется роль женщины в воспитательном процессе детей, модель отношений в браке между супругами, причины бракоразводного процесса. Доминирующую позицию в вопросе сохранения семьи как социального института ученый возлагает на женщину.

Ключевые слова: женщина, семья, права, Р. Фахредин, ислам, жена.

HISTORICAL PROBLEM OF PERCEPTION OF THE ROLE OF MUSLIM WOMAN IN A FAMILY UNION (ON THE EXAMPLE OF THE WORK OF R.FAKHREDDIN «FAMILY»)

Research article

Kadimova R.R.*

ORCID: 0000-0001-6353-773X,

Multidisciplinary Lyceum No.188, Kazan, Russia

* Corresponding author (kadumova-r[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the social and legal status of a Tatar woman in the traditional Muslim family on the basis of the analysis of the work of «Family» (Gailya) of the Tatar scholar, historian and theologian Rizaeddin Fakhreddin. The author's ideological take on the status identification of a Muslim woman in the late 19th and early 20th centuries is presented. The factors of influence on her status in the family union have been established: Islamic morality, role relations, morality norms. The relationships between wife and husband, mother and children have been described, the confessional and socio-legal components of family life have been clearly defined. The issues of a spouse choice, arranged marriages and family life are systematically analyzed, including the role of women in the upbringing of children, the model of relationships between spouses, the reasons for divorce. The scholar places dominant position in the preservation of the family as a social institution on a woman.

Keywords: woman, family, rights, R. Fakhreddin, islam, wife.

Введение

Имя Ризаэдина Фахредина, ставшее символом татарского просветительства, не только в истории России, но и в мировой просветительской мысли конца XIX – начала XX вв, является воплощением национальной культуры, исторического наследия татарского народа, его идеалом гуманизма, религиозной нравственности.

В данной статье мы подробно остановимся на взглядах ученого относительно роли женщины-мусульманки в семейном союзе на рубеже веков основываясь на анализ его работы «Семья» (Гаиля).

В последние десятилетия в научном сообществе возросло внимание к гендерным аспектам исследования проблем. В условиях роста тенденций к падению нравственности в мировом сообществе, в том числе в Российской Федерации, особую значимость приобрел вопрос по сохранению семьи как социального института. Проблема исторического анализа гендерных отношений актуальна, так как роль женщины в исламе является не только мерилем цивилизованности определенного общества, но и свидетельством потенциала его эволюции, фактором дальнейшего развития социума.

Основные результаты

Сто двадцать лет назад (1902) в г.Оренбург вышла из печати книга Ризаэдина Фахредина (1859-1936) «Семья» (Гаиля). К этому времени автор был уже известным ученым-историком, выдающимся религиозным деятелем, авторитетным журналистом не только в татарском социуме, но и во всем мусульманском мире Российской империи. С 1891 года он являлся членом Оренбургского духовного собрания, а на стыке веков выступил и как автор био-библиографического труда «Асар» (Асар), фундаментальных библиографических работ «Знаменитые мужи» (Мәшһүр ирләр), «Знаменитые женщины» (Мәшһүр хатыннар) и др. Особое место в публицистическом наследии ученого занимают сочинения аналитического характера, нравственно-дидактической направленности «Наука нравственности». Р.Фахредин рекомендует их использование в качестве учебно-методических пособий для мусульманских школ (мәдрәсә). Данная серия состоит из 11 самостоятельных работ ученого, написанных им в разные годы, в том числе и рассматриваемая нами работа «Семья» (Гаиля).

Четко понимая, что с семьи, составляющей основу общества, начинается процесс воспитания человека и формирования его как личности с самого рождения, Р.Фахреддин пишет свой труд «Семья». В содержании труда ученый отмечает, что по исламу создание семьи считается таким же важным и нужным делом, как создание государства, выдвигая тем самым социальный институт – семью и факт его существования в ряд приоритетных задач не только отдельной конфессии, но и государственной политики в том числе.

В данной работе Р.Фахреддин пытается рассмотреть все аспекты семейной жизни, социума мусульманского населения имперской России начала XX в. «Он рисует целостную картину взаимоотношений жены и мужа, четко определяет нормы и правила счастливой и гармоничной семейной жизни. Ученый систематично анализирует вопросы семейного быта, воспитания жены, задумывается о роли женщин в воспитательном процессе детей, пишет о равных отношениях в браке между супругами, детально освещает бракоразводный вопрос, рассказывает об обязанностях отца и матери перед детьми и т.д.» [1, С. 205]

Анализ исторических источников показал, что в обновляющемся мусульманском обществе России конца XIX – начала XX вв. вопрос о роли и функциях женщины в семье, её правах и обязанностях был актуальным.

Среди вопросов, рассмотренных Р.Фахреддином в труде «Семья» можно выделить следующие:

- 1) проблема нравственности;
- 2) брак по принуждению;
- 3) вопросы взаимоотношений мужа и жены в семье;
- 4) развод (талак).

Задумываясь о взаимоотношениях мужчины и женщины, Р.Фахреддин заявляет, что действительная дружба между не вступившими в брак мужчиной и женщиной не может существовать по канонам исламской религии. «Действительная, доверительная дружба может быть только между женатыми мужчинами и замужними женщинами» [7, с. 208]. Автор делает особый акцент на том, что жениться нужно и с точки зрения нравственности.

Рассуждая о вопросе выбора спутника жизни Р.Фахреддин, не мог не затронуть проблему выдачи замуж девушек против их воли. У мусульман конца XIX – начала XX вв., данное явление, преследующее материальную выгоду, было весьма популярно. Ученый подчеркивает, что по законам ислама женщина наделена большим правом, ей дано право самой выбрать себе мужа. Родители не могут принудить ее выйти замуж за человека, с которым она не желает состоять в браке. Критикуя притеснения и запреты, исходящие от родителей при выдаче замуж дочерей, Р.Фахреддин не является сторонником полного отстранения родителей от участия в этом мероприятии. Девушка должна сама сделать выбор – принимать ей предложение или отказаться от него. Однако это не значит, что она не должна прислушиваться к мудрым и разумным советам родителей. По мнению ученого, родители не должны притеснять и ущемлять права детей при выборе будущего супруга, точно так же им нельзя отчуждаться и стоять в стороне в столь важный и ответственный момент. Так как, уверяет автор, «если дать полную свободу действий – молодежь может принять ошибочное решение, в силу своей неопытности оказавшись в плену материальных богатств, предлагаемых в качестве свадебных подарков» [10, С. 16]. Такое необдуманное решение, по словам ученого, как правило, приводит к сильному раскаянию. «В жизни никах (мусульманская свадьба) по принуждению не является залогом ожидаемой счастливой семейной жизни, так как души молодых не являются родственными, их совместная жизнь наполняется злобой и впоследствии может стать тяжкой, подобной адским мукам» [10, С. 17].

Рассматривая проблему браков по принуждению, автор пишет, что зачастую неравные браки против воли девушек совершаются из-за желания родителей нажиться богатством жениха, выдав свою дочь за состоятельного и старого человека. «Отдавать юных девушек замуж за мужчин в несколько раз старше их, также благовоспитанных девушек за невоспитанных богатых женихов – равносильно продаже личного счастья за обещанное имущество, которое не является залогом счастья в семейной жизни» [10, С. 21], – уверяет автор.

Характеризуя мужчин и женщин, составляющих основу семьи, по их физическим способностям, физиологическим возможностям, духовным и психологическим особенностям, Р.Фахреддин дает следующее определение: «Муж в семье должен быть руководителем, а жена – его опорой и человеком, на которого возлагаются обязанности руководства домашними делами» [10, С. 19]. Тем самым, автор подтверждает общепринятое определение о первостепенной позиции женщины в ведении домашнего быта. Анализируя условия незыблемости семейного очага и взаимопонимания между супругами, мыслитель подробно останавливается на некоторых моментах, касающихся данного вопроса. Первым условием, способствующим укреплению семьи, по мнению Р.Фахреддина, является отношение мужа к жене как к своему товарищу и лучшему другу, в случае своего отсутствия муж должен предоставить жене возможность быть хозяйкой, целиком поручая ей управление домом при полном доверии.

Восхищаясь мудрой, находчивой и великодушной женщиной, управляющей семьей, словно чуткий психолог, способной найти к каждому члену семьи подход и нужное слово, «согревающее» душу, Р.Фахреддин приравнивает её деятельность к тяжелому и ответственному труду управления государством. «Если рассматривать семью как маленькое государство, управление которым находится в руках женщины, зависящей от своего мужа (учитывая, что ее обязанности заключаются не только в том, чтобы приготовить еду, расстелить постель, убрать дом, присмотреть за ребенком и т.д.), ее труд в семье сопоставим с ответственным делом управления целым государством» [10, С.35]. Тем самым богослов подчеркивал идею, что женщина-мать, хозяйка – воспитатель будущего человечества. Именно от нее зависит каким будет будущее нации и человечества в целом. Так Р.Фахреддин возвел вопрос о социальном-правовом статусе женщины в семье и мусульманском обществе на высоту государственно-политических проблем.

Рассматривая отношения и поведенческие стереотипы супругов, предпринимаемые для сохранения чувств и доброжелательных отношений в семье, Р.Фахреддин рекомендует женщинам, проявлять радость в тот момент, когда муж возвращается домой с работы, вообще радоваться ему всегда. «Мудрая женщина, желающая сохранить благоприятную атмосферу в семье, никогда не станет противоречить мужу, упрямиться и разговаривать с ним в насмешливом, издевательском тоне» [10, С. 32].

В связи с этим можно сделать вывод, что для мыслителя роль женщины в семье прежде всего просматривается через ее функции жены и матери – «это главное предназначение и дело всей ее жизни» [10, С. 33].

К самым нужным качествам женщины историк относит практичность будущей хозяйки. В своем труде «Джавамигуль карлим шархи» (комментарии к изречениям пророка Мухаммада) [7, С. 602] Р.Фахреддин пишет, какой должна быть женщина, в комментарии к хадису №42, гласящему: «Экономная женщина не бывает разорительна для мужа, бывает в жизни необременительна и не составляет много хлопот». (Ахмад ибн Ханбаль, ч.6, с. 82) [2, С. 18]. Выражая свое мнение по этому поводу, автор приводит примеры, основываясь на своем жизненном опыте и наблюдениях.

Рассуждая о качествах, присущих хорошей жене, мыслитель ставит на первый план религиозность и набожность, т.е. знание канонов мусульманской религии обязательно для женщин. «Хорошая жена – первая помощница в сохранении религии» [10, С. 28].

Анализируя возникшие непонимание и разногласия в семье, автор пишет, «когда муж и жена не любят друг – друга и не находят удовольствия в семейной жизни, не могут быть защитой друг друга, между ними растет вражда и отсутствуют признаки счастливой семейной жизни» [10, С. 38]. Жизнь в подобном состоянии приносит всем членам семьи только вред, травмируя психоэмоциональное состояние личности. Именно по этой причине Р.Фахреддин допускает возможность получения развода (талак) при желании одного из супругов расторгнуть брачный союз, т.к. данные действия не противоречат нормам мусульманского законодательства (Шариат).

Таким образом, Р.Фахреддин утверждает, что «естественный брак» требует равенства в возрасте, нравственного мировоззрения и в других делах, муж и жена должны соответствовать друг-другу по всем критериям. Если в семье права мужа и жены не будут соблюдаться, они станут причиной многих нежелательных ситуаций, которые впоследствии могут повлечь за собой разрушение семьи. Богослов был уверен, что главным в браке должно быть взаимное уважение и согласие друг к другу, а не страх, подчинение и бесправное положение жены.

Задаваясь вопросом: в чем секрет истинного счастья на земле? Р.Фахреддин в своих трудах вновь и вновь напоминает читателю о том, что самое великое счастье на земле – когда у тебя есть прекрасная семья. «Человек, у которого есть уютный дом, благочестивая жена, хорошая жизнь – самый счастливый человек на свете» [10, С. 42].

Обсуждение

Следует отметить, что в отечественной науке за последнее десятилетие историческая проблема роли женщины в обществе и ее статусная трансформация на примере мусульманского сообщества исследовалась в отдельных научных статьях целого ряда ученых. Так, проблема "женского вопроса" на страницах периодической печати в начале XX в. была подробно изучена Брилевой Д.С. [12], Чубукчиевой Л.З. [13]; женское мусульманское движение в прошлом и настоящем исследовалась Саттаровой А.И., Фазлиевым М.А. [14].

На сегодняшний день в научном сообществе ведется активная деятельность по возвращению и популяризации исторического наследия многих выдающихся ученых татарского народа, в том числе и Р.Фахреддина. В силу того, что труды автора были написаны на старо-татарском языке с применением арабской графики, большая часть работ была не доступна широкому кругу общественности. За последние десятилетие значительная часть трудов ученого были переведены на русский и татарский языки и опубликованы на кириллице. Историк Марданова Д.З. в научной статье анализирует работы Р.Фахреддина вошедшие в научный оборот с 2018-2020 г. [15].

Заключение

Рассматривая взгляды Р.Фахреддина на различные аспекты функционирования мусульманской семьи и роли женщины в ней, делая выводы можно сказать, что ученый возвел вопрос восприятия роли женщины-мусульманки в семейном союзе на высоту государственно-политических проблем. Главным критерием сохранения семьи как социального института ученый видит в проявлении чувства согласия и товарищества в браке между супругами и отсутствия каких-либо притеснений, продиктованных этно-конфессиональными пережитками традиционного общества татар-мусульман начала XX века. Напоминая о том, что создание семьи очень ответственный и серьезный шаг, Р.Фахреддин старается ознакомить всех мусульман с основными правилами и навыками введения семейной жизни, являющиеся ключевыми в вопросе взаимоотношений супругов. В аналитическом труде «Семья» ученый неоднократно подчеркивает, что семья является показателем повышения авторитета нации и непременным фактором её сохранения. Тем самым, в решение вопроса, не теряющего актуальности и по сей день, ученый возлагает главную роль на женщину. Указывая, что незыблемой основой крепкой семьи является праведная и добродетельная женщина. Она же самая главная радость в жизни мужчины.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Кадымова Р.Р. Вклад Ризаэддина Фахреддина в формирование нового статуса женщины в татарском обществе конца XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 : защищена 2013.11.01 : утв. 2013.10.10 / Р.Р. Кадымова – Казань : 2013. – 205 с.
2. Хабибуллина А.М. Положение женщины в татарском обществе в конце XVIII– в первой половине XIX вв: дис. ...канд. социальн. и гум. наук : 13.00.01 : защищена 2012.03.01 : утв. 2012.02.16 / А.М. Хабибуллина – Казань: 2012. – 189 с.
3. Мухаммад Али аль-Хашими Личность мусульманки согласно Корану и Сунне / аль-Хашими Мухаммад Али – Уфа : Madrasa named after M. Sultanova, 2003. – 390 с.

4. Тухватуллина Л.И. Проблема человека в трудах татарских богословов: конец XIX – начало XX веков / Л.И. Тухватуллина – Казань : Tatar book publishing house, 2003. – 207 с.
5. Пушкарёва Н.Л. Гендерные исследования российского двадцатого века. / Н.Л. Пушкарёва, О.В. Большакова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2020. – Vol. 65. – Iss. 1. – С. 318–328.
6. Чубукчиева Л.З. Женский вопрос на страницах журнала "Алеми нисван". / Л.З. Чубукчиева // Эхо веков. – 2013. – № 1-2 (70-71). – С. 36-43.
7. Брилева Д.С. О женщине и устами женщины: мусульманка в татарской периодической печати начала XX в. / Д.С. Брилева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2018. – № 2. – С. 17-36. DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-2-17-36
8. Саттарова А.И. Образ татарской женщины-мусульманки и развитие женского движения в контексте исторической памяти: возрождающиеся и новые традиции. / А.И. Саттарова, М.А. Фазлиев // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 4-2. – С. 29-34.
9. Марданова Д.З. Произведения Ризаэддина Фахрединна, изданные в 2018-2020 гг. / Д.З. Марданова // Историческая этнология. – 2020. – № 2. – С. 345-354. DOI: 10.22378/he.2020-5-2.345-354
10. Фәхретдин Р. Тәрбияле ана / Р.Фәхретдин. – Оренбург : Кәримов матбагасы, 1909. – 16 б.
11. Фәхретдин Р. Тәрбияле хатын / Р.Фәхретдин. – Оренбург : Кәримов матбагасы, 1910. – 24 б.
12. Ризаэддин Фәхретдинов: Фәнни-биографик жьентык. Ризаэддин Фәхретдинов: Научно-биографический сборник. – Казань : Рухият, 1999. – 224 с.
13. Ризаэддин бине Фәхретдин. Жәвамигуль кәлим шәрхе. – Казан : Иман, 2002. – 602 с.
14. Фәхретдин Р. Әһле гыяль / Р.Фәхретдин. – Оренбург : Шәрәк көтебханәсе, 1910. – 28 б.
15. Фәхретдин Р. Гаилә (4 басма) / Р.Фәхретдин. – Оренбург : Вакыт, 1912. – 42 б.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kady'mova R.R. Vklad Riza'e'ddina Faxreddina v formirovanie novogo statusa zhenshhiny' v tatarskom obshhestve konca XIX – nachala XX vv.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Contribution of Rizaeddin Fahreddin to the formation of a new status of women in Tatar society of the late XIX – early XX centuries: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences, Kazan.] dis....of PhD in Social and human sciences: 07.00.02 : defense of the thesis 2013-11-01 : approved 2013-10-10 / R.R. Kady'mova – Kazan', 2013. – 205 p. [in Russian]
2. Xabibullina A.M. Polozhenie zhenshhiny' v tatarskom obshhestve v konce XVIII– v pervoj polovine XIX vv: [The position of women in Tatar society at the end of the XVIII– first half of the XIX centuries] dis....of PhD in Social and human sciences: 13.00.01 : defense of the thesis 2012-03-01 : approved 2012-02-16 / A.M. Xabibullina – Kazan', 2012. – 189 p. [in Russian]
3. Muxammad Ali al'-Xashimi Lichnost' musul'manki soglasno Koranu i Sunne [The identity of a Muslim woman according to the Quran and the Sunnah] / al'-Xashimi Muxammad Ali – Ufa : MADRASA NAMED AFTER M. SULTANOVA, 2003. – 390 p. [in Russian]
4. Tuxvatullina L.I. Problema cheloveka v trudax tatarskix bogoslovov: konec XIX – nachalo XX vekov [The problem of man in the works of Tatar theologians: the end of the XIX – beginning of the XX centuries] / L.I. Tuxvatullina – Kazan' : Tatar book publishing house, 2003. – 207 p. [in Russian]
5. Pushkareva N.L. Gendernye issledovaniya rossijskogo dvadczatogo veka [Gender studies of the Russian twentieth century]. / N.L. Pushkareva, O.V. Bol'shakova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg University]. – 2020. – Vol. 65. – Iss. 1. – Pp. 318–328. [in Russian]
6. Chubukchieva L.Z. Zhenskij vopros na stranicax zhurnala "Aleml nisvan" [Women's issue on the pages of the magazine "Aleml Nisvan"]. / L.Z. Chubukchieva // E'xo vekov [The Echo of Centuries]. – 2013. – № 1-2 (70-71). – Pp. 36-43. [in Russian]
7. Brileva D.S. O zhenshhine i ustami zhenshhiny': musul'manka v tatarskoj periodicheskoj pechati nachala XX v. [About a woman and through the mouth of a woman: a Muslim woman in the Tatar periodical press of the early twentieth century.]. / D.S. Brileva // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom [State, religion, church in Russia and abroad]. – 2018. – № 2. – Pp. 17-36. DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-2-17-36 [in Russian]
8. Sattarova A.I. Obraz tatarskoj zhenshhiny'-musul'manki i razvitie zhenskogo dvizheniya v kontekste istoricheskoy pamyati: vozrozhdayushiesya i novye tradicii [The Image Of The Tatar Muslim Woman And The Development Of The Women's Movement In The Context Of Historical Memory: Reviving And New Traditions]. / A.I. Sattarova, M.A. Fazliev // Vestnik kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury' i iskusstv [Bulletin Of The Kazan State University Of Culture And Arts]. – 2015. – № 4-2. – Pp. 29-34. [in Russian]
9. Mardanova D.Z. Proizvedeniya riza'e'ddina faxreddina, izdannye v 2018-2020 gg [The Works Of Rizaeddin Fahreddin, Published In 2018-2020]. / D.Z. Mardanova // Istoricheskaya e'tnologiya [Historical Ethnology]. – 2020. – № 2. – Pp. 345-354. DOI: 10.22378/he.2020-5-2.345-354 [in Russian]
10. Fahretdin R. Educated mother / R. Fahretdin. – Orenburg : Karimov printing house, 1909 [in Tatar]
11. Rizaudin Fahretdin A well-mannered woman / R. Fahretdin. – Orenburg : Karimov printing house, 1910 [in Tatar]
12. Rizaeddin Fakhretdinov: a scientific and biographical collection. Rizaeddin Fakhretdinov: A scientific and biographical collection. – Kazan : Ruhayat, 1909. [in Tatar]
13. Rizaudin bin Fahretdin. Zavami gul Kalim sherhe. – Kazan : Iman, 2002. [in Tatar]
14. Fahretdin R. Home economics. – Orenburg : Vostochnaya tipografiya, 1910. [in Tatar]
15. Fakhretdin R. Family (4th ed.). – Orenburg : Vakyt, 1912. [in Tatar]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.093>

МОРСКАЯ ВОЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф.Ф.УШАКОВА В 1784-1792 ГОДАХ

Научная статья

Хаяров Д.Г.¹, Сычева Т.Ю.^{2,*}, Сычев К.Д.³

¹ ORCID: 0000-0003-3321-426X;

² ORCID: 0000-0001-8425-5884;

³ ORCID: 0000-0002-6178-7914;

¹ Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия;

² Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск, Россия;

² Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия;

³ Военно-морская академия им. Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (tatysiaa1[at]mail.ru)

Аннотация

В статье предпринята попытка изучения и раскрытия вклада Ф.Ф. Ушакова в строительство г. Севастополя и южных морских укреплений России. Авторы обращаются к изучению документов, писем и записок Ф.Ф. Ушакова и его коллег, а также наблюдений современников. Проводится изучение взаимосвязи исторических событий прошлого и настоящего в отечественной военной истории. Авторы предприняли попытку представить различные точки зрения исследователей военно-морской истории России. Флотоводец Ф.Ф. Ушаков принимал активное участие в создании и строительстве главной военно-морской базы на Юге России в г. Севастополе. При его непосредственном участии Севастополь стал хорошо укрепленной военно-морской базой с развитой инфраструктурой. Это обеспечило основание для дальнейшего превосходства России на Черном море на долгие годы. Исторический опыт жизнедеятельности Российского военно-морского флота является ключом для решения современных геополитических проблем Черноморского региона.

Ключевые слова: Ф.Ф. Ушаков, тыловое обеспечение флота, флотоводец, фортификационные укрепления, Черноморский флот.

NAVAL MILITARY AND ECONOMIC ACTIVITY OF F.F.USHAKOV IN 1784-1792

Research article

Khayarov D.G.¹, Sycheva T.Y.^{2,*}, Sichev K.D.³

¹ ORCID: 0000-0003-3321-426X;

² ORCID: 0000-0001-8425-5884;

³ ORCID: 0000-0002-6178-7914;

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russia;

² Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russia;

² Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia;

³ Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N.G. Kuznetsov, Saint-Petersburg, Russia

* Corresponding author (tatysiaa1[at]mail.ru)

Abstract

The article attempts to study and measure the contribution of F. Ushakov to the building of Sevastopol and the southern naval fortifications of Russia. The authors turn to the study of documents, letters and notes of F.F. Ushakov and his colleagues, as well as observations of contemporaries. The study of the connection between historical events of the past and present in the domestic military history is conducted. The authors made an attempt to present different viewpoints of researchers of Russian naval history. Naval commander F.F. Ushakov took an active part in the design and construction of the main naval base in the South of Russia in Sevastopol. With his direct participation, Sevastopol became a well-fortified naval base with an intricate infrastructure. This provided the basis for Russia's continued superiority in the Black Sea for many years. The historical experience of the Russian Navy is the key to solving the current geopolitical problems of the Black Sea region.

Keywords: F.F. Ushakov, fleet logistic support, naval commander, fortifications, Black Sea fleet.

Введение

В последнее десятилетие Россия столкнулась со сложными военными и геополитическими вызовами, когда в зарубежной военно-исторической, политической и научно-публицистической литературе открыто искажаются исторические факты и через электронные СМИ воздействуют на общественное мнение. В то же время в общественно-политическом сообществе заметно вырос интерес к вопросам военно-морской истории. Возвращение Российских исторических земель требует вновь обратиться к героическим страницам истории Военно-Морского Флота. Несомненно, опыт строительства Черноморского военно-морского флота и биография флотоводцев, как стражей южных границ Российской империи, особенно актуальны в наши дни.

При ретроспективном рассмотрении исторических событий и фактов важно учитывать, что их участниками были конкретные люди – незаурядные личности, которые внесли неоценимый вклад в летопись героических побед России. В этом ряду, несомненно, стоит и имя Федора Федоровича Ушакова.

В отечественной военно-морской истории отмечены заслуги Ф.Ф. Ушакова в создании новой тактики ведения военно-морского боя, проявляющейся в стремительности, расторопности, точности и слаженности действий моряков. От офицеров требовалась быстрота оценки обстановки и принятие решений, слаженность действий между кораблями флота. Военные заслуги адмирала, в том числе создание новаторской тактики ведения морского боя отмечали

И.С.Исаков [1] и Ю.Ф.Ралль [2]. Военный историк В.Ю. Грибовский провел подробное сравнительное исследование кораблей российского и турецкого флотов, отмечая, что заслуги Ушакова в первенстве применения приемов ведения морского боя преувеличены [3], [4]. В.Д.Овчинников, всесторонне рассматривая деятельность адмирала Ушакова, акцентировал внимание на заслугах в области создания и применения нелинейной тактики ведения морского боя.

Следует отметить заслуги Ушакова в создании строгой системы и методики обучения личного состава флота. По его распоряжению новичков сначала знакомили с корабельным уставом и всеми основами корабельной службы, а уже потом начиналась повседневная отработка практических навыков под пристальным вниманием командующих. Созданная система обучения позволяла морякам в короткие сроки приобрести необходимые навыки, морскую сноровку и привыкнуть к напряженному корабельному ритму.

Данное исследование посвящено изучению и раскрытию менее известных заслуг Ф.Ф.Ушакова в военно-строительной деятельности г.Севастополя по укреплению южных рубежей России и организации быта моряков.

Методы и принципы исследования

Методология данной работы представляет начальное осмысление жизнедеятельности Ф.Ф.Ушакова и определяется общим конкретно-историческим характером темы и ее междисциплинарностью. Ограниченность историографии предполагает необходимость расширения методологических основ работы. В исследовании использованы методы смежных военных дисциплин, их анализ и синтез при главенстве историко-сравнительного метода.

Основные результаты

В результате присоединения Крыма к России в 1783 году было принято решение основать новую военно-морскую базу на Юге России в Севастополе. Вместо небольших судов Азовской флотилии планировалось создать современное оснащенное боевое ядро Черноморского флота – линейные корабли и фрегаты с одновременным развитием инфраструктуры флота. Данная деятельность осуществлялась по указанию Екатерины Великой под патронажем генерал-губернатора Г.А. Потемкина, пользовавшегося ее доверием.

Интересной представляется параллель с событиями, связанными с присоединением Крыма к Российской Федерации в 2014 году при поддержке большинства населения и последующими мерами по развитию инфраструктуры Крымского полуострова, развитию военно-морской мощи России в Черном море. Данная деятельность также осуществляется по непосредственному распоряжению президента России В.В. Путина, который поставил перед руководителями силовых ведомств задачу по возвращению Крыма в состав России. Дальнейшее рассмотрение роли, места и значения личности Ф.Ф. Ушакова в развитии Севастополя будет построено в хронологической последовательности, проводя возможные параллели с событиями и проблемами сегодняшнего дня.

После окончания войны с Турцией 10 июля 1784 г. вышел указ об устройстве на южных рубежах новых оборонительных укреплений. Ф.Ф. Ушаков занялся возведением Севастопольского порта и крепости; под его руководством осуществлялось строительство и укрепление Севастополя.

Севастопольская бухта была выбрана в качестве базы Черноморского флота благодаря своему выгодному стратегическому положению и благоприятным погодным условиям.

В соответствии с указом в 1785 г. строящийся Черноморский флот был выведен из подчинения Петербургской Адмиралтейств-Коллегии и отдан в подчинение князю Г.А. Потемкину. В результате Черноморский флот стал отдельным боевым соединением русского императорского флота. В мае 1786 г. основываясь на предложениях полковника А.В. Суворова, Г.А. Потемкин подготовил 10-летний план строительства города Севастополя. Этот план предполагал начало строительных работ уже летом 1786 года.

С прибытием в 1785 г. основных сил флота в Севастополе остро стоял вопрос расквартирования личного состава в пунктах базирования, который в первый год не был решен. Поэтому экипажам вместе с офицерами приходилось жить на кораблях. Уже на этом этапе Ф.Ф. Ушаков принимал энергичные меры к решению проблем расквартирования, активно участвовал в организации и проведении строительных работ. Офицер Черноморского флота И.А.Полномочный современник Ф.Ф. Ушакова в своих записках пишет: «Ушаков сам за мастера, офицеры за урядников, унтер офицеры всех званий и рядовые употреблялись в работе: кто с носилками, другие камень носят и землю, колья бьют» [5, С. 693].

В соответствии с планом в следующем 1787 г., когда уже будет готова инфраструктура, построены кирпичные и известные заводы и каменоломни, будут доставлены рабочие для окончания строительства замка на северном мысу для обороны судового прохода, открыта треть линий главной крепости, водовод и заготовлено для строительства в будущем году достаточное количество кирпича, черепицы и извести.

Несмотря на проведенные активные мероприятия, проблема проживания личного состава не была решена и в следующем году и, это не позволило кораблям принять участие в военной кампании 1786 года несмотря на сложную военно-политическую обстановку. Весь личный состав был привлечен к решению проблем организации быта, строительству казарм и магазинов.

Начавшаяся в 1787 г. война с Турцией существенно скорректировала выполнение плана Г.А. Потемкина – Ф.Ф. Ушаков отдавал приоритет строительству оборонительных фортов и батарей в Севастополе. Тем не менее, даже во время активных боевых действий русско-турецкой войны 1787-1791 гг. строительство в Севастополе продолжалось, активно укреплялись берега севастопольских бухт. Так в рапорте от 1 сентября 1789 г. капитан первого ранга Ф.Ф. Ушаков докладывал князю Т.А. Потемкину о том, что на рейде вся часть берега, обращенная к морю, была обложена батареями. Батареи обнесены вокруг видным валом и построена новая батарея с южной стороны [6].

Вся деятельность Ушакова по строительству в Севастополе военно-морской базы проходила под покровительством и при непосредственном участии генерал-губернатора Г.А. Потемкина. Князь Потемкин старался не вмешиваться в тонкости и детали управления военно-морскими силами, позволял подчиненным проявлять

самостоятельность, всячески поощрял инициативу с их стороны. После ухода из жизни в 1791 году Г.А. Потемкина, который понимал и высоко ценил Ушакова, председателем Черноморского адмиралтейского правления был назначен ранее уволенный со службы Н.С. Мордвинов. Их прежние разногласия с Ушаковым по служебным вопросам обострились с каждым днем, перерастая в личную неприязнь.

По окончании военных действий в 1790 г. в полной мере проявились организаторские способности Ф.Ф. Ушакова по расквартированию личного состава. Вначале казармы были выстроены неподалеку от кораблей в непроветриваемых воздушных низинах и оказались не пригодными для жизни. Для более комфортного проживания и сохранения здоровья личного состава (на фоне бушевавшей в то время эпидемии чумы), а также соблюдения мер гигиены, Ф.Ф. Ушаков решил построить казармы чуть дальше от кораблей на возвышенных проветриваемых местах при строгом соблюдении требований гигиены. В краткой записке Ф.Ф. Ушакова о выполненных работах с 1790 по 1792 г. обоснован перенос казарм на лучшие возвышенные места на открытом воздухе с надлежащими пристройками по две, по четыре, а для больших кораблей и по шесть казарм.

В самый сложный и трудный момент военного противоборства с Турцией в 1790 г. Ф.Ф. Ушаков принимает решение построить госпиталь на 300 мест. Об этом он сообщает в письме старшему военно-морскому комиссару М.Л. Фалееву от 12 декабря, обосновывая необходимость его строительства приумножением Черноморского флота и недостаточностью госпиталей, магазинов и казарм [7].

Даже во время ведения активных боевых действий и при недостаточном финансировании из казны все строительные работы проводились силами моряков. В приказе № 158 от 20 июня 1790 г. отмечена необходимость привлечь каменщиков для строительства госпиталя из числа моряков: «Желательно поспешить отстройкою новой госпитали, для сего господа командующие со всего флота кораблей, фрегатов и прочих судов благоволят послать знающих каменную работу служителей всех, сколько у кого таковых есть, не удержав ни одного, ибо так надобность требует» [6, С. 189]. В этот период был построен новый двухэтажный госпиталь с пристройками, что позволило эффективно лечить больных и сберечь людей, имея «больных ...почти в три раза менее, а в такой же почти пропорции и убыль умершими уменьшилась» [6, С. 564-565].

Важно отметить, что Ф.Ф. Ушаков уделял существенное внимание соблюдению мер безопасности при расквартировании личного состава. Так в приказе от 9 января 1792 г. Ф.Ф. Ушаковым был обозначен запрет на постройку около военных казарм вдоль береговой линии поблизости военных судов строительство гражданских объектов и проживания штатских людей. «Посему рекомендую всем господам командующим, ежели близ команды и военных кораблей таковые и сторонние хижины окажутся построены без позволения главного начальника, приказать все таковые немедленно хозяевам оных сломать и место очистить» [6, С. 557-558].

Большое внимание Ушаков уделял быту моряков, он сам систематически навещал казармы, следя за поддержанием в них чистоты и порядка, требуя проветривать помещения, штукатурить стены и белить их известью. Офицерам, отвечающим за расквартирование войск, он указывал: «Во многих казармах стекла в окончиках многие разбиты и вывалились, рекомендую от порта оные приказать исправить и в случае неимения стекол, вставить дощечки» [6, С. 580].

Интересным представляется решение Ф.Ф. Ушаковым проблемы обеспечения Севастополя питьевой водой, актуальность которой сохраняется и на сегодняшний день. Ф.Ф. Ушаков лично занимался вопросами обеспечения Севастополя пресной водой, предлагал заменить прокладку глиняного водопровода жолобами из камней, что, по его мнению, было бы «прочнее и долговечнее».

В мае 1792 г. вице-адмирал Н.С. Мордвинов, занимавший место председателя Черноморского адмиралтейского правления, в донесении Екатерине II отмечал вклад и заслуги контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова в построении казарм и госпиталя, «перенесением казарм на возвышенные места из низменных, лежащих внутри бухт, где воздух не имел свободного течения и тем самым зловерден, оказал он важную услугу, ибо с тех пор число больных и умерших примерно уменьшилось... В построенной части госпиталя ныне помещено 400 человек» [6, С. 517]. Ф.Ф. Ушаков не только занимался постройкой, но и контролировал соблюдение порядка в уже отстроенном и функционирующем госпитале. Назначил старшим штаб-лекарем Франца вместо штаб-лекаря Клерка, призывая к строгому расходованию медикаментов [8].

В эти годы шло активное строительство домов для офицеров флота. Строительство осуществлялось силами рабочих верфи. К строительным работам привлекались различные категории крепостных крестьян. В 1792 г. в Севастополе имелось 2 церкви, 741 дом и 86 торговых лавок.

Адмирал заботился и об организации быта военных моряков. По приказу Ф.Ф. Ушакова каждому судовому экипажу были выделены земельные участки неподалеку от города. На этих участках офицеры устроили хутора с огородами и виноградниками, это позволило пополнить запасы продовольствия на месте и существенно улучшить питание моряков.

Забываясь о проведении свободного времени моряков, Ф.Ф. Ушаков запретил карточные игры, получившие большую популярность. Моряки регулярно собирались играть в долине Артиллерийской бухты, в закрытых между горами местах. Ушаков лично разгонял играющих, а затем по его распоряжению в этой долине неподалеку от Малахова Кургана был разбит сад для общественного гуляния. Позднее там была устроена эстрада для выступлений портового хора Черноморского флота. Долина получила название «Ушаковой балки», этот топоним остался до сих пор.

В целях сохранения насаждений Севастополя Ф.Ф. Ушаков весной 1792 года издает указ, запрещающий отпускать лошадей и другой скот свободно гулять по городу. При неисполнении приказа рекомендует капитану порта Доможирову рекомендовалось конфисковывать лошадей и использовать их в работе при перевозке камня к казенным строениям [8, С. 131].

Под руководством Ф.Ф. Ушакова были проведены работы по укреплению морского порта – построены батареи, защищающие вход в Артиллерийскую бухту, что отмечает в своих наблюдениях современник Ушакова П.С. Паллас [9].

В своем исследовании В.Д. Овчинников делает вывод о том, что «в результате целенаправленной организационной работы Ф.Ф. Ушакова Черноморский флот имел передовую стройную организационную структуру, в максимально возможной степени был укомплектован и расквартирован в пунктах базирования» [7, С. 134].

В конечном итоге Ф.Ф. Ушаковым был накоплен богатый практический опыт, который оказал существенное влияние на организацию мощной функциональной системы обеспечения обороноспособности флота на юге Российской империи. Вследствие скоординированных действий флотоводца и при поддержке князя Г.А. Потемкина была создана оптимизированная и эффективная оборонная система флота, основными критериями организации которой являлось соблюдение мер безопасности и сохранение боеспособности.

По мнению исследователя В.Д. Овчинникова, «в результате успешной плодотворной деятельности Ф.Ф. Ушакова по строительству фортификационных укреплений в Севастополе порт был окружен широкой сетью фортов, целесообразность и качество которых в полной мере были оценены в период знаменитой Севастопольской обороны 1854-1855 гг.» [7, С. 143].

Обсуждение

Можно считать обоснованной и альтернативную точку зрения Гребенщиковой Г.А., Кротова П.А., Рассох-Анохиной В.Н., согласно которой Ф.Ф. Ушаков был лишь добросовестным исполнителем, который «ничего не решал, поскольку все важные» и ключевые решения поступали от «князя Г.А. Потемкина-Таврического в Черноморское Адмиралтейское Правление», а затем непосредственно корабельным мастерам. По такой цепочке непосредственно строилась судостроительная политика России. Ф.Ф. Ушаков был в этой цепочке одним из звеньев, «хорошо и добросовестно исполнял свои служебные обязанности и приказы начальства, но решающего влияния на строительство и применение флота не оказывал» [10]. По мнению авторов данной статьи, «обычный исполнитель» не был бы так высоко оценен при жизни даже врагами и память о нем не прошла бы через века. Не умаляя заслуг талантливых людей и государственных деятелей того времени и на основании архивных документов авторы этой точки зрения утверждают также вклад контр-адмирала Ф.Ф. Мекензи, который был фактически первым главным командиром Севастопольского порта. Под его руководством осуществлялась расчистка берегов от леса, строительство казарм и жилых домов офицеров, магазинов, Адмиралтейства и церкви в 1783 г. В 1784 г. на посту главнокомандующего Черноморским флотом его сменил вице-адмирал Я.Ф. Сухотин, а затем капитан 1 ранга Н.С. Мордвинов. Генерал-губернатор Г.А. Потемкин лично руководил командой мастеровых при строительстве. Полковник Н.И. Корсаков в 1786 г. также принимал участие в строительстве зданий Адмиралтейства.

Заключение

Несмотря на разные точки зрения, все исследователи сходятся в том, что Ф.Ф. Ушаков принимал самое активное участие в создании и строительстве главной военно-морской базы на Юге России в Севастополе. Расхождения позиций исследователей касаются лишь степени самостоятельности Ф.Ф. Ушакова в принимаемых решениях. При его непосредственном участии Севастополь стал хорошо укрепленной военно-морской базой с развитой инфраструктурой и городом для проживания на южных рубежах Российской империи. Это обеспечило основания для дальнейшего превосходства России на Черном море на долгие годы.

Проведенное исследование не претендует на полноту и всеобъемлемость. Несомненно, оно должно быть дополнено изучением архивных документов г.Севастополя, связанных с постройкой в Севастополе храма Св.Владимира, Балаклавского Георгиевского монастыря и Адмиралтейского собора.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Овчинников В.Д. Ф.Ф. Ушаков: влияние деятельности на строительство отечественного флота и развитие военно-морского искусства (вторая половина XVIII – начало XIX в.) дис. ...д-ра ист. наук : 07.00.02 : защищена 2017.03.01 : утв. 2018.02.01 / В.Д. Овчинников – 2017. – 346 с.
2. Мордвинов Р.Н. Адмирал Ушаков: Сборник документов и материалов: в 3 т.; / Р.Н. Мордвинов – Москва : Военное издательство, 1951. – 1 т.
3. Адмирал Ушаков: письма, записки – Москва : Воениздат, 2004. – 463 с.
4. Исаков И.С. Избранные труды. Океанология, география и военная история. / И.С. Исаков – Москва : Наука, 1984. – 585 с.
5. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793-1794 годах / П.С. Паллас – Москва : Наука, 1999. – 246 с.
6. Полномочный И.А. Род мой и происхождение. Краткие автобиографические записки офицера Черноморского флота Ивана Андреева Полномочного (1764-1833) // Записки Одесского общества истории и древностей / И.А. Полномочный – Одесса, 1889. – 884 с.
7. Грибовский В.Ю. Российский Черноморский флот в морских сражениях Русско-турецкой войны 1787-1791 гг. / В.Ю. Грибовский – Санкт-Петербург : ВВМУ им. М.В.Фрунзе, 1995. – 54 с.
8. Грибовский В.Ю. Российский флот на Черном море. Страницы истории. 1696-1924 гг. / В.Ю. Грибовский – Санкт-Петербург : Гангут, 2012. – 200 с.

9. Гребенщикова Г.А. Влияла ли деятельность Ф.Ф. Ушакова на строительство отечественного флота? / Г.А. Гребенщикова, П.А. Кротов, В.Н. Рассохо-Анохина // Наука. Общество. Оборона. – 2019. – № 4. DOI: 0.24411/2311-1763-2019-10210

10. Рааль Ю.Ф. Наступательная тактика адмирала Ф.Ф.Ушакова. / Ю.Ф. Рааль // Морской сборник: журнал Военно-морского флота. – Вып. 7. – Ленинград : Военно-морское издательство НКПМФ СССР, 1945. – С. 44-62.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ovchinnikov V.D. F.F. Ushakov: vliyanie deyatelnosti na stroitel'stvo otechestvennogo flota i razvitie voennomorskogo iskusstva (vtoraya polovina XVIII – nachalo XIX v.) [F.F.Ushakov: influence on the construction of the Russian fleet and the development of naval art (second half of the XVIII – the beginning of the XIX century.)] dis...of PhD in Social and human sciences: 07.00.02 : defense of the thesis 2017-03-01 : approved 2018-02-01 / V.D. Ovchinnikov – 2017. – 346 p. [in Russian]

2. Mordvinov R.N. Admiral Ushakov: Sbornik dokumentov i materialov [Admiral Ushakov: Collection of documents and materials]: in 3 vol.; / R.N. Mordvinov – Moscow : Military Publishing House , 1951. – Vol. 1 [in Russian]

3. Admiral Ushakov: pis'ma, zapiski [Admiral Ushakov: letters, notes]. – Moscow : Voenizdat, 2004. – 463 p. [in Russian]

4. Isakov I.S. Izbranny'e trudy'. Okeanologiya, geografiya i voennaya istoriya. [Selected works. Oceanology, geography and military history.] / I.S. Isakov – Moscow : Nauka, 1984. – 585 p. [in Russian]

5. Pallas P.S. Nablyudeniya, sdelanny'e vo vremya puteshestviya po yuzhny'm namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793-1794 godax [Observations made during a voyage through the southern vicegerents of the Russian state in 1793-1794] / P.S. Pallas – Moscow : Nauka, 1999. – 246 p. [in Russian]

6. Polnomochny'j I.A. Rod moj i proisxozhdenie. Kratkie avtobiograficheskie zapiski oficera Chernomorskogo flota Ivana Andreeva Polnomochnogo (1764-1833) // Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej [My name and my origin. Short autobiographical notes of officer of the Black Sea Fleet Ivan Andreev Polnomochnyj (1764-1833) // Notes of the Odessa Society of History and Antiquities] / I.A. Polnomochny'j – Odessa, 1889. – 884 p. [in Russian]

7. Gribovskij V.Yu. Rossijskij Chernomorskij flot v morskix srazheniyax Russko-tureczkoj vojny' 1787-1791 gg. [Russian Black Sea Fleet in the naval battles of the Russo-Turkish War of 1787-1791.] / V.Yu. Gribovskij – Saint-Petersburg: VVMU of. M.V.Frunze, 1995. – 54 p. [in Russian]

8. Gribovskij V.Yu. Rossijskij flot na Chernom more. Stranicy' istorii. 1696-1924 gg. [Russian fleet in the Black Sea. Pages of history. 1696-1924.] / V.Yu. Gribovskij – Saint-Petersburg : Gangut, 2012. – 200 p. [in Russian]

9. Grebenshnikova G.A. Vliyala li deyatelnost' F.F. Ushakova na stroitel'stvo otechestvennogo flota? [Did the activity of F. Ushakov influence the construction of the Russian fleet?]. / G.A. Grebenshnikova, P.A. Krotov, V.N. Rassохо-Anoxina // Nauka. Obshhestvo. Obrona. [Nauka. Obshhestvo. Obrona]. – 2019. – № 4. DOI: 0.24411/2311-1763-2019-10210 [in Russian]

10. Raal' Yu.F. Nastupatel'naya taktika admirala F.F.Ushakova [Offensive tactics of Admiral F.F.Ushakov]. / Yu.F. Raal' // Morskoy sbornik : zhurnal Voенно-морского флота [Marine collection: Journal of the Navy]. – Iss. 7. – Ленинград : Naval Publishing House of the NKVMF of the USSR, 1945. – Pp. 44-62. [in Russian]